

Российская академия образования
Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»

В.А. Мазилов

**МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Российской академии образования
(на основании Приказа Министерства образования
и науки РФ от 15 января 2007 г. № 10)*

УДК
ББК
М

Печатается по рекомендации РАО и
решению редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

Г.В. Залевский, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО;

В.А. Янчук, доктор психологических наук, профессор

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания № 25.8407.2017/8.9. на выполнение проекта по теме «Методология интеграции психологии: от интеграции психологического знания к интеграции психологического сообщества» и РГНФ «Проблема факта в психологии» (грант 15-06-10716)

М **Мазилов, В. А.** Методология психологической науки: История и современность / В.А. Мазилов. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – 435 с.

В книге профессора В. А. Мазилова дается характеристика методологических проблем, актуальных для современной психологической науки. Предложена оригинальная авторская концепция методологии психологии. В работе проанализирован процесс формирования методологических оснований научной психологии, рассмотрена история становления методов научной психологии. В работе рассмотрены основные проблемы когнитивной методологии, методологии психологической практики и коммуникативной методологии. Специальному анализу подвергнуто соотношение психологии и философии, поставлена задача разработки философии психологии как ветви психологического знания, дан эскиз философии психологии. В книге предлагается новая трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, позволяющая разрешить ряд дискуссионных вопросов современной психологии.

Книга адресована профессиональным психологам, может быть использована студентами и аспирантами, изучающими общую психологию в университете, практическими психологами, представляет интерес для всех, интересующихся научной психологией.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2017

© В. А. Мазилов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВВЕДЕНИЕ. ПСИХОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
I. ИСТОРИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ
1.1. Психология в поисках методологических основ.....
1.2. Исторический очерк развития методов психологии.....
1.2.1. Развитие методов психологии (ранние этапы).....
1.2.2. Становление метода самонаблюдения.....
1.2.3. Становление метода эксперимента.....
2. ПСИХОЛОГИЯ: КРИЗИС И ПОИСК ПРЕДМЕТА
3. СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
4. КОГНИТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ
4.1. Проблема парадигмального статуса психологии.....
4.2. Проблема предмета.....
4.3. Проблема метода.....
4.4. Проблема психологического факта.....
4.5. Проблема объяснения в психологии.....
4.6. Методология комплексных и междисциплинарных исследований в современной психологии.....
5. КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
6. ПСИХОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ: АКТУАЛЬНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
7. ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ: НА ПУТИ К ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ
8. ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
 НА ПУТИ К ИНТЕГРАТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга В. А. Мазилова посвящена анализу и рассмотрению методологических проблем современной психологии. Для того, чтобы оценить актуальность настоящей книги полезно принять во внимание следующее. Во второй половине 1980-х годов, в период так называемой "перестройки" наблюдался период явного ослабления интереса к методологии психологии (В.П.Зинченко даже предложил называть это время "методологической передышкой"). Однако довольно скоро стало ясно, что без методологии психологической науке обойтись тяжело, она начала интенсивно возрождаться. Стоит отметить, что автор монографии был одним из первых, кто стал заниматься возрождением методологии психологии, первые опубликованные работы по методологии датируются 1989 годом. Очень важно подчеркнуть, что стоит различать методологию психологии как учебный предмет (большинство литературы по методологии составляют учебные пособия и учебники, излагающие методологические положения) и методологические исследования и разработки, в которых методология получает дальнейшее развитие. Данная монография, безусловно, относится к классу методологических исследований, немногочисленных в отечественной психологии, но тем более значимых.

Хочется отметить некоторые исходные позиции автора монографии.

Первое. Бережное отношение к наработкам отечественной методологии Автор неоднократно отмечает, что в советской психологии работали замечательные ученые, которые несмотря на идеологический прессинг разрабатывали важнейшие методологические положения. Отмечается, что методологические работы классиков советской психологической науки никоим образом не утратили своего значения.

Второе. Как подчеркивается автором, его исследования продолжают традиции отечественной психологии в разработке методологии на исторической основе, заложенные Н.Н.Ланге, В.Н.Ивановским, Л.С.Выготским и С.Л.Рубинштейном, впоследствии продолженные в методологических работах известных ученых (К.А.Абульханова, Б.Г.Ананьев, В.В.Давыдов,

В.П.Зинченко, Б.Ф.Ломов, А.Н.Леонтьев, А.В.Петровский, М.С.Роговин, С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов, А.А.Смирнов, Д.И.Фельдштейн, М.Г.Ярошевский и др.).

Третье. Важно отметить, что методология рассматривается как постоянно развивающаяся часть корпуса психологического знания, имеющая конкретно-исторический характер: если перед психологией встают новые задачи, то и методология психологии должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели и концепции.

Содержание рецензируемой монографии свидетельствует, что избранный автором подход является перспективным и продуктивным. В книге дан анализ истории формирования методологии мировой психологической науки, представлена характеристика современного этапа развития психологии. В монографии сформулирован целый ряд авторских концепций (концепция уровневого строения метода, концепция кризиса в психологии, концепция предмета психологической науки, концепция объяснения и другие). При этом хочется подчеркнуть, что каждая из представленных в монографии концепций представляет собой решение одной или нескольких задач. Среди них и такие, которые десятилетиями стояли перед психологией и историей психологии и не имели однозначного решения. К их числу относится, например, реконструированная автором монографии история выделения психологии в самостоятельную науку и выделение в этой истории формирования методологических положений, составивших основу новой науки.

Автором предложена новая структура методологии, которая получила одобрение в современной методологической литературе. Согласно авторской концепции, предложена структура методологии психологии, которая включает следующие составляющие:

Когнитивная (познавательная) методология, описывающая принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативная методология, обеспечивающая соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методология психологической практики (практико-ориентированной психологии).

В монографию включены введение, восемь основных глав и заключение, библиографический список.

В книге нашли отражение наиболее актуальные методологические проблемы современной психологии, предложены новые перспективные решения значимых методологических вопросов.

Позитивным моментом является то, что книга ориентирована на широкий круг читателей. Книга адресована и профессиональным психологам, работающим в сфере научной академической психологии, и практико-ориентированным психологам. Может быть использована в первую очередь аспирантами и докторантами, а также всеми, кто ведет научную работу в области психологии, повышает свою квалификацию в области психологических наук. Книга также может быть использована студентами бакалавриата, магистратуры и специалитета (психологическое образование, психолого-педагогическое образование, гуманитарные направления и специальности), изучающими общую психологию, общий психологический практикум, методологические основы психологии, а также всем, интересующимся психологией и перспективами развития психологического знания.

Книга представляет значительный интерес, имеет выраженную научную новизну и значимость, несомненно, будет полезна читателю.

Академик РАО профессор В.Д. Шадриков

οὐκ ἐμοῦ, αλλά του<δε τοῦ> λόγου
ἀκούσαντας ὄμολογεῖν σοφόν ἔστιν
δν πάντα εἴδέναι

Ηράκλειτος Βλόσπωνος Έφεσιος¹

В В Е Д Е Н И Е . П С И Х О Л О Г И Я И М Е Т О Д О Л О Г И Я

Монография «Методология психологической науки» посвящена анализу современного состояния отечественной методологии психологии и содержит результаты методологических исследований, проведенных автором в последние годы.

Поскольку интерес к разработке проблем методологии то усиливается, то затухает, исторический контекст не стоит упускать из виду. Исследования автора в сфере методологии психологии начались в 1989 году, когда оформилась идея первой методологической работы (Мазилов, 1989), посвященной изучению проблемы соотношения теории и метода в психологии. Разработка данной темы завершилась в конце 1990-х публикацией монографии «Теория и метод в психологии» (Мазилов, 1998) и защитой диссертации (Мазилов, 1999). Руководствуясь историко-методологическим подходом, удалось разработать схему соотношения теории и метода в психологии. Вначале мы полагали, что такое соотношение характерно лишь для ранних этапов становления психологии, но впоследствии оказалось, что схема универсальна и вполне адекватно отражает это отношение и на более поздних этапах.

Важным представляется формулирование задачи разработки новой методологии психологии, которая была оформлена в работе 1997 года (Mazilov, 1997). По сути, вся дальнейшая работа в области методологии была подчинена решению этих задач. Первым этапом в реализации этой программы явился анализ современного состояния методологии психологической науки в

¹ Гераклит, сын Блосона, Эфесец: **Внемля не моему, но этому логосу, должно согласиться: мудрость в том, чтобы знать все как одно**

нашей стране и за рубежом (Мазилов, 2001).

Этот период для методологии психологии в нашей стране был, вероятно, самым сложным. В годы так называемой «перестройки» (1985-1990) и последующих 1990-х многими высказывалась точка зрения, что методология вообще не нужна. Это происходило на основании неоправданного отождествления всей методологии психологии с ее философским уровнем, представленным марксистско-ленинской философией. Тем не менее, сбросить методологию «с корабля современности» не удалось, а в начале 2000-х наблюдается повышение интереса к методологическим вопросам. С 2003 года проводятся конференции по методологии, выходят специальные методологические сборники, появляется волна публикаций на методологические темы. Как замечательно сформулировал глубокий методолог психологии питерский профессор В.М.Аллахвердов, «пришла методологическая пора – психология, отворяй ворота» (Аллахвердов, 2002).

Важно отметить то, что промежуток времени с 2003 по 2011 можно назвать золотой порой методологии психологии: выходят значимые работы по методологии, проводятся ежегодные методологические семинары, публикуются труды Ярославского методологического семинара, с 2006 года начинает выходить журнал «Методология и история психологии». Золотая пора, на мой взгляд, не только в обилии публикации, заинтересованности психологов, но, главным образом, в стремлении к взаимопониманию.

Развитию методологии способствовал и переход высшей школы на новые стандарты, в связи с чем были изданы учебники и учебные пособия по «Методологическим основам психологии» разных авторов. Не остался в стороне от этого движения и автор настоящих строк (См. Мазилов, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007).

Но вернемся к настоящей книге. В ней подводятся некоторые итоги исследований, проведенных в 2003-2016 гг. Предварительные итоги обсуждались десять лет назад (Мазилов, 2007а, 2008), настоящая работа продолжает и развивает основные положения, выдвинутые в указанных работах.

Как уже говорилось, в настоящее время существует явное многообразие подходов к разработке методологии психоло-

гии. Несомненно, что все они имеют право на существование и выражают авторское видение методологии психологии.

В связи с этим, как представляется, автор должен в качестве предуведомления дать максимально краткое обозначение специфики своего видения методологии. Попытаемся сделать это.

Прежде скажем о том, зачем надо заниматься методологией. Здесь речь, конечно, не идет о традиционных ее задачах, которые должна решать любая версия методологии психологии. Методология это система «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, С. 359). Речь идет о сверхзадаче, миссии методологии и ее роли в сегодняшней системе психологического знания.

Психология как наука чрезвычайно далека от финальности, от завершенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел — только мелкие доработки». Психология, да, как выяснилось чуть позднее, и сама физика, далеки от завершенности. Процесс развития идет полным ходом. И никто не может поручиться, что психология через пару-тройку десятков лет не изменится кардинальным образом. Учитывая перманентный характер кризиса в психологической науке, длившегося уже в течение целых полутора столетий, нельзя исключить возможность того, что путь психологии оказался не самым удачным. Методология на исторической основе может подсказать, где были точки выбора, в чем состоял методологический выбор. И если придется менять курс, то желательно делать это не вслепую. Вообще, представляется удивительным, сколько неявных методологических предписаний сохраняется в психологии сегодняшнего дня с давних времен. Направленная их экспликация без методологии тоже весьма затруднена.

Наша позиция состоит в том, что научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется, завершается этап поиска психологией своего предмета. Поскольку он явно сложнее предмета как естественных, так и гуманитарных.

нитарных наук, предстоит поиск адекватного метода, позволяющего постигать столь сложные явления. Пока психология действовала, подражая естественным и герменевтическим наукам. На очереди обнаружение и верификация новых средств исследования. Осознание уникальности предмета и поиски своего пути – магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки. Соображения относительно того, каковы возможные варианты движения в этом направлении, приводятся в настоящей книге.

1. Методология должна быть методологией «снизу».

Методологию «сверху» мы слишком хорошо знаем. Такой была традиционная официальная советская методология, аподиктический (предписывающий) характер которой представители старшего поколения хорошо помнят. Философским уровнем методологии выступала философия диалектического и исторического материализма. Методология предписывала, как она должна действовать. Психологии оставалось лишь комментировать и конкретизировать принципы. По нашему мнению, методологические положения должны идти от самой психологии, от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки.

2. Методология должна быть на исторической основе.

Собственно, здесь ничего нового нет. Традиция, заложенная в работах Н.Н.Ланге, В.Н.Ивановского, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, М.Г.Ярошевского, продолжается в отечественной науке многими современными авторами.

3. Мы не разделяем позиций, согласно которой руководством к созданию методологии психологии должны явиться положения философии и методологии науки. Как будет показано в тексте настоящей книги, есть основания полагать, что положения, разработанные философией науки на материале естественных дисциплин, не учитывают своеобразия психологии и специфики ее предмета, по уровню сложности своего устройства намного превосходящие предметы естественных наук. Вот почему, решая психологические вопросы, мы не можем абстрагироваться от трактовки предмета психологии. Относясь к фило-

софии и, особенно, эпистемологии науки с величайшим почтением, отметим, что основоположения этих дисциплин к психологии имеют слабое приложение.

4. Представляется, что это должна быть методология, нацеленная на интеграцию. По поводу этого тезиса необходимы комментарии. Попробуем их дать. В первую очередь, отметим, что речь вовсе не идет о разработке какой-то единой супертеории, которая бы все объяснила. Об этом говорил в свое время К.Юнг – время обобщающих универсальных теорий еще не пришло - да и за прошедшие десятилетия ситуация мало изменилась. Речь, однако, и не о том, чтобы выстроить единую методологию – возможно много различных подходов. Поэтому речь идет только о том, как они будут существовать. В настоящей работе предлагается идея установления отношений между подходами, некоторого взаимопонимания между ними. Несоизмеримость теорий применительно к психологии не доказана. В настоящей книге отстаивается мысль, что возможен – и он предлагаются – методологический аппарат, позволяющий соотносить различные концепции и подходы.

Декларации об интеграции выражают сознательные устремления психологов, что, безусловно, позитивно, но без предложения соответствующих механизмов, обеспечивающих интеграцию, остаются голыми призывами. Во-вторых, обратим внимание, что интеграция как объединение (и сообщества, и научного знания) представляет собой ценность, но это весьма далекая (если вообще достижимая) перспектива. Вместе с тем, в психологии накоплен колоссальный массив информации. В современной психологии имеется богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие негативную коннотацию. Подчеркнем, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Методология должна предложить средства, способствующие такого рода упорядочению знания.

Книга имеет следующую структуру.

В *первой* главе предпринят анализ формирования методологических основ научной психологии, которая впервые заявила о себе как самостоятельной науке в 70-х годах XIX столетия. В этой главе также дается исторический анализ становления методов научной психологии: самонаблюдения и эксперимента.

В *второй* главе дается анализ методологического кризиса в психологии, обсуждаются различные подходы к его трактовке и пути выхода из сложившейся ситуации. Предлагается авторская трактовка и оценка кризиса.

В *третьей* главе предпринимается анализ современного состояния методологии психологии в отечественной науке, выявляются основные направления исследований и разработок. Предлагается структура авторской концепции методологии психологии, которая включает следующие составляющие:

1. Когнитивная (познавательная) методология, описывающая принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативная методология, обеспечивающая соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методология психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Глава *четвертая* посвящена обсуждению проблем **когнитивной методологии**: обсуждению вопроса о парадигмальном статусе психологии и перспектив основных парадигм, представленных в современной психологической науке, а также других актуальных проблем когнитивной методологии (проблемы предмета и метода научной психологии, проблемы факта, проблемы объяснения, обсуждается роль междисциплинарных исследований в современной психологической науке, особенности их проведения и условия эффективности).

Глава *пятая* содержит анализ состояния **коммуникативной методологии** и главной на сегодняшний день проблемы в этой области – проблемы интеграции научного психологического знания.

В *шестой* главе затрагиваются вопросы **методологии психологической практики**. Анализируются сложные отноше-

ния между психологической наукой и психологической практикой.

Седьмая глава «Психология и философия: на пути к философии психологии» анализируется взаимоотношения психологии и философии. Рассматривается отношение между научной психологией и концепциями философии науки. Ставится задача разработки философии психологии как психологического учения.

Восьмая глава «Внутренний мир человека как предмет психологической науки» раскрывает перспективы новой трактовки предмета психологии.

Последний раздел книги «На пути к интегративной методологии психологии. Вместо заключения» намечает некоторые перспективные направления дальнейших исследований.

Хочется выразить слова благодарности моим непосредственным учителям, замечательным профессорам и преподавателям психологического факультета Ярославского государственного университета: В.С.Филатову, В.Д.Шадрикову, Н.П.Ерастову, М.С.Роговину, Ю.К.Корнилову, В.В.Новикову, А.Л.Журавлеву, Г.И.Тереховой, М.М.Рыбаковой, М.М.Князеву.

Хочется поблагодарить психологов, общение с которыми повлияло на профессиональное развитие автора настоящих строк на формирование представлений о методологии: К.А.Абульханову, Е.Ю.Артемьеву, В.М.Аллахвердова, В.А.Барабанщикова, К.В.Бардина, А.В.Брушлинского, И.П.Волкова, В.В.Давыдова, Г.В.Залевского, В.П.Зинченко, И.А.Карицкому, В.А.Кольцову, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурию, А.М.Матюшкина, Н.Н.Обозова, Л.Ф.Обухову, В.Ф.Петренко, К.К.Платонова, Я.А.Пономарева, А.О.Прохорова, В.Я.Романова, В.В.Рубцова, В.И.Панова, А.В.Петровского, Л.М.Попова, А.Л.Свенцицкого, С.Д.Смирнова, Ю.К.Стрелкова, О.К.Тихомирова, Д.В.Ушакова, Н.П.Фетискина, Е.В.Шорохову, А.В.Юревича.

Особая благодарность друзьям и коллегам: Н.П.Ансимовой, М.В.Базикову, В.Н.Белкиной, Ю.П.Вавилову, Л.Г.Жедуновой, М.М.Кашапову, А.В.Карпову, Е.В.Карповой, В.В.Козлову, А.А.Костригину, С.Л.Ленькову, В.Г.Морогину, В.Е.Орлу, А.В.Панкратову, Ю.П.Поваренкову, В.П.Познякову,

Н.Е.Рубцовой, Ю.П.Слепко, Н.Ю.Стоюхиной, Л.Ю.Субботиной, В.А.Урываеву, И.А.Фурманову, В.А.Янчуку. В заключение отмечу, что автор хорошо понимает недостатки этой работы. Будущее «систематическое изложение», выражаясь языком И.П.Павлова, (если оно, конечно, когда-то будет) еще предстоит создать – это перспективы работы. В качестве попытки авторского оправдания приведу слова великого Ивана Петровича Павлова: «Я, конечно, ясно вижу недостатки этого сборника. Главнейший из них – это масса повторений. Повторения в моих изложениях произошли по понятной причине. Предмет был настолько нов, только мало-помалу формирующийся в голове физиолога, что всякая вариация, хотя бы и незначительная, в вырабатывающихся и сменяющихся представлениях, а стало быть и в изложениях, являлась естественной потребностью, чтобы ближе подойти, удобнее обнять, вообще освоиться, основаться в новой области. А теперь выбирать, сокращать, связывать и т.д. было бы для меня и немалым и бесплодным трудом» (Павлов, 1973, с. 13-14). В нашем случае ситуация была еще сложнее, потому что предстояло продвигаться одновременно в разных направлениях... Впрочем, что бы ни получилось в итоге, ответственность за все недостатки несет единственно автор.

Автор будет признателен за критику, он готов к конструктивному сотрудничеству. Замечания и предложения просьба присыпать по E-mail: v.mazilov@yspu.org

Библиографический список

1. Аллахвердов В.М. Пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота! // Вопросы психологии, 2002. № 4. С. 154-157.
2. Мазилов В.А. К проблеме соотношения теории и метода в психологии // Методология и история психологии: Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М.: АН СССР, 1989, с.29-30
3. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки) // Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических

наук. Ярославль, 1999. 395 с.

4. *Мазилов В.А* Теория и метод в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. М, 1999. 56 с.
5. *Мазилов В.А* Теория и метод в психологии: период становления психологии как самостоятельной науки. Монография. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
6. *Мазилов В.А*. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002. 165 с.
7. *Мазилов В.А*. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003. 198 с.
8. *Мазилов В.А*. Стены и мосты: Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2004. 243 с.
9. *Мазилов В.А*. Методологические вопросы психологии. Ярославль: МАПН, 2005. 166 с.
10. *Мазилов В.А*. Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2006. 236 с.
11. *Мазилов В.А*. Методология психологии. М.: МАПН, 2007. 364 с.
12. *Мазилов В.А*. Методология психологической науки: история и современность. М, МАПН, 2007а. 352 с.
13. *Мазилов В.А*. Интеграция психологического знания: методологические проблемы. М.: МАПН, 2008. 122 с.
14. *Павлов, И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных [Текст] / И.П.Павлов. М.: Наука, 1973. 661 с.
15. *Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, с.359.
16. *Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997, p. 126-134

1. ИСТОРИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ

1.1. ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ

Сегодня практически общепризнано, что датой рождения научной психологии следует считать 1879 год, когда Вильгельм Вундт открыл в Лейпциге свою психологическую лабораторию. Столетний юбилей научной психологии зафиксировал внеочередной Международный психологический конгресс, состоявшийся в Лейпциге летом 1980 года. Таким образом, психологической науке не исполнилось еще и полутора веков. Много лет тому назад один из создателей научной психологии Герман Эббингауз в классическом «Очерке психологии» (1908) заметил, что она «имеет длинное прошлое, но краткую историю». Другой классик – С. Л. Рубинштейн – в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформленных в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» (*Рубинштейн, 1973, с. 70*). Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С.Л.Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» (*Рубинштейн, 1973, с.68*). Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное количество работ по истории психологической науки, оценка выдающегося отечественного психолога, к сожалению, не утратила ни своей актуальности, ни своей правоты. Иногда создается впечатление, что проблема вообще «закрыта». Научная психология появилась во второй половине XIX столетия, откуда начинается новый «отсчет» времени, новая история. В свете этого детали «рождения» не так важны, на первый план выходит летопись побед «новой психологии» – научной и самостоятельной. Для исторического исследования, несомненно, такие вехи значимы. Но в отношении методологическом важно помнить, что «революции» в науке редко бывают одномоментными. Многие авторы, исследовавшие этот вопрос, среди которых и С. Л. Рубинштейн, и М. Г. Ярошев-

ский, и М. С. Роговин, отмечали, что выделение психологии вряд ли было четко датируемым событием. М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» (Роговин, 1969, с. 96). Переломным периодом в развитии психологии явилась вторая половина XIX века, когда психология вычленяется из философии и постепенно становится экспериментальной наукой. С. Л. Рубинштейн категорически возражал против формального решения вопроса о формировании психологии как самостоятельной науки, когда «дело изображается так, будто psychology начала существовать с того времени, как Вундт создал свою лабораторию. Вся предшествующая история философско-психологической мысли представляется лишь малозначительной прелюдией к этому событию. Те ученые, которые как Фехнер и особенно Вундт, разработали на базе специальных физиологических исследований методику психофизиологического исследования и оформили психологию (физиологическую) как экспериментальную дисциплину, представляются основоположниками психологии, определявшими ее основы в целом. В результате получается необъяснимым парадокс: эклектики и эпигоны в философии, философские концепции которых являются показательным проявлением начинающегося упадка теоретической мысли, представляются не только учеными, которые, опираясь на полученное ими философское наследие и достижения физиологии, оформили психологию как определенную научную дисциплину, но и как ее вдохновители, как основоположники, у которых надо искать ее истоки» (Рубинштейн, 1973, с. 69–70).

С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII веку или переломному периоду от

XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая - ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (Рубинштейн, 1973, с. 77).

Вместе с тем хочется специально подчеркнуть, что имеется, на наш взгляд, насущная необходимость в новом исследовании этого вопроса с позиции сегодняшних достижений историко-методологического и историко-психологического знания: нельзя исключить возможности, что путь, пройденный психологией за последние сто с лишним лет, предстанет в несколько ином свете. Более того, в истории психологии накопилось значительное количество мифов, неадекватных оценок, исторических аберраций, которые, с одной стороны, препятствуют дальнейшей разработке истории психологии, а с другой затрудняют понимание логики развития психологической науки, что совершенно необходимо для определения тенденций ее развития.

Итак, в вопросе о становлении психологии как самостоятельной науки до сих пор бытует значительное количество «мифов». Их существование является значительным препятствием для разработки истории психологии.

Назовем их.

Миф первый: научная психология «выделилась» из философии. Существуют чрезвычайно распространенные представления, согласно которым психология отделилась, «отпочковалась» от философии. Верно, что до возникновения научной психологии психология существовала как часть философского знания. Но это была другая, *философская психология*. Новая, научная психология строилась по другим основаниям, это была *другая наука*. Существовал комплекс условий, выполнение которых сделало возможным отделение научной психологии от философии, но это была наука, построенная по определенным стандартам.

Миф второй: научная психология была создана (конституирована) благодаря методу эксперимента. Как мы покажем ниже, использование метода эксперимента при разработке научной психологии сыграло определенную роль, но эта роль не была ре-

шающей.

Миф третий: предшественниками научной психологии (создателями экспериментальной психологии) были Гельмгольц, Вебер, Фехнер и другие исследователи, использовавшие экспериментальный метод для изучения работы органов чувств. Верно, что нарождающаяся научная психология использовала достижения исследователей в области психофизики, времени реакции и физиологии органов чувств. Как мы увидим, результаты этих исследований были переосмыслены и включены в новый контекст, определенный предметом научной психологии.

Обратим внимание на то, что некоторые мифы создаются буквально на наших глазах. Примером такого рода может служить нижеприведенное рассуждение.

Миф четвертый: научная психология возникла как наука о физиологических явлениях. Эта позиция сформулирована в самое недавнее время В.В.Козловым. В.В.Козлов утверждает: «мы считаем, что началом психологии была психология физиологическая, а первым предметом психологии – *физиологические акты и закономерности*. Само появление научной психологии ассоциировано с бурным развитием естественных наук, особенно физиологии и медицины» (Козлов, 2006, с. 133). С этим заключением также согласиться нельзя. Обратим внимание на то, что если бы предметом психологии действительно выступали *физиологические акты и закономерности*, то это была бы классическая физиология. У Вундта задача была иная – создать именно *научную психологию*. К вундтовской физиологической психологии мы вернемся чуть ниже и покажем, что предметом первой версии научной психологии было именно сознание, точнее – непосредственный опыт, а ведущим методом именно самонаблюдение.

Обратимся к анализу предыстории научной психологии.

Известно, что первые попытки ввести термин психология могут быть датированы концом пятнадцатого столетия. В названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450–1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово «психология» (Jaccard, 1973). Авторство термина часто приписывают Филиппу Меланхтону (1497–1560), немецкому протестантскому

богослову и педагогу, сподвижнику Мартина Лютера. «Лексикография приписывает образование этого слова Меланхтону, который написал его на латыни (*psychologia*). Но ни один историк, ни один лексикограф не нашел точной ссылки на это слово в его произведениях. Андрэ Лаланд утверждает даже, что прочитал все его произведения и не встретил слова *psychologia*» (Брес, 1988, с. 124). В 1590 г. выходит книга Рудольфа Геккеля (Гоклениуса), в названии которой также используется это слово (на греческом языке). Название труда Геккеля, который, кстати, является собранием произведений многих авторов о душе: «Психология, т.е. о совершенстве человека, о душе, и, прежде всего о возникновении ее...» (Брес, 1988, с. 124). Итак, первым был Марко Марулич, но общепризнанным термин «психология» становится лишь в XVIII столетии после работ Х.Вольфа (*Wolff*, 1732, 1734).

Важно подчеркнуть, что появление термина «психология» было результатом деятельности философов, занятых систематизацией философского материала. Появление термина «психология» явилось, таким образом, результатом дифференциации философского знания, следствием которого явилось, как известно, рождение науки нового времени. Вопрос о выделении психологии из философии в это время даже не ставился, поскольку для этого не было решительно никаких оснований. Рассмотрение вопросов о «душе» ничем (ни методом, ни предметом) не отличалось от рассмотрения других философских вопросов. Появление термина «психология» явно предшествует становлению психологии как науки.

Нам уже приходилось останавливаться на предыстории возникновения научной психологии (Мазилов, 1998). Методологическую основу для обоснования психологии как самостоятельной науки составили, как известно, философские труды Р. Декарта и Д. Локка (на этом мы в настоящем тексте останавливаться не будем).

Христиан Вольф

Христиану Вольфу (1679–1754) принадлежит первая попытка выделить психологию в качестве самостоятельной философской дисциплины. Знаток истории психологии М. С. Роговин пишет об этом следующее: «Попытки создать психологию как науку, независимую от философии, предпринимались и до второй половины XIX в.; они были обречены на неудачу, хотя бы уже потому, что имели место внутри философии и предпринимались с помощью методов умозрительной философии (Х. Вольф, 1732; И. Н. Тетенс, 1776–1777; И. Ф. Гербарт, 1816)» (Роговин, 1969, с.96). Но представляется, что в данном случае мы имеем дело со своего рода исторической аберрацией. Дело в том, что Христиан Вольф вовсе не помышлял о выделении психологии из философии. Все его построения были направлены на то, чтобы реорганизовать структуру философского знания и внутри этой структуры выделить разновидности психологии как философские дисциплины.

Х. Вольф, несомненно, выполнил задачу, которую поставил перед собой: психология стала отдельной областью внутри философии, или, если угодно, стала самостоятельной философской наукой. Это бесспорная заслуга Х. Вольфа. Х. Вольф «впервые попытался дать различение теоретического и эмпирического, чистого и прикладного знания; теоретическая филосо-

фия, по Вольфу, – наука о всех возможных предметах, насколько они возможны», т.е. наука, занимающаяся не простой констатацией фактов, а исследованием их взаимосвязей, причин и оснований. По классификации Вольфа, все философское знание делится на «науки рациональные теоретические» (онтология, космология, рациональная психология, естественная теология), «науки рациональные практические» (этика, политика, экономика), «науки эмпирические теоретические» (эмпирическая психология, телеология, догматическая физика) и «науки эмпирические практические» (технология и экспериментальная физика) (Майоров, 1989, с. 96). Обратим внимание на то обстоятельство, что эмпирическая психология, по Вольфу, наука именно теоретическая. Еще будет возможность остановиться на том, что не только вольфовская, но и последующая эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Представляется важным подчеркнуть, что Вольф не был «психологом». Расчленение психологии на рациональную и эмпирическую было следствием упорядочивания философского знания. Именно этим объясняется известная непоследовательность Вольфа в разграничении «сферы компетенции» двух психологий, на которую обращали внимание многие историки психологии.

Именно этим объясняется «странный» характер эмпирической психологии X. Вольфа. И. Брес в этой связи отмечает: «Хотя Вольф и считает, что *psychologia rationalis* стремится вывести из самого понятия человеческой души, то, что *psychologia empirica* извлекает из наблюдения и размышления, мы будем разочарованы, если захотим обнаружить во второй работе экспериментальные исследования, которые явились бы предвестниками научной психологии XIX и XX вв. Вопросы, которые в ней рассматриваются, а также метод их исследования (см. например, параграф 651: "Qui alterum amat, is taedium ejus aversatus" ("Кто любит другого, становится ему в тягость")) напоминают больше то, что в наши дни рассматривалось бы как философская или даже рациональная психология, чем настоящую эмпирическую психологию в современном смысле слова. Более того, содержание *psychologia empirica* Вольфа не отличается коренным обра-

зом от исследования классической философией XVII в. вопроса о страстях...» (Брес, 1988, с. 125–126). Подчеркну, что по-иному быть просто не могло. Разработка эмпирической психологии в современном смысле слова совершенно не входила в планы X. Вольфа.

Но важно, что у Вольфа содержалась возможность различения: «теперь уже дело не в двойной душе, а в двояком рассмотрении одной и той же души: различие передвинулось из области содержания в область методологическую» (Дессуар, 1912, с. 106–107). Именно этот момент создает возможность для выделения психологического предмета, отличного от философского, то есть создание эмпирической психологии в современном смысле этого слова. Принципиальная возможность создания психологии как самостоятельной дисциплины была, вне сомнения, Вольфом продемонстрирована.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте, связанном с трудами Вольфа. Его «Эмпирическая психология» может рассматриваться как первое систематическое изложение психологии в Новое время. В связи с этим важно подчеркнуть, что для того, чтобы конституировать дисциплину, необходим организующий принцип, который бы определил «номенклатуру» психических феноменов, относящихся к дисциплине, и позволил их как-то упорядочить. Иными словами, необходимо «задать систему». Вольф придерживается следующей стратегии. Он определяет душу как простую вещь, которая может сознавать себя и другие вещи. В качестве основной силы души Вольф полагает силу представления, в которой находит выражение активность сознания. Эта активность остается неизменной, но может менять свои предметы. М. Дессуар отмечает: «... как тело может двигаться последовательно по неограниченно многим направлениям, так и у души есть различные возможности последовательных само-проявлений, которые осуществляются благодаря энергии» (Дессуар, 1912, с. 107). Эти проявления и называются душевными способностями. Перечень способностей может быть определен, по Вольфу, при помощи языка: то, для чего существует специальное наименование, может считаться особой способностью. Вольф делает оговорки относительно «непостоянства» речи. Дальше в действие вступают законы логики, поскольку вся ду-

шевная жизнь, по Вольфу, подчинена формам и законам логики. Вольф выделяет волю («способность желать») и познание («способность познавать»).

Рассмотрим более подробно способность познания. Материалом для этой способности являются представления. Они могут быть смутными, ясными либо отчетливыми. По своему содержанию они могут быть или восприятиями, или представлениями. Представления подчиняются закону ассоциации: каждое представление вызывает в душе более общее, часть которого он составляет. Поскольку, как свидетельствует опыт, бывают и новые сочетания, должна существовать «сила выдумки». Явления памяти имеют место при повторении прежних переживаний. Внимание может придавать отдельным представлениям ясность и отчетливость. Как справедливо отмечает М. Дессуар, «в целом перед нами планомерное сцепление психологических понятий, ставших позже общим местом» (Дессуар, 1912, с. 108). Важно подчеркнуть, что концепция Вольфа в XVIII столетии продемонстрировала метод работы в психологии. «Эмпиризм» состоял в том, что самонаблюдение выполняло верифицирующую роль: оно должно было подтвердить соответствие построений опыту. Источником эмпирического материала самонаблюдение не являлось: было достаточно отдельных примеров, которые бы подтвердили «жизненную правду» созданной картины («сцепления психологических понятий»). Это позволяет понять, почему Вольф называл свою эмпирическую психологию наукой «эмпирической теоретической»: эмпирическая – соответствующая опыту, теоретическая – логическая конструкция, имеющая произвольный (теоретический) характер. Этот метод Христиана Вольфа не только стал общим местом – здесь Дессуар абсолютно прав – но и определил традицию. Как будет показано в дальнейшем, менялись только принципы, определяющие «сцепление» – сам способ в течение длительного времени оставался неизменным.

Последователями Вольфа был сделан важный шаг, который в дальнейшем, как мы увидим, способствовал выделению психологии в самостоятельную науку. «Центр тяжести оставался, конечно, в области индивидуальной психологии человека. У Вольфа позаимствовали деление на рациональную и эмпириче-

скую психологию. Хотя различие между обеими было собственно методологическим, так как предметом исследования для обеих являлась определено понимаемая "природа" души, но по-немногу снова утверждалось обоснованное еще в старину разделение содержаний. Спекулятивные рассуждения о сущности, мистопребывании, свободе и бессмертии души стали главным содержанием рациональной психологии. Физиологические же объяснения, относившиеся еще у Вольфа туда же, скоро перешли в ведение эмпирической психологии. Последняя утратила, таким образом, характер общей описательной науки и превратилась в физиологическую и отчасти уже в экспериментальную дисциплину: волшебное слово опыт увлекало даже осторожных мыслителей и побуждало их искать в телесных (также физиognомических) процессах объяснения душевных фактов. Если же ограничивались внутренним опытом, то все же исследование проводили в духе естественной науки: искали причинных связей душевных явлений и устанавливали эмпирические условия их возникновения» (*Дессуар*, 1912, с. 114).

Недооценивать произошедшие изменения нельзя. Именно они создают основу для позднейшего конституирования психологии как науки. Оно станет возможным, когда принцип психофизического параллелизма будет дополнен принципом психофизиологического параллелизма. То, что физиологические объяснения стали соотноситься с эмпирической психологией, безусловно, представляло собой шаг к «возможной» самостоятельности психологии. Впрочем, до самостоятельности еще было далеко. Более того, не ставился даже сам вопрос о самостоятельности психологии как науки. Действительно, никаких причин для того, чтобы пытаться сделать психологию самостоятельной наукой во времена Христиана Вольфа просто не было. Важно уже то, что психология выделяется в качестве раздела внутри философии, которая все больше дифференцируется.

Значение Христиана Вольфа для истории мировой психологии состоит, таким образом, в первую очередь в том, что им впервые была выделена психологическая проблематика внутри философского знания. Причем она оказалась не на периферии философии, а стала ее центром: «И так как с точки зрения того времени индивидуальное развитие человека было душой куль-

турной работы, то психология стала не только основой всякого философствования, но вообще центральной наукой» (*Дессуар*, 1912, с. 109).

Иммануил Кант

Традиции, заложенные Х. Вольфом, поддерживались и развивались в немецкой психологии способностей. Одним из ярких представителей психологии способностей был Иоганн Николаус Тетенс (1736–1807). М. С. Роговин полагает, что Тетенс совершил в 1776–1777 г. неудачную попытку выделить психологию из философии (*Роговин*, 1969, с. 96). По нашему мнению, И. Н. Тетенс так же, как и ранее Х. Вольф, на это вовсе не претендовал. Характерно в этом отношении само название его основного труда «*Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung*» (1776) (*Tetens*, 1776). Сам Тетенс подчеркивает, что речь идет именно о философском исследовании. Согласно И. Н. Тетенсу, основным в психологии является самонаблюдение, психология должна заниматься эмпирическим расчленением душевной жизни. Метафизические заключения возможны как итог эмпирической работы. Тетенс модифицировал идущее еще от Аристотеля расчленение психического на познание и волю, добавив к последним чувство. Таким

образом, оформилась номенклатура «основных» способностей: способность познания, способность воли, способность чувства. Этим воспользовался И. Кант, который, как известно, посвятил рассмотрению этих трех способностей специальные труды («Критику чистого разума», «Критику практического разума» и «Критику способности суждения»).

Благодаря трудам Х. Вольфа, психология на какое-то время стала центральной философской дисциплиной. «Против такого чрезмерного расширения границ психологии скоро должны были раздаться протесты. Появившиеся возражения коснулись также содержания всей системы и приняли форму критики психологии. Тот мыслитель, который и здесь явился вождем, Иммануил Кант, ввел психологию даже в очень узкие границы...» (*Дессуар*, 1912, с. 115). «Этим объясняется отчасти, почему фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины» (*Дессуар*, 1912, с.115).

Иммануил Кант (1724–1804), разумеется, не был психологом. Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя утверждать, что «система Канта глубоко антипсихологична» (*Роговин*, 1969, с. 66). Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом проявились особенности самого Канта как личности) приняла форму критики. Уже в двадцатом веке будут сделаны попытки построить методологию психологии как критику психологии (*Binswanger*, 1922). В предисловии к «Критике чистого разума» Кант отмечает, что в данном труде речь идет не о происхождении опыта, а о содержании его. Конечно, нет возможности в настоящей работе дать хотя бы беглый обзор кантовских идей по психологическим проблемам (это далеко уело бы от интересующей темы: напомню, что нас волнует сейчас путь психологии к самостоятельности).

Остановимся подробнее на кантовской критике психологии. Как мы уже видели, И. Н. Тетенс, которого Кант очень ценил, признавал возможность рациональной психологии. Притязания рациональной психологии были развеяны И. Кантом, отрицавшим возможность существования рациональной психологии. Кантовская критика рациональной психологии в известной

мере предопределила дальнейшее развитие психологии *как эмпирической науки*. «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни; она скорее напоминает нам, чтобы мы видели в этом отказе разума дать удовлетворительный ответ на вопросы любопытствующих, касающиеся того, что выходит за пределы земной жизни, его же указание обращать свое самопознание не на бесплодную чрезмерную спекуляцию, а на плодотворное практическое применение, которое, хотя всегда и направлено только на предметы опыта, тем не менее, заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше поведение так, как если бы наше назначение выходило бесконечно далеко за пределы опыта, стало быть за пределы земной жизни» (Кант, 1964, с. 382).

В другой работе Кант возвращается к проблемам психологии. Кант настаивает на необходимости различения *Я* как субъекта и *Я* как объекта. «О *Я* в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом *Я* как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать – ни что оно за сущность, ни какой оно природы» (Кант, 1966, с. 191). «*Я* во втором значении (как субъект перцепции), психологическое *Я* как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию...» (Кант, 1966, с.191–192). Кант рисует перспективу эмпирической психологии: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же *Я* хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчи-

вость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» (Кант, 1966, с. 192).

Авторитет Канта был велик, поэтому кантовская критика психологии была признана современниками сокрушительной. Мы здесь не станем оценивать и анализировать кантовские доводы против рациональной психологии. Это не входит в задачи этой работы. Отмечу лишь, что огромный авторитет Канта способствовал дальнейшему развитию психологии как эмпирической психологии. В плане дальнейшего развития эмпирической психологии нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имеющего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к «Антропологии» (1798) Кант отмечает, что «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или *физиологической*, или *прагматической*» (Кант, 1966, с. 351). Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии с точки зрения физиологической (и, следовательно, психологии как частной науки) остается. Та возможность, которая «потенциально» содержалась в программе Вольфа, была артикулирована Кантом (правда, пока для антропологии). Не будем забывать, что психология (эмпирическая) могла рассматриваться как часть антропологии, а следовательно, «перенос» на психологию является достаточно правомерным.

Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, которые сейчас будут приведены. Они представляются своеобразным методологическим требованием к психологии, *если она захочет быть наукой*. Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи последующих поколений принимали «вызов», стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в «Метафизических началах естествознания» (1786): «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика не-приложима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического искусства анализа или в каче-

стве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искаляет состояние наблюдавшего предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности – систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» (Кант, 1964, с. 60). Кантовские слова оказали огромное влияние на последующее развитие психологии. К ним прислушивались и безоговорочно соглашались. Другие пытались «отвоевать» позиции: Гербарт был убежден, что психология становится наукой потому, что начинает использовать математику (в отношении эксперимента, Кант, конечно же, прав). Как мы увидим, с кантовской критикой вынужден был считаться и сам В. Вундт. И, возможно, именно кантовские утверждения заставляли Вундта направлять энергию психологов-экспериментаторов на фиксацию «элементов», о которой говорил Кант. И. Кант может считаться «вдохновителем» элементаризма и атомизма. Кант, таким образом, «негативно» задал направление развития психологической науки... Итак, «психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, т.к. нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других» (Дессуар, 1912, с. 126). «По иронии истории, психология именно от критицизма получила толчок к дальнейшему и существенному развитию» (Дессуар, 1912, с. 126). «К несчастью, Кант не посвятил научной психологии отдельного труда, но дал значительные указания к обоснованию этой науки на новых началах, производя при случае изменения в традиционном психологическом материале и вообще благодаря всему своему вмешательству. В рамках беспрерывно развивавшейся психологии способностей совершились... преобразования, которые в конце концов разрушили установленные границы» (Дессуар, 1912, с. 127).

Таким образом, есть основания говорить о своего рода «двойной программе» И.Канта применительно к психологии. Первая программа – кантовская критика возможности психологии стать естественной наукой («эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле»), вторая – возможность обоснования психологии посредством физиологии. Эта двойная программа составила методологическую задачу, над которой трудились несколько поколений психологов первой половины XIX столетия.

Иоганн Гербарт

Каждая наука должна иметь основания. После «Наукоучения» И. Фихте это становится неписанным правилом. Возникает методология науки как учение «об основаниях». Им руководствовался И. Гербарт, совершивший первую известную мне попытку сделать психологию наукой.

Мы уже упоминали имя Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814), автора «Наукоучения», создателя науки о науке. И.Фихте, несомненно, не был психологом, поэтому то, что его не вспоминают в «Историях психологии», по-своему правомерно. К тому же И. Г. Фихте психологию своего времени явно не ценил. Можно привести его знаменитое высказывание из «Ясного, как солнце, сообщения широкой публике о сущности новейшей философии»: «Наукоучение – не психология, психология же сама по се-

бе – ничто» (*Фихте*, 1993, т.1, с. 610). Оставим такую оценку на совести философа. Несомненно, что с работ Канта и Фихте начинается общая методология науки и недооценивать ее влияние на те области знания, которые претендуют на то, чтобы стать наукой, вряд ли целесообразно.

Не имея возможности анализировать взгляды Фихте в целом и по вопросам психологии в частности (хотя это и представляется достаточно увлекательным сюжетом – стоит только напомнить, что Фихте активно разрабатывал проблему деятельности), остановимся лишь на отдельных положениях «Наукоучения». И.Г.Фихте формулирует требования, которым должна удовлетворять любая наука.

«Должно быть достоверным по крайней мере одно положение, которое придавало бы другим свою достоверность; так что если и поскольку это первое достоверно, то должно быть достоверно и второе, то поскольку должно быть достоверно и третье, и т. д. Таким образом, многие сами по себе, может быть различные положения будут именно потому, что они все имели достоверность и одинаковую достоверность, иметь одну общую достоверность и через это будут образовывать только одну науку» (*Антология...*, 1971, с. 199). Фихте подчеркивает, что достоверное положение не может получить свою достоверность через объединение с другими положениями, но должно иметь достоверность до него. «Такое достоверное до соединения и не зависимое от него положение называется основоположением. Каждая наука должна иметь основоположение, она даже могла бы состоять по своему внутреннему характеру из одного единственного самого по себе достоверного положения... Но она не может иметь более одного основоположения, ибо тогда она образовала бы не одну, но несколько наук» (*Антология...*, 1971, с. 200). Согласно Фихте, основоположения системы должны быть достоверны до самой системы. Их достоверность не может быть доказана в ее пределах. Все, что следует из основоположений также достоверно. Важным представляются введенные Фихте различения: содержание и форма науки. «То, что должно заключать в себе само основоположение, и то, что оно должно сообщить всем прочим положениям, встречающимся в науке, я назову внутренним содержанием основоположения и науки вообще;

способ, которым основоположение должно передать другим положениям это содержание, я назову формой науки. Поэтому вопрос ставится так: как возможно вообще содержание и форма науки, т.е. как возможна сама наука?» (*Антология..., 1971*, с. 200). Ответом на этот вопрос и является наука о науке. Общее научоучение обязано обосновать систематическую форму для всех возможных наук.

С чувством сожаления прервем изложение основных идей научоучения Фихте, поскольку это не входит в наши задачи. Вернемся к Гербарту. Иоганн Фридрих Гербарт (1776-1841), известный немецкий философ, психолог, педагог, один из основателей научной педагогики. Попытка И. Гербарта сделать психологию наукой не может быть адекватно оценена, будучи рассматриваема вне контекста фихтевского научоучения. Удивительным представляется то, что в отечественных работах по истории психологии найти указания на влияние Фихте на формирование психологии Гербарта не удается. Причина, видимо, в том, что даже среди профессиональных психологов, не чуждых идеи историзма, популярно убеждение, согласно которому вся психология до середины XIX столетия представляла соединение интроспекции и ассоциализма. О какой специальной методологии можно говорить? Представляется, что в этом случае мы имеем дело с очередным мифом истории психологии. Собственно, сам И. Гербарт фихтевское влияние на формирование своей психологической теории признавал. Примечательно, что он видел это влияние именно в методологии, а не в конкретных теоретических положениях, в которых как раз с Фихте расходился и с которыми полемизировал. Впрочем, лучше предоставить слово самому Гербарту.

В докладе «О возможности и необходимости применять в психологии математику» (1822) Гербарт отмечает, что начало работы в этом направлении «относится еще к последним месяцам восемнадцатого столетия, зародыш которого я, собственно говоря, нашел еще раньше в фихтевской школе» (*Гербарт, 1895*, с. 6). Гербарт тут же поясняет, что эти слова не должны пониматься в том смысле, будто Фихте предлагал основывать психологию на математике. Гербарт утверждает, что Фихте научил его тем, что «в особенной степени обладал стремлением к точности

исследования» (*Гербарт*, 1895, с. 7). По-видимому, Гербарт прав – стремление к анализу оснований науки, стремление построить настоящую науку имеет истоки в фихтеvской философии.

И. Гербарт предпринял первую известную попытку превратить психологию в науку. Напомню, что к тому времени психология была одним из разделов философии, а именно относилась к прикладной метафизике. Предисловие к первому изданию учебника психологии (1816) Иоганн Фридрих Гербарт начинает такими словами: «Хотя во всей философии психология не является ни самой глубокой, ни самой высшей частью, однако она – первая между тремя частями прикладной метафизики» (*Гербарт*, 1895, с. 94). А. Нечаев, переводчик Гербарта на русский язык, по этому поводу замечает: «Под метафизикой же в тесном смысле, или общей метафизикой, надо разуметь ту часть философии, которая занимается самыми общими понятиями бытия и бытия, без которых мы не можем себе представить ни внешнего, ни внутреннего опыта. Когда же метафизика переходит к рассмотрению более частных понятий, то получает название прикладной метафизики и образует философию природы, психологию и философию религии» (*Гербарт*, 1895, с. 38). О попытке выделения психологии как науки говорит само название важнейшего для понимания позиции Гербарта труда – «Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik» («Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике») (1824) (*Гербарт*, 1895). Как определяет сам Гербарт, «цель этого сочинения заключается в том, чтобы представить исследование о душе, которое равнялось бы исследованию о природе, поскольку это последнее повсюду предполагает вполне закономерную связь явлений и отыскивает ее при помощи разбора фактов, осторожных заключений, смелых, испытанных и исправленных гипотез, наконец, где это возможно, при помощи рассмотрения величин и вычисления» (*Гербарт*, 1895, с. 27). Гербарт подчеркивает «давно признанную величайшую важность точной науки о нас самих, о нашем духе и настроении...» (*Гербарт*, 1895, с. 28). Если психология должна стать наукой, то она должна строиться как наука, т. е. иметь основания (принципы) и методы и ориентироваться на научные образцы (такими образцами для Гербарта выступают механика и физика). Психология способностей

(напомним, Гербарт вошел в историю психологии как «сокрушитель» психологии способностей) отвергается потому, что произвольность ее оснований очевидна: «я должен уклониться от всех тех, которые думают объяснить внутренние факты, классифицируя их и принимая для каждого класса особую, соответственную ему возможность, а затем перенося эти возможности на равное им число способностей, причем логические подразделения, употребляемые для предварительного обзора феноменов, вопреки всяко-му праву, выдаются за познание реальной множественности и реального же различия» (*Гербарт*, 1895, с. 28). В другой работе Гербарт определяет свой подход, проводя параллель с химией: «Хотя душевые способности изгоняются из научной психологии точно так же, как из химии должен был исчезнуть флогистон, потому что природа вещей ясно выставляет на вид негодность обеих гипотез; однако новый способ представления, как бы сильно ни приближался он к истине, получает согласие и благодарность не прежде, чем ученые поупражняются в его применении и достаточно сильно почувствуют бесполезность старого мнения» (*Гербарт*, 1895, с. 96). Хотя психология Гербарта оказала огромное влияние на все последующее развитие психологии (исключением не является даже фрейдовский психоанализ), «согласия и благодарности» не последовало. На этом мы остановимся ниже.

Каковы же основания психологии как науки? Психология способностей основывалась на метафизических допущениях - существовании особых способностей. Гербарт утверждает, что «психология нуждается в других основаниях, где с самого начала обращалось бы внимание на изменяющиеся состояния. Мы наблюдаем в себе непосредственно их (а не способности)» (*Гербарт*, 1895, с. 98). Гербарт вводит различие между принципом (основанием) познания и реальным принципом: принципом познания называет начальный пункт знания, реальным принципом начальный пункт «бытия и бывания» (*Гербарт*, 1895, с. 28). «Я прямо отрицаю все мнимое тожество идеальных и реальных принципов, и всякое утверждение подобного рода считаю шлагбаумом, с самого начала загораживающим дорогу к истине. Все непосредственно данное есть явление; все познание реального основывается на взгляде, что данное не могло бы являться, если бы не было реального. А эти заключения от явления к реальному

основываются не на воображаемых формах интуиции и мышления» (*Гербарт*, 1895, с. 28). «Принципы и методы взаимно друг друга определяют. Именно, принцип должен обладать двойким свойством: во-первых, с самого начала иметь собственную достоверность и, во-вторых, производить другую достоверность» (*Гербарт*, 1895, с.28). Как можно увидеть, И. Гербарт почти буквально воспроизводит методологические рекомендации Фихте. Метод, по Гербарту, тот «вид и способ», которым производится «другая достоверность» (*Гербарт*, 1895, с. 28).

Основания психологии Гербарт видит в фактах сознания: «Принципы психологии суть такие факты сознания, из которых могут быть познаны законы того, что в нас происходит. Факты сознания, без сомнения, служат начальными пунктами всякого психологического размышления...» (*Гербарт*, 1895, с. 28). Было бы не вполне правильно предположить, что Гербарт – раз он имеет дело с сознанием – ограничивается интроспекцией. Как раз и нет! «Внутреннее восприятие, знакомство с людьми, стоящими на разных ступенях образования, наблюдения воспитателей и государственных людей, сочинения путешественников, историков, поэтов и моралистов, наконец, наблюдения над сумасшедшими, больными и животными – все это доставляет материал психологии» (*Гербарт*, 1895, с. 97). Таким образом, сознание может раскрываться и в самонаблюдении, и в наблюдении за другими, и в анализе продуктов деятельности. Нельзя только экспериментировать: «Психология не смеет экспериментировать над людьми и не имеет для этого никаких искусственных приборов» (*Гербарт*, 1895, с. 100). Почему же тогда основной упор делается на непосредственных внутренних восприятиях? Гербарт отвечает: «Те факты, которые не воспринимаются непосредственно, но о которых только заключают из продуктов нашей деятельности, именно вследствие этого удаляются от принципов; они скорее проблемы, которые должны разрешаться наукой при помощи теорем» (*Гербарт*, 1895, с. 31). Непосредственные внутренние восприятия, таким образом, представляют основания, которые будут положены в основу теории. К этому стоит добавить, что сознание Гербартом понимается так, что в него включается и бессознательное («затемненные представления»).

Здесь мы приближаемся, возможно, к самому сложному вопросу, который неизбежно возникает перед любой общей психологической теорией, если она хочет быть научной теорией. Если найдено основание, принцип, то как из этого основания вывести теорию? Основание дано в опыте. Гербарт прекрасно понимает, что путь традиционной психологии способностей для него не подходит. Он отмечает, что вопросы о причинном отношении душевных способностей друг к другу остаются без ответа. Гербарт пишет: «... в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению. Самонаблюдение, уже при самом схватывании фактов сознания, уродует их; оно вырывает эти факты из необходимой связи и предает их беспорядочному обобщению, которое не останавливается до тех пор, пока не дойдет до высших родовых понятий – представления, чувствования и желания; тут при помощи ограничения (т.е. путем обратным тому, который замечается в эмпирической науке), этим понятиям, насколько оно подходит, подчиняется наблюдаемое разнородное. Если теперь к ненаучно образованным понятиям того, что в нас происходит, прибавляется предположение способностей, которыми мы владеем, то психология превращается в мифологию» (Гербарт, 1895, с. 98–99). Чтобы психология не превратилась в мифологию, необходимо использовать какую-то объясняющую схему. Откуда она может взяться? Понятно, не из опыта. Посмотрим, что делает Гербарт. Во-первых, он использует «метод отношений». Поскольку опыт дает недостаточное понимание фактов, можно использовать процедуры, способствующие такому пониманию. «Та операция мышления, которою улучдается недостаточность, называется дополнением. И где недостаточность эмпирического наблюдения неизбежна, там должно быть предпринято дополнение умозрительным путем. А это возможно только при помощи указания отношений, т.е. таких реляций, в силу которых одно необходимо предполагает другое, и, что является признаком этого, одно без другого немыслимо» (Гербарт, 1895, с. 34–35). В «Главных положениях метафизики» И. Гербарт поясняет, что представляет собой метод отношений: «Метод отношений употребляется для отыскания необходимых дополнитель-

ных понятий, если они скрыты. Этого метода нельзя приравнивать к математической формуле, которой можно беспечно вверяться при вычислении. Он только описывает в общем (до известного пункта), какое направление неизбежно примет мыслитель, занявшийся данным противоречием. Но без ближайшего знакомства с проблемой его совсем нельзя применять. Прежде всего, при помощи аналитического рассмотрения, проблема должна быть доведена до такой совершенной отчетливости, чтобы можно было ясно мыслить как противоречие то, что только чувствовалось как трудность. Если пункт противоречия в точности найден, то является необходимым его противоречивое отрицание. Обозначив главное понятие через А, различим в нем два члена – М и N, которые оно допускает как тождественные и которые все-таки (по какому-нибудь признаку, хотя бы одному) относятся к другу как да и нет. Противоречие не заключается ни в одном из членов, взятом самим по себе: оно заключается в их воображаемом тождестве. Это тождество и должно быть отрицаемо» (*Гербарт*, 1895, с. 35). Не буду подробно описывать метод, остановлюсь лишь на ближайших следствиях. «Вся психология не может быть ничем иным, кроме дополнения внутренне воспринимаемых фактов» (*Гербарт*, 1895, с. 36). «Данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью. Следовательно, в этом смысле она должна переступить опыт» (*Гербарт*, 1895, с. 36). По-видимому, И. Гербарт был первым, кто фактически поставил вопрос не только об основаниях психологии как науки, но и о логике развертывания теории. Где эту логику можно позаимствовать? Гербарт анализирует следующие возможности («Полезно будет предварительно сравнить психологию с тремя главными отраслями естествознания» (*Гербарт*, 1895, с. 98): 1) естественная история: «... в основании психологии не лежит никакого материала, который можно было бы ясно видеть, определенно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверх обобщению» (*Гербарт*, 1895, с. 98). «По этой неопределенности низших понятий, сейчас же видно, что восприятие психологических фактов, неопределенное с самого начала, не допускает никакой

чисто естественной истории духа» (*Гербарт*, 1895, с. 98); 2) эмпирическая физика: «эмпирическая физика, не знающая собственных сил природы, приходит к известным правилам, с которыми сообразуются явления. При помощи приведения (*Zurückführung*) к этим правилам, она вносит связь в многообразное содержание явлений. Великими вспомогательными средствами при ее открытиях являются эксперименты с искусственными приборами и вычисление» (*Гербарт*, 1895, с. 99–100). «Психология не смеет экспериментировать над людьми, и не имеет для этого никаких искусственных приборов. Тем старательнее нужно ей пользоваться помощью вычисления. Через него, прежде всего, достигается научная определенность основных понятий; затем начинается дело приведения» (*Гербарт*, 1895, с. 100); 3) физиология: «Физиология, рассматривая животную жизнь, употребляет три главных понятия, именно: живости (*Vegetation*), раздражительности (*Irritabilitat*) и чувствительности (*Sensibilitat*). Если попытаться сравнить способность чувствования с чувствительностью, способность желания с раздражительностью и способность представления с живостью, то окажется, что (насколько, по крайней мере, проливает свет эта аналогия), в то время, когда во сне бывает незаметной чувствительность, продолжается живость, и что раздражительность мускулов получает новые силы...» (*Гербарт*, 1895, с. 100). «...Вся душевная жизнь человека несравненно более переменчива, чем какой бы то ни было предмет физиологии» (*Гербарт*, 1895, с. 100).

Гербарт резюмирует. Хотя психология должна основываться на опыте и эти вопросы развиваются в общей метафизике, однако дальнейшая разработка «требует, сверх того, высшей математики, потому что представления должны быть рассматриваемы как силы, действие которых зависит от их напряженности (*Starke*), противоположностей и связей, а все это различается по степеням» (*Гербарт*, 1895, с. 101).

Для Гербарта главное – представить механику психической жизни. Недостаток предшествующей психологии Гербарт видит в том, что «оставляют совершенно скрытой сущность психического механизма» (*Гербарт*, 1895, с. 103). Гербарт строит статику и механику духа, опираясь на математические закономерности. Здесь нет возможности останавливаться на конкрет-

ных психологических теориях Гербарта. Наш краткий анализ касается лишь методологии, причем в той ее части, которая относится к обоснованию возможности существования психологии как науки.

Возможна ли научная психология, подобная гербартовской? По-видимому, возможна. Опыт развития математической психологии в XX столетии это подтверждает. Но, очевидно, что для выделения из философии в качестве самостоятельной науки этого оказалось недостаточно. Собственно говоря, задачи реального отделения от философии Гербарт и не ставил! Это обстоятельство крайне важно подчеркнуть: вопрос о выделении не стоял – внутренней потребности отделиться пока не существовало. Психология продолжала оставаться философской, но Гербарт пытался сделать ее наукой. Для этого он выполнил, насколько это было возможно, методологические требования, исходящие и от Фихте, и от Канта. А попытка конституировать психологию как науку во многом удалась. Как мы помним, по Канту, психологии не хватало использования математики и эксперимента. Отказавшись от эксперимента, и сосредоточившись на применении математики в психологии, Гербарт сделал шаг к приближению к идеалам научности. В связи с этим, необходимы, на наш взгляд, некоторые уточнения. Известно, к примеру, утверждение Рибо, что Гербарт даже не предчувствовал появления трудов по психофизике, которые показали возможность экспериментального исследования ощущений. Психофизика, как область физиологии и физики ощущений (Вебер, Гельмгольц и др.) или дисциплина, призванная решить глобальные философские вопросы (Фехнер), Гербарта не очень интересовала, т.к. он решал задачу создания психологии как науки, поэтому ориентировался на факты сознания (представления, чувства, волю), а до экспериментов в этой области было еще очень далеко. Гербарт был психологом, работавшим внутри психологии, решавшим внутренние психологические проблемы. Ни Вебер, ни Гельмгольц, ни Фехнер психологами не были. Конечно, справедливо утверждение А. Н. Ждан, что «само применение математики оказалось неудачным. Впервые эту поставленную Гербартом задачу осуществил Г. Фехнер» (Ждан, 1990, с. 131). Но не стоит забывать, что у Гербарта математика использовалась в качестве «теоретическо-

го» средства развертывания психологической теории, а у Фехнера как решение специальной задачи, связанной с обработкой эмпирического материала, т.е. речь шла о существенно различающемся использовании математики.

Могла ли гербартовская логика привести к отделению психологии от философии? На наш взгляд, нет. Отделиться от философии означало продемонстрировать несходство науки с философией. Первое отличие, безусловно, эксперимент. Как мы помним, Гербарт экспериментировать «не смел». Второе, Гербарт утверждал, что его психология основана на опыте. Но она так и не стала эмпирической (в современном значении этого слова). По вольфовской классификации, это была бы скорее «теоретическая» психология. (Кстати отметим, что Гербарт выделял в своей концепции и эмпирическую и рациональную психологию). Третье, Гербарт отчетливо осознавал, что для приобретения статуса науки психология должна «уподобиться» какой-то науке, «научность» которой сомнению не подлежит (т.е. естественной науке). Мы видели, что Гербарт рассмотрел эти возможности. С точки зрения современной психологии (да, пожалуй, и науки середины XIX столетия) такой наукой была физиология. Принцип психофизиологического параллелизма позволял «запараллелиться» с «настоящей» наукой, но сохранить свою самостоятельность. Этой возможности для Гербарта еще не существовало (напомним, шел 1816 год, а физиологии органов чувств и нервной системы предстоял этап интенсивнейшего развития; как мы видели, в физиологии «1816 года» такой основы попросту не существовало). И последнее, может быть, самое главное. Психология приступила к обоснованию своей научности. Гербарт свой выбор сделал: психология должна быть естественной наукой по образцу физики. Статика и механика представлений была Гербартом описана. Но задача отделения от философии – другая задача и возникла она, на наш взгляд, позднее. И, как это часто было в истории психологии, под влиянием внешних причин. По нашему мнению, существенное влияние на инициацию процессов отделения психологии от философии оказала положительная философия О. Конта.

Необходимо, хотя бы в нескольких словах, охарактеризовать эмпирическую психологию, которая представляла домини-

рующее направление в психологии первой половины XIX столетия. Напомним, что основателем эмпиризма был Д. Локк (1690). Представляется полезным напомнить современному читателю, что эмпирическая была вовсе не то, что ассоциируется со словом «эмпирический» сегодня. Эмпирическая психология настаивала на том, что идеи возникают в опыте. В этом смысле и использовалось название – эмпирическая, опытная психология. Эмпирическая психология утверждала, что необходим переход от рассуждений о душе к изучению душевных явлений. Но было бы большим заблуждением полагать, будто эмпирическая психология занималась эмпирическим изучением психических явлений. Этого, разумеется, не было. И поэтому чрезвычайно широко распространенное убеждение, согласно которому в эмпирической психологии использовалась интроспекция как метод добывания эмпирических фактов, оказывается мифом. Эмпирическая психология как разновидность психологии философской не нуждалась в опытных исследованиях: данные, полученные с помощью самонаблюдения (эпизодического, бессистемного, неконтролируемого), использовались как подтверждающие примеры, не более того. Это была, повторим, классическая философская психология. На это проницательно указал в блестящем очерке «Развитие экспериментальной психологии» П. Фресс: «Оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем» (Фресс, 1966, с. 18). Итак, констатируем, что эмпирическая психология вовсе не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Разумеется, здесь нет возможности дать анализ эмпирической психологии в целом. Остановимся лишь на некоторых моментах, имеющих, на наш взгляд, непосредственное отношение к превращению психологии в науку. «XIX век является венком триумфа ассоциализма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни. В ассоциализме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики, морали, воспитания» (Ждан, 1990, с. 135). Ассоциативная эмпирическая психология в Англии была представлена такими именами, как Томас Браун, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль, Герберт

Спенсер, Александр Бэн. Важно подчеркнуть, что в работах Д. С. Милля и Г. Спенсера произошло соединение ассоциационизма с позитивизмом.

В доктрине ассоциационизма предполагалось, что единственным методом исследования духа (напомним, книга Т. Брауна называлась «Лекции по философии человеческого духа», а главный труд Джеймса Милля «Анализ явлений человеческого духа») полагалось самонаблюдение. Т. Браун выдвинул аналогию, которая использовалась многими исследователями, разрабатывавшими психологию. В начале XIX столетия бурно развивалась химия. Если в предшествующих исследованиях пытались строить «механику» ассоциаций, то Браун предложил в качестве модели химию. Брауном была предложена идея виртуального анализа в психологии. «Как в химии качества отдельных ингредиентов сложного тела не узнаются нами в качествах самого сложного тела, так и в своеобразной химии духа сложное чувство, происходящее от первичных чувств через ассоциацию, на первый взгляд, имеет мало сходства с составными его частями как существующими первоначально в элементарном состоянии, так что требуется напряженная сосредоточенность мысли, чтобы разложить и разделить на части совокупность, которая могла составиться раньше в продолжение нескольких лет. Что делает химик по отношению к материи, то же самое делает интеллектуальный аналитик по отношению к духу. В отличие от анализа в других науках, которые имеют дело с веществом, анализ в отношении духа не может дать реального расчленения психических явлений: самое сложное чувство есть всегда одно чувство, нет половины чувства радости или скорби» (Ждан, 1990, с. 137). Джеймс Милль в 1829 году публикует книгу «Анализ явлений человеческого духа», которая оценивается «как наиболее прямолинейная и бескомпромиссная реализация механистического подхода к психике с позиций “жесткого” ассоциализма» (Ярошевский, 1985, с. 181). Дж. Милль, как и Браун, считает интроспекцию единственным средством, позволяющим исследовать сознание. В отличие от Т. Брауна, Дж. Милль строит не умственную химию, а механику. Ментальные образования представляют собой соединения по типу механики. Сын Дж. Милля Джон Стюарт Милль вернулся к идеям Брауна о ментальной хи-

мии. На трудах Д.С. Милля мы ниже остановимся особо, т.к. работы Д. С. Милля – в первую очередь «Система логики» – оказали на формирование психологии как науки значительное методологическое влияние.

Отметим, что в английском ассоциационизме сложилось устойчивое представление (английская эмпирическая психология имела высокий авторитет – Д. С. Милль и Г. Спенсер были «властителями дум» в первой половине девятнадцатого столетия), что психология может развиваться по образцу какой-то из естественных наук: физики, механики, химии. Образец дает общую схему, эскиз, а конкретные данные дает самонаблюдение. Самонаблюдение «контролирует» и «сцепление» психологических понятий (для того, чтобы полученная картина была достоверной): метод, использованный Хр. Вольфом, продолжает работать в психологии.

Обратим внимание на одну особенность ассоциационизма, подмеченную М. Г. Ярошевским. Речь идет об афизиологизме. «Ассоциативное направление, включая примыкавшие к нему концепции Гербарта (и другого немецкого философа – Бенеке), выступило в первой половине прошлого века как афизиологическое. Этим оно существенно отличалось от ассоциализма XVII–XVIII вв., пафос которого состоял в том, чтобы объяснить связь и смену психических явлений объективной динамикой телесных процессов, понимавшейся сперва по типу механики, затем акустики (учения о вибрациях)» (Ярошевский, 1985, с. 183). Заметим, кстати, что Гербарт анализирует возможность обоснования психологии через физиологию, но поскольку физиология в то время была недостаточно развита, эту возможность отвергает (Мазилов, 1998). Ассоциации стали пониматься в психологии первой половины XIX века как имманентный принцип сознания. То, что в английской психологии и у И. Гербарта выступила проблема закономерностей душевной деятельности (которые не могли сводиться к физиологическим, в силу упоминавшейся афизиологичности концепций), явилось важнейшей предпосылкой выделения психологии. Наличие собственных законов – обязательное условие самостоятельности науки. Методологический анализ этого вопроса, как мы увидим, был осуществлен Д. С. Миллем.

Огюст Конт

Огюст Конт (1798–1857), как хорошо известно, не только не был психологом, но и скептически относился к возможностям психологии как науки. Именно контовская критика, как можно полагать, стимулировала выделение психологии в самостоятельную науку. О. Конт сформулировал «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий»: «Согласно моей основной доктрине все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти, последовательно, через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями теологическая, метафизическая и научная... Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение – постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным» (Конт, 1910, с. 10). Итак, научность в первой половине XIX столетия наполняется новым содержанием. О. Конт едко, остроумно критикует теологическую и метафизическую философию.

В качестве основного признака положительной, позитивной стадии развития формулируется «закон постоянного подчинения воображения наблюдению». «Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает, как основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был, сверх того, рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое былое первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую, функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова – простым исследованием законов, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чём бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях... мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования» (Конт, 1910, с. 17). О. Конт выступил, что важно подчеркнуть, против абсолютизации роли опыта: «После того, как подчинение воображения наблюдению было единодушно признано, как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто

приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух, в основе, не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между этими двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу...» (*Конт*, 1910, с. 19). Наука, согласно Конту, заключается именно в законах: факты, как бы точны и многочисленны они ни были, являются лишь сырьем материалом. Предвидение возможно лишь на основе знания законов. Основные положения позитивизма быстро распространились благодаря трудам самого Канта и его сподвижников – Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

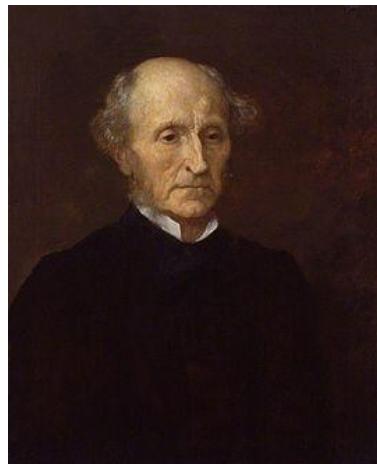
Остановимся на взглядах Канта на психологию. Во-первых, Конт отвергает возможность интроспекции. Наблюдение человека за своими умственными процессами уподобляется Контом «человеку, который в окно пытается увидеть себя, идущим по улице». Как писал об этом Д.С. Милль, Конт «полагал, что наш ум в состоянии наблюдать все другое, кроме себя самого, что мы не в силах наблюдать свое наблюдение и рассуждение во время самих процессов; и если бы захотели сделать это, то внимание к самому рефлексу уничтожило бы его объект, остановив собою наблюдаемый процесс» (Милль, 1857, с. 59). Во-вторых, о психологии Конт везде высказывается с явным пренебрежением. Оно вызвано тем, что, согласно вышеприведенному закону трех стадий, психология явно находится на второй, метафизической стадии. Следовательно, на звание позитивной науки претендовать не может. В-третьих, в классификации наук, разработанной Контом, психологии вообще не находится места. «Изучение умственных явлений или, как он выражается, интеллектуальных и нравственных направлений, помещено у него под рубрикой биологии, но и то как ветвь физиологии» (Милль, 1857, с. 58). Примечательно, на наш взгляд, что для исследования «интеллектуальных и нравственных направлений» Конт предлагал френологию. Как об этом писал Джон Стюарт Милль: «Стыдно сказать: – френологию!» (Милль, 1857, с. 60). Примечательно, собственно гово-

ря, то обстоятельство, что Конт чувствовал: психологии необходима естественнонаучная «привязка». Конт увидел ее в анатомии мозга.

Нам представляется верным вывод Д. С. Милля: «Поэтому, не отрицая той помощи, какую изучение мозга и нервов в состоянии оказать психологии (а оно принесло и принесет еще большую помощь), мы можем утверждать, что Конт не сделал ничего для установки положительного метода в науке духа» (Милль, 1857, с. 61). Вместе с тем, мы можем утверждать, что косвенно Конт повлиял на психологию, причем очень сильно. В первую очередь тем, что, фактически, из контовской критики психологии вытекала задача разработки позитивного метода в психологии. Конт оставил «на долю своих преемников – Бэна и Спенсера, отнесшихся к предмету с двоякой точки зрения: психологической и физиологической – развитие психологической ветви положительного метода, равно как и самой психологии» (Милль, 1857, с. 61).

У психологии, «обиженной» О. Контом, должны были найтись защитники. И они, конечно, нашлись.

Джон Стюарт Милль

Джон Стюарт Милль (1806–1873), сын Джеймса Милля, оказал огромное влияние на развитие психологической науки своей «Системой логики». Д. С. Миллем была разработана методология «индуктивных наук», которой так или иначе руководо-

дствовались не только современники, но и представители следующего поколения, которым и было суждено сделать психологию самостоятельной наукой.

Знаменитое сочинение Д. С. Милля «Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования» (Первое английское издание 1843) действительно изменило интеллектуальный климат XIX столетия. Как писал Г. Риккерт, «Д. С. Милль первый сделал попытку создать систематическую логику наук о духе» (*Риккерт*, 1904, с. 193). «Изучая приемы исследования в области точных наук, Милль хотел узнать не столько то, как совершались научные открытия в этих областях науки, сколько то, каким образом исследователи сами приходили к убеждению и убеждали других в том, что их заключения правильны. Изучив, в чем видят здесь критерий истинности и каковы принципы доказательства, Милль и задался целью формулировать их так, чтобы они могли прилагаться к положениям политики, этики, истории, психологии... В действительности у Милля обзор научных методов должен был служить всего лишь введением к шестой книге его “Системы логики” – к логике нравственных наук» (*Минто*, 1905, с. 311–312). К сожалению, здесь нет возможности хотя бы обозначить те методологические положения, которые без преувеличения составили «руководство для желающих преуспеть в науках». В качестве примера сошлемся лишь на то, что Г. Т. Фехнер, разработавший в своих «Основах психофизики» специальные психофизические методы (метод истинных и ложных случаев, метод границ, метод минимальных изменений), явно руководствовался миллевским описанием четырех «методов опытного исследования». Можно сказать, что «Система логики» открыла новую эру в науке, когда философские соображения о методах и средствах научного исследования выделились в специальную дисциплину – предшественницу научной методологии.

В шестой книге, о которой уже упоминалось, как нам представляется, сделан еще один необходимый шаг, без совершенства которого выделение психологии в качестве самостоятельной науки произойти не могло. Д. С. Милль, полемизируя с Контом, приходит к очень важному выводу: «остается бесспорным,

что между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообразия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта» (Милль, 1914, с. 774). Милль отмечает, что предметом психологии служат единообразные последовательности – законы духа, одни из которых имеют более общий характер, другие более частный. Милль признает связь психических явлений с нервными, физиологическими состояниями. И делает вывод, имеющий, на наш взгляд, решающее значение: «Таким образом, последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нервной системы; а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то, несомненно, еще долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта. Так как, таким образом, порядок наших психических явлений приходится изучать на них самих, а не выводить из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе» (Милль, 1914, с. 774–775).

Несомненно, что главное в работе Милля это разработка учения об индукции. "Согласно Д. С. Миллю, индукция есть результат обобщений данных опыта. Равной задачей индукции является установление того, какие именно причинные связи существуют в природе, т. е. определение следствий каждой причины и причины каждого следствия. Решение этой задачи, по его мнению, является главным предметом индуктивной логики... Заметим, что фактически он имеет в виду порождение из данных опыта двух новых отношений — «причина-следствие» и «следствие—причина» (Финк, 2011, с. 7). В.К.Финк продолжает: "Сформулируем теперь основные идеи Д. С. Милля об индукции. 1. Индукция есть вид рассуждений, который посредством установления сходства в опытных данных порождает утверждения об отношениях «причина — следствие» и «следствие — причина».

2. Индуктивные рассуждения образованы применением пяти правил индуктивного вывода (индуктивных методов) — методов сходства, различия, соединенного сходства-различия, остатков и сопутствующих изменений.

3. Применимость индуктивных методов предполагает отсутствие препятствий — других причин, противодействующих действию рассматриваемых *кандидатов* в причины.

4. *Достаточным основанием* для принятия заключений индуктивных рассуждений

является закон *единообразия в природе*, устанавливающий связь индукции и причинности.

5. Наиболее достоверным методом индуктивного рассуждения является *метод различия*.

6. В природе и обществе имеет место множественность причин: у следствий могут существовать различные причины ...

7. Индуктивные методы есть средства обнаружения эмпирических законов...

8. Индуктивные методы, применяемые к опытным данным, порождают посылки для дедуктивных выводов, что означает *взаимодействие* индукции и дедукции.

9. Логика есть наука о рассуждениях, включающих взаимодействие индукции и дедукции.

Это взаимодействие индукции и дедукции пытался отобразить Д. С. Милль в своей «Системе логики силлогистической и индуктивной» (Финк, 2011, с.8).

Если верно то определение, что классик это тот, кого почитают, но не читают, то, по нашему мнению, это полностью относится к Д.С.Миллю и его труду. Впрочем, к этому моменту мы еще вернемся. Но пока прислушаемся к комментарию В.Н.Ивановского: "Эту последнюю Книгу своего трактата Милль посвящает анализу некоторых проблем логики того, что он называет «нравственными науками» (*the moral sciences*). Термин этот Милль понимает очень широко, объединяя под ним все то, чему одни мыслители дают в настоящее время имя «наук о духе», а другие — «наук о культуре». В составе «нравственных наук» мы находим у Милля, прежде всего, *психологию*, или, как ее иначе обозначает Милль (употребляя термин, введенный Юмом), «науку о человеческой природе». С психологией тесно связана у Милля основанная на ней «этология», или «наука об образовании характера» (*the science of the formation of character*). Это — «конкретная», в кантовском смысле, наука, соответствующая «абстрактной» науке — психологии: психология стремит-

ся устанавливать основные единообразия (или «законы природы») в области духа, тогда как этология *дедуктивно* (Милль часто называет этот познавательный процесс методом *a priori*; это то значение термина *a priori*, которое Конт отличает от основного, гносеологического, как относительное *a priori*) выводит законы образования характера и формы характеров. Этология пользуется при этом комбинациями основных психологических законов и имеющихся налицо в каждом данном случае конкретных обстоятельств, специфицирующих общие законы, придающих характеру его индивидуальный отпечаток. Частным видом этологии является у Милля общественная психология — «политическая этология, или наука о национальном характере», оставляющая переход к следующей, второй отрасли «нравственных наук». Этой второй их отраслью является «наука об обществе» (*the science of society*), или «общественная наука» (*the social science*), — Контова «социология» (этот последний термин Милль употребляет сравнительно редко). Общественная наука, как и у Конта, распадается у Милля на «социальную статику», или науку о существованиях общественных явлений, и «социальную динамику», или науку о последовательностях общественных явлений" (Ивановский, 2011, с 39-40).

В шестой книге, как нам представляется, сделан необходимый шаг, без совершения которого выделение психологии в качестве самостоятельной науки произойти не могло. Д. С. Милль, полемизируя с Контом, приходит к очень важному выводу: «остается бесспорным, что между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообразия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта» (Милль, 1914, с. 774). Милль отмечает, что предметом психологии служат единообразные последовательности — законы духа, одни из которых имеют более общий характер, другие более частный. Милль признает связь психических явлений с нервными, физиологическими состояниями. И делает вывод, имеющий, на наш взгляд, решающее значение: «Таким образом, последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нервной системы; а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то, несомненно, еще

долгое время) обращаться к их прямому изучению путем наблюдения и опыта. Так как, таким образом, порядок наших психических явлений приходится изучать на них самих, а не выводить из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе» (Милль, 1914, с. 774–775).

Таким образом, можно сказать, что Д.С.Милль является своего рода "крестным отцом" психологии как науки - обоснование ее возможности и необходимости осуществлено Д.С.Миллем в шестой главе знаменитого труда..

Что касается собственного вклада Милля в разработку психологии, то обратим внимание на следующее. Как точно отмечает М.И.Туган-Барановский, "Предметом исследования Милля была психическая жизнь человечества в самом широком смысле этого слова. Изучение психических процессов отдельной личности служило ему основанием для разработки социальных вопросов: жизнь индивидуума и общества – вот постоянная тема сочинений Милля. Он был убежден в том, что социальная наука не может иметь самостоятельного характера и что законы социальных явлений могут быть открыты только тогда, когда мы поймем явления, происходящие в душе отдельного человека" (Туган-Барановский, 1998, с.282). Психологические идеи Д.С.Милля целиком оставались в русле английского эмпиризма. Обратим внимание на точные слова В.Н.Ивановского, редактора перевода основного труда Милля на русский язык: ""Система логики" является очень важным дополнением к психологическим трудам "ассоциативной школы"; все это сочинение проникнуто тем духом анализа, тем стремлением для всего найти генезис, все проследить до простейших элементов, которое составляет душу и силу этой школы. Этот дух психологического анализа, введенный в логику Миллем, вызывал возражения со стороны формальных логиков... Однако в этом отношении Милль следует принципу, которого придерживается вся школа "ассоциационистов": все они обсуждают вопросы логики, психологии и теории познания с одних и тех же точек зрения, далеко не резко выделяя эти дисциплины одну от другой" (Ивановский, 1899, с.XVIII)

Необходимо коснуться еще одного важного вопроса. Речь

идет о взаимоотношениях нарождающейся психологии и исследований в области физиологии ощущений и психофизики. Часто отмечается, что возникновению психологии как самостоятельной науки предшествовали успехи физиологии органов чувств и психофизики. Действительно, физиология ощущений и психофизика способствовали выделению психологии. Но это влияние было косвенным. Ни Гельмгольц, ни Вебер, ни Фехнер психологией не занимались. Они много сделали для разработки методов и методик в смежных для психологии областях. Каждый из прекрасных ученых и тонких исследователей решал свои научные задачи. Психология позаимствовала, «аннексировала» эти научные проблемы и методы их решения, переосмыслив результаты в свете предмета научной психологии. Психофизика Фехнера находилась «в другой плоскости», нежели психология как наука. Уильям Джемс очень ярко описал отношение фехнеровской психофизики к психологии: «Книга Фехнера была отправной точкой новой литературы, которая по тонкости и доскональности не имеет себе равных, но психологический выход которой, по скромному мнению автора, пишущего эти строки, равен нулю».

Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии (*Фресс, 1966* и др.), на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, обоснованная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета. Заслуга Фехнера (перед научной психологией) в том, что психофизические методы были использованы как средство измерения определенных психических явлений. Такое использование эксперимента было продолжено Г. Эббингаузом

(*Ebbinghaus*, 1885). Традиционно считается, что важнейшим этапом в развитии экспериментальной психологии являются исследования Г. Эббингауза о памяти. Иногда полагают, что Эббингауз даже явился создателем собственно психологического эксперимента, поскольку впервые он оказался примененным для изучения памяти как психической функции (Ярошевский, 1985). В значительной степени это так, хотя стоит обратить внимание на то, что сам Эббингауз придавал измерению и эксперименту вспомогательное значение. Эббингауз полагал, что психология как дисциплина создается самонаблюдением и наблюдением, в более поздней работе (*Ebbinghaus*, 1902) изложение экспериментальных результатов попадает в раздел «О частностях» и получают интерпретацию с позиции общих представлений о сознании. В исследовании памяти (*Ebbinghaus*, 1885) метод эксперимента используется для решения конкретного вопроса, а именно выполняет функцию измерения поведенческих характеристик. Таким образом, мы видим, что в данном случае следует различать предмет исследования и предмет науки.

Другим предшественником экспериментальной психологии был Г. Гельмгольц. Гельмгольц также не был психологом, вопросы собственно психологии его мало интересовали (что, на наш взгляд, было основной причиной, объясняющей, почему у Гельмгольца и Вундта не сложились взаимоотношения), но он для решения конкретно-научных физиологических задач использовал технику функционального эксперимента: установление зависимости какого-либо явления от определенного фактора, т.е. выяснение функциональной связи переменных. Изменение восприятий выступало в качестве индикатора. Техника функционального эксперимента в научной психологии также использовалась впоследствии применительно к другому предмету.

Вильгельм Вундт

Вильгельм-Макс Вундт (1832–1920) «был одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины» (Фресс, 1966, с. 31). Причем «первым психологом» В. Вундт оказался вполне осознанно. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (Вундт, 1880, с. 111).

Вильгельм Вундт предпринял попытку построения физиологической психологии. Хотя Вундт является основателем

научной психологии, что практически никем не оспаривается, вокруг имени ученого и его трудов существует много легенд, недоразумений, да и просто несправедливых оценок. Безусловно, многочисленные исследования В.Вундта требуют специального историко-методологического анализа. Да и сам «отец научной психологии» давно заслуживает русскоязычной научной биографии... Остановимся (с нескрываемым сожалением) лишь на некоторых моментах деятельности Вундта, имеющих методологический характер.

Вундт подчеркивает, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом. «Мы называем нашу науку физиологическою психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» (Вундт, 1880, с. 2). В этой науке психологическое самонаблюдение идет «рука об руку» с методами экспериментальной физиологии. «Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» (Вундт, 1880, с. 2). Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущения, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только самонаблюдением.

Необходимо сказать, что Вильгельм Вундт достаточно противоречивый, эклектический мыслитель. Поэтому легко выстраиваются упрощенные схемы, которые не оправдываются при знакомстве с другими текстами. Сам Вундт был проницательным психологом, отдававшим себе отчет в реальной сложности объекта психологии, поэтому сводить его взгляды к примитивной модели вряд ли правомерно. Да и 53735 страниц вундтовских трудов (по подсчетам Эдвина Боринга (Boring, 1950)) к этому не располагают.

Известно, что Вундт окончил медицинский факультет, отказался от карьеры практикующего врача, начал заниматься исследовательской деятельностью в области физиологии в Гейдельберге, где он работал в лаборатории Гельмгольца. Как мы уже отмечали, хотя Вундт и Гельмгольц относились друг к другу с уважением, «тесной дружбы» между ними не было. По нашему мнению, одной из причин такого положения вещей была различная научная мотивация их исследований: Гельмгольца интересовали конкретные научные вопросы физиологии ощущений, а Вундт пытается обосновать новую научную дисциплину – экспериментальную психологию. Уже в ранней вундтовской работе «Beitrage zur Theorie der Sinneswahrnehmung» (Wundt, 1862) он рассуждает об экспериментальной психологии, опираясь на результаты собственных экспериментов. Он, ссылаясь на Гербарта, также утверждает, что психология должна быть наукой, но основываясь на эксперименте. Курс лекций Вундта с 1862 года называется «Психология с точки зрения естественных наук». (С этим будут полемизировать многие: от Брентано, чей основной труд назывался «Психология с эмпирической точки зрения», до Уотсона, написавшего «Психологию с точки зрения бихевиориста»). В «Лекциях о душе человека и животных» (Wundt, 1863) Вундт излагает свою программу «двух психологий»: экспериментальной (позднее он будет называть ее физиологической), где допустимо экспериментирование, и культурно-исторической (впоследствии он даст ей название «психология народов»), где экспериментирование невозможно и где используются исторический и описательный методы.

В 1874 году, когда выходит труд Вундта «Основы физиологической психологии» (Wundt, 1874) (русский перевод 1880 года (Вундт, 1880)), объем которого превышает тысячу страниц, становится ясно, что новая психология заявила о себе в полный голос. Каковы ее основные черты?

Вундт отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции. «Последние элементы, из которых самостоятельная психологическая теория выводит все сложные явления в области внутреннего опыта, суть не метафизические предположения относительно сущности души, но лишь непосредственно данные простые факты внутреннего опыта. Так как вся область внутрен-

них явлений представляет характер непосредственности, то элементарные факты этой области тоже должны быть непосредственными. Итак, психология имеет то важное преимущество перед физическими науками, что ее теория совершенно не нуждается в метафизических гипотезах. Психология все более и более будет становиться чисто опытной наукой, тогда как физика, в известном смысле, получает характер гипотетичности» (*Вундт*, 1880, с. 1010–1011). Если психология теперь наука о непосредственном опыте, то, естественно, основным методом является метод внутреннего наблюдения. Эксперимент выполняет роль вспомогательного метода. Предмет и метод находятся в тесной взаимосвязи: раз теперь изучается непосредственный опыт, то самонаблюдение должно направляться на то, чтобы исследовать структуру этого опыта. Вундт указывает, что психология находится еще в зачатке: частично по причине сложности явлений внутреннего опыта и сложности их исследования, частично из-за вредного влияния гипотез, перешедших в психологию из метафизики. Поэтому в настоящее время, считает Вундт, психология должна сосредоточиться на предварительной работе: «Путем внимательного анализа сложных фактов сознания, психология должна отыскать основные, элементарные явления внутреннего опыта; указав те соединения, в которые вступают эти элементы, и те изменения, которым они подвергаются, психология приготовит почву для будущего синтеза психологических фактов» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Вундт называет элементы – первичные факты сознания: «На первый взгляд может показаться, что первичными фактами сознания являются различные элементы – ощущение, чувство, воля...» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Заметим, что в нашей психологической литературе часто так и принято считать: Вундт расчленяет сознание на ощущения, чувства, волю. Между тем, Вундт иного мнения: «...действительным элементом всех душевных явлений мы должны признать ту деятельность, в которой первоначально соединены и ощущение и воля. Эта первичнейшая форма психической деятельности есть... побуждение» (*Вундт*, 1880, с. 1011). Действительно, мы помним, что Вундт называл себя волонтиаристом. Вундту, как выясняется, не чужды идеи развития. «Итак, путем исследования произвольных действий, мы нашли, что побуждение есть общий исходный

пункт развития как для представления, так и для воли; после этого не трудно убедиться, что, в частности, представления и вообще все сложные явления сознания заключают в себе побуждение как первичный элемент» (*Вундт*, 1880, с. 1012). Вероятно, для тех, кто по-прежнему считает, что Вундт – «интроспекционист, изучающий замкнутое в себе сознание», трудно поверить, что он мог так высказываться: «В первичный синтез всегда входит, как содействующий фактор, движение; можно думать, что это движение обусловливается элементарным побуждением...» (*Вундт*, 1880, с. 1012). Иными словами, Вундт многогранен, и внутри его системы есть положения, свидетельствующие, что к внутреннему опыту можно подходить по-разному: можно изучать структуру (с этого надо начинать), можно изучать его развитие или, вообще, рассматривать как процесс.

Словно предчувствуя, что его взгляды будут пониматься зачастую не вполне адекватно, Вундт писал: «Но мы нимало не выиграем в науке, если будем насильственно сводить сложные явления к какой-нибудь простой схеме. Единственная задача психологической теории, в которой можно рассчитывать на успех, – заключается в том, чтобы выработать, по синтетическому методу, психическую историю развития» (*Вундт*, 1880, с. 1012).

Итак, автором программы, которая позволила психологии институционализироваться в качестве самостоятельной науки, выступил В. Вундт. Историки психологии, изучавшие этот вопрос, выделили целый комплекс причин, обусловивших эту институционализацию. Среди них и использование специфических методов, и развитие смежных наук, и требования практики, и, разумеется, выделение предмета, позволяющего заявлять о несовпадении с философией, от которой психология и мечтала отделиться. Мощным фактором, стимулировавшим интерес к проблеме автономности психологии, явилась знаменитая работа О. Конта, посвященная классификации наук. По О. Конту, психологии не нашлось места в системе наук на том основании, что психология представляла собой не науку, а метафизику. Напомним, что согласно Конту, знание проходит следующие ступени: мифология, метафизика, позитивная наука. Таким образом, обязательными требованиями для разработки программ построения психологии как самостоятельной науки явились как отчетливо

артикулированный отказ от метафизики, так и объявление психологии наукой опытной, эмпирической, позитивной. В крайнем случае, можно было поставить задачу разработки новой «научной метафизики». Итак, благодаря заслугам В. Вундта, психология в последней четверти девятнадцатого века становится самостоятельной научной дисциплиной. Существовали альтернативные программы построения психологии как самостоятельной науки (Ф. Брентано, И. М. Сеченов), но «отцом» научной психологии стал В. Вундт. Физиологическая психология была принята научным сообществом, т.к. все требования были выполнены. Психология была опытной наукой, использующей измерение и эксперимент. Психология имела свои собственные законы, не сводимые ни к физиологическим, ни к каким иным. Вместе с тем, благодаря психофизиологическому параллелизму психология была приближена к естественным наукам. Все вместе настолько отличало физиологическую психологию от философии, что выделение состоялось.

Вундт последовательно реализует кантовскую программу. Напомним, кантовская критика состояла в следующем: 1) психология не может использовать математику; 2) психология не может экспериментировать; 3) в психологии нельзя выделить устойчивые элементы (как в химии); 4) самонаблюдение нарушает естественное течение душевных процессов. Полностью ответил на кантовскую критику Вундт, разработав строго под кантовские требования свою физиологическую психологию. Рассмотрим его аргументацию.

1. В части неиспользования математики ответ был дан еще И.Гербартом. Вундт дополнительно включает в состав физиологической психологии исследования в области времени реакции, психофизики. Использование фехнеровской психофизики заставляет Вундта ее переосмыслить. Г. Фехнер, которого часто называют создателем экспериментальной психологии, на самом деле психологом не был, поэтому создание психологии как самостоятельной дисциплины его не занимало. Г. Фехнер использовал психофизические измерения как средство обнаружения уравнения, верно отражающего отношения между душой и телом. Психофизика, основанная Фехнером как средство решения глобальной философской проблемы, была переосмыслена

Вундтом (фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено, сама психофизика стала интерпретироваться в духе психофизиологического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался концепции тождества). Последнее обстоятельство служит убедительным доказательством того, что психофизика была "аннексирована", включена Вундтом в состав физиологической психологии, а психофизические методы применены к исследованию другого научного предмета.

2. В части использования эксперимента задача была успешно решена за счет того, что к области физиологической психологии были присоединены исследования, которые активно использовали метод эксперимента (см. предыдущий пункт). Конечно же, необходимо учесть, что Вундт и сам использует метод эксперимента при разработке физиологической психологии. Он даже пишет, что если иметь в виду самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении (Вундт, 1880, с. 2). Нельзя не отметить, что эксперимент используется Вундтом в качестве метода вспомогательного (его роль создавать оптимальные условия для интроспекции) и возможности его ограничены (используется лишь при исследовании элементарных психических явлений).

3. По части отсутствия в сознании постоянных элементов ответ Вундта весьма любопытен. Вундт говорит, что эти элементы не открываются обыденному сознанию. Но в том случае, если испытуемый проходит специальное обучение, он может научиться в самонаблюдении выделять и описывать необходимые элементы. В вундтовской программе разработки физиологической психологии именно на описании этих элементов был сделан упор. Э. Боринг отмечает: «Вундт настаивал на тренировке испытуемых. Даже в экспериментах на время реакции в Лейпцигской лаборатории испытуемые должны были долго тренироваться для выполнения предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т.п., а также сразу сообщать, когда сознание отклоняется от требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций не подходит как источник сведений для публикации из его лабо-

ратории» (История психологии, 1992, с. 25). Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое большое число предварительных испытаний? Ответ, очевидно, чрезвычайно прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, что необходимо (исходя из задачи) – именно структуру опыта. Причем, структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было расщепить содержание опыта «на атомы», надо было найти следы «творческого синтеза». Вот как характеризует его сам В. Вундт: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем "психическими соединениями" в широком смысле слова, или – так как все душевые процессы сложны, т. е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы настолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собой нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (Вундт, б/г, с. 118). Таким образом, понятно, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблюдения вычленять в непосредственном опыте нужные элементы.

4. Наконец, замечание о том, что самонаблюдение нарушает естественное течение душевых процессов. Как ни удивительно, в этом случае Вундт соглашается с Кантом - он, несомненно, прав. Но к вундтовской физиологической психологии это отношения не имеет: с помощью самонаблюдения исследуются лишь элементарные психические явления, где - в силу их простоты - нарушать нечего. К исследованию сложных явлений, где такие нарушения возможны, метод неприменим.

Физиологическая психология, по Вундту, претендующая на самостоятельность, отделяется от философии (понятно, экспериментирующая и измеряющая наука со своими методами и специфическим предметом, основанная на исследовании фактов,

совсем не похожа на философию). К тому же Вундт подчеркивает, что физиологическая психология свободна от всякой метафизики, в ней не место произвольным гипотезам, она полностью основана на фактах. Заметим, что это заигрывание с позитивизмом было возможно только потому, что физиологическая психология представляла собой чрезвычайно ограниченную область – ощущения, восприятия и движения.

Психология стала самостоятельной. А стала ли она наукой?

Вопрос совсем не так прост, как это может показаться. Большинство исследователей вообще предпочитают не останавливаться на этом моменте. Специальное исследование по этому поводу было проведено С. Л. Рубинштейном. В статье «Философские корни экспериментальной психологии», опубликованной в 1940 году, С. Л. Рубинштейн анализирует различия между знанием и наукой: «говоря о науке, мы отличаем ее от совокупности сведений, взглядов или возврений по вопросам той или иной области знания. Существенным для науки является наличие определенной системы знаний, отражающих специфическую логику ее предмета, и специфических адекватных ее предмету методов исследования, позволяющих перейти от более или менее случайного накопления знаний к плановому, систематическому их добыванию» (Рубинштейн, 1973, с. 70). Нельзя не согласиться с С. Л. Рубинштейном, подчеркивающим особенное значение выявления обстоятельств рождения науки: «При этом нужно учитывать, что история науки – это история конкретных исследований, приводящая к последовательному накоплению конкретных знаний и методов исследования, преемственно между собою связанных, и теоретических концепций, которые превращают совокупности знаний в систему науки. Лишь в своем единстве, взаимопроникновении и взаимообусловленности история конкретных исследований и теоретических концепций образует подлинную историю науки» (Рубинштейн, 1973, с. 70–71). Этот переход от знания к науке, как известно, в механике происходил в XVII в., в большинстве областей знания – в XVIII в. В психологии он свершился во второй половине XIX столетия. Как замечает С. Л. Рубинштейн, «лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятель-

ную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т.е. специфичной для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний» (*Рубинштейн*, 1973, с. 71).

С. Л. Рубинштейн, на статью которого мы неоднократно ссылались, М. С. Роговин (*Роговин*, 1969)], М. Г. Ярошевский (*Ярошевский*, 1985), А. Н. Ждан (*Ждан*, 1990) и др. справедливо указывают на то, что для отделения психологии должны были сформироваться предпосылки. Среди предпосылок: философско-методологические (концепция сознания Декарта-Локка, картезианское понятие рефлекса); развитие научных областей, на которые психология должна опираться (физиология, биология); развитие экспериментального метода (в физиологии органов чувств). Среди факторов, влиявших на выделение психологии можно назвать еще многие. Среди них и те, которые имеют непосредственное отношение к логике развития знания, заставляющие его переходить на новый уровень.

Итак, по внутренним критериям физиологическая психология, безусловно, становится наукой. Метафизика решительно изгоняется из психологии. Вундт соглашается рассматривать душу лишь как собственно «логический субъект внутреннего опыта» (*Вундт*, 1880, с. 9). Существовавший ранее необходимый «образец» (напомним, им для Вундта была химия) становится уже не так нужен. Вместо того, чтобы утверждать, что психология должна строиться по образцу физики или химии, достаточно заявления, что психология должна изучать структуру опыта. Это важное отличие. Оно означает, что психология начинает руководствоваться собственной логикой. Не статика и механика, но структура, функция, процесс становятся психологическими категориями. К ним добавляются имеющие совсем иное происхождение история, генезис, уровень. В основу кладутся иные понятия. Вундт говорит, что только тогда можно будет установить истинное значение классификационных понятий, когда «будут разобраны элементарные проявления нашей внутренней жизни» (*Вундт*, 1880, с. 11).

Подведем итоги. Психология стала наукой. История показала, что кантовская критика возымела действие. Психология стала использовать и эксперимент (в физиологической психоло-

гии) и математику (это предлагал еще Гербарт, математику вынудил в психофизику Фехнер, а психология Вундта использовала, ассимилировала, «включив» в пространство физиологической психологии).

Психология стала по-настоящему опытной позитивной наукой. Она отказалась от метафизики, от априорных концепций и принялась изучать феномены и находить их законы.

Благодаря принципу психофизиологического параллелизма психология сохранила теснейшую связь с физиологией, которая, несомненно, являлась естественной наукой, но, тем не менее, оказалась несводимой к физиологии, отличной от нее.

Благодаря этим обстоятельствам психология смогла в глазах научной общественности претендовать на самостоятельность и независимость от философии. Это, кстати, объясняет парадоксальный факт – Вундт, окончивший медицинский факультет, и занимавшийся впоследствии физиологией, «выделил» психологию из философии, хотя был противником полного отделения, считая, что психология – философская наука и отрыв от философии повредит в первую очередь самой психологии (к этому вопросу мы еще вернемся). Это, так сказать, «внешняя» история выделения психологии. Внешняя, в том смысле, что «решение» о выделении принимает научное сообщество. Официальная институционализация (решения правительства, создания институтов, проведение мероприятий, открытие кафедр и т.д.) в конечном счете зависит от признания научного сообщества. Именно поэтому психологии важно было соблюсти *внешние* признаки научности, сориентироваться на идеал «естественных» наук. Вундт это сделал, хотя он прекрасно понимал, что «естественно-научной» модели соответствует только часть психологии (физиологическая психология). Таким образом, ценой выделения психологии в самостоятельную науку было ее расчленение на две части: физиологическую психологию и психологию народов. К чести Вундта, нужно сказать, что он сделал все, чтобы сохранить преемственность и взаимодействие между «психологиями». Тем не менее, раскол состоялся.

Однако была и «внутренняя» история выделения. Обратим внимание и подчеркнем самые основные моменты. На место существовавших представлений о душе или внутреннем опыте

Вундт ставит непосредственный опыт. Таким образом, психология приобретает новый предмет. Кстати, по утверждению Вундта, предмет уникален. Только психология имеет дело с непосредственным опытом. В этом заключается психологизм Вундта. Все остальные науки используют опосредсованный опыт. Уже поэтому психология имеет право на самостоятельность. Вундт прекрасно понимал, что предмет психологии (наука о непосредственном опыте) предполагает определенный метод и этот метод, несомненно, *внутреннее наблюдение*. И Кант, и, позднее, Конт, как известно, весьма скептически отзывались о возможностях этого метода. Поэтому он нуждался в модификациях. Они были осуществлены Вундтом.

Другой важный момент состоял в том, что, в соответствии с позитивистской моделью науки, психология, по утверждению Вундта, должна была становиться все более непосредственной наукой. Первично изучение фактов, из них выводятся законы. Вундт допускает возможность вспомогательных гипотез, как необходимого научного инструмента. Метафизические понятия (изначально) отвергаются. Так, Вундт отказывается использовать понятия «сил» и «способностей». Но глобальных расчленений внутри психологии избежать не удается. Вундт фактически использует классификации, восходящие еще к Платону (познание, чувствование, желание) и Аристотелю (ощущение и мышление), хотя и настаивает на их соответствии данным внутреннего опыта. Как пишет Вундт, «если психология действительно не в состоянии положить в основу своих объяснений и выводов понятие о силе, в том смысле, в каком оно утверждено физическими науками, то лучше воздержаться от преждевременных выводов, чем исходить из понятий, принятых в ложном смысле. Однако мы впоследствии убедимся, что и в области внутреннего опыта понятие о силе получит истинное значение, если мы перестанем видеть в явлениях внутренней жизни проявления метафизической субстанции, или изменения ее под влиянием внешних воздействий, но будем изучать элементарные явления психической жизни в их непосредственном взаимодействии» (Вундт, 1880, с. 21). Последнее утверждение, на наш взгляд, чрезвычайно важно, т.к. оно проливает свет на замысел Вундта. Психология, во всяком случае, на первых этапах, должна иссле-

довать структуру непосредственного опыта. Здесь может быть прослежена аналогия с химией, но это только аналогия. У психологии теперь своя – если угодно – научная *психологическая логика*. Выявив свой предмет, психология у Вундта формирует строй понятий. Для этого используются те, которые использовались в психологии традиционно, но все они наполняются новым содержанием. По нашему мнению, понятие «структур», выделенное в системе Вундта, играет совершенно особую, конституирующую роль. Если это так, то аналогичные понятия должны обнаруживаться и в других психологических концепциях. Отказ от метафизических основоположений заставлял искать какую-то иную логику для построения науки. Физиология могла дать это лишь в очень ограниченной области. Физика и химия тоже могли выступать лишь источником аналогий. В пятом издании «Основ физиологической психологии» Вундт попытался осмысливать, каковы действительные основания физиологической психологии. Ограниченнность метода была очевидной. Без гипотез не обойтись. И здесь на помощь приходит понятие «структура». Хотя, как мы увидим, Вундт недаром был эклектиком. В его концепции находится место и идеи развития, и идеи процесса.

Правда, это Вундтовская версия. Были и другие.

В частности, Ф. Брентано, создавший свой вариант феноменологической психологии, и И.М.Сеченов, разработавший психологию, направленную на изучение развития поведения.

В работах выдающегося русского физиолога И.М.Сеченова (1829-1905) была предложена программа развития психологии, альтернативная вундтовской. Программа И.М.Сеченова неоднократно подвергалась методологическому анализу (Ярошевский, 1981, 1996) и хорошо известна, поэтому не будем ее здесь подробно анализировать. Обратим внимание лишь на некоторые моменты. «Открытие новой формы жизнедеятельности организма, ставшей во имя сохранения его нераздельности связующим звеном между тем, что относилось к ведению физиологии – с одной стороны, психологии сознания – с другой (т.е. появление науки о поведении), позволило Сеченову в особой исторической ситуации выдвинуть, используя преимущества этого открытия, план создания новой психологии» (Ярошевский, 1996, с. 375). «Сеченов разработал (считая, что время

для этого подоспело) свою программу объективной психологии. Собственно психологический уровень отношений индивида к миру имеет свою онтологическую структуру и, соответственно, воссоздается в понятиях и категориях не идентичных поведенческим. Таковы категории образа, личности, отношения и др.» (Ярошевский, 1996, с. 376).

М.Г.Ярошевский отмечает, что такой подход был полярен по отношению к программам разработки психологии, сформулированным в Европе. Западные психологические школы свой предмет отграничили от предмета физиологии по критерию различий между телом и сознанием. «Постулировалось, что психическое начинается и кончается в сознании. На этом основании внешняя мышечная работа и ее внешние объекты, поскольку они не входят в «ткань» сознания, оказываются «за бортом» истинной психологии» (Ярошевский, 1996, с. 376). У Сеченова, отмечает М.Г.Ярошевский, путь к новой психологии пролегал не от органов чувств, а от целостного организма, осваивающего предметную среду.

«У Сеченова категории науки о поведении (торможение, сигнал, мышечное чувство и др.) вошли в новую, теперь уже психологическую науку. Но вошли в преобразованном виде. Понятие о торможении выступило как механизм задержки действия, в силу чего оно из внешнего становится внутренним» (Ярошевский, 1996, с. 376). «В то же время торможение позволяло понять самую выдающуюся способность волевого действия, а именно способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе» (Ярошевский, 1996, с. 376). «Внешний раздражитель, преобразованный в науке о поведении в сигнал, в новой, теперь уже психологической системе из сигнала-чувствования (каким он являлся в исходной схеме) обретает значение чувственного образа объекта. Мышечная реакция, преобразованная в науке о поведении в работу органа, снабженного аппаратом различения внешнего пространственно-временного континуума, оборачивается на новом – теперь уже психологическом – уровне, ролью архитектора элементов мысли» (Ярошевский, 1996, с. 376).

Как отмечает М.Г.Ярошевский, в итоге в России взамен

прежней антропологической диады «тело – душа» (или «организм – сознание») появилась обладающая эвристическим потенциалом триада «организм – поведение – сознание» (Ярошевский, 1996, с. 376-377).

Обратим внимание на то, что в работах И.М.Сеченова сложилось представление о психическом как процессе, во многом определившее развитие не только отечественной психологии, но и мировой. Сеченовым была представлен вариант естественнонаучной психологии, ориентированный не на категорию «структура», а на категорию «процесс». Процессуальный подход, естественно, оказывается более целостным, что определяет его большие объяснительные возможности.

Как уже было сказано, вундтовская программа построения психологии как самостоятельной науки не была единственной, достаточно скоро появились альтернативные программы. Программа Сеченова, кратко рассмотренная выше, была одной из них, другой явилась психология актов Франца Брентано (1838-1917). Франц Клеменс Гоноратус Герман Брентано – автор книги "Психология с эмпирической точки зрения", первый том которой был опубликован в 1874 году. Работа содержала существенно иной взгляд на психологию в целом и на метод интроспекции, в частности.

Согласно Брентано, психология изучает 1) элементы сознания и способы их соединения, а также 2) предпосылки и условия возникновения этих элементов. «Первое – сфера дескриптивной психологии (или описательной феноменологии), второе – предмет генетической психологии. Дескриптивная психология анализирует и описывает феномены нашего сознания, т.е. факты, непосредственно данные в опыте, или предметы, которые имеют место во внутреннем восприятии. Свою работу Брентано относил к дескриптивной психологии, уточняя., что занят «психогнозией». Психогнозия обозначалась им как «психология в собственном смысле слова», в противоположность к генетической психологии, которой, учитывая ее интерес к физико-химическим процессам головного мозга, скорее подобает называться физиологической психологией...» (Анашвили, 1996, с.155). Обратим внимание, что если Вундт в своей физиологической психологии исследует простейшие явления, максимально

приближенные к физиологии (ощущения и произвольные движения), то Брентано хочет изучать полноценные психические акты.

Если для В.Вундта идеалом научности была химия, то Ф.Брентано, бывший католический священник, полагал, что ключом к новой психологии являются идеи Аристотеля. Аристотелевский подход, как известно, определяется как биологический. Поэтому в концепции Брентано особая роль принадлежит активности познающего субъекта. Характерной для сознания является интенциональная направленность на объект. "Каждый психический феномен характеризуется тем, что схоласти в средние века называли интенциональным существованием объекта" (Brentano, 1874, s.116). Брентано не принимает психологию как науку о содержаниях сознания. По Брентано, подлинной задачей психологии является описание актов сознания. Как пишет Брентано, "примерами психических феноменов могут быть любые представления с помощью ощущения или фантазии, я понимаю здесь под представлением не то, что представляется, но сам акт представления» (Brentano, 1874, s.103-104]. Все психические акты, согласно Брентано, могут быть отнесены к следующим классам: акты представления (*Vorstellungen*), суждения (*Urteile*), оценки (чувства) (*Gefühle*) (Brentano, 1925).

"Для Брентано исходным являлось понятие не об элементе сознания, а о его акте, понимаемом как функция субъекта, выраженная в его направленности на объект. Поэтому психолог, согласно Брентано, должен исследовать не элементы (ощущения различного качества, интенсивности и т.д.), а акты, благодаря которым эти элементы становятся объектами осознания" (Ярошевский, 1985, с.227). М.Г.Ярошевский, сопоставляя методологические позиции В.Вундта и Ф.Брентано, отмечает: "Оба исходили из того, что предметом психологии является сознание. Оба интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но Вундт рассчитывал выяснить с помощью изощренной интроспекции и вспомогательных физиологических приборов состав сознания: какова его (сенсорная в своей основе) "фактура". Брентано полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты, действия, внутренние операции" (Ярошевский, 1985, с.228). "С

точки зрения Брентано, принятая в лабораториях физиологической психологии процедура анализа сознания укладывает в прокрустово ложе реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе" (Ярошевский, 1985, с.228). М.Г.Ярошевский так интерпретирует различия в интроспективном методе у Вундта и Брентано: "субъективный (интроспективный) метод приобрел у тех, кто отправлялся от Вундта одну направленность, от Брентано - другую. В обоих случаях утверждался феноменологический подход (объект анализа - феномены сознания). Различие же состояло в том, что последователи Вундта устремлялись к гипотетическим структурным элементам, недоступным неискушенному наблюдателю, тогда как воспитанники Брентано культивировали исследование сознания в его целостности и доподлинности, свободной от предвзятых теоретических схем" (Ярошевский, 1985, с.228). С последним утверждением М.Г.Ярошевского вряд ли можно полностью согласиться. Брентано, как известно, был сторонником мнения, что внутреннее восприятие дает человеку истинную информацию: "феномены, постижимые умственно, верны сами по себе", в чем видел огромное преимущество психологии над науками физическими (Brentano, 1874). Брентано подчеркивал целостность душевной жизни. "Сознание в единстве его актов Брентано сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой" (Ждан, 1990, с.194). Для того, чтобы обеспечить интроспективное описание этой целостности, Брентано был вынужден существенно модифицировать метод. Как отмечал Э.Гартман, "непосредственный опыт не есть непосредственное наблюдение своих собственных душевных процессов в то время, как они протекают, так как - и в этом Брентано прав - такое наблюдение невозможно, а он есть восприятие этих процессов в воспоминании, без чего сама психология не могла бы существовать" (Гартман, 1902, с.17). Таким образом, платой за целостность является "расширение", точнее, размывание метода, включение наряду с внутренним восприятием в структуру метода элементов ретроспекции. Поэтому вряд ли правомерно утверждать, что Брентано изучает сознание в его "доподлинности". При ближайшем рассмотрении процедура оказывается не менее искусственной, чем аналитическая интроспекция Вундта.

Суровую итоговую оценку методу Брентано дает Э.Гартман, работу которого мы уже цитировали: "Что этим самым (восприятием душевных процессов в воспоминании - В.М.), кажущееся непосредственным, наблюдение, тем не менее, становится опосредованным, хотя и в иной форме, чем наблюдение душевных процессов у других - этого Брентано не принял во внимание; он также мало взвесил и то, что создание эмпирических правил неопределенного, неточного характера с многочисленными исключениями вряд ли заслуживает названия науки" (Гартман, 1902, с.17).

Таким образом, согласно Ф.Брентано, метод интроспекции должен описывать акты сознания, а не собственно содержания. При этом описание должно быть по возможности более полным, исчерпывающим. В этих условиях ограничения, налагаемые методом эксперимента (напомним, Вундт использовал эксперимент главным образом для того, чтобы стандартизовать интроспекцию), являются излишними, поэтому Брентано настаивает на том, что психология должна быть наблюдательной - экспериментальные процедуры представляют собой "прокрустово ложе" для самонаблюдения.

Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтеем (1833-1911) (Дильтей, 1996). В работах Дильтея получила развитие идея целостности психических актов, высказанная Брентано. На наш взгляд, Брентано одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д.

Вундтовской психологии, которую Дильтей определял как объясняющую, конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтеевской психо-

логии написано очень много, что избавляет от ее подробного представления. Но, к сожалению, очень часто возникают недоразумения. Достаточно распространена, к примеру, точка зрения, согласно которой: «В психологии Дильтея достигает своего предельного выражения дуализм низшего и высшего, отчетливо выступивший уже у Вундта, — это метафизическое разделение психологии на два этажа, или, как писал Л.С. Выготский, «на две науки — физиологическую, естественнонаучную или каузальную психологию, с одной стороны, и «понимающую», описательную или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук, с другой» (История психологии, 1992, с. 318). То, что справедливо для психологии Вундта, не является таковым для Дильтея. Различие между объяснительной и описательной (понимающей, расчленяющей) для Дильтея чисто *методологическое*: один или другой подход может быть распространен на *всю* психологию. За объяснительной психологией признается право на существование, но ее значение невелико. Характеристика описательной психологии хорошо известна. «Под описательной психологией я разумею изображение единственно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни. Она изображает эту связь внутренней жизни в некоторого рода типическом человеке. Она пользуется всяким возможным вспомогательным средством для разрешения своей задачи. Но значение ее в шкале наук основывается именно на том, что всякая связь, к которой она обращается, может быть однозначно удостоверена внутренним восприятием, и каждая такая связь может быть показана как член объемлющей ее, в свою очередь, более широкой связи, которая не выводится путем умозаключения, а изначально дана» (Дильтей, 1996, с. 28). «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естествен-

ных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различие отдельных членов его — дело уже последующего. Этим обусловливается весьма значительное различие методов, с помощью которых мы изучаем душевную жизнь, историю и общество от тех, благодаря коим достигается познание природы» (Дильтей, 1996, с 16). «Итак, необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод, и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции, причем она сознает наличие положенных им пределов и применяет эти конструкции так, что такие гипотезы не являются, в свою очередь, основанием для дальнейших гипотетических объяснений. Она будет основанием наук о духе, подобно тому, как математика — основа естествознания» (Дильтей, 1996, с.89).

Дильтей подверг резкой критике объяснительную психологию Лотце, Вундта и др. представителей современной немецкой психологии. Главными ее недостатками Дильтей видел элементаризм и конструктивизм. По Дильтею, эта психология пытается выделить исходные элементы в сознании, из которых с помощью произвольных гипотез пытается сконструировать целое. Поскольку интерпретации произвольны и гипотетичны, маловероятно, что итоговая картина будет соответствовать действительности.

Этой психологии Дильтей противопоставляет собственный подход, который называет описательной (понимающей, расчленяющей) психологией.

Нам очень важно подчеркнуть следующий момент. Если Вундт строил физиологическую психологию «снизу», отправляясь от простейших психических явлений максимально близких к физиологии, то герменевтическая психология исходила из необходимости изучать сложные проявления психической жизни.

Если Вундт осваивал «пограничные» области психологии, то Дильтея имел в виду рассмотрение «настоящей» психической жизни во всей ее сложности.

Таким образом, в работах В.Дильтея оформилось представление о неклассической психологии, которое впоследствии стало фундаментом герменевтической (гуманитарной) парадигмы в психологии.

Сложившиеся в 70-е – 80-е гг. XIX столетия программы построения научной психологии определили направление развития психологии в двадцатом столетии: возникшие основные школы в психологии, с одной стороны, продолжали развивать отдельные положения, заявленные в первых программах, а с другой – полемизировали с ними.

Естественно, продолжали существовать различные варианты философской психологии. Продолжал существовать психологический ассоциационизм, представленный могучей фигурой Александера Бэна. Эволюционизм Герберта Спенсера по-прежнему был популярен. Но победила новая психология Вильгельма Вундта. Перед нами открывается возможность обратить внимание на методы новой научной психологии и попытаться выявить их взаимосвязь с теорией. Детально этот вопрос будет проанализирован в следующих разделах данной главы.

Главный итог все же состоит в том, что психология как наука была признана научным сообществом. Это открыло дорогу для организационных достижений. Задача, соответствующая духу времени: человеческая душа стала предметом научного анализа. Наука охватила ту сферу, которая до этого казалась для нее закрытой. Как ни сетовали многие на то, что каждый психологию понимает по-своему, вундтовская программа имела огромный авторитет, поэтому в продолжение некоторого времени научная психология связывалась исключительно с вундтовской психологией. Горькие слова И.Г.Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда, безусловно, справедливые, уже в восьмидесятые годы казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, сле-

дует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» (цит. по Ланге, 1893, с. XLV–XLVI). Достижением новой научной психологии было то, что она действительно обрела то, что на какое-то время показалось общим и связующим. Этим общим и связующим, несомненно, стали действительно эмпирический характер науки (психология, как отмечалось, стала эмпирической наукой) и методы, которые, обретя некую стандартизацию, сделали возможным воспроизведение результатов в других лабораториях.

Итак, психология стала наукой и в этом становлении велика была роль психологических методов. На этом вопросе мы остановимся подробно в следующем разделе.

Вундт рассматривает физиологическую психологию как чисто эмпирическую науку. Однако на этом основании недальновидно было бы делать вывод о том, что Вундт был сторонником «чистой» эмпирической психологии. Анализируя отношения психологии и философии, Вундт утверждает, что психология должна остаться философской дисциплиной. «Чистая» экспериментальная психология легко вырождается в «ремесленничество», при котором (напомню, что психология преподавалась в университетах с философских кафедр) высказывание известного историка философии, цитируемое Вундтом, становится похожим на правду: «... для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой» (Вундт, 1913, с. 97–98). Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку («... мой план принесет не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки» (Вундт, 1913, с. 129), но разрыв с философией считает крайне вредным: «... более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисцип-

лиnam, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические взгляды скрытые и – если отделившись от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» (*Вундт, 1913*, с. 117). Напомним, что эти строки написаны в 1913 году, когда психология окончательно «завоевала» место под солнцем среди других наук.

Таким образом, точку зрения позднего Вундта можно сформулировать следующим образом: необходимо содружество философии и психологии. Психология как чисто эмпирическая наука невозможна. Существуют некоторые теоретические основания, которые предшествуют эмпирическому исследованию. К ним, согласно Вундту, относится понимание психического (метафизические взгляды).

В заключение настоящего раздела отметим, что за пределами анализа остались методологические основы вундтовская программы построения «Психологии народов». Автор планирует посвятить исследованию этого вопроса специальную работу, хотя нельзя не отметить, что влияние этой части вундтовского наследия на мировую психологическую науку было явно слабее. Сошлемся в этой связи на мнение американских исследователей: «Развитию культурно-исторической психологии Вундт посвятил 10 лет, но она не оказала существенного влияния на американскую психологию. В статьях, опубликованных за 90 лет в «Американском психологическом журнале», во всех выдержках из произведений Вундта на долю «Психологии народов» приходится всего 4 процента цитат.. Для сравнения: на «Основы физиологической психологии» делаются ссылки в 61 проценте случаев» (Шульц, Шульц, 1998, с. 93–94)).

Кантовская «двойная программа» была полностью выполнена Вильгельмом Вундтом: психология стала использовать эксперимент и математику; в сознании с помощью внутреннего восприятия выделялись устойчивые элементы; психология обосновывалась с помощью физиологии. Психология стала наукой о непосредственном опыте, приступила к изучению фактов, как

того требовал позитивизм, формулируя общие и частные законы. Поэтому Вундт и декларировал отделение психологии от философии и провозгласил психологию самостоятельной наукой. При этом не акцентировалось, что научная физиологическая психология, изучающая лишь ощущения и движения, реально исследует только малую часть проблемного поля психологии в целом. Молчаливо предполагалось, что это только начало, дальше все пойдет по нарастающей.

Несмотря на то, что «ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем» (Ярошевский, 1985, с. 225), В. Вундт по праву считается создателем научной психологии, т. к. главная цель была достигнута – психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным сообществом и закреплено институционально.

И, наконец, самый последний момент. Было бы недальновидно полагать, будто рассуждения Вундта о методологических вопросах психологии целиком принадлежат прошлому. Мы уже приводили высказывание М. Г. Ярошевского, согласно которому ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытания временем. В значительной степени это так. Но, как ни парадоксально, идеи Вундта, «конструктивно заложенные» в научную психологию, продолжают жить в виде неявных методологических допущений. И в этом отношении современная научная психология является «наследницей по прямой» вундтовской психологии. Логика обоснования научной психологии и общая направленность ее развития до сих пор в значительной степени определяется вундтовской психологией. Впрочем, это тема для отдельной статьи.

Библиографический список

1. *Анашивили В.А.* Примечания / Брентано Ф. Избранные работы. М., 1996
2. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971.
3. *Брентано Ф.* Избранные работы. М., 1996
4. *Брес И.* Генезис и значение психологии // Современная наука: Познание человека. М.: Наука, 1988, с. 123–140.
5. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического

- схизиса // Вопросы психологии, № 6, 1996, с. 25–40.
6. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко, 1880.
7. *Вундт В.* Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. СПб.: Типогр. П. П. Сойкина, б/г.
8. *Вундт В.* Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. СПб.: Образование, 1913, с. 93–131.
9. *Гербарт И. Ф.* Психология. СПб.: Изд. редакции журнала «Пантеон литературы», 1895.
10. *Дессуар М.* Очерк истории психологии. СПб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.
11. *Ждан А.Н.* История психологии. М.: МГУ, 1990
12. *Ивановский В.Н.* Предисловие редактора перевода // *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. магазина "Книжное дело", 1899, с. I-XXX
13. *Ивановский В.Н.* Джон Стюарт Милль (1806-1873) и его "Система логики" // *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Преподисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2011, с. 17-78
14. История психологии: период открытого кризиса: Тексты. / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ, 1992.
15. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
16. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Мысль, 1966.
17. *Козлов В. В.* Интегративная психология – возврат к предмету психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т. 1. Вып. 1, 2006, с. 132–146.
18. *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб.: Изд. «Вестник Знания», 1910.
19. *Ланге Н. Н.* Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
20. *Мазилов В. А.* Методологические вопросы психологии. Ярославль: МАПН, 2005.
21. *Мазилов В. А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.

22. *Мазилов В. А.* Создатель научной психологии: Вильгельм-Макс Вундт и методологические проблемы психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. Выпуск 2 (8), 2004, с. 28–37.
23. *Мазилов В. А.* Стены и мосты: Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
24. *Мазилов В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
25. *Майоров Г. Г.* Вольф // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопед., 1989, с. 96–97.
26. *Милль Д. С. О.* Конт и позитивизм // Огюст Конт и положительная философия. СПб.: Типография Н. Тиблена и Комп., 1867, с. 1–185.
27. *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1914.
28. *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М.: Изд. магазина "Книжное дело", 1899
29. *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2011
30. *Милль Д. С.* Система логики. Т.2. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1867. С. 538.
31. *Милль Д. С.* Система логики. Т.2. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1867. С. 538.
32. *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1905.
33. *Рамуль К. А. К. Д. Ушинский и современная ему западно-европейская психология* // Вопросы психологии, № 5, 1956, с. 114–124.
34. *Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1904.
35. *Робинсон Д. Н.* Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, истории и теологии им. Св. Фомы, 2005.
36. *Роговин М. С.* Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

37. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973, с. 68–90.
38. Туган-Барановский М.Н. Джон Стюарт Милль // Адам Смит. Беккариа. Бентам. Д.С.Милль // Биографические повествования . Челябинск, 1998, с. 209–300
39. Финн В.К. Д. С. Милль и его идеи об индукции и «логике нравственных наук» // Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Пер. с англ. / Предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2011, с. 7-14
40. Финн В.К. Система логики силлогистической и индуктивной // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009, с.867-868
41. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. СПб.: Мифрил, 1993. Т.1, 687 с.; Т. 2, 798 с.
42. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15–98.
43. Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998
44. Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981
45. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд. дораб. М.: Мысль, 1985.
46. Ярошевский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. М.: Издво «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
47. Binswanger L. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie. Berlin, 1922.
48. Boring E. A. History of experimental Psychology. 2nd ed. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950.
49. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.
50. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte / Hrsg. von Oskar Kraus. Bd 2. Leipzig: Meiner, 1925.

51. *Ebbinghaus H.* Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902.
52. *Ebbinghaus H.* Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
53. *Jaccard P.* La unconscious, les reves, les complexes. P.: "Payot", 1973.
54. *Tetens J.N.* Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung. Kiel, 1776.
55. *Wolff Ch.* Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1732.
56. *Wolff Ch.* Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734.
57. *Wundt W.* Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung. Leipzig; Heidelberg: Winter, 1862.
58. *Wundt W.* Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtlander, 1911.
59. *Wundt W.* Elemente der Volkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1913.
60. *Wundt W.* Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1896.
61. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 3 umgearb. Aufl. Leipzig: Engelmann, 1887. Bd. 1. XII, 544 S.; Bd. 2. X, 562 S.
62. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV, 553 S.; Bd. 2. VIII, 686 S.; Bd. 3. IX, 796 S.
63. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.
64. *Wundt W.* Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig: Boss, 1863–1864. Bd. 1. XIV, 491 S.; Bd. 2. VII, 463 S.

a. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИИ

1.2.1. Развитие методов психологии (ранние этапы)

Проблема метода в психологии – проблема чрезвычайно интересная и, как это ни покажется удивительным, недостаточно исследованная. Последнее утверждение может показаться просто абсурдным, но много ли нам известно о методах донаучной и философской психологии? Вероятно, имей мы ответы на вопросы о методах предшествующих стадий развития науки, легче было бы разобраться с методами собственно научной психологии. Но, к сожалению, специальные исследования по данной проблематике практически отсутствуют, а мифов и нерешенных вопросов очень много. К примеру, расхожее мнение утверждает, что философская психология использовала метод интроспекции. Тем самым предполагается, что основа этой психологии была эмпирическая: “заглянув в себя”, философский психолог, якобы, основывался на фактах “душевной жизни”. Между тем философская психология была дисциплиной скорее “теоретической” (по Х.Вольфу). П.Фресс отмечал, что анализ психической жизни на этом этапе всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем (Фресс, 1966, с.18). Поэтому подобный вывод представляется весьма поспешным и явно не соответствующим действительности. М.С. Роговин в свое время указал на это несоответствие, высказав соображение, что главная роль в философской психологии принадлежит методу интерпретации. Признавая важную роль интерпретации и в донаучной и, в особенности, в философской психологии, тем не менее, хотим отметить, что метод интерпретации, по-видимому, не исчерпывает всего богатства методов философской психологии.

Предпримем краткий очерк методов, которые использовались на ранних этапах развития психологии².

² В данной работе мы коснемся истории методов донаучной и философской психологии лишь в том объеме, который необходим для выявления генезиса методов научной психологии. Отметим, что предыстория методов представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу, решение которой настоятельно необходимо.

О проблеме метода в донаучной и философской психологии

История психологии начинается с донаучной психологии, которая существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М.С. Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино. Отметим только, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение (случайное, несистематическое, нецеленаправленное). В основном оно носило внешний характер: наблюдения за собственным поведением, за своими особенностями явно имели значение вспомогательное, дополнительное. Житейское наблюдение выполняло роль “эмпирического” метода. Своего рода “теоретическим” методом являлся метод интерпретации. Основу метода интерпретации составляли общелогические приемы познания: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование. Важно подчеркнуть, что такие авторы как А.А. Потебня и М.С. Роговин указывали на роль языка в этом процессе: “Важную роль в формировании понятий о психическом играло развитие языковых значений, ибо в речи происходит объективация внутреннего субъективного мира человека, который таким образом становится предметом анализа, как нечто уже в какой-то степени отчужденное” (Роговин, 1969, с.38).

Таким образом, ведущими методами на этом этапе развития психологии являлись житейское наблюдение и последующая интерпретация: познавательная деятельность здесь регламентируется правилами языка и логики.

Можно согласиться с М.Дессуаром, утверждавшим, что у психологии много “корней”. Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т.д. (психогностика) (Дессуар, 1912). Стоит учесть также высокую вероятность возникновения опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т.д.

К сожалению, здесь нет возможности также обсуждать сколь-нибудь подробно специфику методов философской психологии. Для рассматриваемого вопроса существенно изменение

метода, используемого в философской психологии. Можно согласиться с М.С. Роговиным в том, что в философской психологии важная роль принадлежала методу интерпретации. Интерпретация становится в философской психологии ведущим методом. Изменяется ее внутренний состав: наряду с анализом, синтезом, обобщением, абстрагированием все шире используются такие общелогические приемы познания как аналогия, дедукция, индукция, классификация. Наблюдение теперь играет подчиненную, вспомогательную роль. Если ранее психогностика представляла собой набор случайных наблюдений и правил благоразумного поведения, то уже у Аристотеля (“Риторика”) психогностика становится “систематической”, приобретает характер связного изложения: выявляются типы характеров, возрасты, различные жизненные обстоятельства. Формулируются обобщения, основанные на предположениях, 1) что наличие всех условий поступка приводит к его осуществлению, 2) что каждому человеку свойственны обычные склонности его возраста, профессии и положения (Дессуар, 1912). У Теофраста, продолжившего занятия типологией характеров, можно увидеть как жизненные типы, так и почерпнутые в сочинениях комических поэтов. Вполне законченный характер типология темпераментов, описанная Аристотелем, получает у Галена.

Вместе с тем наблюдается явная тенденция к самопознанию. “К концу древних веков эти попытки получили огромное значение. Они вылились в форму автобиографий, монологов, романов, лирики и сухих отчетов. Их общая черта – стремление индивидов к самопознанию” (Дессуар, 1912, с. 10). Филон Александрийский (I век) рассказывает, что его сознание часто бедно мыслями до тех пор, “пока не разверзаются недра души”, Аристид (II век) описывает подробно свои странные сны и экзатзы (Дессуар, 1912). Можно вспомнить “Размышления” Марка Аврелия (II век)... Таким образом, в философской психологии происходит зарождение нового метода – самонаблюдения и самоанализа. Одним из наиболее ярких представителей был Аврелий Августин (354-430). В его “Исповеди” (Августин, 1992) можно найти яркие примеры использования этого метода, что позволяет некоторым историкам науки считать Августина предшественником психоанализа. На наш взгляд, не стоит назы-

вать Августина изобретателем “интроспекции” (даже картезианская интуиция не была еще интроспекцией в классическом смысле). Необходимо отметить, что христианство оказало влияние на широкое распространение самоанализа, как дела угодного Богу, т.к. “оно тесно связано с христианской добродетелью смирения и приводит к покаянию” (Дессуар, 1912, с. 10-11). “Отсюда развилась новая психогностическая техника, опиравшаяся на такие церковно-обрядовые формы, как исповедь, аскетизм и молитва. Лучшими продуктами творчества в этой области история обязана мистикам двенадцатого века, которые подвергали тщательному анализу все душевые состояния и стремились к божественной благодати через внутреннее самовоспитание” (Дессуар, 1912, с. 11).

Вообще стоит отметить, что очень часто различные методы используются в комплексе. Хорошим примером в этом отношении может служить Аристотель. Он широко пользуется фактами самонаблюдений, много наблюдает за другими людьми. Факты социальной жизни также в поле его наблюдений. У него есть собственные анатомические и физиологические наблюдения, он использует данные врачей. Сравнивает, обобщает, классифицирует... Кстати, у Аристотеля можно найти указания на использование метода эксперимента в психологии. Вспомним известную иллюзию Аристотеля. Воспользуемся описанием У. Джемса: “Один из древнейших примеров этой иллюзии мы находим у Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, вставочку или какой-нибудь другой небольшой предмет. Он покажется двойным” (Джемс, 1905, с.270). Здесь важно то, что убедиться в наличии иллюзии можно только осуществив опыт. Можно констатировать, что в донаучных разновидностях психологии мы сталкиваемся с теми же методами, что позднее будут использованы в научной психологии. Поэтому научная психология отличалась не столько использованием определенных методов как таковых, сколько изменением внутренней структуры этих методов и, главным образом, тем, что включались в другую концептуальную структуру.

Необходимо подчеркнуть, что античность и средневековье проблеме метода не уделяли большого внимания. Не то чтобы этой проблемы не существовало, она, конечно, была, но явно

находилась на периферии интересов ученых. По-видимому, проблема метода вполне “вписывалась” в соответствующее эпохе понимание *научности*, поэтому обсуждать ее дополнительно представлялось излишним... Можно согласиться с М.С. Роговиным и Г.В. Залевским, которые отмечают, что “разработка общих проблем метода научного исследования началась, в основном, лишь в Новое время, и она связана, прежде всего, с трудами Р. Декарта. В ходе последующего развития, характеризовавшимся сильным влиянием со стороны естественных наук, значение проблемы методов исследования все более возрастило” (Роговин, Залевский, 1988, с. 69). Работы Декарта оказали на последующую психологию огромное влияние не столько учением о научном методе, сколько обоснованием возможности нового понимания предмета психологии и нового метода его исследования.

Декартовской “революции” в философии, предопределившей последующее развитие психологии, посвящена огромная литература. Интуиция, открывающая субъекту ясное и очевидное знание, послужила той основой, на которой возникла классическая интроспективная психология. В этом отношении можно согласиться с Полем Фрессом: “Как очень верно заметил Кангилем, картезианская интуиция – это не интроспекция XIX века. И, тем не менее, последняя – ее незаконнорожденная дочь, так как Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела” (Фресс, 1966, с. 17). Не имея возможности анализировать роль Декарта в возникновении различных школ в философской психологии, отметим только, что происходит трансформация самонааблюдения в интроспекцию. Возникает метод, который в течение долгого времени являлся основным в психологии. Интроспекция предназначена открывать законы сознания. Отметим, кстати, что Декарт, как известно, термин сознание не использовал. Интроспекция является *непосредственным* методом, дающим *непосредственное* знание о душе, о сознании. Здесь важно обсудить принципиально важный вопрос. Декарт, как было отмечено выше, разработал “принцип метода” – открыл принципиальный путь исследования сознания. Но это не означает того, что начал использоваться сам метод интроспекции как

способ получения конкретного знания о сознании. В задачу философии это не входило.

Поэтому философы обсуждали вопросы о том, является ли интроспекция источником достоверного знания, возможно ли интроспективно постичь истину и т.д. Сознание в интроспекции рассматривалось в его целостности *как содержание сознания*. Принципиально важно, что была создана возможность для эмпирического исследования сознания. Но конкретные эмпирические исследования сознания появились значительно позднее, уже в рамках научной психологии. Действительно, для эмпирического исследования сознания необходимо сконструировать предмет исследования. Собственно содержания сознания могут быть описываемы бесконечно, поскольку бесконечно число предметов (вещей), могущих служить объектами сознавания. Задача конкретного описания не ставится вообще. Задача научного исследования состоит в разработке формальной модели. Достаточно, к примеру, указать, что есть образы, которые могут ассоциироваться. Таким образом, произошло событие, значение которого для дальнейшего развития психологии недооценивать нельзя. Если сознание как объект эмпирического исследования философию не интересовало, то для психологии такая перспектива представлялась заманчивой. Но для этого необходимо было совершить психологическую “революцию”: выделить из сознания тот аспект, который можно было бы изучать эмпирически с помощью метода, идея которого была сформулирована Декартом. Возможности метода регулярно обсуждались в философии (вспомним хотя бы Канта и Конта), но в качестве эмпирического метода в философии он (естественно, какой же эмпирический метод может быть в философии!) не использовался. В философской психологии (что не столь очевидно) метод интроспекции также не был эмпирическим. Необходимо было, как уже упоминалось, сконструировать тот предмет, который бы мог изучаться интроспективно и эмпирически. Как известно, это было сделано, и психология, в конце концов, стала эмпирической наукой, а интроспекция основным методом психологии. Но это произошло лишь в середине девятнадцатого столетия. Психология стала представляться “непосредственной” наукой. Метод стал ассоциироваться исключительно с “добычей” данных, т.е.

стал рассматриваться чисто “эмпирически”. Строго говоря, дополнением к интроспекции всегда служил метод интерпретации. Впрочем, роль его была чисто вспомогательная: “организовать” добытые интроспекцией данные в соответствии с каноном научности. Данные интроспекции, по мысли психологов и философов того времени, давали “непосредственные и истинные” знания о сознании, поэтому вся интерпретация сводилась к упорядочивающим логическим процедурам.

Таким образом, краткий очерк использования методов в донаучной и философской психологии позволил обнаружить, что внутри этих разновидностей психологии появляются процедуры, которые являются разновидностями “эмпирических” методов, используемых и современной психологической наукой: наблюдение, самонаблюдение, эксперимент. Разумеется, это не есть научные методы в полном смысле слова. Но идея метода выражена здесь очень отчетливо. В качестве “теоретических” методов эти разновидности психологии использовали метод интерпретации средствами языка и логики. Специальных психологических *теоретических* методов на этом этапе не существовало. Это и понятно, т.к. научная теория может появиться тогда, когда будет выделен специальный научный предмет.

Библиографический список

1. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типogr. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
3. Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.
4. Джемес У. Психология. Изд.5-е. С.-Пб.: Изд. К.Л.Риккера, 1905. 425 с.
5. Мазилов В.А. Научная психология: проблема метода // Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии / Под ред. В.В.Новикова (гл.ред), И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005, с.248-279.
6. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

7. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологоческого и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
9. Труды Ярославского методологического семинара. Том 3: Метод психологии. Ярославль, 2005
10. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология /Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15-98.

1.2.2. Становление метода самонаблюдения

Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой выделение психологии в самостоятельную науку связывается с использованием специальных методов – наблюдения и эксперимента (Рубинштейн, 1946). По нашему мнению, с таким утверждением полностью согласиться нельзя. Действительно, метод эксперимента начинает проникать в психологию. В. Вундт называл свою психологию не только физиологической, но и экспериментальной (Wundt, 1874). Но не следует забывать о том, что использование эксперимента на первых порах носило характер чисто вспомогательный, экспериментальные процедуры позволяли стандартизовать самонаблюдение, придать ему строгость, каковой должен обладать метод науки. Можно полагать, что выделение психологии из философии было связано в первую очередь с *новым пониманием предмета*. Психология заявила права на исследование специфического предмета (отличного от философского). Наиболее адекватным такому предмету был метод интроспекции. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции, использовавшийся в философской психологии, в научной психологии подвергся существенным изменениям. Описание модификаций метода, выявление инвариантных его компонентов, соотнесение с трактовкой предмета психологии может явиться важным источником информации о научных методах в психологии.

Метод интроспекции

У современного научного психолога термин интроспекция вызывает вполне определенное отношение, которое можно выразить следующей формулой: “Интроспекционизм – древняя концепция и (...) совершенно бесперспективная для научного исследования психологических фактов” (Ярошевский, 1985, с.222). Однако мы полагаем, что было бы абсолютно неверно считать, что интроспекция представляет собой что-то однородное, единое. Как мы увидим, могут быть выделены существенно различные варианты и модификации этого метода в рамках научной психологии. Здесь же хотим обратить внимание на то, что существовали исторически различающиеся формы интроспекции. Выбор точки отсчета зависит в значительной степени от вкуса. Во всяком случае, предшественником метода интроспекции с достаточными основаниями можно счесть “самона-блюстение для самопознания”, использовавшееся не без успеха еще Августином (354-430). При желании можно отнести “начало интроспекции” к периоду античности. На наш взгляд, это лишь подтверждает ту точку зрения, согласно которой, метод (точнее, идея метода) всегда включается в более широкий исследовательский контекст. По нашему мнению, имеет смысл говорить о следующих формах интроспекции: 1) философская интроспекция; 2) интроспекция в философской (эмпирической) психологии; 3) интроспекция в научной психологии. Нас, бесспорно, будет интересовать третья разновидность интроспекции. О двух первых поэтому скажем очень кратко.

Философская интроспекция

Основу для широчайшего использования интроспекции создали работы Р. Декарта. Именно та декартова мысль, что интуиция дает ясное и истинное знание о душе, легла в основу метода изучения душевных явлений, получившего впоследствие наименование *интроспекция*. Отметим, что предыстория интроспекции может быть прослежена, начиная с донаучной психологии. Если воспользоваться различием С.Л. Рубинштейна, согласно которому от истории психологии как науки следует отличать “историю философских учений о психике” (Рубинштейн, 1946, с. 9), то необходимо констатировать, что понятие

“интроспекция” сформировалось в философии сознания. Важным этапом на этом пути была философия английского эмпиризма. Основатель английского эмпиризма Дж. Локк различал чувственный опыт, дающий знания о внешнем мире, и рефлексию – внутреннее чувство, дающее знания о состояниях и действиях души (Локк, 1960). Таким образом, внутри философии была подготовлена возможность рассмотрения предмета психологии как *внутреннего опыта*. Также стоит отметить, что в рамках философии состоялись дискуссии, в которых были обсуждены принципиальные вопросы и, в частности, важнейший для рассматриваемой темы: дает ли интроспекция достоверное знание? Позиция Локка состояла в том, что рефлексия, безусловно, не вводит в заблуждение. Это положение впоследствии было использовано создателями научной интроспективной психологии.

Здесь нам важно отметить, что в философии существовала чрезвычайно широкая трактовка интроспекции, приводящая, фактически, к слиянию с рефлексией. Как справедливо заметил С.В. Кравков, при подобной трактовке интроспекция включает в себя “действия размышляющего по логическим законам ума над полученным уже материалом”, что, очевидно, “не есть что-либо специфически присущее психологическому исследованию” (Кравков, 1922, с.21).

Последнее представляется естественным, т.к. интроспекция была подчинена решению не психологических, а философских задач. Философия видела в интроспекции специфический, отличный от опыта *источник познания*. Поскольку философия не претендовала на эмпирическое исследование, естественно, что в философии интроспекция не рассматривалась как *конкретный способ* получения материала.

Интроспекция в философской психологии

Выделение психологии в особую философскую дисциплину (эмпирическая психология) естественно привело к изменению метода интроспекции. Со временем “Эмпирической психологии” Х. Вольфа (Wolff, 1732) интроспекция рассматривается уже не как широкая процедура, объединяющая принципиальный способ

получения материала и его рефлексию, а более узко – как особый род наблюдения или восприятия. В эмпирической психологии, таким образом, интроспекция использовалась как источник сведений о внутреннем мире, сознании. Напомним, что главным в философской эмпирической психологии было *рассуждение* по логике “системы” (П. Фресс), интроспекция, которая была вполне “бессистемной”, хаотичной и случайной, давала материал, подтверждающий справедливость рассуждений. Технологически это часто выглядело как проведение своего рода “мысленного эксперимента”: выдвигая какое-либо положение, философский психолог “для проверки” “проигрывал” ситуацию, давая анализ своих переживаний. Философская психология не была эмпирической наукой в современном смысле слова.

Интроспекция в научной психологии: предшественники

Вероятно, кому-то такое сочетание покажется противоестественным: интроспекция и психологическая наука, согласно широко распространенному мнению, не совмещаются – наука начинается, когда интроспекция уходит. Действительно, если полагать, что научная психология начинается лишь с использования эксперимента, то интроспекция остается “за пределами” науки. На самом деле эксперимент в психологии в течение достаточно длительного времени использовался в сочетании с интроспекцией. Интроспекция модифицировалась, совершенствовалась, но по-прежнему оставалась основным методом психологии. Естественно, по сравнению с философской психологией, в научной психологии интроспекция видоизменилась.

В целом произошедшие изменения свелись к следующему:

1) более строго определялся предмет интроспекции (в разных школах различно); 2) существенно возросла научная “нагруженность” интроспекции; 3) появились более строгие требования к самой процедуре интроспекции; 4) возросли требования к испытуемому; 5) возникла необходимость в специальной тренировке. Ниже мы проанализируем особенности интроспекции в научной психологии.

Здесь же необходимо остановиться на вопросе о предшественниках научной интроспекции. Вероятно, справедливо мне-

ние, согласно которому создателем научной интроспекции считается В. Вундт, соединивший в физиологической психологии эксперимент и самонаблюдение. По нашему мнению, с полным основанием к предшественникам научной интроспекции можно отнести Г. Гельмгольца. Уместно вспомнить, что Н.Н. Ланге называл Гельмгольца и Фехнера “maestri” интроспекции (*Ланге*, 1893). Общеизвестно, что Г. Гельмгольц был признанным мастером эксперимента, позволившего узнать много о работе органов чувств. Но менее очевидно, что этим открытиям в не меньшей степени мы обязаны тонкому самонаблюдению, вооруженному знанием физиологии. Работы Гельмгольца содержат огромное количество примеров “теоретической нагруженности” самонаблюдения. Откроем наугад книгу Гельмгольца (*Гельмгольц*, 1875). Гельмгольц пишет про открытие Мариоттом (с помощью теоретических выводов) слепого пятна в человеческом глазу. “Пробел” в глазу настолько велик, что лицо человека, удаленное от глаза на 6 или 7 футов, может совершенно в нем исчезнуть. “Однако при обыкновенном свободном смотрении пробел поля зрения совершенно не замечается потому, что наш взор постоянно блуждает и непосредственно направляется на те предметы, которые нас интересуют. Следовательно, предметы, которые возбуждают на мгновение наше внимание никогда не лежат в пробеле поля зрения; поэтому слепое пятно обыкновенно и не бывает предметом нашего внимания. Мы сперва должны намеренно фиксировать объект, затем подвинув в область слепого пятна второй малый объект, мы должны постараться его увидеть, не изменяя нашей прежней точки фиксирования, что чрезвычайно противоречит нашему привычному смотрению и многим лицам даже совершенно недоступно; мы убеждаемся в существовании слепого пятна только тогда, когда второй объект делается невидимым” (*Гельмгольц*, 1875, с.92). Или на той же самой странице: “Каждый раз, как мы направляем оба глаза на одну точку, все предметы, которые значительно ближе или значительно дальше рассматриваемой точки, нам кажутся двоящимися. Мы это легко замечаем, при несколько более внимательном наблюдении. Из этого мы можем заключить, что в продолжение всей нашей жизни мы постоянно видели значительно большую часть внешнего мира вдвойне; однако же, су-

ществует множество лиц, которые этого не знают и в высшей степени удивляются, когда в первый раз обращают на это их внимание. Однако, в сущности мы также не видели вдвойне тех именно предметов, на которые было направлено в известное время наше внимание, потому что мы их фиксируем обоими глазами разом. Следовательно, при ежедневном пользовании глазами, наше внимание было постоянно отклонено от всех тех объектов, которые в данное время кажутся двойными, поэтому то мы о них и ничего не знаем. Мы должны сперва подвергнуть нашему вниманию новую и непривычную цель; мы должны начать внимательно рассматривать боковые части поля зрения не для того, чтобы ознакомиться с находящимися там предметами, а для того, чтобы анализировать наши ощущения, пока не уловим явления” (*Гельмгольц*, 1875, с.92-93).

Из приведенных отрывков совершенно ясно, что в данном случае мы имеем дело вовсе не с “бессистемным” “наивным” самонаблюдением философской психологии, а самонаблюдением научным. Еще раз повторим, что Гельмгольц не был психологом, но внес вклад в развитие методов: не только эксперимента, но и *самонаблюдения*. Об отличиях научного самонаблюдения от “наивного” писал (очень ярко и образно) Г. Мюнстерберг (1891): “Предположим, например, что я испытываю жажду или чувство тошноты: этот внутренний опыт, который вполне слит с другими моими состояниями, пока я не начал его наблюдать. Но когда к чувству жажды или тошноты присоединяется желание его наблюдать, эти элементы сознания дополняются представлением о ближайших их причинах; я обращаю внимание на то, как сух мой язык, как ненормально сокращаются при тошноте мои глотательные мускулы, как искажается мое лицо и, главным образом, как мускулы сгибатели конечностей сильно напрягаются без всякого предшествующего иннервационного ощущения. Если мне, таким образом, удалось ассоциативно дополнить все элементы, ассоциировать все элементы сложного чувства с представлениями об их условиях или с их словесными обозначениями (эти последние в той же мере достаточны для нового вызова элементов чувства или для их сообщения другим людям, как и реальное восстановление условий чувства), то я вполне разложил наблюдаемое чувство на его элементы, и их фиксиро-

вал, т.е. сделал действительное наблюдение. – Уже из этого примера видно, что упомянутого наблюдения не может сделать, например, тот, кто никогда не слыхал о различии между мускулами сгибателями и разгибателями; для того, чтобы ощущение, причиняемое сокращениями этих мускулов было узнано в общем сложном комплексе ощущений, отличено от этих прочих ощущений и фиксировано, т.е. для того, чтобы к сознанию этого комплекса присоединилось представление о его условиях, для этого, очевидно, необходимо, чтобы ощущение от мускулов сгибателей уже заранее, благодаря предварительно накопленным знаниям, было тесно ассоциировано с представлением об этих мускулах. Поэтому самонаблюдение предполагает уже предварительное существование известного запаса готовых к употреблению ассоциаций, и главным образом ассоциаций из области анатомии и физиологии. И подобное условие не составляет какой-либо отличительной черты самонаблюдения, но одинаково характерно и для всяких других наблюдений. Тот, кто ничего не понимает в ботанике, не в состоянии производить наблюдений над растениями; профан в ботанике, хоть воспринимает те же самые признаки растения, как и ботаник, однако не наблюдает их, ибо они не вызывают в его сознании тех многочисленных ассоциаций, как в уме ботаника. Таким же образом и самонаблюдение не является для наблюдателя каким-нибудь безусловным актом, но уже предполагает, подобно всякому внешнему наблюдению, существование массы готовых к употреблению ассоциаций. Особенно те психические явления, которых элементы обусловлены физиологическим возбуждением не высших органов чувства, а внутренних органов тела, как то мускулов, сокращений, сухожилий, кровеносных сосудов, органов внутренних полостей – а к таковым психическим явлениям принадлежат все так называемые эмоции, влечения, аффекты, волевые акты – все таковые состояния могут быть предметом самонаблюдения лишь для того, кто обладает основательными анатомо-физиологическими сведениями. – Итак, самонаблюдение должно все в большей мере становиться методом психологии, однако самонаблюдения тех лиц, которые не обладают основательными сведениями о строении и функциях тела, не

только будут бесплодны, но и вводя в заблуждение, в этом смысле опасны” (цит. по Ланге, 1893, с. XXVII-XXVIII).

Из этого отрывка хорошо видно, что самонаблюдение имеет “нагруженность” со стороны физиологии и анатомии. Менее очевидна специфическая психологическая “нагруженность” научного самонаблюдения. Выявление такой нагруженности представляет нашу специальную задачу, чему будут посвящены следующие разделы. Хотим здесь только отметить, что если интроспекция в философской психологии имеет метафизическую “нагрузку”, то в научной психологии эта “нагрузка” становится теоретической (в примере Г. Мюнстерберга физиологической; как будет показано далее – и собственно психологической). Но поскольку психология, как мы помним, провозгласила себя наукой опытной, независимой – эта “нагруженность” становится “неявной”. Важно, что эта “нагруженность” приходится именно на метод.

Еще раз о различии интроспекции философской и научной

Итак, под психологической научной интроспекцией целесообразно иметь в виду самонаблюдение как специфический метод психологии, т.е. как особый род *наблюдения* или *внутреннего восприятия*. О практическом, но несистематическом использовании интроспекции, как уже было замечено, можно говорить применительно к философской психологии. Систематически, как полноценный эмпирический метод, интроспекция начинает использоваться в научной психологии, начиная с Вундта.

Тем не менее, важно отметить, что в философии обсуждались важные вопросы, касающиеся возможности интроспекции как способа познания. О. Конт возражал против использования интроспекции, утверждая, что невозможно одновременно действовать и наблюдать свою деятельность. Согласно О. Конту, сведения, получаемые в результате интроспективного наблюдения, оказываются недостоверными и не соответствуют требованиям положительной науки. Мнение О. Конта было оспорено Дж.С. Миллем. Дж. С. Миль утверждал, что интроспекция не является полностью непосредственным процессом, т.к. включает в себя память. Таким образом, интроспекция вместе с тем есть и

ретроспекция. Поэтому для обеспечения достоверных результатов необходима специальная тренировка наблюдателя. Отметим, что хотя философы с энтузиазмом обсуждали разные аспекты проблемы интроспекции, высказывали различные суждения, часто глубокие и резонные, они не использовали интроспекцию как эмпирический метод. Собственно, это им было не нужно. Для философских целей вполне достаточно идеи метода: образы (ощущения, представления), которые *могут* быть обнаружены интроспекцией, *могут* ассоциироваться между собой. Интроспекция как действительно психологический эмпирический метод может использоваться в психологии, которая ставит перед интроспекцией специфические задачи (например, описание *структуры непосредственного опыта* и т.д.).

Прежде, чем предпринять анализ метода интроспекции в научной психологии, необходимо выявить различия (чрезвычайно существенные) между философской интроспекцией, самонаблюдением в философской психологии и интроспекцией в научной психологии (внутренним наблюдением). С позиции, выраженной очень отчетливо представителями “основных школ в психологии” (психоанализ, гештальтпсихология, бихевиоризм), интроспективная психология представляла собой предварительный этап развития психологической науки: с возникновением новой психологии (под которой, естественно, понималась либо гештальтпсихология, либо психоанализ, либо бихевиоризм) старая интроспективная уходит в прошлое. Но для воссоздания пути, пройденного психологией, важно выявить различия в используемых методах.

У. Джемс указывает на значение метода самонаблюдения в психологии: “Творения Юма, Рида, Гертли, Стюарта, обоих Миллей навсегда останутся классическими образцами непосредственного самонаблюдения, а в трактатах профессора Бэна мы имеем, может быть, последнее слово этого метода, взятого в отдельности – последний момент юности психологии, еще не технической и общедоступной, вроде химии у Лавуазье или зоологии до употребления микроскопа. Но психология перешла уже в другой, менее простой фазис. В течение последних лет возникла в Германии, так сказать, микроскопическая психология, основанная на экспериментальных методах, спрашивающая в каж-

дый момент о данных самонаблюдениях, но устраниющая их недостоверность более широкой проверкой и статистическими вычислениями. Этот метод требует в высшей степени терпения, и едва ли мог возникнуть в стране, жители которой способны испытывать утомление. Такие немцы как Вебер, Фехнер, Фирорд и Вундт очевидно к этому неспособны; и их успех вызвал на поле битвы ряды молодых экспериментальных психологов, стремящихся изучить элементы душевной жизни, выделяя их из сложных душевных комплексов, в которых они скрыты, и стараясь, насколько возможно свести эти элементы к некоторой количественной скале. Так как простой и открытый метод атаки дал уже все, что он мог дать, то прибегли к методу выжидания, обложenia, изнурения противника; душевная жизнь должна была подвергнуться регулярной осаде, в которой минутными успехами, силой приобретаемыми и днем и ночью, эта жизнь блокируется на ее вершинах, чтобы, наконец, ворваться и туда. У этих новых философов призмы, маятника и хронографа мы не найдем высокого стиля. Их средства – работа, а не храбрость. То благородное прорицание и та нравственная высота, которые Цицерон считает наиболее пригодными для проникновения в природу, оказались недостаточными, но эта задача, несомненно, в один прекрасный день будет разрешена этими новыми мыслителями, их выслеживаниями и выпытываниями, их беспредельным упорством и в высшей степени дьявольской хитростью” (цит. по Ланге, 1893, с. XXII).

Отметим главное. Интроспекция в научной психологии приобретает характер эмпирического метода, метода, который предназначен для добывания фактов. Естественно, он становится более строгим и стандартизованным. Естественно, он становится “нагруженным” теоретически: для того, чтобы наблюдать за своими душевными процессами, надо знать, что именно должно фиксироваться.

Анализу метода интроспекции в научной психологии посвящены многочисленные специальные исследования. Среди них выделяется статья известного историка психологии Э. Боринга “История интроспекции”, опубликованная в 1953 году (*Boring*, 1953). В этой классической работе дается широкая панорама использования метода интроспекции в различных

направлениях в психологии, а также оценка изменения роли этого метода в психологической науке. История психологии имеет специфическую трудность, связанную с тем, что количество “степеней свободы” при исторической “реконструкции” науки о психическом достаточно велико. Если за основу берется какая-то “изолированная” характеристика, то “восстановленная” картина будет весьма специфичной. Так история психологии XIX столетия может быть с достаточными основаниями представлена как история ассоциационизма, сенсуализма, психофизиологического параллелизма и т.д. В действительности все сложнее, т.к. часто важны несколько характеристик одновременно. Как точно отметил в своей “Психологии” Н.Н. Ланге, характеризуя взгляды Вундта, “полное изложение его психологических учений слишком сложно, чтобы найти здесь место” (Ланге, 1996, с. 78). Когда об этой сложности забывают, появляется картина, подкупающая своей простотой и логичностью, но имеющая все недостатки упрощающей схемы. На наш взгляд, такому упрощению подверглась история интроспекции. Возвращаясь к классической статье выдающегося историка психологии Эдвина Боринга (не случайно текст статьи попал в хрестоматию по истории психологии) (*История психологии*, 1992), отметим, что возможен несколько иной взгляд на интроспекцию. В частности, по-видимому, нуждается в уточнении само положение о “классической интроспекции”. Э. Боринг пишет: “Можно считать классической интроспекцию, которая была определена через достаточно формальные правила и принципы и возникла непосредственно из ранних исследований вундтовой лаборатории в Лейпциге. Конечно, для интроспекции нет каких-либо неизменных правил. Великим людям свойственно не соглашаться друг с другом и изменять свои позиции. Тем не менее, по существу и Вундт, и Кюльпе до его отъезда из Лейпцига, и Г.Э. Мюллер в Геттингене, и Титченер в Корнелле, и многие другие менее важные “интроспекционисты”, признававшие первенство этих ученых, были едины” (*История психологии*, 1992, с.24). И далее: “Классическая интроспекция в общем смысле – это убеждение, что описание сознания обнаруживает комплексы, образуемые системой сенсорных элементов. Именно против этой доктрины восстали Кюльпе в Вюрцбурге, бихевиористы

под руководством Уотсона и гештальтпсихологи по инициативе Вергеймера. Интроспекционизм получил свой “-изм” потому, что восставшие новые школы нуждались в ясном и четком обозначении оснований, которым они противопоставляли собственные, принципиально новые черты. Ни один сторонник интроспекции как базового метода психологии никогда не называл себя *интроспекционистом*. Обычно он называл себя *психологом*” (*История психологии*, 1992, с.24). Нам представляется, что в пределах так называемой “классической интроспекции” скрыты различные попытки построения новой психологии. И метод интроспекции не был единым. Наоборот, для достижения целей – изучения предмета психологии (по Вундту, по Кюльпе, по Титченеру и др.) – требовались модификации метода. Они, естественно, не были случайными. И пренебречь этими различиями можно только в том случае, если торопиться перейти к новому этапу истории – “восстанию” против интроспекции. Оно, действительно, имело место. Метод интроспекции имел родовые пороки. Но он, несомненно, имел и видовые отличия. Нас же интересуют как раз модификации метода интроспекции.

Интроспекция в научной психологии: Вильгельм Вундт

В. Вундтом была предпринята попытка создания новой психологии, приведшая к успеху. Несмотря на то, что ни одно из положений вундтовской программы, как мы уже отмечали, не выдержало испытания временем (*Ярошевский*, 1985, с. 225), В. Вундт считается создателем научной психологии, т.к. главная цель была достигнута – психология заявила о себе как о самостоятельной науке, что было принято научным сообществом и закреплено институционально. В. Вундт, создавая психологию, обратился к химии как ее модели. Элементаризм системы дополнялся ассоциализмом с целью обеспечения задач синтеза. Вундт выделял аналоги атомов (ощущения, простые чувства и образы). Аналогами молекул выступали “представления (*Vorstellungen*) и более сложные образования (*Verbindungen*)”. Центральным моментом в любом психологическом подходе, претендующем на новизну, на создание новой психологии является определение предмета науки. Как известно, В. Вундт объявил

предметом психологии непосредственный опыт. Задачу психологии В. Вундт видел в том, чтобы раскрыть *структуру* непосредственного опыта. Вундт различал собственно самонаблюдение (интроспекцию) и внутреннее восприятие. Для того, чтобы заниматься интроспекцией, испытуемый должен пройти предварительную тренировку. Экспериментальные процедуры использовались в вундтовской лаборатории для того, чтобы лучше структурировать самонаблюдение. “Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии, и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы. Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении” (Вундт, 1880, с.2). Э. Боринг отмечает: “Вундт настаивал на тренировке испытуемых. Даже в экспериментах на время реакции в лейпцигской лаборатории испытуемые должны были долго тренироваться для выполнения предписанных актов перцепции, апперцепции, узнавания, различения, суждения, выбора и т.п., а также сразу сообщать, когда сознание отклоняется от требуемых задач. Так, Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории” (История психологии, 1992, с. 25). Самым интересным моментом здесь, безусловно, является следующий: зачем необходимо такое большое число предварительных испытаний? Ответ прост: для того, чтобы обучить испытуемого описывать то, что *необходимо* (исходя из задачи) – именно структуру опыта. Причем, структура понималась как единство частей. В интроспекции недостаточно было расщепить содержание опыта “на атомы”, надо было найти следы “творческого синтеза”. Вот как характеризует его сам В. Вундт: “Какой бы процесс среди тех, которые мы называем “психическими соединениями” в широком смысле слова, или – так как все душевые процессы сложны, т.е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт,

возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза” (Вундт, б/г, с. 118). И далее: “С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок” (Вундт, б/г, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: “в процессах ассоциации, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение” (Вундт, б/г, с. 118-119). Таким образом, понятно, что задача испытуемого уточняется. Он должен научиться с помощью самонаблудения вычленять в непосредственном опыте нужные элементы. Тренировка необходима, она представляет собой своего рода обучающий эксперимент. Понятно, что испытуемые в Лейпциге обнаруживали структуру опыта. В отличие от предшественников (например, И. Тэн говорил, что самонаблудение открывает “полипняк” образов) В. Вундт хочет создать научную картину: для него научность воплощается в структурности, мы получаем в результате психическую химию. В свете вышеописанного совсем не удивительно, что требования Вундта к интроспекции весьма либеральны. Э. Боринг в этой связи отмечает: “В целом понимание интроспекции Вундтом

было гораздо либеральнее, чем обычно думают: в формальной интроспекции он оставил место и для ретроспекции, и для непрямого отчета” (*История психологии*, 1992, с. 25). И это совсем не удивительно. Результаты “творческого синтеза” становятся видны не сразу: для этого и используется ретроспекция. Можно сказать, что сложный состав метода, его неоднородность является результатом двойственности задач выявления структуры опыта по Вундту. Как показала жизнь, испытуемые достаточно легко обучаются структурному интроспективному описанию опыта.

Интроспекция в научной психологии: Франц Брентано

Как известно из истории психологии, вундтовская программа построения психологии как самостоятельной науки не была единственной. Достаточно скоро появились альтернативные программы. Одной из них была психология актов Ф. Брентано (*Brentano*, 1874, 1924, 1925, 1928). “Психология с эмпирической точки зрения”, первый том которой был опубликован в 1874 году, содержала существенно иной взгляд на психологию в целом и на метод интроспекции, в частности.

Поскольку взгляды Брентано на психологию достаточно подробно рассматривались в первом разделе настоящей главы, отошлем читателя к этим страницам.

Напомним лишь, что для психолога, по Брентано важны не содержания сознания, но акты, благодаря которым эти элементы становятся объектами осознания. М.Г. Ярошевский, сопоставляя методологические позиции В. Вундта и Ф. Брентано, отмечал, что оба исходили из того, что предметом психологии является сознание, оба интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Вундт рассчитывал выяснить с помощью изощренной интроспекции и вспомогательных физиологических приборов состав сознания: какова его (сенсорная в своей основе) “фактура”, Брентано же полагал, будто задача психолога состоит в тщательном описании не содержания, а связанных с ним актов. По Брентано, принятая в лабораториях Вундта процедура анализа сознания, укладывает в прокрустово ложе реальные процессы сознания”. Напомним, М.Г. Ярошевский различие в этих подходах видел в том, что последователи Вундта пытались исследо-

довать гипотетические структурные элементы, недоступным неискушенному наблюдателю, тогда как воспитанники Брентано культивировали исследование сознания в его целостности и до-подлинности, свободной от предвзятых теоретических схем” (Ярошевский, 1985, с.228). Брентано, как мы помним, был сторонником мнения, что внутреннее восприятие дает человеку истинную информацию. Брентано подчеркивал целостность душевной жизни. Для того, чтобы обеспечить интроспективное описание этой целостности, Брентано был вынужден существенно модифицировать метод. Как мы помним, платой за целостность является “расширение”, точнее, размытие метода, включение наряду с внутренним восприятием в структуру метода элементов ретроспекции. Таким образом, согласно Ф. Брентано, метод интроспекции должен описывать акты сознания, а не собственно содержания. При этом описание должно быть по возможности более полным, исчерпывающим. В этих условиях ограничения, налагаемые методом эксперимента (напомним, Вундт использовал эксперимент главным образом для того, чтобы стандартизовать интроспекцию), являются излишними, поэтому Брентано настаивает на том, что психология должна быть наблюдательной – экспериментальные процедуры представляют собой “прокрустово ложе” для самонаблюдения.

Интроспекция в научной психологии: Герман Эббингауз

Как известно, Г. Эббингауз занимает особое место среди психологов, внесших вклад в разработку психологических методов. Причем этот вклад “проходит” “по линии” эксперимента. Действительно, Г. Эббингауз в своем классическом труде “О памяти” (*Ebbinghaus*, 1885), кстати, имеющем многозначительный подзаголовок – *Untersuchungen zur experimentellen Psychologie* – разработал методики, позволяющие реализовать экспериментальное исследование памяти, причем исследование, широко использующее измерение в психологии. Многие истории психологии, например М.Г. Ярошевский (Ярошевский, 1985), видят в Эббингаузе пионера собственно психологического эксперимента. Здесь мы обратимся к фундаментальному руководству Г. Эббингауза “Основы психологии” (*Ebbinghaus*,

1902). В этой книге есть специальный раздел “Метод психологии”. Г. Эббингауз утверждает, что методами психологии являются самонаблюдение и наблюдение других людей. Эббингауз отмечает, что “самонаблюдение и наблюдение других людей не суть два равноправных и независимых друг от друга метода исследования..., а они вполне и неразрывно меж собою связаны. Каждый в отдельности не дает психологии почти ничего, и только в связи друг с другом они получают значение” (Эббингауз, 1911, с.60).

Подробно анализируя метод самонаблюдения, Г. Эббингауз находит в нем три существенных недостатка. Во-первых, попытка самонаблюдения уничтожает до известной степени объект, на который она направлена. Во-вторых, самонаблюдение не схватывает предметов в их чистом и объективном виде, оно почти неизбежно искажает и фальсифицирует предметы и всегда грозит опасность, что самонаблюдение даст искусственные продукты. По Эббингаузу, самонаблюдение может быть источником артефактов. В-третьих, самонаблюдение всегда ограничено одним индивидом: оно, по Эббингаузу, изучает лишь содержание одной души со всеми ее случайностями и особенностями.

Преодолеть перечисленные недостатки возможно лишь в том случае, когда самонаблюдение дополнено и подтверждено другим способом и “этот способ именно и есть наблюдение других людей” (Эббингауз, 1911, с.61). Наблюдение само по себе не может обеспечить психологию фактами, потому что “все наблюдения над другими людьми – ничто, по крайней мере, ничто для психологии, без постоянного оживления и одухотворения результатами самонаблюдения” (Эббингауз, 1911, с.62).

Эббингауз делает вывод: “Итак, оба средства исследования друг без друга лишены значения. Первое (самонаблюдение – В.М.) в отдельности не дает ничего надежного и недостаточно для науки, а второе (наблюдение – В.М.) в отдельности не дает психических явлений; только взаимно дополняя и проникая друг друга, они создают науку психологии” (Эббингауз, 1911, с.62). А как же другие методы, в первую очередь эксперимент, который, как уже упоминалось, самим Эббингаузом интенсивно использовался?

Г. Эббингауз дает обширный обзор, посвященный измерению и эксперименту в психологии (Эббингауз, 1911, с.62-88), в котором подробно описывает использование экспериментальных и измерительных процедур Фехнером. Характерно, что Эббингауз считает измерение и эксперимент всего лишь “вспомогательными средствами” (Эббингауз, 1911, с.88) в психологическом исследовании. Интересен заключительный вывод Эббингауза: “Мы считали самонаблюдение и наблюдение над другими методами психологии, и говорили затем об экспериментах и о прямых и косвенных методах психических измерений. Какая связь между всем этим? Оказались ли новые методы чем-то совсем иным сравнительно с двумя давно известными и применяемыми психологическими методами и грозит ли им даже опасность полного их вытеснения новыми методами? Конечно, нет. Эксперименты и методы измерения – не новые средства познания на место старых, а те же самые давно известные методы, но лишь не в примитивной и безыскусственной форме, а в искусной и, так сказать, изощренной форме. Они суть особенно выработанные и развитые формы самонаблюдения и наблюдения над другими людьми, в которых намеренно создаются определенные условия и результаты определяются возможно точнее” (Эббингауз, 1911, с.89). Здесь кажется уместным коснуться одного момента, связанного с исследованиями Эббингауза. Как уже упоминалось, он вошел в историю психологии в первую очередь благодаря экспериментам в области памяти. Почему Эббингауз не настаивает на том, что психология должна быть экспериментальной? На наш взгляд, потому, что, продолжая традицию Фехнера, он распространяет измерение на область психологии памяти, т.е. Эббингауз занят исследованием конкретной проблемы. Эббингауз прекрасно понимает, что все пространство психической реальности не может быть охвачено экспериментальным исследованием: роль конституирующего психологию метода отводится самонаблюдению, наблюдение же необходимо для проверки данных, доставляемых самонаблюдением.

Интроспекция в научной психологии: Эдуард Титченер

Психологом, предъявлявшим самые жесткие требования к методу самонаблюдения, был Эдуард Титченер (*Titchener*, 1901-1906, 1909). Определив психологию как науку о зависимом опыте (по Титченеру, физика должна изучать независимый от субъекта опыт, а психология данные опыта рассматривает в зависимости от индивидуума), в качестве метода предлагает самонаблюдение. “Научный метод может быть выражен одним словом – “наблюдение”; единственный путь для научной работы наблюдать те явления, которые составляют предмет науки. Но наблюдение предъявляет два требования: внимательно следить за явлениями и протоколировать их; оно есть, следовательно, ясное и живое опытное познание и отчет о его результатах в словах или формулах” (*Титченер*, б/г, с.16-17). В качестве вспомогательного средства выступает эксперимент. “Эксперимент есть такое наблюдение, которое можно повторять, изолировать и видоизменять” (*Титченер*, б/г, с.17). “Методом психологии является, как мы видим, наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения, которое применяется в естественных науках и состоит в наблюдении над внешними явлениями, в смотрении наружу, – психологическое наблюдение определяется как самонаблюдение, как смотрение внутрь” (*Титченер*, б/г, с.17). Титченер анализирует трудности самонаблюдения: наблюдение за собой меняет характер наблюдаемых процессов (“Спокойное рассмотрение душевного движения уничтожает это последнее; гнев остывает, разочарование исчезает, как только мы принимаемся за их анализ” (*Титченер*, б/г, с.19). Признавая за ретроспективным анализом некоторую полезность (“...бывают некоторые случаи, в которых и опытному психологу полезно ими воспользоваться” (*Титченер*, б/г, с.19), Титченер полагает, что такой способ наблюдения нельзя выдавать за общее правило. По Титченеру, средствами преодоления трудностей самонаблюдения, являются: возможность повторения и разделение процесса на этапы, а также опыт наблюдателя. По последнему поводу Титченер замечает, что “опытный наблюдатель приобретает навык в самонаблюдении и в таком совершенстве справляется с предъявляемыми здесь к нему требованиями, что он бывает в состоянии не только мысленно делать себе пометки во время процесса

наблюдения, не нарушая течения сознания, но может даже делать письменные пометки, подобно гистологу, который делает себе пометки, не отрываясь от окуляра микроскопа” (*Титченер*, б/г, с.20).

Титченером также было введено строгое требование к самонаблюдению: описывать именно структуру опыта, но не его содержание, что он называл “ошибкой стимула”.

Интроспекция в научной психологии: Уильям Джемс

Признанным мастером интроспекции был американский психолог Уильям Джемс (1842-1910). Джемс пишет в “Основах психологии”: “Интроспективное наблюдение – вот на что нам надлежит полагаться в первую очередь, в основном и всегда. Понятие “интроспекция” следует четко определить – оно означает, очевидно, смотрение в собственную душу и отчет о том, что мы в ней открываем. Любой согласится с тем, что мы открываем при этом состояния сознания” (*James*, 1890, v.1, p.185). Джемс категорически отвергает атомизм Вундта и его учеников. Как справедливо отмечает П. Фресс: “Разумеется, он исходит из сознания, но для него важны не данные, которые находятся в сознании, а факты *сознания*: индивидуальное сознание, непрерывность которого является основой тождества личности, непрестанно меняющееся сознание, никогда не имеющее дважды одних и тех же ощущений или одних и тех же мыслей; сознание, выбирающее в мире, в который оно погружено, то, что ему подходит” (*Фресс*, 1966, с.57). И далее: “Но Джемс не говорит об акте. Для него состояния сознания являются *функцией*” (*Фресс*, 1966, с.57).

Оценивая заслуги Джемса, Н.Н. Ланге отмечал, что он точно обратил нас “к непосредственному опыту, закрытому до сих пор теоретическими построениями” (*Ланге*, 1914, с.53). Каким образом? Джемс, как было сказано, категорически возражает против атомизма и элементаризма Вундта. А.Н. Ждан справедливо отмечает по этому поводу: “Собственное самонаблюдение, которому должна следовать психология, показывает каждому человеку, что эти гипотетические элементы ему недоступны. В самонаблюдении нам открываются не эти атомы, а некоторые цельные конкретные состояния сознания. Они изменчивы: ми-

нувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения. Уже поэтому неправильно смотреть на психическую жизнь как перетасовку и ассоциацию одних и тех же идей. Психическая жизнь есть постоянная смена качественности. В сознании нет связок. Оно течет непрерывно. Постоянная смена качественности составляет поток сознания” (Ждан, 1990, с.196). Джемс, таким образом, не принимает вундтовскую программу изучения ощущений: “Тождествен воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения... Реальности, объективные или субъективные, в постоянное существование которых мы верим, по-видимому снова и снова предстают перед нашим сознанием и заставляют нас из-за нашей невнимательности предполагать, будто идеи о них суть одни и те же идеи... Мы стараемся убедиться лишь в тождественности вещей, и любые ощущения, удостоверяющие нас при этом грубом способе оценки, будут сами казаться нам тождественными” (Джемс, 1905, с.126). Джемс продолжает: “состояния нашего ума никогда не бывают абсолютно тождественными. Каждая отдельная мысль о каком-нибудь предмете, строго говоря, есть уникальная и имеет лишь родовое сходство с другими нашими мыслями о том же предмете. Когда повторяются прежние факты, мы должны думать о них по-новому, глядеть на них под другим углом, открывать в них новые стороны. И мысль, с помощью которой мы познаем эти факты, всегда есть мысль о предмете плюс новые отношения, в которых он поставлен, мысль, связанная с сознанием того, что сопровождает ее в виде неясных деталей” (Джемс, 1905, с.128). Вывод, который делает Джемс о методе изучения потока сознания, формулируется так: “Мне кажется, что анализ цельных, конкретных состояний сознания, сменяющих друг друга, есть единственный правильный психологический метод, как бы ни было трудно провести его через все частности исследования” (Джемс, 1905, с.128-129). Джемс продолжает полемику с Вундтом и по поводу метода: “Без сомнения, часто удобно придерживаться своего рода атомизма при объяснении душевных явлений, рассматривая высшие состояния сознания как агрегаты неизменяющихся элементарных идей, которые непрерывно сменяют друг друга(...) Неизменно существующая идея, появляю-

щаяся время от времени перед нашим сознанием, есть фантастическая фикция” (Джемс, 1905, с.129). Сознание, по Джемсу, подобно жизни птицы, которая то сидит на месте, то летает. “Ритм языка отметил эту черту сознания тем, что каждую мысль облек в форму предложения, а предложение развил в форму периода. Остановочные пункты обыкновенно бывают заняты чувственными впечатлениями, особенность которых заключается в том, что они могут не изменяться, созерцаться умом неопределенное время; переходные промежутки заняты мыслями об отношениях статических и динамических, которые мы по большей части устанавливаем между объектами, воспринятыми в состоянии относительного покоя” (Джемс, 1905, с.131). Джемс называет остановочные пункты устойчивыми частями, а переходные промежутки изменчивыми частями потока сознания. Наше мышление постоянно стремится от одной устойчивой части, которую покинуло, к другой. “При самонаблюдении, – отмечает Джемс, – очень трудно подметить переходные моменты в их настоящем виде” (Джемс, 1905, с.131). “Эти состояния, т.е. сознавание отношений между явлениями сознания – пространственных, временных, сходства, различия, невозможно схватить самонаблюдением” (Ждан, 1990, с.196). Джемс специально подчеркивает, что в случае переходных состояний попытка самонаблюдения бесплодна – “это все равно, что схватывать руками волчок, чтобы уловить его движение”. Интеллектуализм и сенсуализм, по мысли Джемса, есть абсолютизация, “чрезмерное преувеличение значения”, придаваемого переходным или более устойчивым состояниям сознания. Тем не менее, трудности самонаблюдения не являются оправданием для традиционной психологии, которая, фактически, изучает артефакты: “Традиционные психологи рассуждают подобно тому, кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок воды. Этую-то свободную, незамкнутую в сосуды воду психологи и игнорируют упорно при анализе нашего сознания. Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него “воды” и замирает в ней. С образом связано сознание всех окружающих отношений, как близких, так и отдаленных, замирающее эхо тех мотивов, по поводу которых возник данный образ, и зарождаю-

щееся сознание тех результатов, к которым он поведет. Значение, ценность образа всецело заключается в этом дополнении, в этой полутини окружающих и сопровождающих его элементов мысли, или, лучше сказать, эта полутина составляет с данным образом одно целое – она плоть от плоти его и кость от кости его; оставляя, правда, самый образ тем же, чем он был прежде, она сообщает ему новое назначение и свежую окраску. Назовем сознавание этих отношений, сопровождающее в виде деталей данный образ, *психическими обертонами*” (Джемс, 1905, с. 136). “Сознание отличается селективностью, т.е. избирательностью: в нем всегда одно состояние выдвигается вперед, другое, наоборот, отходит на задний план в соответствии с тем, что нужно, важно, интересно данному индивиду. Селективность отличает наши переживания, во внешнем мире все предметы имеют одинаковую степень реальности” (Ждан, 1990, с.196).

Из вышеизложенного понятно, что Джемс является сторонником самонаблюдения. Любые “строгие” процедуры, например, вундтовские требования к лабораторному эксперименту, по Джемсу, являются искусственными попытками “резать ножницами воду”, неминуемо обреченными на неудачу. Единственным методом психологии, который может дать результат, является “анализ цельных, конкретных состояний сознания”.

Таким образом, согласно Джемсу, методом психологии является самонаблюдение, направленное на поток сознания. Выраженный функциональный подход У. Джемса, рассматривающий сознание не как структуру, а как функцию (“сознание... по всей вероятности, развивалось, как и другие функции, потому что оно полезно...”) (Фресс, 1966, с.58) сделал психологическую концепцию *жизненной*: “...мы получаем живое понимание душевных явлений, удерживая наше внимание возможно дольше на конкретных состояниях сознания во всей их цельности, между тем как анализ психических элементов есть, так сказать, анализ post mortem (посмертный). В последнем случае мы имеем дело не с жизненными явлениями, а с искусственными абстракциями” (Джемс, 1905, с. VI-VII).

И еще одно, последнее замечание, касающееся психологического метода Уильяма Джемса. В силу некоторых обстоятельств (главным образом, по причине целостности подхода) само-

наблюдение у Джемса это не просто эмпирический метод. В своих “Основаниях психологии”, оценивая тезис Брентано об истинности внутреннего восприятия (“Феномены, постижимые умственно, верны сами по себе”), Джемс пишет: “Если бы иметь чувства или мысли в их непосредственной данности было бы вполне достаточно, то дитя в колыбели было бы психологом и вдобавок непогрешимым!” (*James*, 1890 v.1, p.189). Действительно, самонаблюдение Джемса не просто эмпирический метод, а соединенный с интерпретацией (главным образом, функциональной направленности): то, что неискорененному читателю может показаться результатом простого самонаблюдения в действительности является результатом тонкого анализа, осуществленного автором. В книге “Многообразие религиозного опыта” этот метод опосредованного анализа становится ведущим. Таким образом, можно констатировать, что и в области метода Джемс стал предшественником опосредованного психологического метода, который еще только будет “завоевывать” психологию.

Интроспекция в научной психологии: Вюрцбургская школа

Вюрцбургская школа, получившая свое название от Вюрцбургского психологического института (г. Вюрцбург, Бавария, Германия), возникла на рубеже XIX и XX вв. Ее создателем был Освальд Кюльпе (1862-1915), бывший учеником В. Вундта и “одним из первых психологов, сформировавшихся на базе своей собственной дисциплины” (*Фресс*, 1966, с.36). Эта школа, в которой кроме Кюльпе работали Карл Марбе, Генрих Ватт, Нарцисс Ах, Август Мессер, Карл Бюлер, Клифтон Тейлор и др., внесла существенный вклад и в разработку метода интроспекции, и в изучение мышления. Можно сказать, что психологи из Вюрцбурга были пионерами экспериментального изучения мышления. На этой стороне их исследовательской деятельности мы остановимся в следующем разделе. А сейчас обсудим модификации интроспективного метода в Вюрцбургской школе.

Л.И. Анцыферова отмечала, что “в опытах Вюрцбургской школы интроспективный метод достиг своего апогея” (*Анцыферова*, 1966, с.61). Это, безусловно, верно: возможности самоот-

чета испытуемого использовались максимально полно, интроспекция как таковая дополнялась ретроспекцией. Нарцисс Ах, например, настаивал на том, что самонаблюдение должно носить преимущественно ретроспективный характер, т.к. интроспекция не просто искажает наблюдаемое явление, но меняет его содержание.

Вундтовская психология как наука о непосредственном опыте полагала, что она четко определила свой предмет. Испытуемый должен описывать структуру непосредственного опыта, по возможности, расчленяя на составные элементы. Как спрашивали отмечалось в психологической литературе, экспериментальные данные, полученные в опытах физиологических психологов, “содержали совершенно разнородные сведения, состоявшие частично из интроспективных отчетов, а частью из отчетов испытуемых о том, что именно они воспринимают в окружающем мире, и, наконец, из показателей о зависимости двигательных реакций от тех или иных изменений раздражителей” (Анцыферова, 1966, с.59-60). В физиологической психологии оба вида словесного отчета считались интроспекцией.

В Вюрцбургской школе интроспекция получила более четкие границы: поскольку изучалось в основном мышление, то, естественно, испытуемые должны были описывать не качества раздражителей и не сами раздражители, а собственно мыслительные процессы. По мнению самого Аха, основное отличие вюрцбургской интроспекции заключалось в том, что “опытах Вюрцбургской школы интроспекция применялась в строго контролируемых стандартных условиях” (Анцыферова, 1966, с.61). Особая роль отводилась изменениям внешних условий: систематическое экспериментальное наблюдение немногого стоит, если “не удается благодаря изменению внешних условий эксперимента и инструкции вызвать соответствующее изменение внутренних переживаний и, таким образом, благодаря вариации внешних обстоятельств, осуществить контроль за данными самонаблюдениями” (Анцыферова, 1966, с.61). Как резюмирует сам Н. Ах: “Метод систематического экспериментального самонаблюдения состоит в том, чтобы в следующий за опытом промежуток времени подвергать полному описанию и анализу переживания испытуемого, стимулированные внешними

средствами” (*Ach*, 1905, с.8). Лидер школы подчеркивал именно систематический характер самонаблюдения в Вюрцбургской школе: “Ранее в психологических исследованиях не старались добиваться после каждого опыта сведения о всех соответствующих переживаниях, удовлетворялись случайными показаниями испытуемого по поводу явлений, особенно бросающихся в глаза или отклоняющихся от нормы и разве только после целого ряда совокупных исследований выспрашивали главное на основании сохранившихся у испытуемого воспоминаний. Таким путем освещались только наиболее характерные душевные явления. Близкое знакомство наблюдателей с традиционным кругом понятий об ощущениях, чувствах и представлениях не позволяло им заметить и назвать то, что не было ни ощущением, ни чувством, ни представлением. Лишь только опытные испытуемые на основании самонаблюдения над переживаниями во время исследования начали сообщать непосредственно после опыта полные и беспристрастные данные о течении душевных процессов, тотчас же обнаружилась необходимость расширения прежних понятий и определений. Было обнаружено существование таких явлений, состояний, направлений, актов, которые не подходили под схему старой психологии” (*Кюльпе*, 1914, с.50). В этом фрагменте из обобщающей статьи Освальда Кюльпе хотелось бы обратить внимание на два момента. Первый: фактическая констатация обусловленности самонаблюдения теоретическими взглядами наблюдателя. Второй: разумеется, “расширение прежних понятий” было вызвано не “опытностью” испытуемых (хотя она вне подозрений: испытуемые Кюльпе, Бюлер, Мессер и др. были и опытны и квалифицированы), а тем, что объектом интроспекции стала деятельность мышления, что привело к появлению в отчетах данных о “несенсорных” элементах. Их, как известно, обнаружили и Бине (*Binet*, 1922, 1969), и Вудвортс (*Boring*, 1950, *Berline*, 1965), не использовавшие систематического экспериментального самонаблюдения в вюрцбургском варианте. Но стремление к систематичности выразилось, в частности, в том, что изучаемое явление для удобства описания делилось на этапы, и каждый этап описывался отдельно.

Метод интроспекции, как уже упоминалось, достиг в Вюрцбургской школе своего апогея. Это выражалось, в частно-

сти, в том, что в этой школе предъявлялись максимальные требования к испытуемым. Это одно из немногих направлений в психологии, где с гордостью указывали фамилию испытуемого (проф. Кюльпе, проф. Мессер и др. – заметим, что доценты в качестве испытуемых встречаются не так часто). По точной характеристике Л.И. Анцыферовой, в Вюрцбургской школе “грань между экспериментатором и испытуемым по существу стиралась: каждый испытуемый являлся одновременно экспериментатором, наблюдающим сущность своего мышления. Почти ко всему циклу проведенных вюрцбуржцами экспериментов относятся слова Бюлера, высказанные им по поводу работы Мессера. В ходе проведения опытов, пишет Бюлер, Мессер чувствовал себя в некоторой степени лишь редактором того, что высказывали его испытуемые Кюльпе и Дюрр” (*Анцыферова*, 1966, с.62). Проанализируем метод в Вюрцбургской школе более подробно. Обратим внимание на то, что исследования мышления начинались с классической схемы, приложенной к новому объекту – мышлению. Мысление понимается как в логике: исследуется суждение. Возьмем в качестве примера исследование К. Марбе. “Испытуемым предлагались различные вопросы, вызывавшие у них процессы суждения… Непосредственно после опыта испытуемый должен был описать, что было им пережито. Испытуемыми были проф. Кюльпе и проф. Реттекен. Предлагались, напр. вопросы: “На какой реке находится Берлин?” Ответ (Кюльпе): – “На Шпрее”. – При этом возник зрительный и слухо-двигательный образ этого слова. – Вопрос: “Сколько будет 6 раз 15?” – Ответ: “90”. – При этом возникли неясные двигательные образы 15 и 6” (*Кюльпе*, 1914, с.84-85). Усложнение заданий (т.е. при более сложных суждениях, особенно абстрактного характера) приводит к появлению *Bewusstseinlagen* – “положений сознания”.

Начинается интенсивная разработка новой области. Она была направлена на поиск элементов мышления. Программа анализа (структурного) непосредственного опыта, предложенная еще Вундтом, применяется на новом материале. Л.И. Анцыферова в своем исследовании, посвященном Вюрцбургской школе, отмечает: “Строя свои системы по типу других более развитых наук, Вундт и Титченер основными единицами

психики считали ощущения, образы, (представления) и чувства. Опыты представителей Вюрцбургской школы обнаружили невозможность уложить все богатство психической жизни человека в эту метафизическую систему независимых друг от друга статических единиц. Оказалось, что человек осознает отношения и взаимосвязи между окружающими его предметами, экспериментальными действиями и собственными мыслями. Истолковывая эти данные с позиций психологии сознания, представители Вюрцбургской школы по существу все виды отношения свели к отношениям между мыслями и психическими состояниями, объявив “переживание отношений” основными элементами мышления, лишенными чувственнонаглядного компонента” (Анцыферова, 1966, с.64).

Исследования, ориентированные на поиски новых элементов, из которых состоит мышление (знание, знаемость, осознание, по Аху; мысли, по Мессеру и по Бюлеру) привели к усложнению заданий (некоторые задания требовали серьезного интеллектуального усилия). В этих условиях оказалось возможным изменить акцент в исследовании, внести изменения в инструкцию испытуемому и направить его внимание не на фиксацию содержаний (представлений или ненаглядных содержаний, отношений, мыслей), но на процессы, предшествующие появлению этих содержаний. Еще раз обратим внимание на то, что это стало возможным при достаточном усложнении заданий. При элементарных заданиях (подобных описанным выше, в которых Кюльпе должен был вспомнить, на какой реке стоит Берлин), где требуется лишь актуализация опыта, проследить процессы чрезвычайно трудно. Таким образом, в исследованиях вюрцбуржцев появляется схема процесса. Она становится “работающей” далеко не у всех. Примером может служить работа Карла Бюлера. “Характеристика мышления как процесса решения задачи уже используется Бюлером в качестве основы его исследований. Отказываясь дать сколько-нибудь полное определение мышления, Бюлер считает необходимым и достаточным для этого задать человеку вопрос, на который тот обязательно должен ответить. Вопрос вызывает возникновение в уме человека задачи, решение которой и составляет суть мышления. Но Бюлер отказывается исследовать, как он выражается, “диалектику мышления”, огра-

ничивая свою задачу поисками ненаглядных элементов и их подробной характеристикой” (Анцыферова, 1966, с.75). Это очень важный момент: появление новой схемы не обязательно ведет к “переориентации” исследования, выражаяющейся в изменении методики. Об изменениях в методах, произошедших в Вюрцбургской школе, писал М.Г. Ярошевский: “Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, описать, какие события происходят в их сознании при решении какой-либо экспериментальной задачи” (Ярошевский, 1985, с.316). В этом отношении важно подчеркнуть, что вюрцбуржцы не были изобретателями “схемы процесса”, они лишь распространяли ее на новую область – мышление, когда оказалась “освоенной” структурная схема. Поясним это. Открытие Ваттом феномена задачи создало основу для использования процессуального анализа мышления. Н. Ах начал такой анализ, Бюлер, как мы видели, отказался, поскольку счел неисчерпанной структурную схему и предпочел выявлять виды “ненаглядных” содержаний в мышлении (Бюлером, напомню, было выделено три типа мыслей). В своей поздней статье О. Кюльпе подчеркивает тот факт, что обращение внимания исследователей на механизмы явлений произошло до вюрцбуржцев: “После того, как Вундт в своей книге “Основы физиологической психологии” (1874) значительно расширил цели новой науки и попытался привести ее в систему, открытие его психологического института для организации исследований в этой области имело значение новой научной эры. Однако лишь психологические исследования звука Штумпфом и сочинения Эббингауза о памяти решительно придали экспериментальным работам чисто психологический характер. В этот последний период нашей науки для эксперимента стала доступна большая психическая жизнь, память, чувства и воля, интеллектуальные функции и психическая активность. Самые главные для Фехнера элементы – раздражители и вызываемые ими ощущения оттеснены в круг своих собственных интересов и проблем. Эволюцию такого рода легче всего иллюстрировать примером исследования Мюллером и Шуманом, начавшимся еще в конце 80-х годов. Уже Фехнер по этому вопросу провел круглым счетом 25000 экспериментов. Единственной целью, которую он при этом имел в виду, было под-

тврждение веберовского закона, который был для него необходим, как обоснование того отношения, которое он искал между телом и душой. Напротив, в работе Мюллера и Шумана этот вопрос совершенно устранен. Здесь говорится о веберовском законе, они его касаются лишь на немногих страницах, но *о самом механизме сравнения, о проявлении моторных и сенсорных процессов, о мотивах, которые побуждают нас* (курсив наш – В.М.) один вес считать тяжелее другого” (*Кюльпе*, 1914, с.47). О. Кюльпе подчеркивает, что с этой фазой развития экспериментальной психологии совпадает направление, исследующее процессы мышления, развившееся в Вюрцбургском психологическом институте.

Изменив исходную схему (т.е. приняв схему мышления как процесса), Н. Ах вынужден модифицировать и сам метод. Он настаивает на том, чтобы испытуемые как можно тщательнее описывали сам процесс. Но даже прерывание процесса для того, чтобы получить ретроспективный отчет по части процесса положения не спасает. Ватт установил, что в самом начале эксперимента испытуемый несколько раз повторял задачу про себя, но затем не только проговаривание исчезает, но испытуемый вообще перестает осознавать задачу. Тем не менее, ее действие обнаруживается, в частности, в том, что испытуемый дает правильные ответы. Интроспекция, однако, не позволяет получить исчерпывающего описания мышления как процесса. И тогда происходит то, что, по-видимому, можно назвать революцией в психологическом экспериментировании.

Дело в том, что Ах производит вспомогательный эксперимент, который моделирует интересующее явление. Речь идет об экспериментах с использованием гипноза: “Так одному из загипnotизированных дается следующая инструкция: “Будут показаны две карточки с двумя цифрами. При предъявлении первой карточки вы должны назвать сумму чисел, после подачи второй – разность”. После того, как испытуемый проснулся, ему была показана карточка с числами 6/2. Взглянув на них испытуемый произнес “восемь”. Карточка с цифрами 4/2 вызвала у него ответ “два”. На вопрос, почему он произнес слово “восемь” испытуемый ответил, что он испытывал настоятельную потребность сказать именно это слово” (*Анцыферова*, 1966, с.77). И здесь необ-

ходимо подчеркнуть, что в этом эксперименте интроспекция выступает в весьма специфической роли. Интроспективные данные используются, но в качестве исходного материала. Так же как во фрейдовском анализе постгипнотического внушения, мы имеем дело с опосредованным исследованием: данные испытуемого являются очевидно лишь сырьем материалом, адекватная интерпретация которого проводится (и вообще становится возможна) лишь исследователем, который этот эксперимент организовал и которому известно про факт внушения. Таким образом, Н. Ах в этом эксперименте продемонстрировал возможность интерпретации данных самонаблюдения совершенно определенным образом, а именно используя для интерпретации схему процесса: постгипнотическое внушение вызывает неосознаваемые процессы, которые своим результатом имеют интроспективные показания испытуемых. Такое использование дополнительного метода позволяет Аху сформулировать свою знаменитую концепцию детерминирующей тенденции.

Теперь можно дать новый вариант объяснения феномена, известного в психологии мышления как “беспорядки в изложении Аха” (*Humphrey, 1951*). Вот как характеризует этот феномен Л.И. Анцыферова: “...работа Аха производит странное впечатление на современного психолога. Выводы о механизмах мышления в ней излагаются вне связи с огромным количеством приводимых до этого протоколов, содержащих ретроспективный отчет о данных самонаблюдения. Это обстоятельство побуждает некоторых современных психологов говорить о некоторой неряшлиности некоторых работ Вюрцбургской школы, о хаотичности изложения. Хамфри посвящает специальный раздел “беспорядкам в изложении Аха”. Он указывает, что вывод Аха о детерминирующих тенденциях как главном механизме мышления совершенно не подготовлен. В главе, носящей название “Детерминирующие тенденции. Осознавание”, содержится положение, что исследования, описанные в предыдущих параграфах, делают необходимым понятие детерминирующих тенденций. “Это утверждение, – пишет Хамфри, – неожиданно для читателя, потому что детерминирующие тенденции были упомянуты ранее лишь в одном месте и то почти случайно, в ходе высказывания о том, что действие воли не обязательно “должно

быть дано как сознательный опыт... Фактически, следовательно, понятие детерминирующих тенденций не является необходимым для описания экспериментов". Отмечая этот факт, Хамфри не вскрывает его причину, которая заключается в том, что Ах не мог непосредственно прочесть в отчетах самонаблюдения о механизмах мышления и вынужден был работать иным, непривычным методом, оставшимся за пределами изложения" (*Анцыферова*, 1966, с.75-76). Это очень точная оценка. К ней стоит добавить лишь то, что этот фрагмент в работе Н. Аха представляет собой поворотный пункт в истории психологии мышления. Психология познания перестает быть непосредственной наукой. В анализе, проведенном Ахом, можно увидеть, что психолог использует "теоретический" метод, основанный на схеме процесса. Конечно, это еще не в полном смысле теоретический метод, это "всего лишь" интерпретация. Но это, во-первых, не произвольная процедура (в чем радикальное отличие от философских рассуждений) и, во-вторых, это метод собственно психологический, сохранивший "родство" с интроспекцией как эмпирическим методом. ("Если бы испытуемый мог осознать свой мыслительный процесс, он дал бы такую ретроспекцию"). Использование теоретического метода, кроме того, означает, что психология становится по-настоящему теоретической наукой. Формула Вундта, согласно которой наука – это факты, обработанные по законам логики, становится очевидно несостоятельной. В науке появляется теория, которая есть нечто большее, чем обобщение фактов.

Использование метода интроспекции в Вюрцбургской школе критиковалось В. Вундтом. Процедура исследования в Вюрцбурге казалась настолько произвольной (по сравнению со строгостью лабораторного эксперимента в лаборатории в Лейпциге в стандартизованных условиях и многократного повторения), что Вундт искренне полагал, будто экспериментирование по-вюрцбуржски является шагом назад в научном отношении. В действительности все дело было в том, что очень сильно различались стоящие перед Вундтом и перед вюрцбуржцами задачи. Вюрцбургским психологам, желающим исследовать процесс мышления, вундтовские стандартные процедуры помочь уже ничем не могли. Даже прямой опрос испытуемого, фактически, диалог с ним не давал ответа на вопросы, которые их интересо-

вали. Дело в том, что вундтовские процедуры были нацелены на описание элементов сознания.

Действительно, в Вюрцбургской школе метод интроспекции достиг апогея. Он многое дал. С другой стороны стала очевидна его ограниченность. Психология подошла к тому рубежу, за которым стало ясно, что психология как непосредственная наука о сколь-нибудь сложных явлениях невозможна. В этом убеждали факты, полученные психоанализом, утверждавшим, что непосредственный опыт может быть “защитным построением”, поэтому его достоверность попадает под сомнение. С другой стороны, интроспекция обнаружила удивительную зависимость от исходных посылок: в Лейпциге прекрасно описывались элементы непосредственного опыта, в Корнелле испытуемые редко допускали “ошибку стимула”... Взаимные обвинения не были конструктивными и ни к чему не вели. Скажем, Титченеру явно не нравилось, что в опытах вюрцбуржцев обнаружился несенсорный характер мысли. Был произведен целый ряд опытов, в которых изучались различные явления (например, ожидание) и обнаружилось, что наглядных образов, действительно, было немного, но зато все испытуемые указывали на мышечные ощущения, изменения дыхания и т.п. Поскольку характер заданий различался, аргументы эффекта не имели. Вундт также критиковал методику эксперимента в Вюрцбургской школе, считая, что она нарушает каноны физиологической психологии.

Метод интроспекции в чистом виде использовался только в Корнелльском университете Титченером. В других исследованиях он начал заменяться методом словесного отчета или феноменологическим (как в гештальтпсихологии) и т.д.

Использование метода систематического экспериментального самонаблюдения в Вюрцбургской школе стало поводом для многочисленных дискуссий о методе интроспекции. Стало очевидно, что метод интроспекции дает результаты, подтверждающие теоретические положения, разделяемые исследователями. Попытки ввести критерии надежности интроспекции, подобные предложениям Бюлера о “критерии имманентной непротиворечивости” (состоявшего в том, что накопление большого числа согласующихся показаний испытуемого в различных ситуациях повышает достоверность результатов), успеха не имели.

Об эволюции интроспекции

Декартовское представление о сознании, как было сказано, послужило основанием для возникновения эмпирической психологии. Философская интроспекция обосновывала возможность получения достоверных данных о душе, но не являлась специальным методом. Об интроспекции как специальному методе получения данных о сознании (душе) можно говорить в философской психологии. Эмпирическая психология допускала использование метода интроспекции для получения конкретных данных о сознании, хотя использование метода было бессистемным, хаотическим. Часто использование метода сводилось к проведению мысленного эксперимента, который должен был подтвердить справедливость рассуждений. Важно подчеркнуть, что логика рассуждения определялась принципами *системы*, из которой исходил автор. Соответственно, психология строилась или как естественная история, или по образцу механики, или по образцу химии (“ментальная химия”). Таким образом, интроспекция, хотя и провозглашается методом эмпирической психологии, реально эмпирическим методом не является, выступая, как уже говорилось, скорее средством контроля рассуждения. Отметим, что другие источники знания о душе были хорошо известны (объективное наблюдение, анализ произведений искусства, сравнительный метод и т.д.), но предпочтение имел метод интроспекции, т.к. предполагалось, что самонаблюдение способно давать *достоверное* знание.

Та интроспекция, которая использовалась в научной психологии, отличалась систематичностью и большей строгостью. В научной психологии самонаблюдение стало эмпирическим методом: предполагалось, что психология будет основана исключительно на данных опыта. Еще Д.С. Милль, отвечая на критику Контом интроспективного метода, отмечал, что в действительности интроспекция включает в себя элементы памяти, т.е. в действительности представляет собой ретроспекцию. Поскольку идея метода сохранялась, никто против такого расширения интроспекции в научной психологии сильно не возражал. Даже Титченер, который, как известно, был особенно непреклонен и

настаивал на аналитическом характере процедуры. Э. Боринг замечает, что в интроспекции Титченера “налицо чересчур большая зависимость от ретроспекции. Порой требовалось двадцать минут на то, чтобы описать продолжавшееся 1,5 секунды состояние сознания, и в течение этого времени испытуемый ломал голову, силясь вспомнить, что же на самом деле случилось за более чем за 1000 секунд до этого, опираясь естественно, на предположения” (*История психологии*, 1992, с. 27). Увеличение “строгости” самонаблюдения означало, что оно в значительно большей степени, чем раньше, ставилось в контролируемые условия (например, физиологического эксперимента), либо указывался новый объект (описывать именно акты, а не содержания). Но для нашего анализа важно подчеркнуть, что в различных вариантах интроспективный метод выглядел существенно по-разному.

Вильгельм Вундт: интроспекция должна применяться в сочетании с физиологическим экспериментом. Стандартизованная процедура эксперимента позволит сделать интроспекцию более строгой, упорядоченной, приблизив тем самым, к идеалу строгого научного метода. Интроспекция должна направляться на постижение структуры сознания, описывать элементы, из которых построено сознание.

Франц Брентано: интроспекция должна быть направлена на фиксирование актов сознания. Брентано полагал, что задача психолога состоит в том, чтобы тщательно описывать не само по себе содержание, а связанные с ним акты. Последние должны описываться испытуемым целостно. С точки зрения Брентано, принятая в лабораториях В. Вундта интроспекция искажает реальные процессы сознания, которые следует тщательно наблюдать в их естественном течении и составе. По Брентано, интроспекция должна изучать сознание в его “целостности” и “доподлинности”.

Эдвар Титченер: интроспекция должна быть аналитической интроспекцией, направленной на изучение структуры сознания. Обычное самонаблюдение легко впадает в “ошибку стимула”, которая выражается в смешении психического процесса с наблюдаемым объектом. Научно-психологический анализ следует очистить от предметной направленности сознания. Для это-

го необходимо изгнать из языка интроспекции “значение” и говорить исключительно об элементах, из которых складывается опыт.

Бюргбургская школа: интроспекция используется в форме систематического экспериментального самонаблюдения. Метод систематического экспериментального наблюдения, состоял в том, испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности. Использовался метод перерыва, ретроспекция. Испытуемых просили сделать объектом самонаблюдения не результат, а процесс, включая подготовительные этапы.

Уильям Джемс: в интроспекции должны открываться не “элементы сознания”, не его “атомы”, а целостности – “поток сознания”.

За этим разнообразием вариантов одного метода скрывается важная проблема. В психологии конца XIX века ее называли проблемой интроспективного апперцептирования. Обратим внимание на тот факт, что все научные психологи, использовавшие метод интроспекции настаивали на том, что испытуемый должен быть “тренированным”. Известно, что вундтовской лаборатории испытуемого, который выполнил менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не считали подходящим источником информации (*Boring, 1953*). Зачем требовалось так много опытов? Затем, чтобы научиться описывать именно то, что представляет для этих психологов максимальный интерес. Стоит ли удивляться, что у Вундта в Лейпциге испытуемые прекрасно описывали элементы сознания, а у Титченера в Корнелле редко совершали “ошибку стимула”? Обсуждая этот вопрос, С.В. Кравков писал в книге “Самонаблюдение”: “С точки зрения психологической, интроспективное восприятие как акт опознания представляет собою, аналогичную восприятию внешнему, деятельность внимания или апперцепцию, долженствующую сообщать ясность и отчетливость объекту, и связанную с более или менее полно формулированным обозначением (нотированием) его” (*Кравков, 1922, с.41-42*). Нельзя не согласиться с С.В. Кравковым в том, когда он утверждает, что в “интроспективно описательной психологии вопрос об осуществлении апперцептирования наличных переживаний оказывается, мы сказали бы, центральным в ее методологии” (*Кравков, 1922, с.42*).

Действительно, идея метода одна: “воспринимание нами наших переживаний в их качественной окраске”, доставление “описательного материала для науки как системы” (*Кравков*, 1922, с.41). А реально описывается либо структура, либо функция, либо процесс. Сам характер заданий, получаемых испытуемыми, которые должны были заниматься интроспекцией, способствовал описанию именно того, что предполагалось изучать: элементарные задания практически исключают возможность изучения процесса, для этого нужны более или менее сложные задачи; изучение функции предполагает получение какого-то осмысленного результата и т.д. Инструкция, даваемая испытуемому, вопросы, которые ему задаются – все “работает” на то, чтобы создать у испытуемого установку на описание того, что соответствует “теоретическим” ожиданиям. Л.И. Анцыферова отмечала, характеризуя особенности исследовательской деятельности в Вюрцбургской школе: “В экспериментах при этом участвовали, как правило, психологи, работавшие в данном направлении. Во время предварительных опытов у них вырабатывалось умение осознавать именно то, что отвечало их теоретическим взглядам. Такая избирательная установка или “задача” самими испытуемыми не осознавалась (это было убедительно показано в опытах Вюрцбургской школы), но определяла результаты экспериментов” (*Анцыферова*, 1966, с.72). Об этой опасности предупреждал еще Г. Эббингауз, призывавший не доверять экспериментам, произведенным над самим собой для подтверждения собственной теории (*Эббингауз*, 1911, с.89). Он видел выход в том, чтобы организовать дело так, “как будто бы наблюдатель был посторонним человеком” (*Эббингауз*, 1911, с.89). Но этого оказывается недостаточно: как убедительно показал Мюнстерберг, выдержка из книги которого приводилась выше, в любом самонаблюдении присутствует «нагруженность». Там она была физиологической, здесь она психологическая. В вундтовской лаборатории она проявляется в нацеленности на описание структурного состава сознания, у Аха на описание процесса мышления. Субъективизм, противоречивость результатов и невозможность объективной проверки вызвали разочарование в возможностях интроспекции. На смену интроспекции как непосредственному методу пришел метод словесного отчета,

где самонаблюдение давало материал, который *интерпретировался* с каких-то теоретических позиций. Впрочем, это уже новая глава в истории психологии, нас же интересовали первые шаги научной психологии.

Библиографический список

1. *Анцыферова Л.И.* Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Вюрцбургской школе // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966, с. 59-81.
2. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
3. *Вундт В.* Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. С.-Пб.: Типогр. П.П.Сойкина, б/г. 136 с.
4. *Гартман Э.* Современная психология. М.: Изд. Ефимова, 1902. 388 с.
5. *Гельмгольц Г.* Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. С.-Петербург: Типогр. товарищ. “Общественная польза”, 1875. С. 596.
6. *Джэмс У.(Джемс У.)* Психология. Изд.5-е. С.-Пб.:Изд. К.Л. Риккера, 1905. 425 с.
7. *Ждан А.Н.* История психологии. М.: МГУ, 1990.367 с.
8. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.:МГУ, 1992. 364 с.
9. *Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922. 176 с.
10. *Кюльпе О.* Современная психология мышления // Новые идеи в философии. Сб. шестнадцатый: Психология мышления. СПб.: Образование, 1914, с. 43-83.
11. *Ланге Н.Н.* Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893. 297 с.
12. *Ланге Н.Н.* Психология // Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва “Мир”, 1914. 312 с.
13. *Локк Д.* Избранные философские произведения в двух томах. Т.1. М.: Изд. соц.-экон. лит-ры, 1960. 734 с.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч.-пед. изд.-во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
15. Титченер Э.Б. Учебник психологии. Ч.1. Второе изд. М.: Изд. Т-ва "Мир", б/г. 264 с.
16. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15-98.
17. Эbbingгауз Г. Основы психологии. Т.1.Вып.1. С.-Петербург: Изд. т-ва "Общественная польза", 1911. С. 392.
18. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985. 575 с.
19. Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhange: Ueber das Hippische Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905. 294 S.
20. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.: Wiley, 1965. 378 p.
21. Binet A. L'etude experimentale de l'intelligence. Paris: Alfred Costes, 1922. 307 p.
22. Binet A. The experimental Psychology of Alfred Binet: Selected Papers. N.Y.: Springer Publ., 1969. XIV, 235 p.
23. Boring E. A History of Introspection // Psychological Bulletin, v.50, 1953, p.169-189.
24. Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950. XXI, 777 p.
25. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.
26. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1924. XCVII, 278 S.
27. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 2. Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Leipzig: Meiner, 1925. XXIII, 337 S.
28. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte/Hrsg. von Oskar Kraus. Bd. 3. Vom sinnlichen und noetischen Bewußtsein. Leipzig: Meiner, 1928. XLVIII, 191 S.
29. Ebbinghaus H. Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.IX, 169 S.

30. *Ebbinghaus H.* Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902. XIV, 694 S.
31. *James W.* The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.
32. *Humphrey G.* Thinking: An Introduction to its experimental Psychology. London: Methuen; N.Y.: Wiley, 1951. XI, 331 p.
33. *Titchener E.B.* Experimental Psychology: A Manuel of laboratory Practice. N.Y., London: Macmillan, 1901-1906.
34. *Titchener E.B.* Lectures on experimental Psychology of the Thought-processes. N.Y.: Macmillan Co, 1909. IX, 318 p.
35. *Wolff Ch.* Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1732. 720 S.
36. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

1.2.3. Становление метода эксперимента

Как уже упоминалось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, со времен Аристотеля. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то обратимся к векам не столь отдаленным. Истории использования метода эксперимента посвящены специальные труды Э. Боринга (Boring, 1929, 1950), С.Л. Рубинштейна (1973), К. Рамуля (1966), П. Фресса (1966) и многих других. Поэтому постараемся выделить основные качественно различные этапы в применении этого метода. Как справедливо отмечал С.Л. Рубинштейн, по вопросу об эксперименте в психологии можно увидеть весьма различные точки зрения. Известный историк психологии М. Дессуар видел в использовании эксперимента в психологии лишь малозначительный эпизод. Другие авторы, например Э. Боринг, полагали, что применение эксперимента в психологии означает новую эпоху, с которой целесообразно вести отсчет истории психологии как науки. Полагаем, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо (Рамуль, 1966, с.309).

В апреле 1787 года в предисловии ко второму изданию “Критики чистого разума” Иммануил Кант рассуждал о том, как определить, находится наука на верном пути или же движется ощупью. Вслед за математикой верным путем, по мысли Канта, пошло естествознание. “Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам, и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем. Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, сообразно лишь с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...” (Кант, 1964, с.85-86). Использование метода эксперимента стало надежным признаком науки, находящейся на верном пути. На этом пути хотела оказаться и психология. По свидетельству Н.Н. Ланге, стремления применить эксперимент и к изучению психических явлений обнаруживаются приблизительно с половины XIX в. и находятся в тесной связи с расцветом экспериментальной физиологии. Систематическое использование эксперимента многими историками психологии расценивалось как важнейшее событие. Фон, на котором это событие произошло, Поль Фресс описывал следующим образом: “Философы, которые начиная с Декарта ставили перед собой эпистемологические вопросы, были постепенно подведены к психологическим проблемам. Эмпириков интересовало, как образуются сложные восприятия и ассоциируются идеи. Идеалистическое направление в противовес наивному реализму обращало особое внимание на роль организма и активно-

сти духа в происхождении наших ощущений и идей. На встававшие перед ними психологические проблемы философы давали пока лишь теоретические ответы, в рамках своих систем, и даже эмпирики для подтверждения своих теорий не прибегали к попыткам эксперимента, хотя и не отрицали самой возможности экспериментирования в психологии” (Фресс, 1966, с.26-27). “Поворотным пунктом в истории психологии, началом ее формирования как самостоятельной области научного знания явился тот исторический момент, который характеризовался превращением психических явлений в предмет экспериментального исследования”, – так оценивал роль метода эксперимента Б.Ф. Ломов (Ломов, 1990, с.7). “По существу, с этого момента психология и начала развиваться как наука. Этот качественный скачок в динамике психологического знания был подготовлен всем предшествующим ходом развития науки и общественной практики” (Ломов, 1990, с.7). Столь же категоричен в оценке роли эксперимента в истории психологической науки Ю.М. Забродин: “Собственно, можно сказать, что эксперимент конституировал психологию как самостоятельную науку, построенную на опытном знании” (Забродин, 1990, с.16).

В самое недавнее время аналогичную позицию высказывает В.В.Козлов: «Можно с уверенностью утверждать, что первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий и первые эксперименты с данным предметом (Г.Т.Фехнер) посвящены измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построению психофизических шкал» (Козлов, 2006, с. 133). Как мы увидим, с такой позицией согласиться нельзя.

Итак, с мнением, что научную психологию конституировал эксперимент, согласны многие, как представители психологии позапрошлого и прошлого веков, так и наши современники. Но не все. Мы уже упоминали мнение видного историка психологии Макса Дессуар (1867-1947), который в своем “Очерке истории психологии” (Дессуар, 1912) расценивал начало использования эксперимента как эпизод, не сыгравший существенной роли в судьбе науки. Вероятно, необходимо согласиться с С.Л. Рубинштейном, отмечавшим, что история формирования

психологии как самостоятельной науки не получила еще адекватного освещения.

На наш взгляд, источником многочисленных недоразумений по поводу использования эксперимента в психологии является упрощенное и неисторичное понимание самого психологического эксперимента. Нельзя ориентироваться только на внешнюю сторону метода. Как свидетельствует история психологии, виды психологического эксперимента многообразны, сам эксперимент может использоваться в сочетании либо с интроспекцией, либо с объективным наблюдением. Еще В.М. Бехтерев отмечал, что “эксперимент также может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента” (Бехтерев, 1991, с.9). Поэтому рассмотрим основные виды эксперимента, применявшиеся в психологии позапрошлого века. Напомним лишь, что целью нашей работы является не историческое описание, а методологический анализ, направленный на выявление возможной связи метода с теоретическими представлениями исследователей.

Еще раз повторю: история пишется победителями. История психологии в этом отношении отнюдь не исключение. Поскольку, в конечном счете, оказалось, что будущее за экспериментальной психологией (эпитет “экспериментальная” практически “автоматически” означал признание последней “научной”), со

* В данной связи любопытно свидетельство П. Фресса, отмечавшего: "Мы довольно часто подчеркивали особый характер французской психологии, которая с самого начала называлась экспериментальной, чтобы нельзя было усомниться в ее научном характере. Но ни Рибо, ни Жане не были экспериментаторами, а Ж. Дюма посвятил экспериментированию лишь часть своей научной деятельности" (Фресс, 1966, с.52). О.М. Тутунджян, обсуждая проблему становления экспериментальной психологии во Франции, ссылается на Б. Бурдона, свидетельствующего, что "в конце XIX в. во Франции экспериментальная психология понималась достаточно односторонне и отождествлялась в основном с экспериментами по гипнотизму (который, как известно, имел широкое распространение), поэтому эксперименталисты часто отождествлялись с гипнотизерами" (Тутунджян, 1990, с.57). Современному психологу, вероятно, покажется странным перечень секций Первого международного конгресса экспериментальной психологии в Париже в 1889 году: гипнотизм, наследственность, мускульное чувство, галлюцинации (Ланге, 1993).

К этому стоит добавить, что С. Кьеркегор свой труд, посвященный анализу взаимоотношений с любимой девушкой, также снабдил подзаголовком:

временем стало казаться, что победа экспериментального метода была триумфальной: метод интроспекции оказался “замененным” методом объективного эксперимента. “Методу интроспекции, долгое время считавшемуся единственным в познании психического, и основывавшимся на нем умозрительным спекулятивным построениям был противопоставлен объективный метод эксперимента, позволяющий глубоко раскрывать законы психики и разрабатывать на этой основе действительную теорию психологии” (История становления..., 1990, с.7).

В такого рода высказываниях, которых можно найти немало в специальной историко-психологической литературе, много от мифа, созданного впоследствии адептами экспериментального метода. Дело не только в том, что метод эксперимента в течение весьма долгого времени, как уже говорилось, сочетался с интроспекцией. Дело даже не в том, что метод *научной интроспекции как эмпирический метод* (не путать с философской интроспекцией) появился практически одновременно с методом эксперимента в психологии. Можно сказать (ниже будет приведена попытка аргументировать эту точку зрения), что психологию *как науку* конституировала именно научная интроспекция как эмпирический метод (разумеется, если позволительно отрывать метод от других “конституирующих” условий).

Как уже говорилось, история любого метода психологии, в том числе и эксперимента, может быть прослежена, по крайней мере, со времен Аристотеля. Говорить об использовании метода эксперимента в научной психологии, естественно, можно только, начиная с определенного этапа. Поскольку нас интересует использование методов в научной психологии, то отошлем читателя к прекрасному очерку П. Фресса, где подробно прослеживается предыстория научного эксперимента в психологии (Фресс, 1966). На наш взгляд, не следует ставить знак равенства между научностью психологии и использованием метода эксперимента.

“Экспериментальная психология” [126]. Все это свидетельствует лишь о том, что выражение “экспериментальная психология” понимается сегодня и “век тому назад” весьма по-разному.

Более или менее систематическое использование метода эксперимента к исследованию психологических вопросов можно проследить с середины XVIII столетия. До этого времени была распространена точка зрения, согласно которой экспериментирование в психологии вообще неприменимо (Рамуль, 1966, с.309). Не вдаваясь в дискуссии, сформулируем это по-другому: экспериментирование представлялось неуместным и не имеющим особого смысла. Это было время, когда, по словам П.Фресса, ученые развивали психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан проницательности философа, склонного к созданию стройных систем (Фресс, 1966, с. 18). Поэтому данные, полученные с помощью эксперимента, были не нужны: для подтверждения спекулятивных рассуждений было вполне достаточно внутреннего опыта (философская интроспекция, которую не стоит путать с научной). К.А. Рамуль выделяет несколько этапов, пройденных “психологическим экспериментом в его историческом развитии” (Рамуль, 1966, с.309). Психологический эксперимент на первой, начальной стадии своего развития, продолжавшейся приблизительно до середины XIX столетия, до экспериментальных работ Фехнера, Гельмгольца и др., характеризуется, по К.А. Рамулю, следующими общими чертами. Вопрос, который пытаются решить экспериментальным путем, касается количественной стороны сравнительно простого явления – остроты зрения или наименьшего угла зрения, под которым можно еще видеть предметы, продолжительности положительного последовательного образа, величины порога различия, величины пространственного порога осознания и т.д. Общий метод состоит в том, что берут определенное раздражение и постепенно изменяют его до тех пор, пока не наступит определенный эффект, после чего определяют величину раздражения, при которой эффект впервые наступил (Рамуль, 1966, с.309-310). Первые психологические опыты по своему общему методу представляются вполне аналогичными простым физическим опытам. Самонаблюдение при этих первых опытах носит элементарный характер, высказывания испытуемых касаются обыкновенно лишь наличия или отсутствия эффекта (Рамуль, 1966, с.310). При этом слабо развито стремление путем контролирования условий опыта, многократного повторе-

ния, статистической обработки результатов, придать им большую точность и надежность (Рамуль, 1966, с.311). П. Фресс отмечал, что “успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в своем опыте” (Фресс, 1966, с.27). Поэтому неудивительно, что первые психологи были физиологами, а иногда и химиками. Поскольку речь идет об области “пограничной” между физиологией органов чувств и “нарождающейся” психологией, то полезно, чтобы не совершить ошибку, особенное внимание обратить на конкретные цели и задачи исследователей-экспериментаторов.

Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г.Т. Фехнер)

Густав Теодор Фехнер (1801-1887) – автор знаменитых “Элементов психофизики”(1860). “Этот труд по праву считается первым трудом по экспериментальной психологии” (Фресс, 1966, с.28). С мнением П. Фресса, конечно, полностью соглашаться нельзя.

Частично потеряв зрение в результате неудачного физического эксперимента, Г.Т. Фехнер приходит к мысли о занятии психофизикой. Что такое психофизика, по Фехнеру? Психофизика – “точная теория об отношениях между душой и телом и вообще между физическим миром и психическим миром” (Боринг, 1974, с.29). Фресс, безусловно, прав, утверждая, что “значение деятельности Фехнера определяется не его первоначальной мотивацией, а тем, что он взялся за психологическую проблему, создал экспериментальные методы ее решения и, наконец, попытался сделать обобщение, которое он назвал законом Вебера и которое ныне мы называем законом Фехнера” (Фресс, 1966, с.29). Но чтобы понять смысл деятельности Фехнера, не обойтись без выявления его мотивов. Э. Боринг пишет в “Истории экспериментальной психологии”: “Фехнер дал четкое представление о природе психофизики как точной науки о функциональных отношениях или отношениях между душой и телом”. Это представление выступило в качестве *raison d'être* оправдания всего его труда. Наконец, мудрый вывод Фехнера о

том, что он не в силах вести исследования психофизики по полной программе, а должен ограничить себя изучением ощущений, причем не ощущений вообще, а интенсивности ощущений. Он полагал, что окончательное доказательство его взглядов в одной области могло бы привести в конце концов к распространению этих взглядов на другие области” (Боринг, 1974, с.22). Важно подчеркнуть, что психофизика понадобилась Фехнеру “для того, чтобы показать всю мнимость дуалистической проблемы, которая исчезнет, если будет найдено уравнение, верно отражающее отношения между душой и телом” (Боринг, 1974, с.23). Отсюда понятно, что создавать психологию как науку или тем более конструировать методы для нее он вовсе не собирался. Поэтому Боринг прав, когда пишет о том, что Фехнером “был создан экспериментальный метод; этот метод не уступал по своему значению всему остальному и был порождением фехнеровского темперамента вопреки Гербарту” (Боринг, 1974, с.22). Напомним, что Гербарт, ратовавший за психологию как науку, тем не менее, отрицал возможность достоверного психологического эксперимента. Возможность же существования психологии как науки находилась вне интересов Фехнера (в отличие, например, от экспериментальной эстетики, которой Фехнер с энтузиазмом, ему свойственным, занимался). Таким образом, можно констатировать, что психологии от Фехнера остался метод (она его по-заимствовала, включив психофизику в *структуру психологии*). Но разрабатывался метод эксперимента Фехнером как *психофизический*, а не психологический. По мнению К.А. Рамуля, психофизический эксперимент Фехнера (в отличие от более ранних психологических и психофизических опытов) имеет следующие особенности:

1) использование специально выработанных экспериментальных процедур – методов едва заметных различий, истинных и ложных случаев и средней ошибки,

2) стремление к получению максимально возможно точных и надежных результатов, находящее выражение в многократном повторении того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов (Рамуль, 1966, с.311). “Выработка специальных методов психофизического исследования означает начало, можно сказать, “психологизации” психологи-

ческого эксперимента, начало перехода психологии от пользования экспериментальными методами, заимствованными от физики или физиологии, к пользованию своими собственными, специально психологическими методами, а многократное повторение того же опыта с последующей математической обработкой полученных результатов означает начало перехода в зарождающейся экспериментальной психологии от более или менее дилетантского и вследствие этого неточного экспериментирования к более точному научному исследованию” (Рамуль, 1966, с.311). Сам Фехнер подчеркивал специфику *психофизики* как области, в которой возможно экспериментирование: “Психофизический эксперимент, до сих пор находивший лишь случайное место то в физическом, то в физиологическом кабинете для опытов, выступает теперь с претензией на свое собственное помещение, свою собственную аппаратуру, свои собственные методы” (цит. по (Рамуль, 1966, с.312)). К.А. Рамуль, что особенно важно подчеркнуть, отмечает, что эксперимент на этом этапе имеет черты, сходные с экспериментами в прошлом: во-первых, элементарный характер исследуемых явлений; во-вторых, количественный характер опыта; в-третьих, сравнительно незначительная роль самонаблюдения. По точной характеристике О. Кюльпе, довундтовский эксперимент выглядит так: “Самонаблюдением не занимаются, испытуемые подобны автоматам, которых раздражают, и которые на это реагируют” (цит. по (Рамуль, 1966, с.312)).

Подведем итоги. Г.Т. Фехнер, бесспорно, внес огромный вклад в разработку экспериментального метода. Поскольку Фехнер был не экспериментальным психологом, а психофизиком, это был психофизический метод. Фехнер разработал конкретные методические процедуры (метод истинных и ложных случаев, средних ошибок, минимальных изменений), реализующие психофизический метод. Психофизический подход Фехнера был включен последователями (в первую очередь В. Вундтом) в физиологическую, экспериментальную психологию. При этом вся психофизика была переосмыслена. Фехнеровское разделение на внутреннюю и внешнюю психофизику было отброшено. Психофизика стала интерпретироваться в духе психофизического параллелизма, тогда как Фехнер придерживался теории тождества.

Э. Боринг по этому поводу писал: “... точка зрения Фехнера на отношения между душой и телом не была точкой зрения психо-физического параллелизма, а скорее соответствовала тому, что определяется как *гипотеза тождества*” (Боринг, 1974, с.23). Методы Фехнера в экспериментальной психологии были применены к изучению другого *предмета*. Фехнер, таким образом, является одним из предшественников экспериментальной психологии: сам Фехнер психологом не был и психологические вопросы не разрабатывал.

Метод эксперимента в научной психологии: предшественники (Г. Гельмгольц)

Еще одним предшественником экспериментальной психологии является Герман Гельмгольц (1821-1894). Хирург, затем профессор физиологии, а впоследствии профессор физики в Берлинском университете, он прославился своими исследованиями в области физиологии органов чувств. Наиболее известна его работа “Физиологическая оптика” (1855-1866), в которой рассматриваются как физические, так и физиологические и психологические аспекты. “Величайшим, может быть, примером психологического эксперимента является и доныне третья часть “Физиологической оптики” Гельмгольца, в которой этот основатель экспериментальной психологии, исследуя состав наших зрительных представлений о пространстве, выделил рядом целесообразных и тонких опытов элементы этих представлений и определил их значение”, – эти строки, принадлежащие Н.Н. Ланге, опубликованы в 1893 году. Конечно, Гельмгольц не был психологом. “Гельмгольц не был психологом, но его влияние на возникающую психологию было весьма значительным” (Фресс, 1966, с.31). Значительность его влияния объясняется тем, что он разработал технику функционального эксперимента: установление зависимости определенного явления от какого-либо фактора, т.е. выяснение функциональной связи переменных.

Как писал Фресс, “успехи физиологии ощущений заставили признать влияние пространственно-временных условий и вообще участие психического в феноменальном отчете субъекта в

своем опыте” (Фресс, 1966, с.27). Возможности экспериментального исследования ощущений и восприятий, продемонстрированные Гельмгольцем, также были ассиимилированы рождающейся психологией. При этом, как мы увидим в дальнейшем, экспериментальный метод, прототипом которого был гельмгольцевский, будет использован экспериментальной, физиологической психологией, но уже применительно к другому предмету. Гельмгольц, как и Фехнер, не был психологом. Экспериментальные процедуры использовались им для решения конкретных исследовательских задач.

Метод эксперимента в научной психологии: В. Вундт

Вильгельм Вундт (1832-1920), как мы уже отмечали, был одновременно и первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины (Фресс, 1966, с..31). Как уже было сказано, Вундт широко использовал метод эксперимента, сделав психологию экспериментальной научной дисциплиной. Программа, некогда провозглашенная Френсисом Бэконом, согласно которой природа легче открывает свои тайны, когда ее “пытает наука”, оказалась распространена и на человеческую душу. В психологии стал использоваться эксперимент и (вспомним знаменитый кантовский тезис), она все же стала наукой.

В чем видел роль эксперимента в психологии В. Вундт? Напомним, В. Вундт выделил особую область – физиологическую психологию: “Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения” (Вундт, 1880, с.2). “Проблемы этой науки, как ни близко касались они физиологии, раньше большую частью относились к области психологии; средства же к решению этих проблем заимствованы от обеих наук. Психологическое самонаблюдение идет рука об руку с методами экспериментальной физиологии и из приложения этих методов к психологии возникают, как самостоятельные ветви экспериментального исследования, психофизические методы” (Вундт, 1880, с.2). Вундт, указывает, что если подчеркивать самостоятельность метода, то физиологическую психологию можно называть экспериментальной (в отличие от психологии, осно-

ванной исключительно на интроспекции). Главная область физиологической психологии – ощущения и произвольное движение. Вундт подчеркивает, что задача физиологической психологии “заключается в исследовании элементарных явлений психической жизни” (Вундт, 1880, с.5). Исходной точкой эта психология должна иметь физиологические явления, с которыми психологические явления имеют теснейшую связь. Вундт резюмирует: “Таким образом, центр тяжести нашей науки не лежит в собственно сфере внутреннего опыта, в который она старается проникнуть как бы извне. Именно поэтому-то она и может пользоваться экспериментальным методом, этим могущественным рычагом естествознания. Сущность эксперимента состоит, как известно, в произвольном, и, – поскольку дело идет об открытии закона отношения между причинами и их действиями, – в количественно определенном изменении условий явлений. Но искусственно могут быть изменяемы только внешние, физические условия внутренних явлений, и только они одни доступны внутреннему измерению. Отсюда очевидно, что может быть речь о применении экспериментального метода только собственно к психофизической области” (Вундт, 1880, с.5).

Здесь хочется сделать небольшое отступление. И.Кант в свое время высказал сомнения по поводу того, что психология когда-либо станет наукой. Усилия Гербарта по применению математики в психологии, психофизические исследования подготовили почву к тому, что в значительной степени кантовские возражения оказались преодоленными. Из приведенных выдержек хорошо видно, что Вундт, по сути, дает “ответы” на кантовскую критику. Я прошу вспомнить, почему, по Канту, психология не может быть наукой (“...в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению...”). По убеждению автора настоящих строк, это кантовское замечание в значительной степени предопределило вундтовскую программу, ориентированную именно на фиксацию, описание, каталогизацию и выявление законов соединения элементов. Таким образом, в течение целого столетия

психология развивалась под влиянием кантовских идей. Иногда критика бывает действенной...

Общий вывод по вопросу о психологическом эксперименте Вундт формулирует так: “Тем не менее, было бы несправедливо оспаривать возможность экспериментальной психологии; действительно, эксперименты, в сущности, могут быть только психофизическими, но не психологическими, если только под психологическими экспериментами понимать такие, в которых внешние условия внутренних явлений не играют никакой роли; но очевидно, что различия, получаемые от искусственного изменения условий явления, зависят не исключительно от характера самих условий, но также и от природы самого явления. Таким образом, путем изменения внешних условий мы можем изменять течение внутренней жизни, что существенно способствует выяснению для нас законов самой душевной жизни. В этом смысле всякий психофизический эксперимент есть в то же время эксперимент психологический” (Вундт, 1880, с.5).

Вундтом были разработаны специальные требования к проведению эксперимента:

1. Наблюдатель должен по возможности сам определять наступление подлежащего наблюдению явления.
2. Наблюдатель должен, поскольку возможно, схватывать явления напряженным вниманием и прослеживать таким вниманием их во время протекания.
3. Нужно, чтобы каждое наблюдение в целях подтверждения его данных можно было многократно повторять при одинаковых условиях.
4. Необходимо планомерное качественное и количественное изменение условий протекания изучаемого процесса.

Совершенно очевидно, что эти требования могут быть выполнены только в определенных условиях. Поэтому, когда психологи в Вюрцбурге попытались экспериментально исследовать процесс мышления, оказалось, что все требования Вундта ими нарушаются.

В целом справедливо будет сказать, что метод эксперимента использовался Вундтом как вспомогательный, создающий оптимальные условия для самонаблюдения. Именно самонаблюдение давало информацию о внутреннем опыте. Метод экспери-

мента имел ограниченное значение еще потому, что распространялся, как мы видели, только на область физиологической психологии. Мышление, по Вундту, не может исследоваться экспериментально. Исследования психологов Вюрцбургской школы, в которых мышление было подвергнуто экспериментальному исследованию, критиковались Вундтом, т.к., по его мнению, в этих экспериментах систематически нарушались вундтовские требования к эксперименту в психологии.

Метод эксперимента в научной психологии: Г. Эббингауз

Герман Эббингауз (1850-1909), немецкий психолог, который, как отмечает П. Фресс, своей оригинальностью “обязан самостоятельности своего образования” (Фресс, 1966, с.35). Сначала студент в Германии, кочующий из города в город по обычаям того времени, он отправляется затем в Англию и во Францию, где зарабатывает на жизнь трудом учителя. В Париже он случайно покупает “Элементы психофизики” Фехнера, которые производят на него сильное впечатление. Эббингауз извлекает из него указания для изучения более сложных процессов, таких, например, как память (Фресс, 1966, с.35).

Г. Эббингауз приходит к мысли использовать число повторений в качестве меры памяти. Он придумывает большое количество бессмысленных слов (2300), чтобы эlimинировать ассоциативные связи, разрабатывает методы исследования памяти (метод заучивания, метод сбережения).

Г. Эббингауз, таким образом, был первым, кто нарушил предписание Вундта, распространив эксперимент за пределы области ощущений и движений. Как писал М.Г. Ярошевский, труд Эббингауза открыл новую эпоху в развитии экспериментальной психологии: “Изобретение Эббингауза позволило перейти от теории к эксперименту. По существу, оно было первым собственно психологическим методом, созданным психологом, поскольку всеми предшествующими методами психологию снабдили другие области, главным образом физиология. Веками психология руководствовалась учением об ассоциации. Теперь оно поступило в лабораторию на экспериментальную проверку” (Ярошевский, 1985, с.255). М.Г. Ярошевский сопоставляет экс-

периментальную деятельность Эббингауза, Вундта и Гальтона: “Но на стороне Эббингауза было принципиальное преимущество. Оно состояло в переходе к объективному методу. Вундт считал устранение интроспекции из психологии бессмыслицей. На такую “бессмыслицу” и решился Эббингауз” (Ярошевский, 1985, с.255). По нашему мнению, с этим утверждением согласиться полностью нельзя. Эббингауз не предпринимал никакой “бессмыслицы”, он не пытался устраниТЬ интроспекцию. В его экспериментах (Эббингауз сам был испытуемым) интроспекция была не нужна, потому что производилось *измерение*, которое предполагает объективные показатели (количество повторений, время и т.д.). Когда же речь идет о *добывании научных фактов*, т.е. об эмпирических методах, на первый план выходит самона-блудение. Характерно, что в своем фундаментальном руководстве “Основы психологии” в разделе “О памяти” Эббингауз де-лает следующее замечание: “Лет 20 тому назад наши познания о явлениях памяти в существе ограничивались разобранными нами общими законами и немногими более определенными, но отчасти лишь малонадежными выводами из самых повседнев-ных данных нашего опыта. С тех пор экспериментальное иссле-дование успело овладеть предметом и выяснить огромное мно-жество весьма важных подробностей” (Эббингауз, 1911, с.193). Само изложение материала строится традиционно: душа, ее свойства, роль памяти и т.д. Результаты экспериментальных ис-следований излагаются в разделе “Изучение частностей”, что, на наш взгляд, точно соответствует пониманию Эббингаузом роли экспериментальных методов в психологическом изучении памя-ти.

Тем не менее, нельзя не согласиться с тем, что опубликование книги “О памяти” (Ebbinghaus H., 1885) имело огромное стимулирующее влияние на психологию: возникло впечатление, что вундтовский запрет на экспериментирование в области высших психических процессов не был оправдан. Успех исследования Эббингауза послужил примером для многих, кто хотел бы ставить психологические эксперименты не по вундтовской схеме. Главный результат работы Эббингауза, бесспорно, в том, что было доказано: “экспериментальная

психология может выйти за пределы области ощущений при условии нововведений” (Ярошевский, 1985, с.35).

Метод эксперимента в научной психологии: Н.Н. Ланге

Ученым, внесшим большой вклад в мировую психологическую науку, был русский психолог Николай Николаевич Ланге (1858-1921). Окончивший историко-филологический факультет Петербургского университета (Ланге учился у известного психолога Михаила Ивановича Владиславлева), Н.Н. Ланге отправляется в Европу “для подготовления к профессорскому званию” (во Францию и в Германию). В Лейпциге Ланге работает у Вундта, где становится сторонником использования экспериментального метода в психологии. Вернувшись в Россию, Н.Н. Ланге работает в Одессе в Новороссийском университете, где организует психологическую лабораторию.

Н.Н. Ланге не только был сторонником использования эксперимента, тонким экспериментатором, что позволило получить результаты, вызвавшие резонанс в мировой психологии и широко обсуждавшиеся на страницах научных журналов в Европе и Америке, но и одним из первых (уже в 1893 году) дал исторический очерк использования метода эксперимента в научной психологии и проанализировал возможности этого метода (Ланге, 1893). Кратко остановимся на анализе, сделанном Ланге. Ланге отмечает, что психологический эксперимент имеет особую ценность преимущественно в трех отношениях:

- 1) значение психологического эксперимента как улучшающего самонаблюдение;
- 2) значение эксперимента как особого логического метода (т.е. особого логического приема открытия зависимости между психическими явлениями);
- 3) значение эксперимента как средства измерения психических явлений.

Кроме того, Н.Н. Ланге выявляет значение объективного эксперимента в психологии (“такого, в котором исследователь изучает психологическую жизнь иного существа по ее внешним проявлениям или знакам в виде разнообразных движений и слов”

(Ланге, 1893, с.XXXIV)), усматривая его в экспериментах над загипнотизированными и в опытах над животными.

Знаменитое исследование Н.Н. Ланге, посвященное “закону перцепции”, также выполнено методом эксперимента. Н.Н. Ланге характеризует закон перцепции следующим образом: “Мое исследование привело меня к убеждению, что в основе всех этих процессов лежит один принцип, один и тот же закон, и при том закон весьма общего характера и весьма своеобразного содержания. Этот общий закон можно выразить так: *процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференциированного*” (Ланге, 1893, с.1).

Поскольку процесс перцепции состоит в быстрой смене все более и более частных, дифференцированных психических состояний, в обычных условиях мы не замечаем этих ступеней. “Но изменив обыкновенные условия восприятия, устроив эксперимент так, чтобы мы могли прерывать на известных ступенях цепь этих быстро сменяющих друг друга состояний сознания, мы убедимся в верности выставленного принципа, как он ни кажется удивителен на первый взгляд” (Ланге, 1893, с.2). Внимание Н.Н. Ланге сосредоточено на исследовании процесса. Но было бы ошибкой считать, что для Ланге процесс просто смена быстро сменяющих друг друга стадий. Понятие процесс имеет для Н.Н. Ланге биолого-генетический смысл. “В этих ступенях сознания... надо видеть параллельность тем ступеням, которые развивались в процессе общей эволюции животных: по мере дифференцирования органов чувств и нервных центров, все более и более специальные свойства вещей обнаруживались для сознания животного, совершенно параллельно тому, что вышеуказанный принцип обнаруживает в сознании индивидуальном. Подобно тому, как эмбриологическое развитие человека повторяет в несколько месяцев те ступени, которые некогда проходило общее развитие рода, так и индивидуальное восприятие повторяет в несколько десятых секунды те ступени, какие в течение миллионов лет развились в общей эволюции животных” (Ланге, 1893, с.2) .Здесь очень важно подчеркнуть, что экспери-

мент для Ланге не средство получения эмпирического материала, а средство доказательства справедливости общего утверждения. Это отмечает и сам Н.Н. Ланге: “Лучшее средство для проверки и доказательства нашего утверждения могут дать те, столь хорошо ныне разработанные, методы экспериментальной психологии, которые называются психометрическими, и задача которых состоит в измерении продолжительности психических процессов. Действительно, если перцепция состоит в последовательной смене все более и более частных суждений, то измерение продолжительности разных по степени общности форм суждения должно ясно обнаружить, что суждение более общего характера требует менее времени, чем суждение более частное, и точно определить всю последовательность ступеней перцепции” (Ланге, 1893, с.3). Н.Н. Ланге использует метод, который широко использовался в школе В. Вундта. В частности, используя такого рода методику, однофамилец русского психолога немец Людвиг Ланге в 1886 году обнаружил феномен различия сенсорной и мускульной реакций (в современной терминологии моторная и сенсорная установки). Для нашей темы чрезвычайно важно подчеркнуть, что в Лейпциге у Вундта интересовались в первую очередь структурой сознания. Как отмечает по этому поводу Н.Н. Ланге, “различие мускульной и сенсориальной реакции было первоначально обнаружено внутренним самонаблюдением и затем уже проверено объективными психометрическими результатами” (Ланге, 1893, с.11). Н.Н. Ланге же интересует процесс перцепции (“Как известно, прямо определять (инструментально) продолжительность психических процессов мы не можем. Все, что мы в состоянии, это – определять продолжительность между появлением какого-нибудь внешнего раздражения и каким-нибудь нашим сигнальным движением, которое обозначает, что это раздражение нами сознано” (Ланге, 1893, с.3)), который измеряется объективно. Н.Н. Ланге не против интроспекции. Отдавая дань традиции, Н.Н. Ланге сам был испытуемым в собственных экспериментах (“Вообще я думаю, что, по крайней мере, в настоящем положении экспериментальной психологии, полезнее оставлять за собою место объекта опыта, предоставляя своему менее опытному товарищу управлять инструментами” (Ланге, 1893, с.8)). Тем не менее, очевид-

но, что Н.Н. Ланге разрабатывает объективную психологию, где субъективные данные, полученные с помощью самонаблюдения, выполняют лишь функцию контроля. Необходимо подчеркнуть, что эксперимент, по Н.Н. Ланге, направлен не на получение эмпирических данных (“добытие фактов”), а на доказательство справедливости гипотезы. Эксперимент у Н.Н. Ланге используется как инструмент проверки гипотезы. Таким образом, метод эксперимента в психологии выступает у Н.Н. Ланге в существенно ином качестве (по сравнению с вундтовской физиологической-экспериментальной психологией).

Метод эксперимента в научной психологии: А. Бине

Французский психолог Альфред Бине (1857-1911) был сторонником экспериментального метода. “Будучи прирожденным экспериментатором, он больше верил фактам, чем теориям” (Фресс, 1966, с.53). Независимо от психологов из Вюрцбургской школы, А. Бине получил ряд сходных результатов. Как уже упоминалось, Вундт ограничил сферу применения эксперимента физиологической психологией. Г. Эббингауз распространял эксперимент на исследования памяти. А. Бине был сделан следующий важный шаг: он использовал метод эксперимента для изучения мышления. При этом, как справедливо отмечал С.В. Кравков, произошло расширение самого понятия эксперимента. По Вундту, “эксперимент мы имеем лишь тогда, когда оказываемся в состоянии путем количественно планомерно изменяемого материального раздражителя изменять эффект, непосредственно с ним связанный и регистрируемый, по возможности, объективно. Понятно, что подобной норме, действительно, наибольше могли соответствовать исследования области ощущений, волевых движений и физиологического выражения чувств, поскольку результаты таких исследований могли приобретать численный и объективный характер” (Кравков, 1922, с.101). Распространение эксперимента на область мышления делает старое определение слишком узким: “Прежнее определение эксперимента оказывается уже слишком узким и материалистическим. Очевидно, что процессы мышления не стоят в однозначной связи с каким-либо внешним раздражением, как это

имеет место в области ощущений. Равным образом, переживания мысли и не выражаются сколь-либо однозначно и непосредственно объективно” (Кравков, 1922, с.101). Согласно Бине, “под раздражением следует понимать не просто воздействие на наши органы чувств материального агента, но и всякое изменение вообще, которое экспериментаторы вызывают в сознании испытуемого по своей воле; так речь психолога есть раздражитель не менее определенный, чем обычные сенсорные раздражители” (Binet, 1922, p.3-4). Испытуемыми в экспериментах Бине были его дочери Арманд и Маргерит. Они получали задания понять слово или выражение, найти понятие, находящееся в определенном отношении к заданному и т.д. Испытуемые должны были с помощью интроспективного наблюдения описать, что с ними происходило при выполнении задания. А. Бине настаивал, чтобы показания испытуемых были как можно полнее. Аналогичные требования выдвигали и психологи Вюрцбургской школы, так что возник вопрос о приоритете. А. Бине отстаивал свой приоритет в использовании метода систематического самонаблюдения. Для того, чтобы получить интересующую его информацию, А. Бине вступал с испытуемыми в диалог, использовал метод направленного, активного опроса. Бине, изучая роль образов в мыслительных процессах, прибегает, в целях лучшего уяснения и дополнения даваемой испытуемым картины переживаний, к постановке вопросов. Весь процесс дачи показаний приобретает у него в очень многих случаях характер достаточно длительного диалога между экспериментатором и испытуемым. (Кравков, 1922, с.106).

Результаты, полученные Альфредом Бине в экспериментах по изучению мышления, в целом совпадают с итогами исследований вюрцбуржцев: обнаружен факт существования несенсорных компонентов, играющих значительную роль в мышлении. И Бине, и вюрцбургские психологи отмечали, что интроспекция не позволяет в необходимой степени фиксировать мысли испытуемого. П. Фресс замечает, что Бине пришел к тем же выводам, что и Вюрцбургская школа: существует мышление без образов, которое ускользает от интроспекции. Несмотря на этот вывод, Бине остался верен – в теории – интроспекции, не считая при

этом, что она дает нам прямое и тем более безошибочное знание психических фактов (Фресс, 1966, с.53).

К сказанному стоит добавить, что и вюрцбуржцы, и Бине исследовали структуру мышления, пытаясь выявить его состав (роль образов в мышлении, роль мыслей и т.д.). В Вюрцбурге Нарцисс Ах заинтересовался собственно процессом мышления, что, естественно, повлекло за собой и изменение самого эксперимента. На этом основании некоторые авторы (например, С.В. Кравков) рассматривают исследования Аха отдельно, противопоставляя его работы другим вюрцбуржцам. Мы думаем, что для этого нет достаточных оснований: просто Ах модифицировал свою исследовательскую программу, внеся необходимые изменения (к слову сказать, такую возможность имел и Бюлер, но, как известно, ее не использовал).

Метод эксперимента в научной психологии: Вюрцбургская школа

Психологи из Вюрцбургского психологического института приступили к исследованию мышления. Схема экспериментов была следующей: испытуемым предъявлялись слова, “отправляясь от коих, они должны были совершать определенный умственный процесс, как-то: понять слово, найти к нему кординированное, родовое или видовое понятие, найти какое-либо прилагательное, представить наглядно названный предмет и т.п.” (Кравков, 1922, с.102). В других случаях требовалось связать предъявленные слова в требуемом отношении, давались выражения, в том числе и абстрактного, философского содержания и требовалось их оценить.

Следует особенно подчеркнуть, что в экспериментах в Вюрцбургской школе наблюдается активное взаимодействие экспериментатора и испытуемого, выражющееся в прямом “выспрашивании”.

С.В. Кравков отмечает: “Возможность давать различные инструкции, вынуждающие испытуемого, отправляясь от данных слов, производить различные мыслительные деятельности, то найти родовое понятие, то предицировать и т.п., равно как и возможность по известному плану предъявлять испытуемому

задачи, различные по своему содержанию, форме и входящим в них образам, дает, по мнению исследователей, пользующихся подобным методом, ту возможность планомерной вариации условий, которая является существенной характеристикой всякого, претендующего на научность, экспериментирования” (Кравков, 1922, с.103). “Подобная схема опыта с распределением функций между двумя лицами, – ставящим вопросы экспериментатором и отвечающим на них испытуемым, – имеет, по мнению применявшего ее Бюлера, те выгодные стороны, что позволяет нам, во-первых, по произволу, когда угодно, вызывать у испытуемого подлежащие изучению мыслительные процессы; во-вторых, вызывать их в сознании испытуемого независимыми от каких-либо предвосхищений и произвольного в них вмешательства со стороны последнего, что является неизбежным, когда какая-либо мыслительная задача ставится субъекту им же самим, и он ее, таким образом, уже заранее намечает” (Кравков, 1922, с.103). Чтобы в сознании испытуемого порождались действительно мыслительные процессы, а не механические ассоциации, ставятся серьезные, трудные мыслительные задачи. Благодаря этому испытуемые полностью отдаются работе мысли, на основании чего делается вывод об отождествлении мышления в эксперименте с мышлением в обычных условиях (Кравков, 1922).

В экспериментах Вюрцбургской школы, как упоминалось, совершенно особая роль отводится интроспекции: “...схема экспериментирования, имевшая целью заставить испытуемых пережить желательный для экспериментатора мыслительный процесс, имеет значение и смысл лишь постольку, поскольку испытуемые дадут нам интроспективное описание пережитого, ибо какого-либо прямого, объективно даваемого индикатора их состояний мы не имеем...” (Кравков, 1922, с.104). Совершенно очевидно, что требования к полноте отчетов возрастают. Если ранее в большинстве психологических исследований могли довольствоваться разрозненными и случайными высказываниями испытуемых о том, что их особенно поразило в их переживаниях, дополняя подобные сведения собственными воспоминаниями и прибегая в иных случаях к “мысленному экспериментированию”, рефлексированию и сопоставлению, то теперь столь

непланомерное получение интроспективных показаний удовлетворять уже не могло (Кравков, 1922, с.104). Вюрцбургские психологи пользуются в своих исследованиях не разрозненными высказываниями испытуемых, но стремятся придать высказываниям систематичность. В Вюрцбурге требуется, чтобы “испытуемые давали показания после каждого эксперимента тотчас по окончании исследуемого процесса” (Кравков, 1922, с.105). Подобно Альфреду Бине, вюрцбургские психологи широко используют активный опрос испытуемых.

В работе Нарцисса Аха метод эксперимента, разработанный в вюрцбургской школе, усовершенствуется. Сам Ах пытается доказать, что в его исследованиях соблюдаются вундтовские требования к проведению эксперимента в психологии. Ах стремится повысить научность и объективность своего исследования. “Мы стремимся сделать субъективный метод самонааблюдения настолько объективным, чтобы в нем не имел места произвольный недостаточно контролируемый подход к исследуемой области как со стороны испытуемого, так и со стороны экспериментатора. Достичь этого можно лишь точным описанием и протоколированием всего переживания от появления сигнала до конца эксперимента” (Ach, s.14). Как отмечает С.В. Кравков, Н. Ах, выделяя в качестве существенной характеристики предлагаемого им метода “систематического экспериментального самонааблюдения” требование возможно полного описания всего, бывшего в сознании, без разграничения “важного и неважного”, а также требуя описания не только главного периода, но и предварительного, прав, когда настаивает на отличности своего метода от метода Бине и Вюрцбургской школы (Кравков, 1922, с.132). В методе Аха так же, как и у других вюрцбуржцев, происходит активный опрос испытуемого. Ах подчеркивает, что экспериментатор должен опросить испытуемого так, чтобы не внушая ему ничего, помочь вскрыть подлинный смысл высказывания, побудить высказаться о не описанном еще моменте переживания и т.д.

Безусловно, заслуживает внимания еще один момент в методике Н. Аха. Речь идет о проведении Ахом вспомогательного эксперимента, моделирующего интересующее его явление. Напомню, что в протоколах, которые в большом количестве

приводятся в книге Аха, высказываний испытуемых о наличии детерминирующих тенденций нет. Сам Ах поясняет, что они действуют в сфере бессознательного. Для того, чтобы доказать их наличие, проводится эксперимент с гипнозом. Там неосознаваемое внушение формируется с помощью команды гипнотизера. Эксперимент Аха убедительно демонстрирует действие этой неосознаваемой тенденции: она совершенно определенным образом влияет на поведение испытуемого, но им, естественно, не осознается. Результаты этого эксперимента Ах “переносит” на случаи решения других задач, где гипноз не использовался. Отбор правильных решений объясняется Ахом через действие неосознаваемых тенденций, которые в протоколе не упоминаются.

Поэтому т.н. “беспорядки в изложении” Н. Аха (по Г. Хамфри) имеют вполне определенное происхождение, которое объясняется, конечно, не небрежностью, а тем, что реально использовался способ интерпретации, не нашедший адекватного описания в тексте работы. Совершенно права Л.И. Анцыферова, указывающая, что Ах не мог непосредственно получить данные о механизме мышления в отчетах самонаблюдения, поэтому вынужден был работать иным, непривычным методом, который остался за пределами изложения (Анцыферова, 1966, с.76).

Исследования в Вюрцбургской школе выявили важное противоречие. Распространение метода эксперимента на изучение процесса мышления выявило неадекватность метода интроспекции. Столкновение с неосознаваемыми психическими процессами неизбежно ведет к появлению опосредованных методов. Нельзя не согласиться с Л.И. Анцыферовой, писавшей, что результаты экспериментов вюрцбуржцев и их выводы о существовании неосознаваемых детерминирующих тенденций, проявляющихся в различных реакциях, объективно оказались направленными против интроспективного понимания сознания. “Действительно, интроспекционизм непременно предполагает отождествление сущности всякого психического процесса с проявлением ее в самонаблюдении. Предполагается, иначе говоря, что в интроспекции сущность и явления психики совпадают, что явления сознания в самонаблюдении исчерпывают ее сущность” (Анцыферова, 1966, с.80).

Об эволюции эксперимента

Завершая краткий очерк использования метода эксперимента в научной психологии во второй половине XIX столетия, можно подвести некоторые итоги. Требование использования эксперимента в науке еще со времени Френсиса Бэкона было настоятельным. Кант отказывал психологии в праве быть точной наукой, в частности, по той причине, что в ней не используется экспериментирование. К середине XIX века эксперимент внедрился во многие области человеческого знания. Экспериментальные процедуры хорошо “прижились” в физиологии, которая в первой половине прошлого столетия переживала бурный расцвет. У Вундта, врача и физиолога, возникает идея создания физиологической психологии – дисциплины, которая соединяет психологию и физиологию и занимается преимущественно исследованием ощущения и движения, используя сочетание физиологического эксперимента и самонаблюдения. Не станем забывать, что стратегическая задача Вундта – создание новой науки. Поэтому в физиологической психологии присутствуют две идеи, которые полезно эксплицировать. Во-первых, физиологическая психология демонстрирует наглядно *взаимодействие* психологии и физиологии, их единство (напомню: физиологическая психология – промежуточная область, объединяющая, согласно Вундту, физиологию и психологию). “Единство” с настоящей наукой (какой физиология без малейшего сомнения является) – лучшая рекомендация в научности для психологии, которая на статус науки еще только претендует. Во-вторых, использование принципа психофизиологического параллелизма указывает на то, что психология, претендующая быть наукой, идет “параллельным курсом” с наукой уже “составившейся”. Таким образом, психология завоевала право быть наукой в глазах научного сообщества и заняла свое место в системе наук. Нет нужды здесь еще раз напоминать, что на самом деле предмет психологии (непосредственный опыт, сознание) оказался оторванным от физиологии. Иначе не могло быть, потому что Вундт продолжил дуалистическую традицию, идущую от Декарта.

Итак, использование эксперимента – неотъемлемый атрибут “настоящей” науки. Эксперимент Вундтом приветствуется, используется. Мэтр даже готов, принимая во внимание “самостоятельность метода”, называть свою психологию экспериментальной. Как уже говорилось, эксперимент у Вундта имеет значение вспомогательного метода. Сам эксперимент – физиологический, используется для того, чтобы “нормировать” интроспекцию, ввести ее в более жесткие рамки лабораторного исследования. Основным, т.е. поставляющим факты, у Вундта и его школы, несомненно, оставалось самонаблюдение. Но для “внешнего употребления” (т.е. для научного сообщества) принципиально важно было уже одно то, что в психологии эксперимент используется; наличие в названии слова “экспериментальная” вопрос закрыло. В каком качестве используется эксперимент, было уже не так важно.

Впрочем, было и другое. Как мы видели, Г.Т. Фехнер, не будучи психологом, решал свои задачи, в которых использовал эксперимент для объективного измерения. Результаты работы Фехнера были переосмыслены в контексте нарождающейся физиологической психологии и включены в психологию (вместе с методами, разработанными Фехнером). Это направление развил Г. Эббингауз, убедительно доказавший, что объективное измерение в психологии можно применять и по отношению к другим, более сложным явлениям. Использование эксперимента в науке выявило и другое его “качество”: проведение опыта может доказывать или опровергать предположения, имеющие “внешнее” по отношению к эксперименту происхождение. В качестве предшественника такого психологического эксперимента необходимо назвать Г. Гельмгольца. Продолжение этой линии можно увидеть, в частности, в работах Н.Н. Ланге.

Но, подводя предварительные итоги, отметим, что в этот период эксперимент еще не стал ни основным методом психологического исследования, ни даже ведущим. Роль основного прочно держало самонаблюдение, в “объективных” направлениях – внешнее наблюдение. Значительное изменение в понимании роли эксперимента в психологическом исследовании произошло на рубеже эпох практически одновременно в нескольких психологических школах (в Вюрцбурге у Н. Аха, в Вене у З. Фрейда).

Напомним, что Вундт использовал эксперимент применительно к *структурной* схеме: его использование было направлено на то, чтобы как можно лучше описать состав сознания (непосредственного опыта). Расширение психологической проблематики (включение памяти, мышления и т.д.) привело к существенным сдвигам в самом экспериментальном исследовании: если для исследования роли образов, наличия мыслей и т.д. еще могла быть “приспособлена” вундтовская структурная схема, то для исследования “процессов мышления” она уже явно не годилась. Изменение схемы интроспекции ведет к тому, что эксперимент тоже должен измениться. Эксперимент стремительно “модернизируется”, становится подчиненным схеме *процесса*. Монолог испытуемого заменяется на диалог с экспериментатором, на активное расспрашивание испытуемого. Требуется максимальная полнота отчета, требуется, чтобы ничто не ускользало. Но оказывается, что этого мало. В психике (в мышлении, в частности), существуют составляющие, ускользающие от самонаблюдения, не осознающиеся испытуемым. Интроспекция бессильна, как бы ни выспрашивал экспериментатор у испытуемого о подробностях, как бы полно ни протоколировались эксперименты. Выход здесь – только один: переход к опосредованному методу, при котором ссобщаемое испытуемым уже не будет непосредственным знанием о психике, но лишь материалом для анализа самим экспериментатором. Таким образом, здесь речь может идти уже не о редактировании протоколов, но о целенаправленной работе с ними, заключающейся в их интерпретации. Возникновение опосредованного метода – важнейшее событие в истории научной психологии. Обычно это открытие связывают с психоанализом. Важно подчеркнуть, что оно произошло практически одновременно в разных областях и, насколько можно судить, независимо одно от другого. Поскольку периодически возникают споры, является ли психоанализ наукой, принадлежность вюрцбургских психологов к академической психологии сомнений не вызывает.

Очерк использования эксперимента остановился, таким образом, на том этапе развития науки, когда психология готовится стать подлинно экспериментальной наукой. Реально это означает, что появляется возможность для того, чтобы эксперимент

действительно стал ведущим методом психологии. Ведущим в том смысле, что позволяет добывать основную массу эмпирического материала. Повторим, это возможно только при изменении роли эксперимента. Он теперь дает материал для анализа, интерпретации. Поскольку мы имеем дело с научной психологией, это означает, что психология становится в некоторой степени и теоретической наукой, поскольку интерпретация происходит с позиций некоторых научных положений. А, следовательно, в ней должны использоваться и теоретические методы, которые позволяют это делать.

Об особенностях методов в научной психологии

Как можно было видеть из данных, приведенных в предыдущих разделах, методы, использовавшиеся научной психологией, имели свою специфику. Научная психология декларировала свой опытный, действительно эмпирический (в отличие от “эмпирической психологии” характер). Таким образом, на первый план в научной психологии выходят эмпирические методы, которые служат для “добычи фактов”. Поскольку предполагается, что задача психологии – описание психических, душевных явлений, то никаких теоретических методов не предполагается. Вундт явно с иронией упоминает метод, в “который верят философы”. Для упорядочения данных опыта вполне достаточно логических процедур. “Теоретические” методы, согласно новой психологии, остались в прошлом (если они на самом деле были), это порождение метафизики.

В качестве методов, которые признаются новой психологией, в первую очередь необходимо назвать самонаблюдение и эксперимент. Хотя в современной психологии бытует мнение, что научная психология началась с использования эксперимента, это не вполне так. Как мы видели, эксперимент в психологии в течение весьма длительного времени служил для усовершенствования метода интроспекции, т.е. весьма естественно с нею сочетался. Важно подчеркнуть, что метод интроспекции – основной и у Вундта, и у Брентано, и у Титченера, и у Кюльпе, и у Аха, и у Джемса – все же имел отличия, не замечать которые мы не вправе. Мы также помним, что практически все исследователи настаивали на длительной тренировке испытуемых, без кото-

рой нельзя было получить “хороших” отчетов. Что значит хороший отчет, можно понять только в свете теоретических идей школы. Хорошие отчеты вюрцбуржцев, в которых содержались описания “положений сознания” (свидетельствующие о существовании несенсорных элементов опыта), с точки зрения Титченера, были лишь результатом плохого анализа, произведенного в неблагоприятных условиях. “Философ хроноскопа и призмы” Вундт, расчленяющий сознание на элементы, по мнению Джемса, “резал воду”, т.к. если в сознании можно что-то описывать, то это, конечно, должен быть поток сознания (элементы потока проанализировать просто невозможно).

Следовательно, и эту констатацию следует отметить особо, при том, что во всех перечисленных случаях речь идет именно о методе интроспекции, в каждом случае заметна специфика. На наш взгляд, эта специфика связана с теоретическими установками исследователей: у Вундта она структурная (структурная интроспекция, направленная на вычленение элементов опыта), у Брентано она целостно-описательная, функциональная (описывающая психический акт в “его целостности и доподлинности”, с точки зрения Брентано, аналитические описания Вундта – артефакты, т.к. “интенциональность” в них вообще не учитывается), у Джемса, которого интересует функция, на первый план выходит описание того, как душевная активность приводит к результату... Т.е. между особенностями метода и взглядами исследователя может быть прослежена связь, которая хорошо описывается такими понятиями как структура, функция, акт, процесс.

Обратим внимание на еще один любопытный момент. Сами “ситуации опыта” (экспериментальные ситуации) и, соответственно, реакции испытуемого весьма различны. И здесь тоже есть соответствие. То, на что направляется интроспекция, удивительно “соответствует” тем же теоретическим взглядам. Факты опыта у Вундта настолько элементарны (скажем исследования порогов, времени реакции и т.д.), что существование “интенционального” объекта в этих случаях неочевидно. Не случайно позднее Э. Гуссерль пытался в известном смысле “примирить” Вундта и Брентано, поскольку выяснилось, что для испытуемого реальны и калейдоскоп пятен и образ шкатулки.

Но для того, чтобы убедиться с помощью внутреннего наблюдения в изначальной направленности сознания на объект, в качестве “модельного представления” предпочтительно иметь все-же восприятие (или представление) целостного предмета. Равным образом, для того, чтобы изучать не только структуру сознания, но и процесс (все равно восприятия или мышления) необходимо либо сделать задание достаточно сложным, либо искусственно разделить на этапы, стадии.

Естественно, что первой научной установкой является структурно-аналитическая (это отмечают и специалисты по методологии). Но “искусственность” аналитических процедур вызывает протест. Функциональная модель по сравнению со структурной выступает носителем идеологии “целостности”, что зачастую приводит к путанице в историко-психологической литературе. Скажем, Вундту, который вместе с Титченером может считаться одним из наиболее радикальных “элементаристов”, принадлежат проникновенные строки о целостности душевной жизни. Так что правы были гештальтисты, когда говорили, что дело не в признании целостности как таковой, дело в объяснении характера этой целостности (Ярошевский, 1985, с.355-356). Но функциональная модель неизбежно более “целостна”, т.к. способ интроспективного расчленения (какими бы синтетическими процедурами это не дополнялось) не в состоянии проследить эффекты этой психической активности. Функциональный подход поэтому терпимее (в принципе) относится к ретроспекции. Когда достигнут эффект, произошедшее “реконструируется” легче.

Мы видели, и это тоже достойно быть отмеченным особо, когда желание исследовать процесс методами, имеющими “структурное” происхождение, приводит к осознанию исследователем этой неадекватности и вызывает или модернизацию методов, либо переход к фактически опосредованному методу (т.е. в некотором смысле к использованию “теоретического” – в начальном состоянии – метода, как это произошло у Аха).

О взаимодействии методов

Представляется необходимым, хотя бы очень кратко, затронуть еще один важный вопрос, имеющий непосредственное от-

ношение к рассматриваемой теме. Речь идет о взаимодействии психологических методов. С самого возникновения научной психологии методы использовались не только изолированно, но и в определенных сочетаниях, что позволяет говорить о взаимодействии методов.

Этот простой вопрос вызывал, как мы могли увидеть, немало недоразумений, т.к. в зависимости от того, роль какого из методов акцентировалась, психологическая концепция квалифицировалась различно. Скажем, вундтовская психология кем-то именовалась экспериментальной, а кем-то интроспективной. Важным представляется вопрос, можно ли, сравнивая роль методов в той или иной концепции, утверждать, что какой-то является ведущим, а другой – подчиненным? На наш взгляд, можно. Критерием в этом случае, как можно полагать, выступает отношение метода к предмету исследования (и опосредованно к предмету науки – при этом имеется в виду *реальный предмет*). Ведущий метод обязательно имеет выход на реальный предмет и в значительной степени определяется им. Реальный предмет, таким образом, определяет *идею метода*. Метод (во всяком случае, в период становления психологии как самостоятельной науки) реализуется в рамках определенной организующей схемы (структура, функция, процесс). Вспомогательный (или дополнительный) метод взаимодействует с основным (ведущим) на уровне организующих схем, но на уровень идеи метода не выходит. Скажем, в вундтовской физиологической психологии эксперимент выполняет, несомненно, вспомогательную, “ассистирующую” роль. Роль ведущего выполняет интроспекция, обеспечивающая “доступ” к фактам непосредственного опыта (реальный предмет). Взаимодействие между методами достигается за счет структурной организующей схемы, которая оказывается общей для обоих методов. Именно эта общность позволяет экспериментальным процедурам более четко структурировать данные интроспекций.

В исследовании Г. Эbbingауза о памяти (1885) ведущим методом являлся измеряющий эксперимент (реальным предметом были определенные характеристики поведения), поэтому роль самонаблюдения была сведена к минимуму (обеспечении функции контроля). Аналогичным образом дело обстояло в ис-

следовании “закона перцепции”, проведенном Н.Н. Ланге. (Напомню, оба психолога – и Г. Эббингауз и Н.Н. Ланге были испытуемыми в своих экспериментах). Ведущий метод, таким образом, имеет выход на реальный предмет. Показательно, что тот же Эббингауз, характеризуя память в фундаментальных “Основах психологии”, говорит о законах души, явно исходя из представлений о сознании, а результаты исследований 1885 года попадают в его книге в раздел “О частностях” и получают интерпретацию с позиций общих представлений о сознании.

Дальнейшая эволюция метода эксперимента будет рассмотрена нами в специальной работе. В данном разделе мы ставили перед собой задачу проанализировать специфику методов на этапе становления психологии как самостоятельной науки.

Библиографический список

1. *Анцыферова Л.И.* Интроспективный эксперимент и исследование мышления в Бюрцбургской школе // Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. М.: Наука, 1966. с. 59-81.
2. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М.: Наука, 1991.
3. *Боринг Э.Д.* Психофизика Фехнера // Проблемы и методы психофизики: Хрестоматия по психологии для студентов, преподавателей и научных работников. М.:МГУ, 1974, с. 20-32.
4. *Вундт В.* Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
5. *Забродин Ю.М.* Психологический эксперимент: специфика, проблемы и перспективы развития// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990, с. 16-30.
6. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990
7. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964.
8. *Козлов В.В.* Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т.2: Предмет психологии. Ярославль, 2004, с.185-206.
9. *Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922

10. *Ланге Н.Н.* Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893
11. *Ломов Б.Ф.* История и актуальные проблемы развития экспериментальной психологии в России// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 7-16.
12. *Рамуль К.А.* Введение в методы экспериментальной психологии. Тарту: Тартусск. государственный университет, 1966
13. *Рубинштейн С.Л.* Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973, с. 68-90.
14. *Тутунджян О.М.* Критический анализ методов экспериментальной психологии за рубежом в конце XIX – начале XX века: О проблеме становления экспериментальной психологии/ / История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 51-60.
15. *Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии// Экспериментальная психология/Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.:Прогресс, 1966, с. 15-98.
16. *Эббингауз Г.* Основы психологии. Т.1.Вып. 2. С.-Петербург: Изд. т-ва “Общественная польза”, 1911. С. 268.
17. *Ach N.* Ueber die Willenstätigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhange: Ueber das Hippische Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905
18. *Binet A.* L'étude experimentale de l'intelligence. Paris: Alfred Costes, 1922.
19. *Boring E.* A History of experimental Psychology. N.Y., London: The Centure Co, 1929.
20. *Boring E.* A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950
21. *Ebbinghaus H.* Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885

2. ПСИХОЛОГИЯ: КРИЗИС И ПОИСК ПРЕДМЕТА

Прошла половина тысячелетия с той поры в начале шестнадцатого века, когда Марко Марулич (1450-1524) придумал термин «психология». Это было одно из самых удачных изобретений в истории этой замечательной науки: термин прижился, хотя случались попытки отказаться от его использования. Представляется, это уже навсегда: как бы ни менялись в будущем взгляды на предмет психологии, название это сохранится, так как прекрасно отражает суть этой науки. Поэтому никакие кризисы психологии не страшны: вся история этой науки это не только утраты, но и поиски и обретения подлинного предмета, который бы охватил все аспекты этого самого сложного и труднопостижимого феномена из всех «пространств мира»...

Периодически появляются новые публикации на тему кризиса в психологии, что свидетельствует о том, что тема не закрыта, и, напротив, сохраняет актуальность. Это, как представляется, дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку уже приходилось писать о кризисе в психологии (Мазилов, 1998, 2004, 2007), остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы, на тех, которые стали наиболее важными в свете недавних дискуссий по этой тематике.

В самое последнее время были опубликованы очень актуальные и интересные работы А.М.Двойнина, посвященные проблеме кризиса психологии. В статьях А.М.Двойнина (Двойнин, 2015, 2016) подвергается сомнению распространенная в среде российских психологов оценка состояния мировой психологии как кризисного. Автор полагает, что кризисное переживание выражает собственные ощущения отечественного психологического сообщества. Сопоставляя методологические дискуссии о кризисе, идущие в отечественной и зарубежной психологии, автор раскрывает причины и факторы ощущения кризиса у российских психологов, делая вывод, что за ощущением кризиса в психологической науке у российских психологов стоит кризис их идентичности. Автор полагает, что мировая психология не находится во внутринаучном кризисе и предлагает при диагностике состояния современной психологии использо-

зователь вместо метафоры «кризис» другие оценочные инструменты (Двойнин, 2015). Утверждается, что психология как культурная деятельность определенных научных сообществ втянута в мировые глобальные культурные и цивилизационные процессы, которые характеризуются в настоящее время как кризисные. Автор утверждает, что молодое поколение российских ученых менее подвержено переживанию кризиса идентичности, чем старшее. Согласно А.М.Двойнину, условием преодоления кризиса идентичности выступает содержательный диалог старшего и младшего поколений отечественных психологов о методологических проблемах психологии (Двойнин, 2016).

Говоря о кризисе, прежде всего, следует акцентировать два момента.

Первый состоит в том, что кризис не стоит расценивать как негативное явление. Навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (в первую очередь, для самих себя), что психология пока что несовершенна. Если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это не должно расцениваться как ее недостаток. Наоборот, кризис означает, что психологическая наука на верном пути.

Второй. Конечно, переживание кризиса происходит в сознании психолога, он субъективен. В этом А.М.Двойнин, конечно, прав. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние *субъективно*, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием. И разные переживания отечественных и зарубежных ученых имеют место.

Психологи любят слово «кризис»: это не только важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др. психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В.Вундта, обосновавший «новую область в науке» (Wundt, 1874), то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Брентано писал

в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрастет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» (Брентано, 1996, с.11). Как мы увидим далее, это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Кризис, который всегда с тобой

Почему психологи, заинтересованные в развитии своей науки, так любят этот термин? Представляется, что ответ прост. Греческое слово “кризис” (*krisis* – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Стоит к тому же добавить, что многие психологи, предлагавшие новые идеи (это характерно и для XIX, и для XX столетий), не использовали слово “кризис”, предпочитали употреблять менее эмоционально насыщенные термины, но не оставляющие сомнений в неблагополучии ситуации в психологии. Тогда окажется, что кризисы (или аналогичные кризисам “тяжелые” состояния) сопровождают весь исторический путь психологической науки.

Настоящая работа не является историко-психологическим исследованием, поэтому не преследует цели

подробного описания кризисных явлений на разных этапах развития научной психологии (эта тема, несомненно, достойна специального исследования). Задача этой работы – попытаться выявить специфику кризисов в психологии и наметить магистральные пути их возможного преодоления. Или, иными словами, ответить на вопрос, поставленный в статье И.А.Мироненко, - системный кризис или локальный? (Мироненко, 2008).

Исторические данные будут привлекаться лишь для того, чтобы попытаться ответить на важный вопрос: имеем мы дело с одним и тем же “перманентным” кризисом или же происходит череда сменяющих друг друга кризисов различной природы. Во всяком случае, даже поверхностный взгляд на историю психологии заставляет предположить, что кризисы в психологии были практически всегда. Если воспользоваться блистательной находкой переводчиков известной книги воспоминаний Эрнеста Хемингуэя “A Moveable Feast” - буквально: переходящий праздник (они, как известно, перевели это как «Праздник, который всегда с тобой») и перефразировать, то применительно к научной психологии это будет “A Moveable Crisis” - «кризис, который всегда с тобой».

Здесь, как представляется, нужны некоторые комментарии. “Переходящий праздник” - это тот, который зависит от даты Пасхи. Сложность с этими праздниками состоит в определении календарной даты Пасхи в текущем году. Как пишет Патрик Хемингуэй, “[Эрнест] Хемингуэй мог вспомнить одну из самых знаменитых речей у Шекспира, речь Генриха V перед битвой при Азинкуре в День святого Криспина. День святого Криспина - неподвижный праздник. Каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с Вами” (Хемингуэй, 2014, с.8). “С годами идея переходящего праздника стала для Хемингуэя чем-то очень похожим на то, что, чего желал своей "горсточке счастливцев" король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже состоянием бытия, частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил после этого, ты ее никогда не утратишь. Переживание, впервые зафиксированное во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как

счастье или любовь, перемещается с тобой и переносится в пространстве и времени. (...) Но чтобы иметь такие праздники, нужна память. Когда память ушла, и ты сознаешь, что она ушла, можно впасть в отчаяние, а это грех перед Святым Духом" (Хемингуэй, 2014, с.9).

Итак, если есть переходящий (движимый) праздник, то может быть и переходящий кризис – "A Moveable Crisis" – «кризис, который всегда с тобой». Если говорить серьезно, это очень похоже на правду... Что справедливо для радости, может оказаться истинным и для печали. Центральный тезис настоящей работы - навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса есть не что иное как память психологов (для самих себя), что наша психология пока что несовершенна, если мерить по Большому счету, считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. Даже, если допустить, что термин кризис в данном случае не вполне удачен.

Представляется, что в дискуссиях о кризисе в современной психологии очень много "методологических эмоций" (А.В.Юревич), которые осложняют объективное рассмотрение вопроса. Обратим внимание на некоторые, существенные, на наш взгляд, моменты.

1. Не стоит воспринимать кризис, подчеркнем еще раз, как негативное явление. Кризис совсем не означает отсутствия прогресса или иных достижений. Уже упоминалось о том, что констатация кризисного состояния - в соответствии с этимологией - может рассматриваться не только как "резкий, крутой перелом", но и как "тяжелое переходное состояние какого-либо процесса" (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это никоим образом не должно расцениваться как ее недостаток. Важно подчеркнуть еще раз, что это именно состояние, а состояние *субъективно*, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием.

2. В российской психологии является традицией рас-

сматривать методологию на исторической основе, как содержательную методологию. Поэтому значительно более вероятно использование терминологии, связанной с кризисом, именно в отечественной психологической науке. Более редкое использование кризисной терминологии в зарубежной психологии в данном случае не должно вводить в заблуждение. Нам представляется, что это связано с некоторыми особенностями российской ментальности - стремлением непременно "дойти до самой сути", а не довольствоваться прагматическими следствиями*. Не развивая далее эту тему, заметим, что известный бизнесмен, меценат и филантроп Джордж Сорос в свое время в одном из интервью, отвечая на вопрос, "чем сильна российская наука?" сказал: "Я думаю, что в международном масштабе российская наука идет в первых рядах, но характер ее несколько отличается от западной. Российская наука больше витает в облаках и меньше уделяет внимания практике. Видимо, потому, что российская наука не опирается на передовую технику, на которую опирается западная наука" (Робин Гуд..., 1997, с.13). Знаменателен вывод человека, много сделавшего в свое время для поддержки науки: "Вот поэтому российская наука так ценна, что она не ползает на

* В данной связи уместно будет привести рассказ Марины Бонч-Осмоловской, живущей в Австралии. Рецензируя статью Александра Кеннауэя, рассуждавшего о целях и задачах русской фундаментальной науки, она замечает, что выводы английского ученого оказываются неадекватными, поскольку он не учитывает специфики русской фундаментальной науки. "Главный принцип, из которого исходит автор, - это принцип полезности. Сами по себе задачи и цели фундаментальной науки его не интересуют. Очевидно, что это не его сфера интересов. Для автора важным представляется только то, что от науки можно получить, какую выгоду она может принести". В своей заметке под названием "Меркантильный английский ум" она рассказывает историю, в которой, как, впрочем, в каждой шутке, есть доля шутки: "Как-то по австралийскому телевидению мы смотрели передачу о клонировании. Рассказывалось, что при известных условиях можно воспроизвести любое количество живых особей, а также оживить умерших, имея на руках единственную клетку. Сидевшие вокруг русские предложили оживить Аристотеля и Канта; журналист, ведший передачу, предложил вырастить коров с одинаковыми сосками, чтобы удобнее было доить" (Бонч-Осмоловская М. Меркантильный английский ум// НГ-наука:Ежемесячное приложение к "Независимой газете", октябрь 1997, № 2.). По моему мнению, в этой шутке хорошо прослеживается особенность российской фундаментальной науки, состоящая в направленности на поиск первооснов.

грешной земле. Она вносит разнообразие, обогащает научный мир" (Робин Гуд..., 1997, с.13). Можно полагать, что российская наука не должна отказываться от своих традиций методологических исследований, даже если где-то в других местах полагают иначе.

3. Представляется, что когда мы говорим о кризисе, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании (Юревич, 1999) было убедительно показано, что кризис (впрочем, как и практически все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие (Юревич, 1999).

Как хорошо известно, один из центральных образов, связанных с кризисом в психологии, был представлен в книге Н.Н.Ланге "Психология" (Ланге, 1914): Приам на развалинах Трои. Приам, который, как мы помним по Илиаде, к моменту захвата Трои был глубоким старцем, не принимавшим участия в сражениях, отцом 50 сыновей и 50 дочерей. У Гомера ничего не сказано про то, что переживал Приам на развалинах Илиона, захваченного ахейцами. Судя по всему, погоревать на развалинах ему так и не удалось, поскольку, согласно Вергилию, убит Приам был в алтаре Зевса сыном Ахилла Пирром (Неоптолемом). Последние слова старца Приама, которые он произнес в гибнущей Трое: "Не доживет до старости тот, кто отнимает жизнь у старости".

Кризис психологии, согласно Н.Н.Ланге, проявился в том, что нет больше Трои. Крушение ассоциативной системы породило развалины. Впрочем, предоставим слово самому автору: "Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистиче-

ской психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ" (Ланге, 1914, с.69). Н.Н.Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий "огромного расхождения" ("отсутствия общепринятой системы в науке") - если "расхождение" существует, то психология не имеет "основы", "фундамента", позиции по отношению к которым у большинства психологов совпадать.

Но вот вопрос, который для нас важен: "Действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению?" Полагаем, что нет. Хотел Н.Н.Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствующей реалиям, на наш взгляд, является метафора "кротовых нор", принадлежащая Иммануилу Фихте (1847 год)³. Мы уже приводили ее в предыдущей главе. Увы, во многом она актуальна и сейчас. Поэтому воспроизведем цитату еще раз: "Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, сilitся прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего" (Ланге, 1893, с.XLV-XLVI). Хочется обратить внимание на то, что цитата из Фихте приводится по тексту книги Н.Н.Ланге 1893 года. Не было золотого века применительно к метафоре кризиса Н.Н.Ланге, "не было Трои"... Золотой век - впереди!

Кризис в психологии: основные вехи

Итак, в любом случае, первым о кризисе заговорил Брентано в 1874 году (Brentano, 1874).

³ Иммануил Герман Фихте (1796—1879) — немецкий философ, сын Иоганна Готлиба Фихте; в отличие от последнего называется обыкновенно Младшим.

Книга Н.Н.Ланге "Психология" (Ланге, 1914), в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода "сигналом": свои "диагнозы" начали давать многие психологи. Хотя, исторической справедливости ради, следует отметить, что о кризисе в психологии писали и до Ланге: французский последователь В.М.Бехтерева Н.Н.Костылев опубликовал в 1911 году в Париже книгу под названием "Кризис экспериментальной психологии" (*Kostyleff*, 1911), еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии (*Willy*, 1898). В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит все же Ф.Брентано: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны были практически все. Что касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Сколько ни интересен анализ кризиса в психологии, данный Н.Н.Ланге, не будем на нем останавливаться. В двадцатые годы было принято ставить диагноз кризисному состоянию психологии. Известны "диагнозы" М.Я.Басова (1924, 1928), П.П.Блонского (1925), Л.С.Выготского (1927), В.А.Вагнера (1923), А.Р.Лурии (1932), С.Л.Рубинштейна (1934, 1935), Б.Г.Ананьева (1931) и мн. др. Даже одно перечисление впечатляет, хотя приведенный список заведомо и далеко не полон. Каждый из названных авторов имел свой взгляд на причины сложившейся кризисной ситуации, ее динамику и пути выхода из кризиса. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов. Например, может быть прослежена эволюция взглядов на причины психологического кризиса и способах его преодоления у Л.С.Выготского (1925, 1927, 1931, 1934), у А.Р.Лурии (1925, 1928, 1930, 1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их "разнонаправленность". В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Несомненный факт кризисного состояния заставил психологов многократно анализировать его ближайшие причины, его источники и движущие силы, факторы, осложняющие его течение в российских, совет-

ских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном - они утверждали, что новая психология еще только должна родиться) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории⁴.

Итак, есть основания полагать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф. Брентано, существует уже в течение почти полутора веков. Похоже, что преодолен он не был, признаки, названные еще Н.Н. Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы, опираясь на данные Л.Гараи и М.Кечке. XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 году. По свидетельству Л. Гараи и М. Кечке, XVIII Международный явился триумфом естественнонаучного подхода. Этую же эйфорию выразили заключительные слова К.Прибрама: “Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука” (*Гараи, Кечке, 1997, с.87*). Здесь важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия – чисто “социальные” феномены поддаются “естественным” методам. Л. Гараи и М. Кечке в статье с символическим названием “Еще один кризис

⁴ Разумеется, попытки обнаружить причины кризиса в мировой психологии предпринимались и зарубежными авторами, среди которых стоит вспомнить работы: Bühler, 1927; Levin, 1931 и др. (В рамках настоящей публикации нет возможности рассмотреть данный вопрос, поэтому отсылаем читателя к подробному анализу различных диагнозов кризиса, поставленных в 1920-1970-е годы - см. Мазилов, 1998; 1998а; 2004; 2007).

в психологии!” вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х. Дельгадо, где описывалось изменение “социального” поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов.

Явилось сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: “Психология находится в состоянии кризиса!” Президент утверждал: “Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову” (International..., 1978). Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. Итак, XXI Международный конгресс устами П. Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но очень характерно, что уже на следующем – XXII Международном конгрессе – тот же Полль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В. Вундта разделение психологии на естественнонаучно-ориентированную и культурно-ориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: “Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования” (Фресс, 1981, с. 51). Он поясняет, почему является сторонником “единства психологии”: “потому что ее объект – человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением” (Фресс, 1981, с. 53). “Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет натыкаться на несуразности” (Гараи, Кечке, 1997, с.90).

“Не подает больше надежды также и обратный прием,

когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытых, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой” (Гараи, Кечке, 1997, с.90-91).

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С. Выготского: “В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунauк. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского” (Гараи, Кечке, 1997, с.91).

Американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р. Лурии (*Cole*, 1997). Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а должны быть заложены в фундамент психологии. Должна быть выполнена содержательная методологическая работа.

Обратим внимание на то, что П.Я. Гальперин, видел историки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными,

несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” (История..., 1992, с.3). Обратим внимание, что эта глубокая мысль может означать, что неправильно определен предмет психологии. П.Я. Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” (История..., 1992, с.3). К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Не имея возможности проследить подробно развитие представлений о характере кризиса,⁵ отметим, что интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А.В.Юревич, статья которого в "Вопросах психологии" называлась «Системный кризис психологии» (Юревич, 1999). Она была посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. А.В.Юревич приходит к выводу, что «Психология, таким образом, оказавшись в наиболее «горячей точке» взаимодействия различных метадигм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не только самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться

⁵ В настоящей работе мы не имеем возможности дать сопоставительного анализа работ по проблеме кризиса, опубликованных в последние годы (Завершнева, 2004, Гусельцева, 2006, Зеленкова, 2007, Мироненко, 2008 и др.).

только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» (Юревич, 1999, с.10) Работа А.В.Юревича хорошо известна, вызвала большой резонанс в психологическом сообществе. Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться. Отметим только, что кризис, несомненно, устраниТЬ можно лишь социально, но причина его лежит, на наш взгляд, в когнитивной плоскости.

В поисках предмета психологии

Как нам представляется, главная причина кризиса в том, что не лучшим образом определен предмет психологии как науки. Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Парадигмы..., 2015; Теория..., 2007; Труды..., 2004) и других.

Речь идет о выработке нового понимания предмета психологии. И исследователь в области психофизики, и исследователь в области трансперсональной психологии очевидно представляют одну науку – психологию. Сейчас складывается впечатление, что это представители совершенно разных наук, т.к. все у них разное. Поэтому понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место как для одного, так и для другого. Только такое понимание даст возможность объединить наработки психологов разных школ и направлений. Без такого понимания невозможно обобщение накопленных в психологии огромных массивов знаний. Это очень сложная задача. Она, кстати, общая для отечественной и для мировой психологии (при всем различии подходов к исследованию психики). Соотнесение и упорядочение имеющегося материала на основе нового понимания позволят психологии стать фундаментальной наукой.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа также уже проводится. Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» (Шадриков, 2006). Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистической ориентациями в психологии и т.п. – эти важнейшие проблемы являются в значительной степени следствиями нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета - это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей психологии.

Кризис психологии, повторим, может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения - речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый - относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как

хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне - нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень - уровень «основных парадигм». Еще Вундт - создатель научной психологии - заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса - не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л.Гараи и М.Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

Например, в настоящий момент маятник явно качнулся в сторону естественных наук. Создается впечатление, что успехи нейронаук вот-вот позволят обнаружить законы психического, использование методов, реализующих принцип ядерного магнитного резонанса, томографии позволит решить и психологические проблемы. С нашей точки зрения, достаточно скоро большинство научного сообщества убедится, что прогресс в исследовании мозга фактически мало способствует продвижению в психологии. Таким образом, можно предполагать, что ожидания на скорый успех в психологии под влиянием нейронаук не оправдаются. Тогда придется ждать обратного движения: какому-то из будущих открытий в сфере гуманитаристики будет придаваться особое значение, что вызовет обратно направленное движение – не может исследование мозга все же объяснить психологию. Предыдущий цикл движения от естественных к гуманитарным был связан с трактовкой «феномена Пигмалиона» Розенталя, который интерпретировался в духе несводимости объяснения психологических феноменов через сферу естественной науки. Популярность экспериментов Розенталя, как мы помним, сменила расцвет естественнонаучного подхода, когда

с помощью раздражений мозга через вживленные электроды модифицировалось социальное поведение приматов. Об этом мы уже упоминали, касаясь XVIII Международного психологического конгресса. Впрочем, об этом мы уже писали. Печально, что в психологии не происходит систематического исследования ожиданий психологов. Представляется, что психология в целом бы во многом выиграла, имей она в своем распоряжении данные опросов психологов о перспективах науки.

И, наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В.Вундта, Ф.Брентано и В.Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является именно на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к этому уровню можно сказать, что это действительно кризис, который всегда с тобой. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне - парадигмальном - речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественнонаучного подхода приводят к повышенным ожиданиям

от герменевтического. И, наконец, первый, явленный на поверхности, отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностином подходе и т.д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному "наложению" - усилению переживания, то есть кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из вышеприведенных соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным. Это тема отдельной работы.

Библиографический список

1. *Брентано Ф.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996.
2. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. т.1. М.: Педагогика, 1982.
4. *Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86-96.
5. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3–15.
6. *Двойнин А.М.* Кризис в психологии или внутри нас самих? // Вопросы психологии, 2016, №1, с. 45-54
7. *Двойнин А.М.* Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал, 2015, том 36, №6, с. 94-107
8. *Завершинева Е.Ю.* Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.

9. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18–28.
10. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
11. Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т.8. М.: Изд-во т-ва "Мир", 1914. .
12. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996.
13. Ланге Н.Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
14. Мазилов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова Ярославль: МАПН, 1998, с.140-173.
15. Мазилов В.А. Кризис современной психологии // Феномены личности и группы в изменяющемся мире: Материалы научно-практической конференции. Ч.1. Кострома: КГПУ, 1998а, с.71-74
16. Мазилов В.А. Психология: кризис в науке // Психотехнологии в социальной работе. Выпуск 9. / Сб. под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004, с. 12-46.
17. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998 (б)
18. Мазилов В.А. Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007
19. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 119–127.
20. Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012
21. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д.Соросом // Аргументы и факты, 1997, № 41(886), с.13
22. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007.

23. Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал, т.2, № 3, 1981, с. 48-54.
24. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
25. Хемингуэй П. Предисловие // Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: ACT, 2014
26. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005
27. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015
28. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–12
29. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874
30. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Gustav Fischer, 1927.
31. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, p.117.
32. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978.
33. Kostyleff N. La crise de la psychologie expérimentale. Paris: Alcan, 1911.
34. Lewin K. The conflict between Aristotelian and Galilean modes of thought in contemporary psychology // Journal of General Psychology. 1931. V. 5. P. 141–177.
35. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. Munchen, 1899.
36. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874

3. СОВРЕМЕННАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Как было показано в предыдущих работах, методология психологической науки имеет конкретно-исторический характер (Мазилов, 2001). На первый план на каждом этапе развития выходят определенные задачи, которые требуют незамедлительной методологической проработки.

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. В советской психологии работали замечательные ученые, которые, несмотря на идеологический прессинг, разрабатывали важнейшие методологические положения, воплощая их в тексте и/или подтексте своих публикаций (и часто при этом прибегая к специальной маскировке) (см. Мазилов, 2015). Методологические работы классиков советской психологической науки (С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, М. С. Роговина и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее см. об этом Мазилов, 1998, 2003). В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

Было распространенным уровневое представление о методологии. Чаще всего выделялись философский, общенациональный, конкретно-научный и методический уровень. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был, разумеется, идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала преимущественно результаты таких разработок. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенационального уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозмож-

можно. Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить всю психологию на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Гараи, Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии подобная конфронтация привести и не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес для психологов, естественно, вызывала собственно психологическая методология (соответствующая конкретно-научному уровню). Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т. д.). Конкретным воплощением психологической методологии на поздних этапах развития советской психологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной

психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какова должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы было высказано несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как радикальную. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И. П. Волкова. По И. П. Волкову, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (Волков, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она пока находится в состоянии становления. И. П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоительной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию, ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как консервативную. Она состоит в том, что методологические функции вполне успешно выполняла традиционная методология. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении автора. В качестве примера приведем работу В. И. Тютюнника (*Тютюнник*, 2002). «Методология – область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (*Тютюнник*, 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня

(уровень философской методологии; уровень общен научных диалектических принципов; уровень частных научных методов; уровень конкретной методики и процедуры исследования (Тютюнник, 2002, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общен научных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В. И. Тютюнника в традиционном ключе, характерном для поздней советской официальной психологии.. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, т. к. в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть характеризована как умеренная. Состоит она в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии необходимо учитывать и использовать накопленные наработки. Здесь (впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии В. П. Зинченко. Обращаясь к анализу методологии отечественной психологии, В. П. Зинченко отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна,

претенциозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98). Автор замечает, что в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлексированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, – пишет В. П. Зинченко – что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (Зинченко, 2003, с. 98–99). Автор предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). В. П. Зинченко приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность, так называемых, методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая «самозванцами мысли» идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя, что такое нужное направление никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» (Зинченко, 2003, с. 114). В.П.Зинченко заключает: «Жизнь сложна. И мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая к несчастью претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпирию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (Зинченко, 2003, с. 115). Нельзя не согласиться с суждением классика отечественной психологии: «Едва ли целесообразно призывать к

полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (Зинченко, 2003, с. 100).

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно методологию психологии и теорию психологии и, несомненно, методология не должна подменять собой теории. Несомненно, что те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать собственная методология психологической науки в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки в настоящее время во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А. В. Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем, вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно, должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии, конечно, являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоит конкретных специальных исследований), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на область всей психологии. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представля-

ется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В. П. Зинченко. Можно согласиться с В. П. Зинченко, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т.д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (*Mazilov, 1997*), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая – традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, приме-

няемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово – проблема. Обозначим для примера лишь некоторые. Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой «проблему». Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации, то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая – область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология – важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий – не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркну – именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию, она более «антропологична», если воспользоваться терминологией П. Фресса.

В перспективе возможно выделение «психотерапевтической» составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи.

Настоящая монография посвящена рассмотрению и разработке методологических вопросов, которые, на наш взгляд, представляют особую актуальность для современной психологии: разработаны актуальные вопросы когнитивной методологии, осуществлен анализ состояния коммуникативной методологии, затрагиваются вопросы методологии психологической практики и ее соотношения с методологией академической науки. Отдельная глава посвящена постановке проблемы расширения методологии психологии и необходимости разработки философии психологии как психологической дисциплины. В завершающей главе монографии предлагается новая трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека.

Библиографический список

10. Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии. СПб.: Печатный двор, 1993.
11. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
12. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
13. Волков И. П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003 .
14. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86–96.
15. Дильтай В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 156 с
16. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с. 98–134.
17. Мазилов В. А. Методология психологической науки. Яро-

славль, 2003. 236 с.

18. *Мазилов В. А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
19. *Мазилов В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 356 с.
20. *Мазилов В.А* М.С.Роговин: становление психологии как науки // The Unity of Science, November, 2015, с. 126-133
21. *Мазилов В.А.* Пути развития психологии: методологические работы профессора М. С. Роговина //Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 111-121.
22. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
23. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2004.
24. Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
25. *Тютюнник В. И.* Основы психологических исследований. М., 2002.
26. *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 5, с. 3–19
27. *Юревич А. В.* Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 377–397
28. *Юревич А. В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3–11.
29. *Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997, p. 126–134.

65. КОГНИТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

3.1. ПРОБЛЕМА ПАРАДИГМАЛЬНОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИИ

В последние годы как отечественные, так и зарубежные психологи уделяют повышенное внимание осмыслиению оснований психологической науки. При этом большинство авторов предпочитает квалифицировать ситуацию в психологии как кризисную. Для этого вполне достаточно оснований. Не будем сейчас останавливаться на диагнозах кризиса. Существует богатая традиция диагностики: начиная с Брентано (1874) многими авторами (включая Н. Н. Ланге, Л. С. Выготского, К. Бюлера, С. Л. Рубинштейна, К. Левина и мн. др.) предпринимались попытки поставить диагноз аномалиям в психологической науке. Об этом подробно говорилось выше, поэтому не станем здесь на этих вопросах останавливаться и ограничимся обсуждением лишь одного аспекта проблемы.

В последнее время в психологических работах, в многочисленных методологических дискуссиях довольно часто используется понятие «парадигма». А.В.Юревич отмечает: «Методологическое самоопределение психологической науки, как правило, осуществляется в терминах парадигм, а это, введенное Т.Куном, понятие получило в ней намного более широкое распространение, нежели такие его «конкуренты», рожденные на территории философской методологии науки, как исследовательская программа (И.Лакатос), исследовательская традиция (Л.Лаудан) и др.» (Юревич, 2008, с.3). Столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии. Понятия исследовательская программа и исследовательская традиция в большей степени используются в работах по истории психологии. Поэтому не удивительно, что психологи обращаются в первую очередь к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой? Да и фактор моды не стоит недооценивать.

В связи с широким использованием термина «парадигма» уместно заметить следующее. В современной науке просто

необходим более "масштабный" взгляд. Идея парадигмы витала в воздухе. Как отмечается историками науки, в философию науки понятие парадигмы было введено в начале двадцатого века позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности методологии, однако широкое распространение приобрело после работ американского историка физики Томаса Куна. Как отмечает В.С.Черняк, почва была подготовлена. Французский историк и философ науки Элен Мецжер (Metzger) (1889-1944), трагически погибшая в газовой камере в Освенциме, была предшественницей Куна в истории идей.

Предмет исследования Мецжер, как отмечает В.С.Черняк, является история идей, она не касается истории жизни ученых, элиминируя тем самым из своей работы биографические данные и психологию изучаемых авторов. Она полагает, что невозможно определить механизм связи эволюции доктрин, экспериментальных открытий и технических изобретений химии с определенной эпохой, пока не будет проанализирована и изложена история идей. Главное для нее — это показать формирование самих основ теорий, их модификацию под давлением внутренней логики или же под давлением внешних влияний (социальных или научных) (Черняк, 2001). «Мецжер выдвинула одну из первых моделей некумулятивного развития науки, предвосхитив ряд принципиальных положений концепции Куна и оказав на него заметное влияние» (Черняк, 2010, с.562). По Мецжер, необходимо отделять период становления (генезиса) определенной науки от стадии ее существования как уже оформленной научной дисциплины. В фазе генезиса наука не является автономной системой, развивающейся по своим внутренним законам. Эволюция науки в значительной мере определяется и направляется господствующими философскими течениями. На этом этапе обычно существует плурализм мнений ученых, множественность концепций и отсутствие общепринятой теории (Черняк, 2010). Такая эпистемологическая ситуация, которую Мецжер называет «интеллектуальной анархией», во многом определяется отсутствием четкого осознания предмета познания и специализации в среде исследователей. Зрелая фаза науки характеризуется ее дисциплинарной структурой — наличием собственного предмета и методов исследования, а также

организованной группы ученых, работающих в рамках общепризнанной теории. Переход от плюрализма к такой теории, согласно Мецжер, совершается внезапно, без видимой связи с предшествующими работами. Причем новая концепция быстро завоевывает популярность у многих ученых, которые вербуются нередко из числа ее бывших противников, как бы обращенных в новую веру (Черняк, 2010). С утверждением общепринятой концепции ученые свою главную задачу видят в расширении области ее применения. Их работа сводится к усовершенствованию принятой теории, не затрагивающему ее основные принципы. В.С.Черняк пишет: «Однако в ходе этого спокойного эволюционного развития постепенно обнаруживаются трудности и аномалии, которые приводят в итоге к кризису общепризнанной концепции и стремлению найти ей замену Мецжер доказывала также, что развитие науки тесно связано с общим ходом цивилизации, поэтому социальное значение тех или иных научных достижений зависит от их соответствия путям развития и потребностям общества» (Черняк, 2010, с.562).

Вероятно, комментариев не требуется. Очевидно существенное сходство изложенных позиций Э.Мецжер и известной концепции Т.Куна. Сама эта история может служить аргументом в пользу подтверждения роли социального фактора в развитии науки...

Обратимся собственно к понятию "парадигма". «Психологи называют парадигмами и общие теории, и основные исследовательские направления, такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, и более частные модели проведения исследований, и два основных «типа» психологии – естественнонаучную и гуманитарную, и модели экспериментального исследования, и многое другое. С некоторых пор этот термин проник в практическую психологию, где тоже используется для обозначения совершенно разных реалий, в частности, соперничающих в ней школ и направлений» (Журавлев и др., 2012, с.8).

Нужно отметить, что по проблемам парадигм и парадигмального статуса психологии проходили конференции и другие подобного рода мероприятия проходили неоднократно, осуществлялись специальные издания (см. Парадигмы в психологии, 2012; Методологический..., 2011). Конечно, обсуждение

методологических вопросов всегда представляет определенный интерес, а сама методологическая рефлексия не может быть полностью бесполезной. Но ожидать от дискуссии существенного прорыва не приходится, поскольку в психологи с термином парадигма обычно обходятся настолько вольно, что споры теряют всякий смысл.

Очевидно, что в таких условиях полезны попытки упорядочить употребление термина, «например, путем выделения разных уровней парадигмальности: различие парадигм общих и частных, мировоззренческих, общенаучных, конкретно научных и индивидуально-ситуативных, американской, западноевропейской и российской парадигм и т.п.» (Журавлев и др., 2012, с.8). Отметим, что такая работа уже проводится. Пионером ее можно считать известную публикацию D.Morgan (2007), в которой приводится таблица с различными вариантами понимания парадигм:

1. Парадигмы как мировоззрения.
2. Парадигмы как эпистемологические позиции.
3. Парадигмы как разделяемые представления.
4. Парадигмы как примеры моделей (D.Morgan, 2007, p. 51).

Воспользуемся переводом В.А.Янчука и предложим эту таблицу нашему читателю (по Янчук, 2012 б).

Таблица 1
Четыре версии парадигм (приводится по Янчуку, 2012б)

	Парадигмы как мировоззрения	Парадигмы как эпистемологические позиции	Парадигмы как разделяемые представления в исследовательской области	Парадигмы как примеры моделей
Определяющие характеристики	Всеохватывающие перспективы мира	Онтология, эпистемология и методология философии знания	Разделяемые представления о природе вопросов и ответах на них в исследовательской области	Полагается на специфические экземпляры или типичные решения проблем
Место в работах Куна	Имплицитное	Прямо обсуждаемое, но не поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое	Прямо обсуждаемое и поддерживаемое

Место в развитии социальных наук	Общее как не-техническое использование	Доминирующая сегодня версия	Относительно необщая	В большей части отсутствующая
Преимущества	Признает роль личностного опыта и культуры в научном познании	Полагается на хорошо известные элементы философии знания	Может быть изучена путем проверки работ наиболее авторитетных авторов	Крайне эксплицитные и конкретные
Ограничения	Крайняя широта, слабое отношение к изучаемому	Широкий подход к познанию, менее очевидная связь с изучаемым	Обычно описывает результаты небольших групп исследователей, а не целостную дисциплину	Очень узкое, ограниченное применение
Место в комбинировании методов	Слабое эксплицитное использование	Основополагающее влияние	Небольшое влияние	Небольшое эксплицитное использование

Для каждого варианта понимания парадигмы установлены определяющие характеристики, что, несомненно, представляет существенное продвижение в данной проблематике. В русскоязычной психологии она успешно реализуется известным белорусским психологом В.А.Янчуком (Янчук, 2012), который провел интересное и чрезвычайно перспективное исследование по соотнесению парадигмальных координат. В качестве объекта анализа в статье В.А.Янчука выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению метатеоретических оснований психологического знания (Янчук, 2012). К анализу были привлечены следующие парадигмы:

1. биологическая,
2. бихевиористская,
3. гуманистическая,
4. деятельностная,
5. диалогическая,
6. интеракционистская,
7. когнитивистская,
8. нейронаучная,
9. психодинамическая,

10. социально-когнитивно-наученная,
11. феминистская,
12. экзистенциально-феноменологическая.

Нельзя не заметить, что то, что именуется в этом перечне парадигмами, представляет собой синcretическое объединение разнородных и разноуровневых, часто взаимопересекающихся подходов, направлений, ориентаций и т.д. Представляется, что не все перечисленное с легким сердцем можно именовать парадигмами. Да и многовато их получается для нашей молодой науки. Возникает устойчивое впечатление, что увеличение количества парадигм надежно свидетельствует о том, что это уже "не совсем парадигмы"...

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Слово автору исследования, замечательному белорусскому психологу В.А.Янчуку. В.А.Янчук отмечает, что рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотнесения. «Обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции имеют место как пересечения ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим оппозициям с другими традициями, так и существенные расхождения. В них тоже есть несомненный позитивный потенциал, т.к. смещения акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов» (Янчук, 2012, с.149).

Согласно В.А.Янчуку, «каждая парадигма обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими схватить те грани и особенности, которые не схватываемы с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазви-

тия, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного движителя прогресса человеческого познания» (Янчук, 2012, с.149).

Как отмечает В.А.Янчук в другой работе, сегодня в любом учебнике по психологии, теориям личности, возрастной и др. психологиям начали появляться весьма конструктивные разделы, представляющие альтернативные парадигмальные подходы. В серьезных зарубежных научных периодических изданиях, таких, как, например, «Culture and Psychology», «Current Directions in Psychological Science», «Integrative Psychological and Behavioral Science », «New Ideas in Psychology», «Perspectives on Psychological Science», «Philosophical Psychology», «Theory and Psychology», и др. начали публиковаться фундаментальные статьи, анализирующие психологическую феноменологию через призму альтернативных позиций и взглядов, с акцентом на выявление оснований и путей межпарадигмального диалога (Янчук, 2012 б).

В работах В.А.Янчука дается подробный анализ ситуации в мировой психологии, перехода от парадигмальных войн к парадигмальным дебатам, а затем и к парадигмальному диалогу (Янчук, 2012, Янчук, 2012 б).

Еще раз подчеркнем, что нам прогресс человеческого познания в данном случае видится в первую очередь в том, что «кандидаты» на роль парадигм всесторонне анализируются и обсуждаются, тем самым соотносятся между собой, что в известном смысле выполняет подготовительную работу, обеспечивающая (создавая и уточняя, конкретизируя) фактуальную основу для грядущих исследований парадигмального статуса психологической науки. Тем не менее, эта работа пока далека от завершения, поэтому, по нашему мнению, в настоящее время дискуссии об актуальном парадигмальном статусе несколько преждевременны.

Поэтому, как нам представляется, более актуальны исследования, связанные с анализом конкретных подходов, претендующих на статус парадигм в психологии. Рассмотрим, какие подходы могут претендовать на статус парадигмы в современной психологии.

Некоторые зарубежные авторы говорят о позитивистской парадигме. В.А.Янчук отмечает, что доминирующая в науке позитивистская парадигма исходит из принципиальной возможности получения объективного знания об окружающей реальности. Это объективное знание обеспечивается процедурами операционализации и верификации. Иными словами, данные и их анализ являются свободными от ценностей и субъективности исследователя. В самом широком понимании позитивизм исходно отрицает метафизику, утверждая, что задачей науки является просто непредвзятое описание фактов, прикосновение к тому, что мы наблюдаем и измеряем (Янчук, 2012б). Таким образом, позитивисты дистанцируются от личностного фактора и влияния его на изучение мира, в то время как представители других метапарадигм признают возможность взаимодействия внешнего мира с внутренним миром познающего субъекта и необходимость рассмотрения этого взаимодействия для лучшего понимания и выявления существенных свойств и характеристик изучаемых явлений (Янчук, 2012 б, с.6). Позитивизм определялся многообразными способами. Согласно Колаковски, позитивизм основывается на четырех ключевых доктринах: правиле феноменализма, утверждающего существование только опыта при отрицании любых абстракций типа «материи» и «духа»; правиле номинализма, в соответствии с которым слова, обобщения, абстракции и т.п. являются всего лишь лингвистическими феноменами и не дают новых инсайтов в отношении мира; отделении фактов от ценностей; и единстве научного метода (Kolakowski, 1972).

В соответствии с позитивистской эпистемологией, научное познание рассматривается как получение истинного знания, понимания мира с целью выявления оснований его предсказуемости и контролируемости. Мир и универсум в таком понимании являются детерминированными, управляемыми причинно-следственными законами, которые могут быть выявлены посредством научных методов. Выведение нового знания осуществляется дедуктивно, являя своим продуктом проверяемые теории. (Янчук, 2012б). Позитивисты уверены в верности эмпиризма, придерживаясь идеи о центральности наблюдения и измерения как фундаментального основания научного исследова-

ния. Ключевым методом является научный эксперимент, направленный на установление естественных законов природы посредством наблюдения и манипулирования переменными. Именно позитивистская методология лежит в основании классической экспериментальной психологии, придавшей психологическому знанию статус научного, благодаря усилиям бихевиористов. Во многом экспериментальной психологическая наука остается и сегодня, свидетельством чему являются доминирующие в научных журналах публикации эмпирицистского толка. Проблема заключается в том, что критериями объективности и научности в позитивизме являются измеряемость и воспроизведимость научных результатов, конституированная в принципах операционализации и верификации. Как раз с ними у психологической науки и возникают фундаментальные проблемы (Янчук, 2012 б). Первое, психика (внутренняя реальность, активность и т.п.) как основополагающий конструкт не подлежит непосредственному наблюдению и тем более измерению. Следовательно, психологические измерения, в отличие от классических естественнонаучных, носят опосредованный характер, требующий специальных усилий для снятия исследовательской субъективности, в принципе недостижимой в силу значительного числа влияющих переменных. Второе, процедуры верификации, предполагающие пространственно-временную бесконечность, также практически неприменимы к психологической феноменологии. Попытка решения этой задачи математическими методами не является исчерпывающей, т.к. в дальнейшем исследователь оперирует математическими константами, оторванными от их субъекта и упрощающими процессы, реализующиеся в его внутренней активности. Впрочем, как указывает В.А.Янчук, эта проблема в психологии либо замалчивается, либо не осознается вовсе (Янчук, 2012 б).

Как отмечает В.А.Янчук, в зарубежной психологии позитивизму противостоит "конструктивизм": "Наиболее очевидное отличие между «конвенциональной» позитивистской системой представлений и «натуралистической» или конструктивистской системой в эпистемологическом аспекте заключается в том, что первое является по существу объективистским, признающим принципиальную возможность экстериоризации исследуемой

реальности без прикосновения к ней и вовлечения в нее, а принципиальная позиция конструктивистов заключается в том, что эпистемологически исследователь и исследуемое взаимосвязаны друг с другом таким образом, что результаты исследования по существу являются следствием самого процесса их взаимодействия. Конструктивисты, таким образом, занимают позицию созидания знания в процессе взаимодействия познающего и познаваемого" (Янчук, 2012б, с.8)

Попытку нахождения своеобразного межпарадигмального компромисса представляет реализм - философская традиция, содержащая элементы как позитивизма, так и конструктивизма (критический реализм или постпозитивизм (неопозитивизм). В то время как позитивизм утверждает существование единственной, конкретной реальности, а интерпретативизм - множественные реальности, реализм провозглашает множественные восприятия единственной, независимой от мышления реальности. Понятие "реальности", используемое реализмом, выходит за рамки самости или сознания, но не является полностью раскрытым или познаваемым. Вместо независимой от ценностей реальности, как в позитивизме, или обусловленной ценностями, как в интерпретативизме, реализм вместо зависимости познания от ценностей признает зависимость от них человеческих систем и исследователей (Янчук, 2012б).

Не будем в рамках настоящего текста обсуждать ни состоявшиеся "парадигмальные войны", ни попытки организации "парадигмальных дебатов", ни перспективы установления парадигмальных диалогов (об этом см. подробно: Янчук, 2012б).

Как представляется, позитивизм все же не скорее не парадигма, а метапарадигма.

Рассмотрим кратко те подходы, которые могут претендовать сегодня на статус *основных парадигм психологии*. На наш взгляд, сегодня на то, чтобы выступать в качестве основных парадигм, определяющих лицо психологической науки, могут все же лишь две – естественнонаучная и герменевтическая. Нам уже приходилось писать об этом, поэтому скажем очень кратко (Мазилов, 2007; Мазилов, 2012)

Естественнонаучная парадигма. Исторически это первая парадигма научной психологии. Естественнонаучная она не

потому, что психология, согласно этой парадигме, основывается на данных естественных наук, в частности, физиологии. Она естественнонаучная потому, что построена по образцу естественных наук начала XVIII столетия, как это представлял себе Кант. В основе естественнонаучной парадигмы лежит проект, являющийся ответом на кантовскую критику психологии (Мазилов, 1998). Основные черты естественнонаучной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т.е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественнонаучного подхода в психологии – атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т.п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Поэтому целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации, склонность к физиологическим объяснениям и т.д.

Герменевтическая парадигма. Другой взгляд на психологию был сформулирован В. Дильтеем (1833-1911) (Дильтея, 1996). В работах Дильтея получила развитие идея целостности психических актов, высказанная Брентано.

На наш взгляд, Брентано одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и оче-

видного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д.

Вундтовской психологии, которую Дильтея определял как объясняющую, конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтеевской психологии написано очень много, что избавляет от ее подробного представления. Кратко идеи Вильгельма Дильтея о психологии уже были представлены в первой главе настоящей книги.

Дильтея, как уже отмечалось, подверг резкой критике объяснительную психологию представителей современной немецкой психологии. Главными недостатками современной психологии Дильтея видел элементаризм и конструктивизм. Согласно В. Дильтею, эта психология пытается выделить исходные элементы в сознании, из которых с помощью произвольных гипотез пытается сконструировать целое. Поскольку интерпретации произвольны и гипотетичны, маловероятно, что итоговая картина будет соответствовать действительности.

Объяснительной психологии Дильтея противопоставляет собственный подход, который называет описательной (понимающей, расчленяющей) психологией. Основные ее черты:

1. Необходимо исходить из данности сознания, очевидности.
2. Целостность сознания. Дильтея говорит связности душевной жизни.
3. Необходимо идти не от элементов к целому, а, напротив, исходить из целого.
4. Важнейшим понятием является переживание. Важно понять, что данное переживание означает для человека. Тем самым обеспечивается связь с индивидуальным миром культуры.
5. Необходимо не выделять элементы, расчленять сознание на целевые системы.
6. Задача психологии не объяснять, а понимать. Причинность в психологии должна пониматься не так, как в естественных науках.

7. Важнейшим методом психологии является типология.

8. Личность представляет собой целостность.

Нам очень важно подчеркнуть важный момент. Если Вундт строил физиологическую психологию «снизу», отправляясь от простейших психических явлений максимально близких к физиологии, то герменевтическая психология исходила из необходимости изучать сложные проявления психической жизни. Если Вундт осваивал «пограничные» области психологии, то Дильтея имел в виду рассмотрение «настоящей» психической жизни во всей ее сложности.

Таким образом, в работах В.Дильтея оформилось представление о неклассической психологии, которое впоследствии стало фундаментом герменевтической (гуманитарной) парадигмы в психологии.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Собственно говоря, речь идет о том, что герменевтическая парадигма предполагает работу с другим как с субъектом. Поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям.

А.В.Юревич отмечает, что «вычленяются шесть ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественнонаучной: 1) отказ от культа эмпирических методов; 2) признание научным не только верифицированного знания, подтвержденного «внесубъектным» эмпирическим опытом; 3) легализация интуиции и здравого смысла исследователя; 4) возможность обобщений на основе изучения частных случаев; 5) единство исследования и практического воздействия, 6) изучение целостной личности, включенной в «жизненный контекст» (Юревич, 2008, с.5).

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественнонаучной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического (см. подробно Мазилов, 2012).

В современной психологии, что, заметим, представляется совершенно естественным, появляются новые претенденты на то, чтобы стать новой парадигмой психологии. Рассмотрим коротко эти подходы.

Психотехническая парадигма. Появляются попытки преобразовать психологию на новой основе, соответственно, появляются иные парадигмы. В юбилейном номере журнала «Вопросы психологии» (посвященном 100-летию со дня рождения Л. С. Выготского) помещена чрезвычайно интересная статья Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей очень широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоцииированной личности...» (Vasiliuk, 1996, с. 26). Ф. Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Vasiliuk, 1996, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» (Vasiliuk, 1996, с. 27).

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отметим, что с последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. Ни образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, высажем опасения, что, на наш взгляд, с общепсихологическо-методологиче-

ским значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего, констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой», в принципе, не является новым. Об этом говорил известный отечественный методолог Г. П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л. С. Выготского обнаруживал, как известно, А. А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза» и т. д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Во вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического *как оно есть*. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. Поэтому в данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но в этом случае всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного (см. известный этюд классика о стакане). Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Ф. Е. Василюк пишет: «В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория формирования, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики» (Василюк, 1996, с. 32). Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно

работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Впрочем, еще в позапрошлом столетии К. Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в «Педагогической антропологии»: «Ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям». Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука – и в этом ее сила – предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии – разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). И консультативная работа – это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л. С. Выготский в 1927 году иронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренесансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна и может быть объектом специального анализа (Мазилов, 1998). Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует – и это

очень важно – об явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же – слишком узкое понимание предмета научной психологией.

В последние годы много говорится о **постмодернистской парадигме** в психологии. В других работах, помещенных в рассматриваемом сборнике, затрагиваются также важные методологические вопросы. В частности, рассматривается влияние, оказанное на психологию постмодернизмом. Этот актуальный вопрос обсуждается в работе Т.Д.Марцинковской (Марцинковская, 2007). Автор приходит к выводу: «Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнениепонятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает их методологию с постмодернизмом» (Марцинковская, 2007, с.43). «Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира – это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей . интенции, которая определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности» (Марцинковская, 2007, с.43). Этого вопроса касается в своей работе и М.С.Гусельцева, которая отмечает: «Прочтение постмодернизма современной психологией – дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К

находкам постмодернизма относят метафоричность дискурса, синкетичность мысли, принципиальную недоконцептуализированность понятий, творчество терминов, эксперименты со стилем. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, отменяет иерархии. Это мироощущение, это жизненный стиль...» (Гусельцева, 2007, с.70).

Глубокий анализ влияния постмодернизма на методологию психологии проделан В.А.Янчуком, чьи работы хорошо знакомы читателю, что избавляет от необходимости их подробного изложения (Янчук, 2000, 2005).

На наш взгляд, ввиду размытости постмодернистской позиции она в настоящее время не может претендовать на роль ведущей парадигмы в психологии как науки.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является **синергетика**. В.Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой (Крылов, 1998). Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 70-х гг. прошлого столетия. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И.Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика – так например, теория диссипативных (неравновесных) структур. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекоменных, в том числе когнитивных» (Князева, 1995, с. 4). Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Не имея возможности здесь обсуждать специфику синергетического подхода к решению собственно психологических проблем (что, несомненно, представляет значительный интерес), остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В. Ю. Крылов отмечал: «...нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» (Крылов, 1998, с.60). Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой). К. Поппер писал о диалектике: «интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» (Поппер, 1995, с. 120). Эти слова К. Поппера сказанные в адрес диалектики полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию атTRACTоров, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить, насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В. Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Нельзя также не согласиться с другим тезисом В. Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» (Крылов, 1998, с. 60).

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В. Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно, система должна помещаться в те или иные естественные для не внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» (Крылов, 1998, с. 61). Важность этого положения трудно переоценить, т.к. такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоциационизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX века распространение получили структурно-уровневые концепции (см. об этом: Роговин, 1977). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т.д., которые пытаются ввести синергетический подход. Как отмечают сами сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных процессов, как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» (Князева, 1995, с. 218).

Впрочем, есть и более оптимистические оценки. В.Е.Клочко отмечает: «Психосинергетика — это теоретическая психология, точнее, психология, способная теоретически определить предмет своего исследования. Психология, сознательно согласившаяся с тем, что нельзя изучать работу разума, останавливая свое мышление на уровне рассудка. Потребуется еще громадная внутренняя работа, итогом которой должна стать совсем простая

идея: не может возникнуть живое из неживого — его там просто нет по определению; не может психика (дух, душа) возникнуть из материи «при ее непосредственном воздействии на органы чувств» — ее там нет. Нет у человека прямого контакта с миром «чистой объективности», как нет его и с миром, в котором живет чистый (абсолютный) Дух. Нет у Духа своей обители, как нет и его самого — рафинированного, «чистого». Дух не скитается и не обитает неведомо где, а живет (в своей идеальной, интегральной форме) в культуре, в этом совокупном общественном продукте. Из нее он переходит в форму реального активного дифференцированного бытия в качестве духа конкретного человека, в нее возвращается по окончании его жизни — чаще обогащенным, иногда деформированным и больным и вынужденным восстанавливаться в процессах перехода в идеальную форму, в процессах интеграции со своей первоосновой» (Клочко, 2001, с.107).

В.Е.Клочко продолжает: «Самое сложное заключается в том, чтобы понять эту простоту: как «объективная реальность», так и «субъективная реальность» есть порождение обыденного сознания, рассудка, а задача «разумной» (теоретической) психологии заключается в том, чтобыне психику, а целостного человека определить в качестве предмета науки. Ее актуальной задачей является прослеживание того каким образом культура, хранящая и аккумулирующая в себе «дух» предков (добытые ими знания, отработанные способы видения мира, познания, мышления, их смыслы и ценности бытия, их волю, страсть и т.д.), трансформируется в одухотворенный мир конкретного человека, превращается в нем в то, что составляет его человеческую сущность: многомерный, наполненный предметами, звуками, красками, смыслами и ценностями, развивающийся Мир — в единственного претендента на то, чтобы называться «реальностью» и «действительностью». (Клочко, 2001, с.108). Психосинергетика, по В.Е.Клочко, имеет большие перспективы развития: «Тенденция развития научного мышления, идущая по линии «метафизика — диалектика — синергетика» не оборвется на синергетике. Она продолжится через конкретизацию в пока недоступных нам механизмах метасистемного мышления. Нам же предстоит ассимилировать этот временный предел научной

мысли как опору для ее дальнейшего движения. Причем ассилировать не на простых системах, где взаимодействие со средой обеспечено фактом однопорядковости, однородности, относительной тождественности системы и ее среды, когда запрограммирована случайность встречи явлений и сущностей, не являющихся в полной мере противоположностями, приводящая каким-то образом к порядку. Психосинергетике предстоит объяснить, каким образом детерминирована, обусловлена сама возможность взаимодействия живого и неживого, материи и духа, психического и физического, открыть причину их взаимодействия и его порождающий эффект» (Клочко, 2001, с 109).

Оценки В.Ф. Петренко менее оптимистичны: "Мощным стимулом изучения нелинейных динамических процессов в психологической жизни и ее нейropsихологических коррелятов могла бы стать синергетическая парадигма. Но ее успехи в области психологии пока весьма скромны, и это, на наш взгляд, объясняется тем, что эта парадигма создавалась на материале естественных наук (физики, химии), где на молекулярном уровне действуют законы больших чисел, термодинамические процессы и химические процессы организуют структуры из хаоса, включающего миллионы активных элементов. В психологической науке сходные процессы могут наблюдаться применительно к самоорганизации нейронных ансамблей, насчитывающих миллионы образующих элементов, или в социальной психологии больших групп, где социальные процессы, включающие миллионные массы людей, в силу специфики этих процессов (например, панического поведения) могут рассматриваться как однородные (де-персонализированные) элементы. Применительно же к классу экзистенциональных задач психологии личности (связанных, например, со свободой воли, принятием решения или творческих задач) адекватность синергетического подхода не столь очевидна" (Петренко, 2007, с. 436).

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Конструктивистская парадигма. Выше, говоря о зарубежных представлениях о парадигмах в современной психологии, уже упоминали о конструктивистской парадигме. Ныне

конструктивизм претендует на то, чтобы явиться парадигмой современной психологии. Согласно В.М.Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с.93). В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними деятельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с.93). А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков, комментируя позицию В.М.Розина, подчеркивают, что "при этом психология не только знание о человеке, но его проект («замышление», по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов – не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор. Образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни (Розин)" (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172). «С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобный другим артефактам: зданиям, произведениям искусства, машинам и т.д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает культура. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой стройке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172). «Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа "человеческих построек". Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психологическое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для про-

верки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией" (Журавлев, Ушаков, 2012, с.172 - 173).

Представляется чрезвычайно важным замечание В.М.Розина: "В эпистемологическом отношении психолог утвержден на оперативность и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических построений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В.Дильтей, а позднее М.Бахтин и С.Аверинцев" (Розин, 2010, с.101).

Согласно оценке А.Л.Журавлева и Д.В.Ушакова, подход В.М.Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы: "Очевидно, что в какой-то мере каждый человек - конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях... Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако, оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной, или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 173).

Как отмечают А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков, "с позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, но схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащих с патологией" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 174).

Авторы приходят к оптимистическому выводу, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако он не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассилировать принципы психологического конструктивизма: "Необходимо лишь определить границы применимости этих принципов и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Вопрос, который, на наш взгляд, давно заслуживает обсуждения, это вопрос о психологическом конструктивизме. Сторонники этой идеи - в сущности правильной и перспективной - обычно полагают, что принцип конструктивизма для психологии является чем-то новым. На наш взгляд, это просто заблуждение. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии - наследнице картезианского самонааблюдения - предполагалось, что самонааблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использоваться опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть **конструкт**, созданный в сознании исследователя. Поэтому ничего нового для методологически ориентированного психолога здесь нет. В других науках ситуация может быть иной, но нас волнует психология.

Понятно, что в качестве конструктов могут выступать более или менее обобщенные конструкции, более и менее целостные. И, конечно, реальные исследования по этому показателю отличаются. И именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой. Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Итак, мы можем констатировать, что в современной психологии лишь естественнонаучная и герменевтическая парадиг-

мы могут претендовать на то, чтобы называться ими по праву. По нашему мнению, разрешение конфликта между естественно-научной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического.

Проблема парадигмального диалога - это отдельная проблема достойная специального обсуждения, которое, как представляется, скоро предстоит. В порядке предположения выскажем мысль, что все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Об этом пишет А.В.Юревич: «комплексные, многополярные психологические объяснения, в которых нашлось бы место и нейронам и смыслу жизни, могли бы послужить одним из главных средств преодоления противостояния естественнонаучного и гуманитарного изучения психики» (Юревич, 2008, с.14). А.В.Юревич приходит к выводу, что «новые тенденции в развитии психологической науки дают основание предположить, что она отнюдь не обречена на извечное противостояние естественнонаучной и гуманитарной парадигм, которые при определенном взгляде на психологическую реальность, могут выглядеть не только не антагонистичными, но и, в терминах Т.Куна, вполне соизмеримыми друг с другом и друг в друге нуждающимся» (Юревич, 2008, с.14).

Для этого, на наш взгляд, необходимы внутренние преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого предмета психологии (Мазилов, 2007). Такого рода преобразования в общей психологии сделают реальными перспективы парадигмального диалога и, возможно, парадигмального синтеза.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. ХХI век: психология в век психологии // Вопросы психологии, № 1, 1999.
2. Волков И.П. Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с. 6–13.

3. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИПРАН, 2007, с. 45-73
4. Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.
5. Дильтей В. Описательная психология. С.-Пб. : Алетейя, 1996. 156 с
6. Журавлев А.Л., Корнилова Т.В., Юревич А.В. Введение // Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, с.3-9
7. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012, с.158-177
8. История психологии: период открытого кризиса: Тексты/ Под ред. П.Я.Гальперина, А.Н.Ждан. М.:МГУ, 1992. 364 с.
9. Ключко В.Е. Психосинергетика: настоящее и будущее психологии // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии». Караганда: Изд-во Кар ГУ, 2001, С. 101-110.
10. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии, Т.2, вып.1, 2007, с.5-19
11. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995.
12. Крылов В.Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. Т.19, № 3, 1998, с. 56–62.
13. Кун Т. Структура научных революций: Сб. перевод с английского. [Текст] / Т.Кун Структура научных революций. М., 2003
14. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007.
15. Мазилов В.А. Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, с.

с.57-94

16. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356
17. Мазилов В.А. Методология современной психологии: актуальные проблемы [Текст] // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 8-16.
18. Мазилов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 2, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013, с. 149-155
19. Марцинковская Т.Д. Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИПРАН, 2007, с. 33-44
20. Методология современной психологии: академический сборник научных статей / Под ред. В.Ф.Петренко, В.В.Козлова. М.: МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСА РАН, 2010
21. Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012
22. Петренко В.Ф. Психосемантика как направление конструктивизма в когнитивной психологии // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М.: Канон +, 2008, с. 435-463
23. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии, № 1, 1995, с.118-139.
24. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
25. Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999.
26. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 359-360.
27. Черняк В.С. Парадигма // Современная западная философия: Словарь. М.: Изд. полит. лит., 1991, с. 227.
28. Черняк В.С.О методе реконструкции истории науки (по поводу концепции Элен Мецжер)// Полигнозис, 2(14), 2001

29. Черняк В.С. Мецжер Элен // Новая философская энциклопедия. Т.2. М., 2010, с 562
30. Шадриков В.Д. Системогенез профессиональной деятельности. М., 1982
31. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006
32. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, №5, с.3-19
33. Юревич А.В. Психология в современном обществе // Психологический журнал, № 6, т.29, 2008, с. 5-14
34. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012, Т.33. №1
35. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Минск, 2005.
36. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-экlecticтический подход – Мн.: Бестпринт, 2000.
37. Янчук В.А. Методолого-теоретические основания интеграции психологического знания в традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал. 2005 (а). № 3, с. 3-12.
38. Янчук В.А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012, с.136-157
39. Янчук В.А. Межпарадигмальный диалог как ресурс углубления понимания психологической феноменологии: Социокультурно-интердисциплинарная диалогическая перспектива // Психологический журнал, 2012, 1-2, с.4-17
40. Kolakowski L. Positivist science. Harmondsworth, England: Penguin Books, 1972.
41. Morgan D.L. Paradigms Lost and Pragmatism Regained: Methodological Implications of Combining Qualitative and Quantitative Methods // Journal of Mixed Methods Research, 2007, V.1(1), p.48-76

4.2. ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА

Проблема предмета психологии – центральная методологическая проблема всей (в особенности новейшей) психологии, проблема, которая требует *научного исследования*, проблема, актуальность и значимость которой переоценить невозможно. Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки, делает практически неосуществимой в сколько-нибудь существенных масштабах работу по реальной интеграции научного психологического знания. Более того, даже сопоставление психологических концепций зачастую затруднено именно вследствие того, что в различных теориях имплицитно заложены существенно различающиеся трактовки психического. При отсутствии общепринятой методологии и технологии сопоставления (а сегодня дело обстоит именно так) куда проще заявить о принципиальной несопоставимости теорий, чем реально что-то осуществить. Без построения *концепции предмета* психологической науки, по нашему глубокому убеждению, такую технологию сопоставления вообще вряд ли возможно разработать.

Тем не менее, сделанное выше заявление многим (в том числе и профессиональным научным психологам – автору настоящей книги это доподлинно известно из личного общения) покажется ненужным и неуместным. Полезно рассмотреть наиболее часто встречающуюся аргументацию в пользу того, что проблема предмета надуманна и неактуальна.

Многие психологи полагают, что проблема предмета важна лишь в *дидактическом* аспекте: непосредственно с ней сталкиваются лишь авторы учебников и профессора, читающие курс общей психологии (во вводной лекции, в последующих об этом они «систематически» забывают). Причем последующие главы с главой о предмете связаны достаточно слабо: возникает устойчивое впечатление, что речь в конкретных параграфах, посвященных психическим процессам или свойствам, идет не о психике (что называлось в качестве предмета психологии в первой главе), а чем-то существенно ином. Между тем, психология находится на подъеме: число публикаций неуклонно увеличива-

ется, издается огромное количество научных журналов и монографий, в которых психологи-исследователи уверенно считают корреляции, дисперсии, осуществляют факторный и кластерный анализ и т.п., не испытывая никаких сомнений относительно психологического смысла выявленных факторов и кластеров (причем, что важно подчеркнуть, они при этом чрезвычайно редко задумываются о предмете своей науки). Как хорошо известно, ВАК РФ настаивает на том, чтобы в диссертации четко указывался как объект, так и предмет исследования, и, совершенно очевидно, что диссертанты не испытывают в этом интеллектуальном упражнении никаких проблем (заметим: вопрос о том, что такое психика, их обычно не посещает – впрочем, оно и понятно, т. к. у диссертанта много других забот). Создается впечатление, что предмет исследования определяется относительно независимо от предмета науки в целом. Отсюда обычно следует вывод: проблема предмета психологии существует в сознании психологов, склонных к философствованию. Обычных исследователей проблема предмета, если перефразировать известное выражение, «волнует, но не тревожит». Отсюда же, кстати, происходит крайне легкомысленное отношение к процедуре определения того, что выступает в качестве предмета психологии. При такого рода отношении начинает казаться, что про предмет достаточно лишь «приговаривать», а перейти от одного предмета к другому можно очень просто путем соответствующей декларации («Предметом психологии мы *сделаем* душу (или что-то другое)»). Очень хорошо, на наш взгляд, эту ситуацию описал еще в 1994 году патриарх отечественной психологии М. Г. Ярошевский: «Когда ныне рушится вся привычная система ценностей, захлестываемая грозной волной бездуховности, возвращение к душе представляется якорем спасения. Но наука, в отличие от мифологии, религии, искусства, имеет свои выстраданные веками критерии знания, которое в основе своей является детерминистским, т.е. знанием причин, знанием закономерной зависимости явлений от порождающих их факторов, доступных рациональному анализу и объективному контролю» (Ярошевский, 1994, с.96). Поэтому ошибаются те, кто полагают, что достаточно заменить «психику» на «душу» (или что-то иное), а все остальное разрешится само собой: проблема состоит в том, чтобы

обеспечить возможности «рационального анализа» и «объективного контроля» (если, конечно, мы хотим, чтобы психология оставалась наукой). А это куда сложнее, чем декларировать иное понимание предмета. Впрочем, этого вопроса нам еще придется коснуться в заключительной части настоящей главы.

Не станем здесь развивать аргументацию в пользу сделанного в самом начале главы заявления: наиболее существенные моменты там приведены. Заметим лишь следующее.

История психологии – история поисков предмета психологии. Известный методолог и историк психологии М. Г. Ярошевский цитировал автора статьи в «Британской энциклопедии»: «Бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» (Ярошевский, 1996, с.5). В этой шутке «есть доля шутки» – психологии свойственно драматизировать ситуацию, т. к. внутренний мир человека значительно богаче «одномерных» психологических теорий, что неизбежно «бросается в глаза» и вызывает тревогу у исследователей психического. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. (Не будем здесь на этом останавливаться, см. по этому поводу специальную статью: *Мазилов, 1998*).

Вспомним другой эпизод из истории психологической науки: невеселые дни печально известной Сессии двух академий в 1950 году, и записка в президиум из зала, подписанная «группой психологов, потерявших предмет своей науки». Из этих анекдотов (в старом значении этого слова), можно сделать достаточно серьезный (и значимый для темы нашего доклада) вывод: когда теряют предмет, становится совершенно ясно, что он есть. По нашему глубокому убеждению, необходима разработка концепции предмета.

Проблема предмета психологии: множественность подходов

Итак, повторим: проблема предмета психологии суще-

ствует, это (на наш взгляд) важнейшая методологическая проблема, которая и сложна, и запутанна.

Сложность «объективна», т. к. это сложность самого объекта науки. Вероятно, психика («психе») это самое сложное из того, что должен постичь человек (и, как нам представляется, в очень значительной степени еще только предстоит постичь).

Запутанность, напротив, проистекает из причин «субъективных». Существует множество контекстов, в которых разными субъектами познания употребляется термин предмет психологии. Он используется в разных случаях с разными целями, что порождает множество пониманий и трактовок. Нежелание психологического сообщества как-то упорядочить и разобраться с этими вопросами только усугубляет серьезность проблемы.

Запутанность, кстати, начинается с того, что предмет науки и ее объект тесно «связаны»: напомним, что сам предмет определяется через объект (лат. *Objectum* – «предо мной»). Тем не менее в ряде языков (в том числе, к примеру, в русском или в немецком) возможность развести предмет и объект существует. Насколько можно судить, понятие «предмет» (разумеется, в интересующем нас гносеологическом смысле) было введено австрийским философом Р. Амезедером в 1904 году) для того, чтобы обозначить некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Амезедер разграничивал предмет и объект: единую теорию объекта можно создать путем сложения предметных срезов (Баронене, 2002).

В отечественной методологии науки сложилось разграничение предмета и объекта науки: объект науки – это часть, объективно существующий фрагмент действительности, предмет – это объект, интерпретированный в понятиях той или иной науки. Это разграничение (при всей его условности) представляется полезным для психологии: отсюда, в частности, следует, что человеческая психика является (или может являться) объектом многих наук (психология не обладает монополией на исследование психики), но каждая из наук выделяет в психике свой предмет, соотносимый с системой поня-

тий этой науки. Для психологии это оборачивается парадоксом: фактически, чтобы выделить предмет психологии (а это чаще всего так или иначе трактуемая психика) в объекте психики, его прежде нужно задать. (Мы полагаем, вслед за Юнгом, что психология еще не в полной мере осознала этот парадокс: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» (Юнг, 1994, С. 12-13). Здесь лишь заметим, что психика может исследоваться разными науками, поэтому при организации комплексного междисциплинарного исследования важно учитывать различия в трактовке предмета (этому важнейшему методологическому вопросу современной психологии мы планируем посвятить специальную работу).

Но обратимся собственно к предмету психологической науки, который является темой этой главы.

Прежде всего, отметим, что предметов может быть много. Понимания (трактовки) предмета различаются в зависимости от того, с какими целями выделяется предмет науки. Не претендуя на полноту, выделим несколько целей, в соответствии с которыми может задаваться трактовка предмета психологии.

Предмет задается, чтобы конституировать психологию как науку. Примером может послужить физиологическая психология Вундта как наука о непосредственном опыте. Вундт вводит понятие непосредственного опыта в качестве предмета психологии для того, чтобы провозгласить психологию самостоятельной наукой, отличной от философии.

Предмет задается, чтобы определить область исследований. Это наиболее часто встречающийся случай. Когда в качестве предмета психологии полагают, к примеру, сознание или поведение, используют понятие предмет для того, чтобы указать область исследования.

Дифференциация предмета с целью уточнения исследовательских позиций (и достижения необходимых идеалов

научности). Так, например, Ф. Брентано выделяет в сознании в качестве предмета исследования акты сознания (противопоставляя их содержанию, которое, по его мнению, предметом психологии не является), а Э. Титченер из сознания в качестве предмета психологии оставляет лишь психические процессы, элиминируя предметность, которую он квалифицирует как ошибку стимула.

Предмет науки выступает как средство определяивания проблемы. В качестве примера можно привести И. П. Павлова, увидевшего в условном рефлексе все богатство душевной жизни, или М. Вергеймера, который в стробоскопическом эффекте («фи»-феномене) усмотрел реальность существования феноменального поля.

В данной работе мы не ставили задачи перечислить все возможные варианты: это должно быть темой специального исследования⁶.

Другим моментом, осложняющим рассмотрение проблемы предмета психологии, является принципиальная множественность подходов к анализу предмета психологии. На этом стоит остановиться более подробно. Не ставя задачи дать исчерпывающее перечисление, укажем, что возможны различные подходы к анализу предмета психологии.

Возможен теоретический анализ предмета. На наш взгляд, это одна из основных задач методологии психологической науки. Одним из первых в новейшей истории отечественной психологии на необходимость такого анализа указал И. П. Волков (Волков, 1996). По нашему мнению, теоретический анализ предмета психологии должен дать ответ на вопрос, какие функции предмета психологии в современной науке, какими должны быть основные характеристики и параметры предмета психологии. Отметим, что этот подход к анализу предмета при всей его актуальности разработан в наименьшей степени. Попытка такого анализа была предпринята нами ранее в ряде работ (Мазилов В. А., 1998, 2001), и ниже (в рамках

⁶ Для нас важно показать здесь, что цели, с которыми вводится *предмет психологии*, могут существенно различаться. Но это не единственное обстоятельство, затрудняющее рассмотрение проблемы предмета психологии.

настоящей работы) мы остановимся на перспективах этого подхода более подробно.

Возможен содержательный анализ предмета психологии. Это наиболее распространенный и наиболее разработанный подход. Каждое оригинальное направление в психологии создает свое понимание предмета (что включается в предмет и как он рассматривается). В истории психологии (с легкой руки Брентано⁷) это определяется выражением «с точки зрения»: «с эмпирической точки зрения», с «точки зрения бихевиориста» и т. д.

Возможен анализ с точки зрения философии науки, когда психологические вопросы определения объекта и предмета трактуются исходя из общенаучного подхода. Примером может служить анализ, осуществленный известным методологом науки Э. Г. Юдина (Юдин Э. Г., 1978, Зинченко В. П., Смирнов С. Д., 1983).

Возможен сравнительно-исторический подход к анализу предмета психологии. Это ретроспективный анализ, который направлен на то, чтобы зафиксировать изменения в понимании и трактовках предмета психологической науки на разных этапах ее развития). Этот подход широко представлен в историко-психологической литературе (см. например, Ярошевский М. Г., 1985, Ждан А. Н., 1997 и др.).

В данной работе, повторим, мы не ставим задачи рассмотреть все возможные подходы к анализу предмета психологии. Несомненно, что, обсуждая проблему предмета психологической науки, стоит учитывать многообразие подходов.

Кроме того, хорошо известно, что могут существовать различные способы задания предмета. И. Н. Карицкий выделяет следующие способы экспликации предмета психологии: декларативный; постулирующий; дидактический; описательный; как совокупности предметов исследования и т. п. (см. статью Карицкий, 2004).

Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В. И. Гинецинским. «Для любой отрасли

⁷ См. книгу Брентано «Психология с эмпирической точки зрения» (Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.)

знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т.е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» (Гинецинский, 1994, с. 61). Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем является собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения. В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» (Гинецинский, 1994, с. 61)

Не станем здесь сопоставлять различные способы задания предмета⁸. Для нас важно подчеркнуть, что и сами процедуры задания предмета могут быть существенно различны.

Вывод, который следует из вышеизложенного: современная методология психологической науки пока не уделяет необходимого внимания анализу предмета психологии. Практически отсутствует теоретический анализ (поэтому, в частности, вместо классификаций мы вынуждены довольствоваться

⁸ Хотя нельзя не заметить, что пространственная модель предметной области (при очевидных достоинствах) таит немалые опасности, т.к. при этом обычно упускается уровневый аспект. Как мы увидим в дальнейшем, уровневый подход к рассмотрению предмета важен и перспективен.

перечислениями, которые не являются исчерпывающими).

В следующем разделе мы кратко остановимся на причинах такого положения вещей и предложим для обсуждения некоторые предварительные результаты проведенного нами анализа.

Предмет психологии: попытка теоретического анализа

Как уже упоминалось, одним из первых на необходимость теоретического анализа предмета психологии указал И. П. Волков (1996). Возникает вопрос, почему в психологии (как в отечественной, так и в зарубежной) практически отсутствуют работы по теоретическому исследованию предмета? Для того чтобы понять, почему так произошло, потребовался бы пространный историко-философский и историко-психологический экскурс. К сожалению, в рамках настоящей работы это невозможно, поэтому придется ограничиться несколькими краткими соображениями.

Как известно, до середины позапрошлого века психология развивалась в недрах философии. Предметом психологии (точнее, философской психологии) была душа. Основными методами исследования (подчеркнем, что речь не идет ни об опытном, ни о научном исследовании) были философское рассуждение и интерпретация. Материал для метода интерпретации давали тексты авторитетных источников и результаты житейских наблюдений (в разные периоды в различных масштабах) и самонаблюдений. Последнее необходимо отличать от интроспекции: интроспекцией не являлись не только самонаблюдение и самоанализ Св. Августина, но и картезианская интуиция. «Картезианская интуиция – это не интроспекция XIX века. И, тем не менее, последняя – ее незаконнорожденная дочь, так как Декарт вводит дуализм человека, дуализм души и тела. Если шишковидная железа и осуществляет их соединение, то она не создает в человеке столь плодотворного единства, как единство формы и материи у Аристотеля, который не мог себе представить ни форму без материи, ни, следовательно, бессмертия душ. Этот дуализм, дуализм духа и тела, способствовал в первое время ряду успехов, благоприятствовавших осознанию специфики психологических проблем, хотя позднее он неминуемо завел в тупик.» (Фресс,

1966, с. 17–18). Для нашей темы важно, что к первой трети XIX века рассуждения о душе рассматривались как явно метафизические. Как известно, «отец позитивизма» О.Конт отказался включить психологию в свою классификацию наук именно на этом основании. Поэтому программы построения психологии как самостоятельной науки предполагали в первую очередь конструирование нового предмета (непосредственный опыт, акты сознания и т. д.). Итак, влияние позитивизма проявилось в том, что психология попыталась стать эмпирической наукой. Чтобы избавиться от наследия «метафизики» психология отказалась от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией. В течение многих лет предпринимались попытки построения психологии «без всякой метафизики», «как строгой науки» и т. д. И всякий раз оказывалось, что исходные (пусть имплицитные) представления о психе неистребимы...

Важно констатировать, что в сознании исследователей самых разных направлений и ориентаций сформировалось устойчивое представление, что предмет *простой*. То есть *психика это нечто изначально простое* (в том смысле, что дальнейшие расчленения будут осуществляться при эмпирическом исследовании предмета). Иными словами предмет психологии – психе – подвергся обработке «бритвой Оккама». «*Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora*» – «Бесполезно делать посредством многоного то, что может быть сделано посредством меньшего». Процитированный «принцип бережливости» Уильяма Оккама помимо «значительной прогрессивной роли» в борьбе с «субстанциональными формами», «скрытыми качествами» и т. д. сыграл злую шутку с психологией, поскольку послужил основанием для различных вариантов редукционизма. Повторим, редукционизм возможен тогда, когда подвергаемое редукции простое по своей природе. Если психология эмпирическая наука, то, очевидно, структура и функции предмета должны обнаруживаться, выявляться, исследоваться эмпирически (например, интроспективно). Нежелание быть обвиненным в метафизике, стремление превра-

тить психологию в опытную науку (желательно по образцу естественных наук), сделали психологию редукционистской наукой. Не желающие мириться с принципиальным «сведением» (редукцией) психе были объявлены раскалывающими психологию на две (В. Вундт, В. Дильтей и др.).

Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это абсолютно правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность? Вопросы, разумеется риторические.

По нашему мнению, необходимы в первую очередь теоретические исследования предмета, разработка концепции предмета. Не стоит забывать, что психика в некотором отношении напоминает зеркало (каждый видит в нем свое отражение). Действительно, организовав эмпирическое исследование определенным образом (как структурное, как процессуальное и т. д.), мы гарантированно получаем соответствующее описание⁹. Удивительно, что искушение придать ему «онтологический» характер часто оказывается непреодолимым. Л. С. Выготский в своем «Историческом смысле...» очень мудро заметил, что «все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира». Настала пора интуитивные соображения заменить продуктами теоретического анализа.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление *функций*, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные *характеристики*.

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. *Конституирование* науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным

⁹ См. об этом : Мазилов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.

существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других (см об этом Мазилов, 1998).

2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет *внутрипредметных* соотнесений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «*операционного стола*» (М.Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. *Дидактическая* функция, связанная с построением содержания учебных предметов (Подробно об этом см. Гинцинский, 1994).

Назовем основные (по нашему мнению) характеристики предмета¹⁰.

1. Предмет должен существовать *реально*, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития*, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического

¹⁰ Подробно см. об этом: Мазилов В. А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.

на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психологическое лишается собственных законов: на психологическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («psychologica-psychological») по прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психологическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Предмет психологии: воспоминание о будущем

Возможна ли такая трактовка психического, о которой речь шла в предыдущем разделе? Мы полагаем, что возможна.

Во всяком случае в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию (столь необходимому для сегодняшней науки). Правда, для того, чтобы их «заметить» необходимо: 1) критически отнестись к старому пониманию; 2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить.

Одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета (как уже указывалось выше) является подход, сформулированный в аналитической психологии К. Г. Юнга¹¹. Прежде всего должна быть отмечена попытка Юнга вернуть в науку психологическое как реальность. «Чтобы правильно

¹¹ Подчеркнем, что речь вовсе не идет о том, чтобы повернуть развитие психологии вспять: это невозможно, да и не нужно. Наша цель совершенно иная – продемонстрировать, что возможно строить психологию на другой основе (в первую очередь на основе другой трактовки предмета психологии). Принесем извинения читателю за обилие цитат из работ Юнга, но нам было важно показать авторскую позицию как можно точнее.

понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» (Якоби, 1996, с. 388).

Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги И. Якоби (1996) на русский язык интерпретирует юнговский термин Psyche (психе, психика) как психическую субстанцию. Речь у Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. «Что касается Юнга, то для него психическая субстанция (психика – В. М.) так же реальна, как и тело. Будучи неосозаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция – это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» (Якоби, 1996, с. 388).

К. Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: «... я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» (Юнг, 1995, с. 91). «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» (Jung, 1968, р.8). Психология обретает свой собственный предмет (психика для Юнга не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплifikативный метод Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как «целокупности всех психических процессов, сознательных и бессознательных», Юнг намере-

вался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» (Сэмьюэлз, Шортер, Плот, 1994, с. 116). Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрандеровского «psychologica – psycholo-gical» – требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика «феномен, а не произвол». «Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса» (Юнг, 1995, с. 100–101). «Сама психика преэкзистентна и трансцендентна по отношении к сознанию» (Юнг, 1995, с. 101). Трудно переоценить значение отказа от понимания психического как механизма, состоящего и постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу (психе – В. М.) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текущую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой...» (Юнг, 1997, с. 33–34).

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления и т. д.), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т.е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии – оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не

требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» (Юнг, 1995, с. 102). Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория – это мир.

Наши опыты – это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые – наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» (Юнг, 1995, с.102). Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»:

- 1) психическое – далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т.д.;
- 2) психическое – чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;
- 3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;
- 4) источник движения психики в самой психике – она сложна – поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического;
- 5) можно говорить о психической энергии;
- 6) психическое представляет собой целостность;
- 7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);
- 8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т.д.);
- 9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;
- 10) в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае достигается единство теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» трактовке предмета. «Наше намерение – наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно – я искренне на это надеюсь – окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение – как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью...» (Юнг, 1995, с. 102).

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии, а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» (Юнг, 1996, с. 387).

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К. Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию, в частности, концепцию предмета психологической науки (да и пытаться создавать собственно теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно).

Предмет психологии: ближайшие перспективы

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений. Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж.

Пиаже (*Пиаже*, 1966). Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия, прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (*Пиаже*, 1966, с. 190). Ж. Пиаже продолжает: «... понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не «подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели [...] применимы к структурам сознания, именно потому, что они могут абстрагироваться оттого, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно оттого, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (*Пиаже*, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов,

действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил все-го своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным по крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее, дополняют друг друга» (Пиаже, 1966, с. 189). Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* - не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (Пиаже, 1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание - лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого пси-

тика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («органистически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь предполагается, что предмет «внутренне простой!»). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К. Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica – psychological*» (объяснить психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет.

Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только конкретные исследования, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но разработка собственно концепции предмета.

Напомним, что проблема предмета имеет еще одну сложность. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии развоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была *психика (психе)*. Назовем это *декларируемым* предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на *декларируемый* («психе»), *рационализированный* и *реальный*. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, транс-

пер-сональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» для естественно-научно-ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное – деятельность/поведение»).

Нам уже приходилось писать, что беспристрастный анализ может выявить удивительную картину¹². К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие – «целостное *отражение* предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...» (*Психология...*, 1990, с. 66)). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле *реальный* предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только *предмет науки*. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с *предметом исследования*. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки (*Мазилов, 2003*).

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как *только отражения*¹³ не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодоли-

¹² См. Мазилов В. А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1. Ярославль, 2003.

¹³ Чтобы быть правильно понятыми, специально подчеркнем: речь идет именно о предмете психологии. Важность категории «отражение» и ее научного (в том числе и методологического) анализа несомненны (см. например, глубокие исследования С. Д. Смирнова (1985) и др.).

мые трудности в развитии психологии. Необходимо новое *широкое понимание предмета*, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях. По нашему мнению, создать такое понимание можно на основе концепции предмета психологии, что мы считаем наиболее важной задачей методологии психологической науки на современном этапе ее развития.

Карл Юнг, один из выдающихся психологов XX столетия, утверждал, что «психе» столь сложна и многообразна, что невозможно приблизиться к ее постижению с позиции психологии инстинкта. В другом месте он писал о тайне человеческой души. Но постижению тайны мешают не только объективные сложности, но и предрассудки. Предоставим слово Юнгу: «История психологии вплоть до XVII века сводится, по сути, к перечню доктрин, так или иначе касающихся души, однако для самой души как объекта исследования в них места так и не нашлось. Каждый мыслитель, казалось, обладал всей полнотой знания о ней как непосредственной данности нашего опыта и посему был убежден в ненужности любого дальнейшего, тем более объективного опыта. Такая позиция совершенно чужда современным умонастроениям, поскольку сегодня мы все полагаем, что для обоснования положения, претендующего на научность, помимо и превыше какой бы то ни было субъективной достоверности, необходим объективный опыт. Несмотря на это, даже сегодня по-прежнему сложно последовательно проводить чисто эмпирический или феноменологический подход в психологии, потому что изначальное наивное представление о том, что душа, будучи непосредственно данной нам в опыте, есть нечто наиболее познанное из всего познаваемого, остается одним из наших наиболее глубоко укорененных убеждений. Такого мнения придерживается не только каждый профан, но и каждый психолог – причем не только применительно к субъекту, но и, что гораздо существеннее, применительно к объекту» (Юнг, 2002, с. 9). Для того, чтобы приблизиться к постижению тайны, необходимо разработать концепцию предмета психологии: путь к Душе, если перефразировать высказывание М. Г. Ярошевского, приведенное в начале этой главы, все же лежит через рациональный анализ.

Библиографический список

1. Баронене С. Г. Особенности объекта и исследовательской позиции в гуманитарном исследовании // Гуманитарное исследование в образовании: опыт, размышления, проблемы. Томск, 2002, с. 232–244.
2. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. М.: Изд. Корпорация Логос, 1994
3. Ждан А. Н. История психологии. М.: МГУ, 1990. 367 с.
4. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 164 с.
5. Карицкий И. Н. Методологические основания определения предмета психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2. Ярославль, 2004.
6. Мазилов В. А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003
7. Мазилов В. А. Психология на пороге XXI века. Ярославль, 2001.
8. Мазилов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
9. Мазилов В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5 / Отв. ред. А. В. Карпов, В. А. Мазилов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998, с. 49–54.
10. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.
11. Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1 и 2. М., 1966.
12. Психология: словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. Изд. второе. М.: Изд. полит. лит., 1990. 496 с.
13. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985. 232 с.
14. Сэмьюэлз Э., Шортэр Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994. 184 с.
15. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Фресс П.

16. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.
17. Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 136 с.
18. Юнг К. Г. О природе психе. М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 2002
19. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. 332 с.
20. Юнг К. Г. Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997. 400 с.
21. Юнг К. Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. 560 с.
22. Юнг К. Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. 336 с.
23. Якоби И. Психологическое учение К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996, с. 385–534.
24. Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985. 575 с.
25. Ярошевский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 380 с.
26. Ярошевский М. Г. Новаторство И. М. Сеченова: историческая реальность или «сталинская фикция» // Вопросы психологии, №6, 1994, с. 87–98
27. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkte. Bd. 1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.)
28. Jung C. G. Collected Works. v. 8. N.Y.; L., 1968.

4.3. ПРОБЛЕМА МЕТОДА

Среди методологических проблем психологической науки проблема метода занимает особое место. Можно сказать, что метод занимает в структуре науки центральное место, т.к. именно метод ассоциируется в сознании исследователей с собственно научностью.¹⁴ Подчеркнем, что утверждая центральное положение

¹⁴ Приведем лишь несколько высказываний, характеризующих роль метода в науке. «Сущность науки, ее целостность и единство (дух науки) определяется Научным Методом» (С.В.Илларионов, 1999, с.26). «Научный метод – единственное, что позволяет понять задачи науки.... Лишь в начале XVII века возник научный метод познания и на нем, как на прочном фундаменте, основыvается с тех пор наука. Научный метод – это тот компас, который позволит из

ние проблемы метода, мы имеем в виду не столько ее значение (все методологические проблемы важны в равной степени, т.к. представляют собой попытки исследования необходимых составляющих единого целого – аппарата психологической науки: бессмысленно пытаться определить, что важнее – предмет, метод или объяснение, т.к. без того или иного компонента перестанет существовать само целое), сколько ее реальное *место*. Акцентирование важности того или иного вопроса зависит от исследовательских целей, от того, на какую область методологии направлено внимание исследователя в данный момент. Определяя проблему метода как центральную, мы хотели бы подчеркнуть, что метод представляет собой *обязательную* часть методологии психологической науки в любых ее трактовках (как бы ни понималась методология, как бы ни осуществлялась редукция методологии, учение о методах остается центральным разделом методологии психологии). Поэтому проблема метода психологии особенно значима: это проблема, с которой реально имеют дело все методологически мыслящие психологи.

Подчеркнем, что речь идет именно о проблеме метода «в единственном числе» (а не о конкретных методах, использующихся в психологической науке). Нисколько не умаляя важность исследований, посвященных разработке теории наблюдения, эксперимента или квазикэксперимента, мы полагаем, что в настоящее время наиболее актуальны вопросы, касающиеся принципиальных возможностей познания психического, что традиционно обозначается в психологии как *проблема метода*¹⁵.

тысячи путей выбрать единственную тропинку, ведущую к истине» (А. Б. Мигдал, Е. В. Нетесова, 1984, с.84). Список такого рода высказываний о роли метода в науке легко продолжить. Заметим, что, присоединяясь к высокой оценке роли научного метода, мы полагаем, что его роль нельзя абсолютизировать. Метод играет важную роль в «машине науки», но роль остальных составляющих (предмета науки, теории, объяснения и т. д.) также велика, поэтому важно выявить реальные взаимоотношения между методом и другими компонентами научного аппарата.

¹⁵ С. Л. Рубинштейн по этому поводу в «Основах общей психологии» отмечал, что “характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т.е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик.

Отметим, что проблема метода в психологии многоаспектна. Комплексный анализ проблемы метода психологии представляет собой важнейшую научную задачу, требующую объема публикации намного превышающую рамки настоящей главы. Выделим наиболее значимые, на наш взгляд, аспекты интересующей нас проблемы метода психологии:

1. Классификация методов психологической науки.
2. Проблема структуры научного метода в психологии.
3. Проблема теоретических методов в психологии.
4. Роль и место методов (эмпирических и теоретических) в структуре психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности).
5. Становление психологического метода и его эволюция.
6. Специфика психологического метода в различных психологических парадигмах (естественнонаучной, герменевтической, синергетической, психопрактической).
7. Проблема метода в психологической практике.
8. Взаимосвязь эмпирических и теоретических методов в психологии.
9. Методологическое осмысление гносеологических возможностей техник и методов, вызывающих у субъекта измененные состояния сознания.
10. Общенаучные методы и специфика методов психологии.
11. Специфика методов построения и обоснования

Под методом науки – в единственном числе – можно разуметь систему ее методов в их единстве. Основные методы науки – не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую – рациональной, характеризуя, таким образом, предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией» (С. Л. Рубинштейн, 1946, с. 27).

научных теорий в области психологии.

12. Специфика эмпирических и теоретических методов психологии в условиях использования компьютерных технологий.

13. Специфика методов объяснения и интерпретации в психологии.

14. Методы интеграции психологического знания.

Разумеется, приведенный выше список не является полным. Это те аспекты, которые представляются наиболее актуальными на сегодняшний день. Они изучены в современной психологической науке в разной степени, по некоторым вопросам проведены интересные исследования и получены значимые результаты, но в настоящее время, как нам представляется, требуется осуществление дополнительных разработок в первую очередь по этим направлениям. В настоящей главе мы коснемся некоторых из вышеперечисленных вопросов с той или иной степенью подробности.

ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО МЕТОДА: ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Проблема метода науки в нашей стране традиционно исследовалась философами. В связи с переменами, произошедшими в последние десятилетия (в первую очередь, с фактической утратой марксистско-ленинской философией статуса общей методологии), количество философских исследований по проблеме метода резко сократилось. Одной из наиболее интересных и глубоких философских работ по проблеме научного метода, опубликованных в последнее время, является работа Ю. В. Сачкова (*Сачков, 2003*). Остановимся на ней более подробно.

Ю. В. Сачков отмечает, что именно естествознание породило научный метод, выявило основные его компоненты, положило начало его дальнейшему развитию и обогащению. «Система знаний, система наук не хаотична, она носит достаточно упорядоченный характер, соответственно чему содержит существенную иерархическую компоненту, и в ее фундаменте лежит естествознание. Отсюда можно сказать, что именно естествознание лежит на острие разработки научного метода» (*Сачков, 2003, с. 8*). Ю. В. Сачков выделяет особенности научного метода: «Говоря о научном методе, необходимо иметь в виду его важнейшие особенности. В ходе развития науки разрабатываются и действуют множество разнообразных методов, но все они основываются на ряде общих принципиальных положений, что и позволяет говорить о научном методе в целом. Следует принципиально отметить единство научного метода, т.е. что его базовые положения справедливы как для наук о природе, так и для наук об организации и эволюции общества. Соответственно, научный метод необходимо рассматривать в его развитии от простейших форм до наиболее развитых современных форм, что далеко не всегда учитывается. Метод не есть нечто застывшее, одинаково характеризующее возможности решения различных исследовательских задач: его следует рассматривать в постоянном движении, становлении и обогащении, что происходит в процессе познания все новых и новых областей действительности» (*Сачков, 2003, с. 157*). Автор подчеркивает, что возможности анализа различных проблем далеко не одинаковы. Во многих случаях наука вынуждена ограничиваться лишь простым описа-

нием внешних проявлений в функционировании и поведении объектов и систем. Важным представляются следующий вывод Ю. В. Сачкова: «...научный метод можно представить как взаимодействие и взаимодополнение эмпирического и теоретического начал познания. В ходе развития познания каждое из этих начал развивается и обогащается. Эмпирическое, опытное начало познания представляет наиболее действенное чувственное анализирование действительности. Его развитие началось с анализа простейших, «беднейших» наблюдений. Далее в его структуру были включены процедуры измерений, а также конструирование и применение исследовательских приборов» (Сачков, 2003, с. 157). «Теоретическое знание включает в себя объяснение опытных данных и представлено прежде всего понятиями, законами науки, научными теориями и соответствующими «интеллектуальными» моделями. Оно берет начало с простых словесных описаний (моделей) действительности. В ходе становления естествознания в его структуру была включена математика, которая и ныне выступает как важнейший язык науки» (Сачков, 2003, с. 158).

Ю. В. Сачков подчеркивает, что «преобразования в научном методе ведут к научным революциям, в ходе которых преобразуется научная картина мира, стиль научного мышления и базовые модели бытия и его познания. Говоря о развитии научного метода, необходимо также иметь в виду, что как эмпирическое, так и теоретическое начала познания обладают известной автономностью, т.е. имеют определенные основания для своего независимого развития, но это развитие закрепляется в процессах взаимодействия этих начал» (Сачков, 2003, с. 158).

В работе Ю. В. Сачкова, на которую мы неоднократно ссылались, содержатся интересные данные, касающиеся структуры метода современной науки, особенностей метода, связанных с исследованием сложных, нелинейных структур. К сожалению, автор ограничивается (как и подавляющее большинство философов науки) анализом естественнонаучного познания (главным образом на материале физики)¹⁶. Поэтому необходимы

¹⁶ Лишь в последней главе Ю. В. Сачков касается вопросов познания социальных явлений. Поэтому вопрос о том, в какой степени возможен перенос сформулированных автором положений на область психологических иссле-

специальные психологические исследования структуры методов, используемых в психологической науке, т.к. положение о «принципиальном» единстве метода нуждается в специальных доказательствах. Особенно в свете известного положения об уникальности предмета психологии.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИИ

Важной представляется проблема классификации методов психологии, поскольку решение этого вопроса позволяет дать общую картину арсенала психологических методов. Традиционно психологи ограничивались либо перечислением методов, либо рассматривали оппозиции (субъективный – объективный, непосредственный - опосредствованный и т.п.). Важный вклад в разработку этой проблемы внес Б. Г. Ананьев. Проанализировав классификацию методов психологического исследования, разработанную болгарским ученым Г. Д. Пирьовым, Б. Г. Ананьев предложил свою классификацию. Согласно Г. Д. Пирьову, могут быть выделены следующие методы психологического исследования: 1) наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение, 2) эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический, 3) метод моделирования, 4) метод психологических характеристик, 5) вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т. д.), 6) специальные методические подходы (Пирьев, 1968). Как отмечал Б. Г. Ананьев, классификация Г. Д. Пирьова «во многом соответствует современному состоянию научного аппарата современной психологии» (Ананьев, 1996, с. 296). Вместе с тем, она имеет очевидные недостатки, что побудило Б. Г. Ананьева к разработке собственной классификации методов психологического исследования. По Б. Г. Ананьеву, «необходима такая рабочая квалификация методов исследования, которая соответствовала бы порядку операций в научном исследовании, определенному целостному циклу современного психологического исследования. Планирование и программирование исследования не ограничиваются определением проблемы и реализацией ее совокупности тем. Планируются и программируются система методов и порядок их применения, связанные с гипотезами и концепциями ис-

дований остается открытым.

следования, основанными на критическом анализе истории и состояния вопроса, обобщении итогов предшествующего исследования» (Ананьев, 1996, с. 301).

Б. Г. Ананьевым выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят обсервационные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов). Классификация Б. Г. Ананьева позволила представить систему методов, отвечающую требованиям современной психологии. Отметим, что предложенная классификация стимулировала исследования по данной проблеме, что привело впоследствии к появлению альтернативных классификаций психологических методов. Классификация Б. Г. Ананьева предполагает определенное отношение теории и метода. В классификации не выделяются и не упоминаются вообще собственно теоретические методы. Теория, согласно классификации, выступает одним из конечных результатов исследования. Характеризуя организационные методы, Б. Г. Ананьев отмечает: «Они действуют на протяжении всего исследования, и их эффективность определяется по конечным результатам исследования (теоретическим – в виде известных концепций, практическим в виде определенных рекомендаций...)» (Ананьев, 1996, с. 301–302). Может создаться впечатление, что концепция Б. Г. Ананьева вообще не предполагает выделения теоретических методов в психологии. Некоторые основания для этого есть: в приведенной классификации выделение теоретических методов не предусмотрено. Однако в другом месте Б. Г. Ананьев отмечает, что «диалектика перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике обеспечивает взаимосвязь эмпирических и рациональных методов исследования, сочетание различных модификаций обоих видов средств научного познания и прогрессирующее их проникновение в глубинные процессы и механизмы. В отношении рациональных (логических) методов исследования возникли новые возможности их усиления в связи с эвристикой и перспективами научного про-

гнозирования» (Ананьев, 1996, с. 290–291).

Чрезвычайно важным является сформулированное Б. Г. Ананьевым положение, согласно которому методы являются не только инструментом познания, но и представляют «гносеологические объекты» для психологии: методы «функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки» (Ананьев, 1996, с. 282). Иными словами, необходимы психологические исследования самих методов, их структуры, возможностей и т. д.

Таким образом, ананьевские работы не только раскрывают новую методологию психологического исследования, но и имеют эвристическое значение, стимулируют дальнейшие исследования по проблеме методов. Характеризуя интерпретационные методы, Б. Г. Ананьев делает важное замечание: «В сущности говоря, на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определяет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания» (Ананьев, 1976, с. 31). Связь метода и теории в психологической концепции Б. Г. Ананьева, таким образом, не подлежит сомнению.

Классификация методов альтернативная ананьевской была предложена в конце восьмидесятых М. С. Роговиным и Г. В. Залевским (Роговин, Залевский, 1988). Авторы рассматривают метод «как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» (Роговин, Залевский, 1988, с. 72). Общее число методов, согласно М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый – самонаблюдение. На основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние.

Пятый – клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (Роговин, Залевский, 1988, с. 72–73). Отметим, что классификация М. С. Роговина и Г. В. Залевского так же, как и предложенная Б. Г. Ананьевым, не предусматривает выделения теоретических методов. В плане интересующей нас проблемы данная работа М. С. Роговина и Г. В. Залевского выделяется тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось, а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии «теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования» (Роговин, Залевский, 1988, с. 16). М. С. Роговин и Г. В. Залевский подчеркивают, что «сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода» (Роговин, Залевский, 1988, с. 16). Отметим, что в представленной классификации отсутствуют собственно теоретические методы.

Другая альтернативная ананьевской классификация методов предложена В. Н. Дружининым. В. Н. Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) эмпирических, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) теоретических, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методов интерпретации и описания, при которых субъект «внешне» взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особенного внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматического и гипотетико-дедуктивного), иначе – восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкрет-

ному; 2) индуктивного – обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования – конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго – индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего – модели объекта, процесса, состояния (Дружинин, 1993). От теоретических методов В. Н. Дружинин предлагает отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. «Умозрительный психолог, как философ, порождает приемлемые с личной точки зрения модели психической реальности, либо ее отдельных составляющих (теории личности, общения, мышления, творчества, восприятия и т. д.) Продуктом умозрения является учение, то есть некоторый целостный мыслительный продукт, объединяющий в себе черты рационального и иррационального знания, претендующий на полноту и единственность объяснения некоторой реальности и не предусматривающий своей фальсификации (опровержения) при эмпирическом исследовании» (Дружинин, 1993, с. 9). По мнению В.Н. Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. «В первом случае исследователь хочет выявить структуру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) – другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведений позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественно-научном психологическом исследовании. В другом случае, по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр.» (Дружинин, 1993, с. 9).

Важным представляется описание иерархии исследова-

тельских приемов. В. Н. Дружинин предлагает выделять в этой иерархии пять уровней: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода (Дружинин, 1993). В. Н. Дружининым предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу автором берется система «субъект–инструмент–объект». В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из этих оснований (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно – производным. Согласно В. Н. Дружинину, все методы делятся на деятельностные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделены восемь «чистых» исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью). Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самообследование, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение.

Представляется чрезвычайно важным выделение группы теоретических методов психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что рассмотренные классификации оставляют открытым ряд важных вопросов. Не подлежит сомнению, что теоретические методы психологии нуждаются в более конкретной характеристике. История психологии убедительно свидетельствует о том, что теоретическая работа в психологии имеет свою специфику. Между тем она до сих пор не проанализирована должным образом. Не вполне понятно, как соотносятся эмпирические и теоретические методы в проведении психологического исследования. Эти вопросы (так же, как и некоторые другие) до сих пор

не получили однозначного ответа, что ставит на повестку дня проведение специальных методологических исследований.

Представляется, что в настоящее время наиболее разработанной остается классификация Б. Г. Ананьева. Целесообразно использовать ее, учитывая дополнения и корректизы, внесенные В. В. Никандровым:

I. Организационные методы (подходы):

- 1) сравнительный;
- 2) лонгитюдный;
- 3) комплексный.

II. Эмпирические методы:

1) обсервационные (наблюдение):

а) объективное наблюдение;

б) самонаблюдение (интроспекция);

2) вербально-коммуникативные методы:

а) беседа;

б) опрос (интервью и анкетирование);

3) экспериментальные методы:

а) лабораторный эксперимент;

б) естественный эксперимент;

в) формирующий эксперимент;

4) психодиагностические методы:

а) психодиагностические тесты;

б) психосемантические методы;

в) психомоторные методы;

г) методы социально-психологической диагностики личности;

5) психотерапевтические методы;

6) методы изучения продуктов деятельности:

а) метод реконструкции;

б) метод изучения документов (архивный метод);

в) графология;

7) биографические методы;

8) психофизиологические методы:

а) методы изучения работы вегетативной нервной системы;

б) методы изучения работы соматической нервной системы;

- в) методы изучения работы центральной нервной системы;
- 9) праксиметрические методы:
 - а) общие методы исследования отдельных движений и действий;
 - б) специальные методы исследования трудовых операций и деятельности;
- 10) моделирование:
 - а) моделирование психики;
 - б) психологическое моделирование;
- 11) специфические методы отраслевых психологических наук.

III. Методы обработки данных:

- 1) количественные методы;
- 2) качественные методы.

IV. Интерпретационные методы (подходы):

- 1) генетический;
- 2) структурный;
- 3) функциональный;
- 4) комплексный;
- 5) системный (Никандров, 2003, с.120-121).

Отметим, что до сих пор теоретические методы психологической науки описаны, проанализированы и исследованы явно недостаточно. Это одна из первоочередных задач методологии современной психологической науки (Мазилов, 1998).

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И МЕТОДА В ПСИХОЛОГИИ

Историко-методологическое исследование показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Брентано, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода*. Необ-

ходимо различать теорию как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *определенной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «*опредметиться*». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда определенная проблема соотносится с *моделирующими представлениями*. «*Мышление*» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «*воплотиться*». Это «*воплощение*» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т.д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс*. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. Существуют также возможности уровневого и генетического анализа.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки – сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идея метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рис. I).

Рис. I Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т.е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться.

Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории как «базовая категория» – «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т. п.).

Соотношение между теорией и методом в psychology может быть представлено в виде схемы (*рис.2*).

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

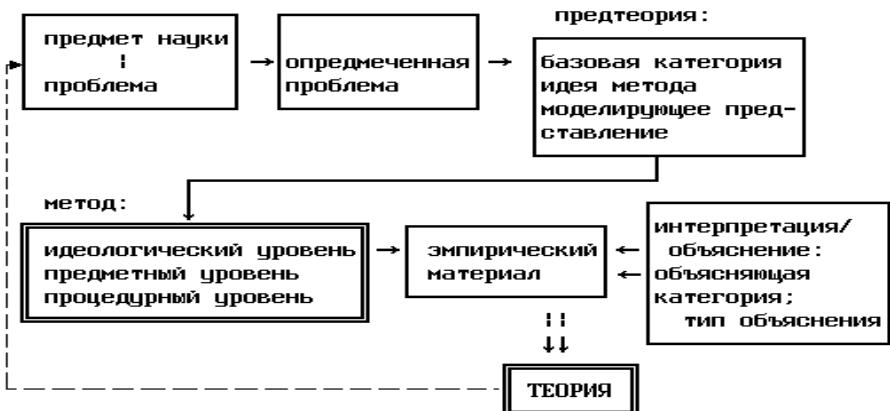

Рис. 2. Модель соотношения теории и метода в психологии

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категория совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством дру-

гой категории. Реально объяснение ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (N. Ach, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой*. В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Методологическое исследование позволило разработать модель соотношения между теорией и методом. На самых первых этапах – когда концепции носят конституирующий, основополагающий характер, соотношение является линейным, а цикл представляется законченным: предтеория – метод – теория. Дальнейшее развитие приводит к тому, что окончание цикла становится лишь промежуточным этапом, поскольку инициирует новый цикл: предтеория – метод – теория – предтеория-1 – ме-

тод-1 – и т. д. Примером такого соотношения в анализируемый исторический период является работа психологов Вюрцбургской школы.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие основные выводы, касающиеся соотношения теории и метода в психологии:

1. Между теорией и методом в психологии существует столь тесная взаимосвязь, что правомерен тезис о единстве теории и метода. Единство теории и метода выступает важнейшим фактором, обеспечивающим целостность психологического исследования. Могут быть выделены и описаны конкретные механизмы, обеспечивающие единство, тесную взаимосвязь теории и метода в психологии.

2. Ядром, обеспечивающим единство теории и метода в психологии в рассматриваемый исторический период, выступает предтеория – комплекс исходных представлений, являющихся основой для проведения эмпирического психологического исследования. Предтеория предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория представляет собой структурный инвариант. В структуре предтеории представлены: идея метода, базовая категория, организующая схема, моделирующие представления.

3. Предтеория является не только основой для формулирования, развития собственно теории, но и фундаментальным основанием для выбора того или иного ведущего эмпирического метода исследования.

4. Метод представляет собой целостное образование, в котором, тем не менее, может быть выделено несколько уровней. В исследовании выявлено, что метод в психологии в рассматриваемый исторический период имеет уровневое строение. В методе можно выделить по меньшей мере три уровня (идеологический, предметный, процедурный). Идеологический уровень характеризует общую ориентацию исследования (направленного на изучение либо самосознания, либо поведения), предметный раскрывает подход к предмету изучения как содержательному (определяемому через его структурные, функциональные, процессуальные и т.д. свойства) и сводящий предмет изучения к конкретной модели, имеющей какое-либо наглядное содержание

(«замыкаемое» на конкретную ситуацию). Процедурный уровень определяет последовательность конкретных исследовательских процедур и конкретных методических приемов, направленных на получение необходимого эмпирического материала. Особен- но важно, что может быть установлено соответствие между компонентами предтеории и уровнями метода (идеологическим, предметным, процедурным). Выявлено, что идея метода определяет идеологический уровень, базовая категория и организующая схема – предметный, моделирующие представления – процедурный уровень метода.

5. Первоначально концепции в научной психологии имели основополагающий, конституирующий характер. Это выражалось в том, что соотношение «предтеория» – «метод» – «теория» имело линейный характер и представляло собой законченный цикл. Тем не менее уже в анализируемый исторический период появляется новое соотношение: сконструированная теория начинает «корректировать» предтеорию нового цикла исследований. Цикл исследования становится замкнутым: «предтеория» – «метод» – «теория» – «предтеория-1» – «метод-1» и т. д. Таким образом, появляется отношение, когда теория непосредственно начинает определять характеристики используемых методов.

6. Проведенное исследование позволило выявить и описать условия, обеспечивающие возможность перехода к теоретическому анализу в психологии. Основным условием такого перехода является несовпадение базовой и объясняющей категорий и, следовательно, организующей и объясняющей схем исследования. Новый этап развития психологии начинается в исследованиях Вюрцбургской школы: психология перестает быть непосредственной наукой – появляется как первый вариант опосредствованного метода (проведение вспомогательного моделирующего эксперимента), так и зарождение теоретических методов анализа. Теоретический метод связан с использованием схемы интерпретации-объяснения.

7. Проведенное исследование позволило в значительной степени по-новому рассмотреть вопрос об инвариантности-вариативности психологического метода. Основой такого понимания является рассмотрение метода как имеющего уровневое строение. Поскольку название метода обычно связано с идеоло-

гическим уровнем, становится понятно, что, ограничиваясь только этим уровнем, мы лишаемся возможности понять специфику той или иной разновидности метода. В частности, выделение метода «классической интроспекции» (Э. Боринг) не позволяет раскрыть своеобразия интроспективных процедур в разных психологических направлениях. Иными словами, как инвариантный метод выступает только на идеологическом уровне, тогда как на предметном и процедурном является вариативным.

8. Проведенное исследование позволило уточнить вопрос о «нормативности» – «дескриптивности» эмпирического метода в психологии. Выявлено, что метод по-разному выступает на разных уровнях, что способствует появлению разноречивых оценок: на идеологическом уровне метод предстает как нормативный, тогда как на предметном как дескриптивный.

9. Проведенное исследование позволило дать достаточно определенный ответ на вопрос о соотношении эмпирических методов в психологическом исследовании. В психологии достаточно распространена ситуация, когда в исследовании одновременно используется несколько эмпирических методов. Известны многочисленные дискуссии, можно ли считать использование метода эксперимента критерием появления собственно экспериментальной психологии. Уровневое представление о методе позволяет дать однозначный ответ: ведущий метод обязательно представлен на идеологическом уровне, дополнительный метод «взаимодействует» с ведущим, дополняет его на предметном и процедурном уровнях. Таким образом, появляется возможность разграничить ведущий и вспомогательный (дополнительный) методы.

10. Историко-методологический анализ позволяет подойти к проблеме генезиса теоретических методов в психологии. Во второй половине прошлого столетия в качестве прототипа современных теоретических методов психологии выявлен метод интерпретации. Эмпирический материал, полученный в конкретном исследовании, может быть интерпретирован посредством объясняющей категории не совпадающей с базовой категорией. Интерпретирующая схема может быть сформирована на материале другого исследования. Такое наложение схем позволяет обнаружить перспективное направление в анализе теоретиче-

ских методов, которые в психологии последующих периодов получают широкое распространение.

11. Переходным к теориям современного типа является концепция мышления в Вюрцбургской школе. На материале эволюции этой психологической школы может быть продемонстрирован переход к такому объяснению, которое лежит в основе теорий более позднего периода.

12. Связь теории и метода в психологии может быть представлена в виде модели, которая отображает взаимоотношения предтеории как с методами, используемыми в психологическом эмпирическом исследовании, так и с теорией как результатом научного исследования.

Проведенные нами исследования показали, что выявленные закономерности соотношения теории и метода являются универсальными, соотношение теории и метода представляет собой структурный инвариант, характерный для любой психологической концепции.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* О методах современной психологии // Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л.: ЛГУ, 1976, с. 13–35.
2. *Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996.
3. *Дессуар М.* Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912.
4. *Джемс У. (Джеймс У.)* Психология. Изд.5-е. СПб.: Изд-во К. Л. Риккера, 1905.
5. *Дружинин В. Н.* Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1993.
6. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология. М.: ИНФРА-М, 1997.
7. *Илларионов С. В.* Научный метод как выражение духа науки // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб., 1999.
8. *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
9. *Кравков С. В.* Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.

- 10.Ланге Н. Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
- 11.Мигдал А. Б., Нетесова Е. В. На пути к истине (О научном методе познания) // Кибернетика живого. Биология и информация. М., 1984.
- 12.Никандров В. В. Экспериментальная психология. СПб. : Речь, 2003.
- 13.Пирьев Г. Д. Експериментална психология. София: Наука и изкуство, 1968.
- 14.Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- 15.Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
- 16.Роговин М. С. Залевский Г. В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988.
- 17.Сачков Ю. В. Научный метод: вопросы и развитие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- 18.Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15–98.
- 19.Эббингауз Г. Очерк психологии. С.-Петербург: Изд. О. Богдановой, 1911.
- 20.Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985.
- 21.Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhange: Ueber das Hippische Chronoskop. Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
- 22.Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950.
- 23.Boring E. A History of Introspection // Psychological Bulletin, № 3, v. 50, 1953, p. 169–189.
- 24.Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. Bd. 1. Leipzig: Veit, 1902.
- 25.Ebbinghaus H. Ueber das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.

26. *Humphrey G.* Thinking: An Introduction to its experimental Psychology. London: Methuen; N.Y.: Wiley, 1951.
27. *Watt H.J.* Experimentelle Beitrage zu einer Theorie des Denkens // Archiv fur die ges. Psychologie. Leipzig, 1905, Bd. 4, S. 289–436.
28. *Wolff Ch.* Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1732.
29. *Wolff Ch.* Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734.
30. *Wundt W.* Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtländer, 1911.
31. *Wundt W.* Elemente der Volkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kroner, 1913.
32. *Wundt W.* Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1896.
33. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 3 umgearb. Aufl. Leipzig: Engelmann, 1887. Bd. 1. XII, 544 S.; Bd. 2. X, 562 S.
34. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV, 553 S.; Bd. 2. VIII, 686 S.; Bd. 3. IX, 796 S.
35. *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874.

4.4. ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТА

Факт как методологическая проблема

В современной психологической науке существует явная недооценка роли методологии психологии. Это заключение может показаться ошибочным: налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издается довольно значительное число

книг и статей по методологическим вопросам и проблемам. Тем не менее, в современной психологической литературе имеет место устойчивая недооценка роли методологических аспектов психологического знания в целом. Иными словами, мы утверждаем, что должным образом методологически не проработаны многие понятия, активно используемые в психологии. Понятие «факт» в этом отношении не является исключением.

Термин "факт" активно используется в современной психологии, что является абсолютно естественным, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению, что отношение к фактам на разных этапах развития психологии существенно различалось. Если воспользоваться известной периодизацией М.С.Роговина, то окажется, что факты становятся значимы только на этапе научной психологии: в донаучной психологии говорить о фактах можно лишь условно, в философской психологии фактам не уделялось сколько-нибудь существенного внимания (Роговин, 1969).

Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, наука "о фактах". Сыграл свою роль и позитивизм, в котором "факт" был одним из ключевых понятий. На авансцену научной психологии "факт" вышел в тех версиях психологии, которые использовали субъективный метод. Очень скоро обнаружилось, что для получения "настоящего" (то есть соответствующего ожиданиям исследователя) "факта" стихийного самонаблюдения недостаточно, необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В.Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались специальные процедуры, позволявшие вычленять те аспекты опыта, которые полагались значимыми в данной школе.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме факта традиционно отводили существенно меньшее внимание. Это обстоятельство важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема факта не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей работы важно подчеркнуть, что в советской психологии проблема факта не была популярна, так как опосредствованный метод, являвшийся

основным в психологическом исследовании, был в основе объективным.

Если в психологии проблеме факта "не повезло", то на основных ролях она оказалась в философских направлениях, в первую очередь тех, которые продолжали традиции позитивизма. Через логический позитивизм проблема факта в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии проблема факта оказалась в значительной степени "вытесненной" из исследовательского пространства категориями "явление" и "сущности", соотношением эмпирического и теоретического уровней познания.

Итак, обратимся к психологии и попробуем выяснить в чем именно состоит проблема факта. Обратимся к популярному Большому психологическому словарю, который сообщает, что факт "в обыденном смысле синоним понятия «истина», т. е. знание, достоверность которого несомненна, в более узком смысле — результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований" (Еникеев, 2008, с.578).

Вот здесь и появляются многочисленные вопросы. Является ли на действительно факт в психологии столь однозначным, что он не допускает "нескольких истолкований"? Как быть в тех случаях, когда один факт оценивается различными психологами весьма по-разному? Когда кто-то считает нечто очевидным фактом, но другой имеет по этому поводу совсем иное мнение?

Есть основания для того, чтобы начать обсуждение проблемы факта как методологической проблемы современной психологии.

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология — одна из самых "проблемных" наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б.Ф. Ломов в книге "Методологические и

теоретические проблемы психологии" отмечал: "Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ" (Ломов, 1984, с. 3).

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть "предметное знание". Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – "знание методологическое". Третий вид знания - "знание историческое", в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с. 8). Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т. д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали,

что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи - авторы "революционных" концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение это не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов – функция не воображения, а мышления (А.В. Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны.

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные *пространства психической реальности*. Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмысливанием. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один и тот же феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, т. к. многообразие психологических теорий хорошо известно даже каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в psychology наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим - методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет psychology (а, следовательно, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в psychology существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы – это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем – проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М.С. Роговин и Г.В. Залевский отмечали, что в "знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и

методологического знания..." (Роговин, Залевский, 1988, с. 10). Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является "сердцевиной" психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики "предметного" знания (и феноменологию, и теорию) и "истории" (как она будет интерпретироваться).

До сих пор мы обходились без упоминания термина "факт". Где его место на рассмотренной выше схеме? Как можно видеть, психологический факт появляется тогда, когда происходит взаимодействие феноменологии и теории: *феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом*.

Обратимся к примеру. Давно было известно каждому специалисту, занимавшемуся дрессировкой животных, что они - животные - становятся со временем способными реагировать и на такие раздражители, которые лишь ассоциативно связаны с определенной реакцией организма. По сути, это условный рефлекс. Как нам известно из истории психологии, феномен условного рефлекса открывался неоднократно. Потребовался гений И.П.Павлова (обратившего внимание на то, что слюна начинает выделяться до кормления при виде служащего, который обычно приносит еду); Е.Б.Твитмайера (обратившего внимание на то, что подопытные при исследовании коленного рефлекса начинают реагировать на раздражители, отличающиеся от исходного, то есть удара молоточком); В.М.Бехтерева ("Бехтерев обнаружил, что рефлекторные движения - например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, - могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, - так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец" (Шульц, Шульц, 2002, с.268), чтобы феномен воплотился в научный факт - условный рефлекс (Павлов), особый рефлекс (Твитмайер), сочетательный рефлекс (Бехтерев)...

Актуальность проблемы факта состоит в следующем. Психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По справедливому выражению классика науки, факты - воздух ученого (И.П.Павлов). Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее "нескольких истолкований", является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Главное препятствие состоит в том, что факт при таком подходе не выступает (и не может выступать) основанием, объединяющим исследователей, дающим основу для конструктивного диалога. На уровне *эмпириическом* затрудняет формирование фактологической основы науки, лишая возможности дополнительного анализа научного психологического факта как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, тем самым делая невозможным разработку стандарта для описания факта в психологии. На уровне *теоретическом* недооценка данной проблематики приводит к тому, что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне *методологическом* отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволит принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному трактуются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты

получали совершенно различные описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме факта "не повезло" в психологии, особенно в отечественной. Впрочем, это никак не означает, что проблема не исследовалась совершенно.

Проблема факта в зеркале философии, психологии и философии науки

Во избежание недоразумений подчеркнем, что не должно создаться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования, затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Среди исследователей назовем Г.И.Челпанова, Н.Н.Ланге, М.Я.Басова, Л.С.Выготского, В.Н.Ивановского, С.Л.Рубинштейна, К.Н.Корнилова, А.Н.Леонтьева, Б.Г.Ананьева, Б.Ф.Ломова, О.К.Тихомирова, Д.Н.Узнадзе, А.А.Леонтьева, Б.М.Теплова, Е.В.Шороховой, К.К.Платонова, М.С.Роговина и др.

Различные аспекты проблемы факта в психологии раскрываются в работах А.В. Юревича, интересные методологические исследования В.М. Аллахвердова, Т.В.Корниловой и С.Д.Смирнова, методологические работы Ф.Е.Василюка, И.Н.Карицкого и др. В работах К.А. Абульхановой, А.Ю. Агафонова, В.Г.Асеева, А.Г.Асмолова, В.А.Барабанщикова, Ф.Е.Василюка, И.П.Волкова, И.Е.Гарбера, А.Н.Гусева, М.С.Гусельцевой, А.Л.Журавлева, Ю.М.Забродина, В.П.Зинченко, Ю.П.Зинченко, В.В.Знакова, И.И.Ивановой, И.Н.Карицкого, В.А.Кольцовой, Т.В.Корниловой, Д.А.Леонтьева, Л.Я.Дорфмана, С.В.Малanova, Б.Г.Мещерякова, И.А.Мироненко, П.Я. Мясоеда, В.И.Панова, В.Ф.Петренко, В.А.Петровского, Е.Е.Соколовой, С.Д.Смирнова, Е.Б.Старовойтенко, В.А.Татенко, Д.В.Ушакова, Н.И.Чуприковой, В.Д.Шадрикова, А.В.Юревича и др. нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, в частности, связанные с проблемой факта в психологиче-

ской науке. Важные вопросы методологии психологии, имеющие отношение к проблеме факта, обсуждаются в работах И.В.Вачкова, А.О.Прохорова, Е.В.Левченко, А.А.Пископпеля, В.А.Янчука, А.Г.Лидерса и др.

Подчеркнем, что в современной психологии отсутствуют специальные исследования, посвященные факту в психологии. Этот момент достоин акцентирования, поскольку оказывается, что структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до настоящих пор по сути не раскрыта и не изучена.

Это касается и зарубежных психологических исследований. Проблема факта, естественно, затрагивается в работах, посвященных методологии психологического исследования (Ж.Пиаже, Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин, Д.Гудвин и др.), посвященных проблемам объяснения (*Fodor*, 1968; *Swart*, 1985; *Cammins*, 1983; *Brown*, 1963 и мн. др.). и философии психологии (M.Bunge, R.Argila, 1987, J.Bermudez, 2008 и др.). Подчеркнем, что в доступной нам литературе обнаружить специальных исследований, посвященных анализу строения психологического факта нам не удалось.

Психологическая специфика естественно не раскрывается и в философских исследованиях проблемы факта. Специальные философские работы, посвященные анализу факта, существуют и представляют для психологии значительный интерес (в первую очередь, в плане установления общей архитектоники факта). Речь идет о работах таких исследователей как В.А.Штольф, Л.С.Мерзон, В.С.Швырев, В.М. Капустян, С.Ф. Мартынович, В.С. Степин, Г.Ф. Хрустов, Э.М. Чудинов, А.И.Ракитов, А.Л.Никифоров, С.В.Илларионов и др.

Конечно, нельзя не назвать работы зарубежных представителей философии науки Л.Витгенштейна, Б.Рассела, Р.Карнапа, Л.Флека, Т. Куна, П. Фейерабенда, Н. Р. Хэнсона, Б.Латура, Э.Пикеринга и др.

И все-таки не бывает правил без исключений. Нам выше уже приходилось писать о том, что психологам не свойственно задумываться и заниматься разработкой проблем методологии факта. Приходится констатировать, что специальные исследова-

ния. В целом это справедливо, хотя всегда найдутся и исключения и причины, которые эти исключения объясняют. Среди психологических исследований хотелось бы выделить методологическое исследование И.И. Ивановой и В.Г.Асеева. Работа была посвящена методологии и методам психологического исследования, поэтому авторы просто не могли пройти мимо проблемы факта, на получение которого нацелено эмпирическое психологическое исследование. Остановимся несколько подробнее на этом исследовании.

Исследователи справедливо отмечают: "Прежде всего, встает важный методологический вопрос об определении и внутреннего содержания и структуры психологического факта, как основной единицы первичного эмпирического и научного материала, о его месте и роли в психологическом исследовании" (Иванова, Асеев, 1969, с 220). И.И.Иванова и В.Г.Асеев обращают внимание на важную деталь, осложняющую разработку проблемы: "С одной стороны под эмпирическим фактом имеется в виду отдельное явление действительности, получившее адекватное отражение в познании. В этом наиболее широком смысле факт служит элементарно необходимым компонентом, основой научного исследования. Вместе с тем и именно поэтому факт в этом смысле является лишь сырьем материалом, который еще должен быть подвергнут дальнейшей обработке: анализу, изучению, интерпретации, поскольку наука не призвана регистрировать единичные, уникальные явления, а изучает устойчивые, повторяющиеся, предвидимые связи и закономерности. С другой стороны, под фактом подразумеваю всякую достоверно установленную связь, зависимость, закономерность. В этом втором смысле он выступает уже как полноценный продукт научного исследования, достигнутый результат, осуществленная, хотя и частная цель науки" (Иванова, Асеев, 1969, с 220). Авторы совершенно справедливо обращают внимание на то, что двойственное понимание факта оказывается иногда источником серьезных недоразумений, путаницы. Поэтому необходимо различать факт эмпирический и факт научный: "Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение

результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется" (Иванова, Асеев, 1969, с 220). Авторы видят основное различие в следующем: если научный факт обыкновенно дает знание о наличии устойчивой детерминационной связи, дает возможность в определенных пределах предвидеть реальные явления, открывать закономерности их возникновения и развития, то в эмпирическом факте реально действующие закономерности проявляются далеко не однозначно: "Ввиду высокого уровня интеграции психических процессов отдельный эмпирический факт получает свое действительное место, свой психологический смысл и значение только в зависимости от уровня и характера интеграции психических явлений. Один и тот же поступок может быть совершен как под влиянием импульсивного мотива, так и в результате сознательного решения. Эмпирический факт, в связи с этим, не имеет однозначного смысла, значения, механизма и оказывается психологически многозначным" (Иванова, Асеев, 1969, с 220).

Характеризуя эмпирический факт, авторы отмечают: "Он представляет собой внешнее воплощение целого ряда закономерностей самых разных уровней регуляции психики, от сознания до автоматических, неосознаваемых процессов. В эмпирическом психологическом факте заключены не элементарно простые, естественно выделенные, изолированные, "чистые" факторы, связи, зависимости. В нем фиксируется сплав огромного качественного богатства психологических механизмов, стоящих за внешним проявлением. Психологический факт исключительно сложен по своим внутренним механизмам, по своему психологическому смыслу, по своей детерминации. Многозначность, многоплановость эмпирического факта в psychology (действия, поступка и т.д., зарегистрированных в наблюдении, teste, самонаблюдении) связана не только со сложностью строения психики как системы вообще" (Иванова, Асеев, 1969, с 221).

Другой концепцией, где подробно анализируется проблема факта в psychology, причем именно в методологическом контексте, является известная работа А.В.Юревича (Юревич, 2010). Как справедливо отмечает А.В.Юревич, "Одной из особенностей современного состояния psychologicalской науки в

России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и самих его носителей - психологов, с другой - ослабление попыток внести порядок в это знание и явное пренебрежение к методологическим вопросам" (Юревич, 2010, с.15). В исследовании Юревича решается фундаментальная задача выявления строения психологического знания, в котором определенное место занимают и собственно факты.

К числу структурных элементов психологического знания А.В.Юревич относит:

1. Базовые «идеологии» и сопряженные с ними системы методологических принципов;
 2. Категории;
 3. Теории;
 4. Законы;
 5. Обобщения;
 6. Объяснения и интерпретации;
 7. Прогнозы и предсказания;
 8. Факты и феномены;
 9. Знание контекста (установления фактов и проявления феноменов);
 10. Эмпирически выявленные корреляции между феноменами;
 11. Описания;
 12. Методики;
 13. Технологии;
 14. Знания, ассиимилированные психологией из смежных наук.
- (Юревич, 2010, с.16-17).

А.В. Юревич характеризует роль фактов в структуре психологического знания: «Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражая-

ющие какие-либо психологические закономерности» (Юревич, 2010, с.26-27) «Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило бывают зафиксированы в специально организованных условиях психологического исследования» (Юревич, 2010, с. 27). Справедливо замечание, согласно которому "Психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как знание контекста установления этих файлов и феноменов, а также условий их проявления" (Юревич, 2010, с.28).

А.В.Юревич отмечает, что в постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены», и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами, исследовательскими программами, исследовательскими традициями и т.п.. Согласно Юревичу, «ощущение эфемерности фактов наиболее характерно для социогуманитарных наук, таких как психология, где оно оказалось обостренным постмодернистской методологией» (Юревич, 2010, с.88).

Чрезвычайно ценно, что А.В.Юревич выделяет типологию психологов в зависимости от отношения к фактам: «По критерию отношения к фактам представителей психологического сообщества можно разделить на три категории. Для одних, и таких подавляющее большинство, гносеологический статус фактов попросту безразличен. Они делают то, что привыкли делать, не взирая на бурные события в философской методологии науки, в частности на распространение постмодернистской методологии. Другие охотно подхватили постмодернистские представления, не без удовольствия, явившегося естественной реакцией на долгие годы господства позитивизма и упрощенных представлений о науке, акцентируя релятивность фактов, их зависимость от теорий и т.п. Третьи, напротив, агрессивно отреагировали на распространение подобных настроений и проявили озабоченность, сопоставимую с той, которая была вызвана формулой «материя исчезает», стремятся восстановить незыблемость фактов и в качестве таковых, и как конечного критерия истины»

(Юревич, 2010, с.88) «Первая позиция, очевидно, в комментариях не нуждается. Что же касается двух других, то при всех их полярных различиях их объединяет недифференцированное отношение к фактам как однотипному и гомогенному виду опыта. Как пишет А.Л.Никифоров, «большинство современных эпистемологов неявно исходит из «одномерного» понимания фактов, т.е. истолковывает факт как нечто простое, как реальное положение дел, чувственный образ, предложение. При такой трактовке факт всегда принадлежит некоторой одной плоскости – языковой, перцептивной или физической»... Однако факты неоднородны, в том многообразии эмпирического опыта, который ученые вообще и психологи, в частности, привыкли именовать фактами, можно выделить существенно различающиеся между собой составляющие (Юревич, 2010, с.88). Важно, что в работе А.В.Юревича предложен способ упорядочения фактов: "разнообразие можно упорядочить, выстроив факты, устанавливаемые психологической наукой в рамках системы как минимум пяти шкал, выражающих степень: 1) «жесткости» фактов; 2) их воспроизводимости; 3) контекстуальной зависимости; 4) теоретической нагруженности; 5) социализации» (Юревич, 2010, с.89). Представляется, что это очень перспективная идея.

Исследования факта: на пути к концепции

Возникает вопрос, что препятствует новому пониманию факта? Основное препятствие, на наш взгляд, состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен рассматриваться, трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, то есть в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методологико-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации.

В наших работах конца 90-х годов прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план

выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло (Мазилов, 1998, 1999, 2000).

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотнесеными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок (Мазилов, 2007, 2005, 2013в, 2011).

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях (Мазилов, 2006, 2013а, 2013б).

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других. (Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данном тексте речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А.В.Юревич) – мы в настоящем разделе не касаемся).

Психологическое исследование, спланированное нами, основывается на концепции когнитивной методологии психологии. Она представляет собой второй уровень общей методологии психологии. Когнитивная методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и

многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Обратимся к когнитивной методологии.

Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется (Мазилов, 2013, 2014, 2015).

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология. Мы разделяем следующую позицию: разработка общей методологии возможна, т.к. может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории. Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции когнитивной методологии психологии.

Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Обратимся к философии науки, которая в отличие от методологии психологии уделяет этим вопросам достойное внимание.

Как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» (Кант, 1964, с.85). Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

«Факт – от лат. factum – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымыселному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе» (Никифоров, 2010, с.157). Нас, понятно, будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки (Никифоров, 2010, с.157-158). А.Л.Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая

теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» (Никифоров, 2010, с.158). В другой работе А.Л.Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» (Никифоров, 2008, с.75-76). «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» (Никифоров, 2008, с.76). А.Л.Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» (Никифоров, 2008, с.73). «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте» (Никифоров, 2008, с.73). «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под «материально-практическим компонентом» факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» (Никифоров, 2008, с.74).

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах А.Л.Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт (по крайней мере, факт психологический, но, представляется, что данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

Напомним характеристику предтеории, так как она чрезвычайно важна для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, "определенная" проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения (Мазилов, 1998).

Вернемся к проблеме факта. В структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями. Сделаем одно замечание, важное для истории психологии. Возьмем классическое исследование М.Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда отмечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна, но представляет собой самостоятельную

исследовательскую задачу (этого аспекта в настоящем тексте мы касаться не будем). Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий.

Кратко предварительные итоги проведенного исследования можно сформулировать следующим образом: в структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями как важнейшими компонентами предтеории.

Обратим внимание, что это открывает новые возможности для трактовки детерминации факта. Факт был рассмотрен как составная часть структуры научного исследования. Были проанализированы роль, место и значение научного факта как компонента когнитивной методологии, отражающей универсальную схему научного исследования в психологии. При включении факта в структуру когнитивной методологии становится ясно, что факт, получаемый в научном исследовании, имеет структуру, аналогичную предтеории, то есть включает в себя те же три уровня - идеологический, предметный и процедурный. Идеологический уровень характеризует представленность предмета психологии, то есть отражает специфику факта как именно психологического. Предметный выражает содержание факта как соответствующего теоретическим представлениям автора.

Процедурный уровень описывает способ воспроизведения (получения) факта.

Установлено, что факт имеет сложную детерминацию, причем различные уровневые подструктуры факта детерминированы различными компонентами предтеории. Напомним характеристику предтеории (предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психо-

логического исследования; предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Обратим внимание на то, что предтеория может не осознаваться самим исследователем, для ее экспликации необходимо использовать специальные процедуры (Мазилов, 2013). Факт зависит от предтеории в целом, но наиболее сильные влияния, определяющие характеристики факта, в следующем: идеологический уровень определяется трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, базовой категорией и моделирующими представлениями.

Как и предполагалось, основным фактором, определяющим различия в квалификации факта выступают различия в предтеориях субъектов. Обратим внимание на то, что этот результат открывает интересные и многообещающие перспективы дальнейших исследований. Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий.

Как нам представляется, этот момент является ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, важно понять, каким образом происходит эта интерпретация. Таким образом, неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Вероятно, не стоит специально говорить о том, что названные нами структуры пока еще исследованы недостаточно. Здесь мы сталкиваемся с одной из острых проблем психологии труда. Действительно, психологами исследовано много различных видов

профессиональной деятельности, в частности, выявлена информационная основа многих видов деятельности. И, вероятно, никто не станет утверждать, что можно сказать то же самое о деятельности самого психолога. Похоже, очередной случай, когда сапожник оказывается без сапог. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что изучение профессионального сознания связано с большими трудностями. Не будем в данном тексте их обсуждать. Как представляется, более конструктивно рассматривать обсуждаемые вопросы в другом контексте. Речь идет о понятии внутреннего мира человека. Применительно к нашей проблематике, можно говорить о внутреннем мире психолога. Таким образом, может быть поставлена задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала.

Напомним, что уровневая трактовка факта позволяет преодолеть ложный постулат о несоизмеримости научных фактов в ситуациях до- и послереволюционной (имеются в виду научные революции по Т.Куну). Наши исследования убедительно показывают, что факт, имеющий уровневую структуру, имеет как инвариантные, так и изменяющиеся составляющие. В этом мы склонны видеть большие перспективы применения данного подхода в сфере философии и истории науки.

Библиографический список

1. Еникеев Б.Н. Факт // Большой психологический словарь / Под ред В.П.Зинченко и Б.Г.Мещерякова. СПб, 2008.
2. Иванова И.И., Асеев В.Г. Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с.218-245
3. Кант, И. Сочинения в шести томах. [Текст] / И.Кант. Сочинения в шести томах / Т.3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
4. Козлов В.В. Психология кризиса. М., 2014.
5. Козлов В.В. Истоки осознания. Волгоград, 1999.
6. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. [Текст] М.: Наука, 1984. 444 с.
7. Мазилов, В.А. О предмете психологии [Текст] // В.А.Мазилов / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72

8. *Мазилов В.А.* О философии психологии (о некоторых методологических проблемах современной научной психологи) [Текст]. / В.А.Мазилов // Проблемы общей и организационной психологии. Сб. науч. Трудов / Под ред. проф. А.В.Карпова.
9. Ярославль: ЯрГУ, 1999, с.47-66
10. *Мазилов В.А.* Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века [Текст]. /В.А.Мазилов // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.2. Ярославль: МАПН, 2000, с.211-220
11. *Мазилов В.А.* Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. № 4, 2013в, с.144-148.
12. *Мазилов В.А.* Научная психология: проблема метода [Текст]. /В.А.Мазилов // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Метод психологии / Под ред. В.В.Новикова (гл.ред), И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005, с.248-279
13. *Мазилов В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998
14. *Мазилов В.А.* Методологические проблемы истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Т.2. Вып. 1., 2015
15. *Мазилов, В.А.* Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. 2013б. Т. 2. № 2. С. 149-155.
16. *Мазилов В.А.* Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013а, с. 186-194
17. *Мазилов В.А.* Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4, том 19, 2013, с. 28-32

20. *Мазилов В.А.* Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61-85.
21. *Мазилов В.А.* Когнитивная методология психологической науки: уровневый подход // Системогенез учебной и профессиональной деятельности V Всероссийская научно-практическая конференция. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2011. С. 57-59
22. *Мазилов В.А.* О предмете психологии // В.А.Мазилов / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
23. *Никифоров, А.Л.* Факт [Текст] // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010, с.157-158
24. *Никифоров, А.Л.* Философия и история науки. [Текст] / А.Л.Никифоров. М.: Идея-Пресс, 2008. 264 с.
25. *Петренко, В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. [Текст] / В.Ф.Петренко. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
26. *Роговин, М.С.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. [Текст] / М.С.Роговин, Г.В.Залевский Томск, 1988. 236 с.
27. *Шульц, Д.* История современной психологии [Текст] / Д. Шульц, С.Шульц. СПб: Евразия, 2002. 532 с..
28. *Юревич А.В.*Методология и социология психологии. М.: ИПРАН, 2010

4.5. ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Проблема объяснения традиционно считается одной из важнейших методологических проблем науки. Известный отечественный философ науки Е. П. Никитин отмечал: «Действительно, и в прошлой истории науки и сейчас общепризнанным является мнение, что при научном исследовании любого объекта одна из основных задач состоит в том, чтобы дать *объяснение этого объекта*» (Никитин, 1970, с. 5). Е. П. Никитин выделил ряд функций науки: «...функциями науки (в их конкретном выражении) будем считать описательную, измерительную, классификационную, унифицирующую, объясняющую, предсказательную, ретроспективную,

нормативную и т.д.» (*Никитин*, 1970, с. 12). «Объяснение – одна из важнейших функций науки. Не случайно ее часто характеризуют как основную функцию научного исследования наряду с функцией предвидения» (*Никитин*, 1970, с. 12). Таким образом, объяснение в отечественной философии науки рассматривается как одна из функций науки.

Логико-гносеологическому анализу природы научного объяснения посвящена в мировой философии науки огромная литература. (Глубокий анализ важнейших классических работ по проблеме объяснения в философии предпринят в цитированной выше фундаментальной монографии Е. П. Никитина (*Никитин*, 1970)). Философских исследований проблемы объяснения мы еще коснемся в настоящей работе, а пока обратимся к проблеме объяснения в отечественной психологии.

В настоящее время считается, что проблема объяснения в психологии – одна из центральных методологических проблем. А. В. Юрьевич, опубликовавший в 2006 году чрезвычайно интересную и глубокую статью об объяснении в психологии (которой мы в настоящем тексте неоднократно будем касаться), следующим образом характеризует значение проблемы объяснения в психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения – *B.M.*) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, каким должно быть психологическое объяснение, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии» (*Юревич*, 2006, с. 87). Но, как это ни удивительно, остается актуальным и справедливым замечание известного отечественного методолога психологии М. С. Роговина, сделанное еще в 1979 году: «В настоящее время, когда тщательно разработаны методы психологического эксперимента, правила обработки результатов, когда в распоряжении исследователей сложная и разнообразная техника, некоторые из них высказывают мнение, что самым сложным в психологии является объяснение. Тем более странным и неоправданным представляется то, что склонность к анализу объяснения проявляют лишь очень немногие психологи» (*Роговин*, 1979, с. 54). Повторим, эта констатация до сих пор в значитель-

ной степени справедлива.

В советской психологии проблеме объяснения внимания практически не уделялось. В известной книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1969), например, данная проблема специально не выделялась и, естественно, не обсуждалась. Предполагалось, что никакой особой проблемы объяснения не существует, т.к. функция объяснения выполняется диалектикой – философской методологией науки. Во всяком случае, марксизм-ленинизм как философский уровень методологии не предполагал какой-либо специальной процедуры объяснения. Поэтому традиция рассмотрения проблемы объяснения в отечественной методологии психологии практически отсутствовала.

Как хорошо известно, в отечественной философии советского периода существовали различные области, имевшие ощутимо различное число «степеней свободы». По авторитетному свидетельству многих отечественных философов, наиболее свободной от идеологического контроля была философия науки, поэтому именно в рамках философии науки и проводилась разработка проблемы объяснения. Как отмечает В. А. Лекторский, «в 50-е и 60-е годы философы нашего поколения и нашего круга связывали надежды на прогресс в философии с исследованиями в области теории познания, в особенности теории научного познания. Проблематика логики и методологии науки, формальной (символической) логики разрабатывалась тогда наиболее интенсивно и успешно. Этой тематикой занимались наши самые талантливые философы (по тем временам это была философская молодежь). Дело было не только в том, что партийный диктат в этой области философии был наименее ощутим, что здесь в наибольшей степени можно было использовать академические стандарты исследования (...) Дело также и в том, что для нас эти исследования представлялись лучшим способом противостояния официальной идеологии. Рассчитывая на изменение социальной ситуации, которая нас не устраивала во многих отношениях, именно на науку мы возлагали главные надежды. Противостоять догматической идеологии прямо в лоб невозможно. Но вот с наукой она ничего не может сделать, как бы этого ни хотела...» (Лекторский, 2004, с. 475). Итак, повторим, проблема объяснения

разрабатывалась в философии науки.

Прежде всего следует назвать известные многолетние исследования Е. П. Никитина. В 1970 году вышла книга Е. П. Никитина «Объяснение – функция науки», имевшая поистине новаторский характер. В частности, в этой работе было убедительно показано, что существуют различные виды объяснения. И, следовательно, причинное объяснение не является единственным объяснением (некоторых моментов этого фундаментального труда мы еще коснемся).

Объяснение как методологическая проблема в отечественной психологической науке была поставлена, насколько можно судить, благодаря публикации перевода на русский язык известного классического руководства по экспериментальной психологии под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже, в котором содержалась глава «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм», принадлежащая перу Жана Пиаже (*Пиаже*, 1966). Как представляется, эта публикация не вызвала бурных дискуссий. Насколько нам известно, одним из немногих отечественных авторов, анализировавших проблему объяснения в психологии и критиковавших позиции Пиаже, был М. С. Роговин, посвятивший этому вопросу две главы своей книги «Психологическое исследование» (1979). Констатируем, что специальных исследований по проблеме объяснения в психологии до недавних пор в отечественной психологической науке практически не было. Здесь, видимо, сказалось и недостаточное внимание психологов к этой проблеме, что отмечал М. С. Роговин, и отсутствие традиции рассмотрения этой проблемы в отечественной психологической науке. Отметим, что в зарубежной психологии проблеме объяснения посвящено значительное количество работ (*Fodor*, 1968; *Swart*, 1985; *Cammins*, 1983; *Brown*, 1963 и мн. др.).

О ПОЛЬЗЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Как уже отмечалось, проблема объяснения первоначально была поставлена в философии науки и именно в философии науки были получены наиболее важные результаты, которые в настоящее время представляют собой «классику» в данной облас-

ти¹⁷. Речь прежде всего идет о знаменитых работах К. Гемпеля и П. Оппенгейма, в которых вводятся ныне общепринятые понятия «экспланандум» и «эксплананс» (*Hempel, Oppenheim, 1948*). Как известно, согласно этой модели, объяснение эмпирического факта представляет собой его подведение под общее высказывание. В научном объяснении в качестве такого общего высказывания выступает утверждение о законе. Утверждение о законе может быть получено как индуктивно, на основе эмпирической генерализации, так и дедуктивно. В. А. Лекторский отмечает, что «гемпелевская модель объяснения предельно формальна: она не учитывает характер тех моделей, которые используются для интерпретации теории» (*Лекторский, 2004, с. 477*). Подход Е. П. Никитина к проблеме объяснения, согласно В. А. Лекторскому, существенно отличается от гемпелевского, поскольку он «сделал то, чего не сделал Гемпель: показал, что существуют разные типы объяснений в зависимости от моделей, принимаемых для интерпретации теории. Поэтому объяснения могут быть субстратными, структурными, причинными, функциональными и т. д. Каждый тип объяснения предоставляет разные возможности для истолкования имеющихся фактов и предсказания новых» (*Лекторский, 2004, с. 477*). Е. П. Никитин разработал классификации объяснений (по нескольким основаниям).

Достоинством классификации Никитина является ее логическая обоснованность. Как отмечает Е. П. Никитин, «предварительным условием классификации каких-либо объектов является выяснение их основных принципиальных характеристик, которые могут быть использованы в качестве оснований деления. Эти характеристики должны быть варьирующими, т. е. принимать различные значения применительно к разным группам исследуемого класса объектов. В противном случае они не могут служить основаниями классификации» (*Никитин, 1970, с. 43*).

Предложенная классификация построена по трем основаниям:

1. Характер эксплананса.
2. Характер экспланандума.

¹⁷ Ввиду ограниченности объема настоящей главы мы не рассматриваем историю проблемы объяснения в философии науки. Анализ литературы по данной проблеме см. в монографии Е. П. Никитина (1970).

3. Характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума.

Соответственно, получаются три классификации объяснений.

Первая классификация (по характеру эксплананса) предполагает выделение следующих типов:

1. Субстанциональные объяснения.
2. Атрибутивные объяснения.
3. Генетические объяснения.
4. Контрагенетические объяснения.
5. Структурные объяснения.

Вторая классификация (по характеру экспланандума) предполагает выделение следующих типов:

1. Факторологические (экспланандумами являются факты).
2. Номологические (экспланандумами являются законы).
3. Теориологические (экспланандумами являются теории).

Третья классификация по механизму объяснения (характер взаимосвязи эксплананса и экспланандума):

1. Объяснения через собственный закон.
2. Модельные объяснения.

На наш взгляд, эти исследования Е. П. Никитина имеют важное значение для психологии, т.к. в современной психологии явно не хватает строгой логической упорядоченности. Психологи привыкли рассуждать о множественности объяснений, но работа по конкретному отнесению того или иного выполненного исследования к той или иной объяснительной традиции обычно не проводится. Объяснения в психологии, как правило, выстраиваются интуитивно, выбор возможных типов и способов объяснения редко выступает как хорошо осознанный акт со стороны исследователя. Не уделяют должного внимания этим вопросам и историки психологии. Все это, на наш взгляд, препятствует разворачиванию интегративных тенденций в психологии.

Работы Е. П. Никитина по проблеме объяснения имеют, на наш взгляд, большое эвристическое значение для психологической методологии и в другом аспекте. Чрезвычайно важно, что объяснение в работах Е. П. Никитина рассматривается не само по себе, а более широком контексте – в рамках структуры научного исследования. К обсуждению этого вопроса мы еще вернемся в рамках настоящего текста.

О ВИДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

«Какого-либо стандартного, типового, а тем более нормативного объяснения в психологии не существует, психологами используется большое разнообразие видов объяснения, выбор которых определяется особенностями изучаемых объектов, базовыми методологическими ориентациями самих психологов и другими подобными факторами. Объяснения, которые дают изучаемым объектам нейропсихологи, существенно отличаются от объяснений, практикуемых психологами гуманистической ориентации, а, скажем, объяснения психоаналитиков выглядят весьма экзотически за пределами основополагающих принципов психоанализа» (Юревич, 2006, с. 98).

Мы уже отмечали, что, к сожалению, классификаций, подобных приведенной выше никитинской, в психологии не существует. Тем не менее, достаточную известность получило несколько классификаций.

Достаточно распространенной является классификация Р. Брауна, согласно которой объяснения можно разделить на 7 основных видов: 1) генетические объяснения, 2) интенциональные объяснения, 3) диспозиционные объяснения, 4) причинные объяснения, 5) функциональные объяснения, 6) эмпирические обобщения, 7) объяснения на основе теорий (Brown, 1963).

Характеризуя выделенные Брауном виды объяснения, Юревич отмечает, что «в реальности они не разделены какими-либо гносеологическими барьерами и вступают в разноплановые отношения друг с другом. Например, интенциональные объяснения часто развиваются в диспозиционные объяснения, и те и другие могут быть преобразованы в причинные объяснения, и т. п. Большинство реальных объяснений, используемых в психологической, как и в любой другой социогуманитарной науке, не сводятся к какому-либо одному из выделенных Р. Брауном видов, а представляют собой их переплетение, включая апелляцию и к интенциям субъектов объясняемых действий, и к их диспозициям, и к предшествовавшим объясняемым действиям событиям, и к внешним факторам, оказавшим влияние на эти действия, и т. д. (Юревич, 2006, с. 99). А. В. Юревич оценивает классификацию Брауна следующим образом: «описанная выше систематизация основных видов психологического объяснения выглядит

несколько упрощенной. Она, во-первых, не учитывает ряда реально используемых видов объяснения; во-вторых, изрядно обедняет возможности их синтеза и взаимовлияния. Вместе с тем эта систематизация не эфемерна, а задает реальную матрицу видов объяснения, которые имеются в распоряжении психолога» (Юревич, 2006, с. 99).

С такой оценкой классификации Брауна можно согласиться. Как и всякая эмпирическая типология, она имеет свои преимущества и недостатки.

Широкую известность получила также классификация психологических объяснений, разработанная классиком психологии Ж.Пиаже. Пиаже отмечает, что «существуют два основных типа или по крайней мере два полюса в объяснительных моделях в зависимости от того, направлены они на: а) сведение сложного к более простому или психологического к внепсихологическому или б) на конструктивизм, в большей или меньшей степени остающийся внутри границ «поведения». Так как модели редукционистского типа в свою очередь могут сохранять преимущественно психологическую окраску или, напротив, стремиться к сведению психологического к фактам, выходящим за его пределы, мы фактически приходим к трем крупным категориям (А–В), причем каждая из двух последних предполагает три разновидности» (Пиаже, 1966, с. 167). Приведем эту классификацию Пиаже (Пиаже, 1966, с. 167–168).

А) Психологический редукционизм: он состоит в поисках объяснения определенного числа различных реакций или действий посредством сведения их к одному и тому же причинному принципу, остающемуся неизменным в ходе преобразований.

Б) Формы редукционизма, объясняющие реакции ил действия ссылкой на факты, выходящие за пределы психологии. Отсюда три разновидности:

Б₁) Социологические объяснения в психологии, или вообще психосоциальные объяснения, пытающиеся объяснять индивидуальные реакции с точки зрения взаимодействий между индивидами или структур социальных групп различных уровней.

Б₂) Физикалистские объяснения, которые исходя, из изоморфизма психических и органических структур соответственно моделям поля, основывают в конечном счете эти последние на фи-

зических соображения.

Б₃) Органистские объяснения вообще, сводящие психологическое к физиологическому.

В) «Конструктивистские»: такие типы объяснения, которые, предусматривая, конечно различного рода сведения (так как это по крайней мере один из аспектов всякого объяснения) делают основной акцент на процессах конструкции.

В₁) Модели типа «теории поведения», которые обладают тем общим признаком, что координируют различные законы обучения в системы, сосредоточенные на приобретении новых форм поведения.

В₂) Модели чисто генетического типа, при помощи которых исследователи ищут в развитии некоторые конструктивные механизмы, способные объяснить появление нового опыта, не прибегая только к приобретенному опыту.

В₃) Абстрактные модели, которые не предполагают выбора между различными возможными субстратами, чтобы лучше выявить в самой общей форме, соответствующей психологическим требований, механизм самих конструкций.

Как уже упоминалось, критика этой классификации была предпринята М. С. Роговиным (*Роговин, 1979, с. 57–62*). Остановимся лишь на некоторых моментах, подчеркнутых М. С. Роговиным. «Рассматривая предлагаемые Ж. Пиаже типы объяснений, можно констатировать, что основные лежащие в основании деления понятия «сведения» и «конструирования» носят у него достаточно неопределенный и двусмысленный характер. В них совершенно не разведены объективный и субъективный моменты. «Сведение» выступает у Пиаже фактически и как субъективное, возникающее у психолога в ходе исследования понимание и как объективный процесс перестройки знания при сопоставлении имеющихся психологических данных с тем или иным материальным субстратом. То же относится и к «конструированию» – это и субъективный процесс, включающий такие компоненты, как комбинирование, оперирование образами и знаками, абстрагирование, анализ и синтез, обобщение, и в то же время этим термином обозначается и объективное логическое содержание» (*Роговин, 1979, с. 62*). «Несколько безразличное отношение Пиаже к строгому определению основания производимого им деле-

ния видов объяснения связано и с тем, что все равно каждый из них является принципиально неполным, в том смысле, что, по его мнению, всегда должно существовать отношение дополнительности между моделями сведения и конструктивными абстрактными моделями. И в ходе своего изложения Пиаже действительно все время дополняет один вид объяснения другим. Поэтому, установив основные признаки объяснения (логическую необходимость отношений и реальность тех причинных связей, на которые она накладывается), Пиаже счел возможным основываться в дальнейшей разработке классификации всего лишь на критериях, которые показались ему наиболее удобными» (Роговин, 1979, с. 62–63). Роговин отмечает, что «в классификации Пиаже обращает на себя внимание отсутствие функционального объяснения, безусловно играющего важнейшую роль в психологии; его не то, чтобы совсем нет, но этот вид объяснения как бы растворяется в других, не совсем с ним совпадающих» (Роговин, 1979, с. 63). По мнению Роговина, «в результате произведенной им классификации видов объяснения Пиаже все же не удается выйти за извечные рамки психофизиологического параллелизма, параллелизма психических и нервных процессов, – проблемы, решение которой Пиаже мыслит в плане намечаемой им дополнительности, но реализацию которого он предоставляет будущему» (Роговин, 1979, с. 63).

Обратим внимание на то обстоятельство, что в этой классификации видов объяснения, как представляется, заложено глубинное противоречие. Из семи выделенных типов шесть относятся к поведению, один к сознанию. Обратим внимание на то, что собственно *психологии* здесь чрезвычайно мало (напомним, что предметом психологии является *психика*, которая и «соединяет» эти категории). Как мы покажем ниже, это совсем не случайно. Другой момент заключается в том, что Пиаже приходит к психофизиологическому параллелизму. Психофизиологический параллелизм – это тот ход, который позволил психологии стать самостоятельной наукой, конституировал психологию (см. первую главу настоящей книги). Но когда психология как дисциплина уже существует, это противопоставление психологического и физиологического не представляется слишком актуальным. Грегори Бейтсон в свое время проницательно заметил, что это не луч-

шая оппозиция. По его мнению, юнговское противопоставление плеромы и креатуры конструктивнее. Такое разделение на психическое и физиологическое лишает психическое энергетических характеристик, делает его нежизнеспособным, чисто «логическим» отражением. Физиологическое оказывается «слепым» и не- конструктивным. Независимость рядов является мнимой, поскольку одно без другого не существует, а допущенный разрыв обесмысливает функционирование безжизненных «половинок». Вспомним про мечту Л. С. Выготского о возвращении к монистическим идеям Спинозы. (К обсуждению этого вопроса мы вернемся в последнем разделе данной главы).

ПОЛЕЗЕН ЛИ РЕДУКЦИОНИЗМ?

Не имея возможности в рамках настоящей главы обсуждать все аспекты проблемы объяснения в психологии, остановимся более подробно на вопросе соотношения редукционизма и объяснения в психологии.

В статье А. В. Юревича, на которую мы уже ссылались, содержится очень важное и интересное положение, касающееся возможностей редукционизма и правомерности его использования в современной психологической науке. А. В. Юревич отмечает: «Редукционизм подвергался, и вполне справедливо, беспощадной критике многими классиками отечественной психологической науки. Ни в коей мере не подвергая сомнению справедливость этой критики, все же следует отметить, что в современной – постнеклассической – науке, характеризующейся нарастанием интегративных тенденций, редукционизм выглядит несколько иначе, а, формируя общее отношение к нему, необходимо учитывать риск выплеснуть с водой и ребенка. Дело в том, что у редукционизма имеется необходимый для любой науки смысл – *выход в процессе объяснения за пределы самой объясняемой системы*» (Юревич, 2006, с. 101–102).

А. В. Юревич продолжает: «В общем, редукционизм, рассматривающийся в психологии в качестве одного из худших видов "методологического криминала", вместе с тем широко распространен и, по всей видимости, неизбежен. А декларированное отношение к нему напоминает весьма характерное для науки, как и для обыденной жизни, провозглашение норм и принципов, которые заведомо не могут быть соблюдены. По всей види-

ности, редукционизм, т.е. выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении, не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений» (Юревич, 2006, с. 102).

А. В. Юревич подчеркивает, что «подлинно научное объяснение предполагает поэтапную редукцию - последовательное перемещение объясняемых явлений во все более широкие системы координат, сопровождающееся абстрагированием от их исходных свойств. Если следовать этой схеме, а ей следуют все естественные науки, то придется признать, что психологии придется не только легализовать все основные виды редукционизма, которых она упорно стремится избежать - биологического, социального и др., но и превратить их в хотя и не строго обязательные в каждом конкретном случае, но желательные ориентиры психологического объяснения. В отсутствие же таких ориентиров психологическое объяснение неизбежно будет вращаться в кругу понятий, которые сами требуют объяснения, иметь больше сходства с житейскими, чем с научными объяснениями, а психологическая наука останется далекой от той упорядоченной системы знания, о которой давно мечтают психологи» (Юревич, 2006, с. 103).

А. В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редукционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределами самого психического. Как пишет Ж. Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Не трудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у adeptov t.n. гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предлагающей «наведение мостов» между гуманитарной и естественнонаучной парадигмами» (Юревич, 2006, с 103–104).

Прежде всего отметим, что сформулированная А. В. Юревичем позиция обладает существенной новизной, т.к. немногие авторы сегодня отваживаются на «оправдание» редукционизма. Представля-

ется, что не со всеми положениями, сформулированными А. В. Юревичем, можно согласиться.

Во избежание недоразумений стоит заметить, что автор настоящих строк вовсе не считает редукционизм абсолютным злом и готов согласиться с тем, что *в некоторых случаях* он может быть полезен. Более того, автор является сторонником интеграции психологии, предполагающей «наведение мостов» между различными парадигмами в психологической науке. Вместе с тем представить редукционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественнонаучной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии. Перспектива редукционистского обращения с предметом хорошо описана П. Я. Гальпериным: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более, что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» (Гальперин, 2002, с. 39). К проблеме предмета психологии нам

еще предстоит вернуться в заключительной части настоящего раздела.

Обратимся к самой процедуре редукции. Редукция, как хорошо известно, представляет собой: а) сведение более сложного к простому и б) выход за пределы объясняемой системы. Остановимся на этих двух моментах более подробно.

Сведение более сложного к простому. В психологии это должно означать сведение психологического к непсихологическому. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто «пассивное», «страдательное», произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а «со стороны», посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта «извне», через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обусловливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» (Никитин, 1970, с. 88–89). Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки).

Выход за пределы объясняемой системы. А. В. Юревич поясняет это следующим образом: «С целью обоснования этого тезиса вновь обратимся к случаю Ньютона. Если бы он объяснял падение яблок чем-то, относящимся к самим яблокам, такое объяснение имело бы много общего с шпрангеровским «psychologica – psychological». Ботаники и любители яблок, возможно, были бы удовлетворены, но закон всемирного тяготения не

был бы сформулирован. Если бы Ньютон абстрагировался от яблок, рассмотрев их как частный случай тяжелых тел, но пытался объяснить падение этих фруктов их собственными свойствами, то оказался бы на уровне объяснения, сопоставимым с тем уровнем, на котором нет грани между индивидом, группой и обществом, и все они рассматриваются как «социальные объекты», погруженные в единую систему детерминации (пример ее построения – синтетическая система каузальности, о которой пишет У. Томас). Но и в этом случае, предполагающем выход за пределы объясняемой системы, закон всемирного тяготения не был бы открыт. Понадобился бы и еще один «выход», да такой, что первоначальный объект объяснения оказался включенным во вселенскую перспективу, где от его исходных свойств осталось немногое. И именно эти «выходы», т. е. поэтапное помещение объясняемого объекта во все более широкую перспективу позволило его объяснить. А если бы Ньютон объяснял падения яблок свойствами самих яблок, он бы не объяснил, почему они падают на землю (Юревич, 2006, с. 102–103).

Если обратиться к гипотетическому случаю Ньютона, то следует отметить, что великого физика, по-видимому, интересовало все же не падение яблок, а *падение объектов*. Падение яблока (если таковой эпизод имел место) вовсе не явилось причиной формулирования закона всемирного тяготения: Ньютон мыслил как физик в *физических категориях*. Иными словами, это было классическое проявление «галилеевского» способа мышления (К. Левин). Заметим, кстати, что выход за пределы объясняемой системы не обязательно предполагает редукцию. Более того, по-видимому, выход за пределы объясняемой системы есть признак объяснения вообще, т.к. экспланандум и эксплананс не совпадают: «Эксплананс по содержащейся в нем информации не должен быть тождественным экспланандуму и не должен содержать экспланандум как свою часть (если даже он и представлен в других терминах)» (Никитин, 1970, с. 36). «Эксплананс должен отображать ту же предметную область, что и экспланандум, или закономерно связанную или сходную с ней в некотором существенном отношении» (Никитин, 1970, с. 35).

Использование редукции очень часто приводит к результатам, которые мало что добавляют к уже известному, поэтому их

познавательная ценность в большинстве случаев минимальна. Е. П. Никитин приводит пример с мальчиком, который на вопрос «Почему колокола звонят на Пасху?» дал замечательный (при том вполне редукционистский) ответ-объяснение: «Потому, что их дергают за веревочки» (*Никитин, 1970, с. 91*).

Здесь уместно вспомнить, что объяснение имеет исключительную ценность: считается, что наука должна давать объяснения, без объяснений нет науки¹⁸. Таким образом, «уважающая себя» наука просто обязана объяснять. Возникает искушение дать объяснение ради объяснения, чтобы оно формально присутствовало. Как говорил М. К. Мамардашвили, «explaine away» – «от-объяснить» (иными словами, не дать полноценное объяснение феномена, а «обозначить» его). Поэтому редукция зачастую представляет собой псевдообъяснение. Другой вариант редукции в объяснении приводит к тому, что Абрахам Маслоу называл, «объяснить до уничтожения». Он имел в виду так называемые «научные» объяснения, которые объясняли творчество, любовь, альтруизм и другие великие культурные, социальные и индивидуальные достижения человечества таким образом, что от этих феноменов мало что оставалось. Конечно, предпочтительнее такие объяснения, которые не уничтожают объясняемый феномен. И это большей частью именно нередукционистские объяснения.

С позицией, сформулированной А. В. Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т. В. Корнилова (*Корнилова, 2006*). Такие перемещения объяснительных координат, по А. В. Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т. В. Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации). В-третьих, главное возражение идет из разделяемой мною пози-

¹⁸ Еще Демокрит говорил, что «предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол».

ции, что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне (...) Это скорее та «метадигма», которая является одной из возможных в психологии. С такой позиции апелляция к объяснительным редукционистским теориям – регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляций к другому уровню систем (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мультипарадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» (Корнилова, 2006, с. 96). Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать «порочный круг» за счет многоуровневости, связываемой с выходом за рамки системы *психологического знания*, методологически проблематично» (Корнилова, 2006, с. 97).

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Остановимся на этом вопросе более подробно в последнем разделе настоящей главы.

ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

Проблема объяснения может быть адекватно решена в том случае, если она анализируется не изолированно, а включена в более широкий контекст. Напомним, что Е. П. Никитин анализировал объяснение в структуре научного исследования. Еще раз обратимся к цитированной выше работе Ж. Пиаже об объяснении. Исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического

изучения, позволяющего «обнаружить законы». Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Обратим внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов исследования и их обусловленности «выносится за скобки»: его как бы не существует.

Между тем, упомянутая глава об объяснении в психологии, написанная Ж. Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П. Фресс проницательно замечает, что «научная деятельность – это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором» (Фресс, 1966, с. 100). Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен быть вопрос о соотношении теории и метода – если мы хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения (и в значительной степени производного от него объяснения). Как нам представляется, включение проблемы объяснения в более широкий контекст позволяет лучше понять специфику объяснения в психологии. По нашему мнению, задать такой контекст может схема соотношения теории и метода в психологии.

Нами было проведено исследование (Мазилов, 1998) соотношения теории и метода в психологии. Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 2, с. 167).

Остановимся лишь на некоторых его результатах в связи с проблемой объяснения. На наш взгляд, такое рассмотрение позволяет лучше понять происхождение объяснения в научном психологическом исследовании, проследить эволюцию форм объяснения на ранних этапах развития психологической науки.

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно,

почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый – объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

В плане постановки проблемы объяснения важным является случай, когда начинает использоваться объяснительная категория не совпадающая с базовой. Это можно считать первой формой собственно психологического объяснения. Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория

«процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (*Ach*, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы начинает использоваться объясняющая.

Как нам представляется, требуется продолжение такого рода исследований, направленных на изучение форм объяснения, использовавшихся в истории психологии на более поздних этапах. Можно полагать, что такие исследования позволят лучше понять специфику объяснения в психологии.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ (О СПЕЦИФИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ)

Как уже упоминалось, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии. Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недоразумений.

Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (см. об этом: Мазилов, 2003). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит), мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии. Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой классика психологии XX столетия Ж. Пиаже (*Пиаже*, 1966). (Подробный анализ положений, содержащихся в работе Пиаже, см. в главе о предмете психологии).

Реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удается. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом. Дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой* – не только самостоятельной, но самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж.Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой сопровождающимися их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или как обычно говорят, «параллелизм» (*Пиаже*, 1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание - лишь субъектив-

ный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического).

Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может. Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К. Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica – psychological*» (объяснить психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Мы уже затрагивали этот вопрос в главе о предмете, когда обсуждали юнговские представления о психологии. Обратим внимание, что подход Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редукционистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редукционистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация – часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (Сэмьюэлз и др., 1994, с. 19). Как мудро заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приноровлена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж. Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология неудачно определяет свой предмет. Как нам представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редукционизма в психологии неактуальной.

И, наконец, в заключение настоящей главы отметим, что в настоящее время совершенно ясно, что научная психология еще далека от того, чтобы претендовать на создание единой универсальной теории. Соответственно, реальностью является *множественность* видов объяснения и *существование* различных видов объяснения. Поэтому дискуссии о том, какие виды объяснения предпочтительнее, имеют смысл в перспективном отношении: для определения главных тенденций в развитии психологической науки. Для современной методологии актуальной остается задача разработки проблемы объяснения в ситуации «*множественности* методологических подходов и соответственно средств методологического анализа» (Корнилова, 2006, с. 94).

Библиографический список

1. Гальперин П. Я. Лекции по психологии: Учебное пособие для студентов вузов. М: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002.
2. Корнилова Т. В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений // Психологический журнал. Том 27, №5, 2006, с. 92–100.
3. Лекторский В. А. Евгений Петрович Никитин – человек, философ // Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Россспэн, 2004.
4. Мазилов В. А. Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
5. Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Россспэн, 2004.
6. Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.
7. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.

8. Роговин М. С. Психологическое исследование. Ярославль, 1979.
9. Сэмьюэл Э., Шортэр Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994.
10. Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.:Прогресс, 1966, с. 99–156.
11. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал, № 1, 2006, с. 97–106.
12. Ach N. Ueber die Willenstätigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhange: Ueber das Hippsche Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
13. Brown R. Explanation in social science. Chicago, 1963.
14. Cammins R. The Nature of psychological Explanation. London: MIT press, 1983.
15. Fodor J.A. Psychological Explanation: An Introduction to the Philosophy of Psychology. N.Y.: Random House, 1968.
16. Hempel C.G., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science, 1948, Vol. 15, № 2, pp. 135–175
17. Swart H.A.P. Explanation in Psychology. Delft: Eburon, 1985.

4.6. МЕТОДОЛОГИЯ КОМПЛЕКСНЫХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Как справедливо отмечают Л.И.Киященко и В.А.Моисеев, "в переживаемое нами время перед философией науки и собственно наукой встали сложные задачи, которые требуют объединения многих дисциплин. Оформляется сфера междисциплинарности. Возникли экологические, технологические, биоэтические и т.п. направления научного исследования, которые требуют согласованных действий и достижения взаимопонимания, установления единых норм поведения. Такого рода теоретико-практические объединения выступают естественным основанием для возникновения и выяснения особенностей функционирования междисциплинарности как одной из форм постнеклассической науки. К указанным особенностям

мы также относим следующие. Междисциплинарность как форма объединения современного научного знания возникает как непосредственная реакция на «злободневные», требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени решения проблемы. Далее, ситуация неопределенности, и можно сказать загадочности, возникает по сути самого «предмета». Он как бы уже есть, иначе как бы возникло междисциплинарное общение? Но его же еще нет – он лишь только может возникнуть по ходу и в результате контингентного соглашения на основе формирующегося взаимопонимания, в свою очередь влияющего на особенности междисциплинарного общения, где присутствует встреча различных языков, не только дисциплинарно организованных и не только документированных (письменных)" (Киященко, Моисеев, 2009, с.16-17).

Подчеркнем, что проблема междисциплинарных исследований представляет собой проблему и для философии науки, и для философии, и для конкретных дисциплин.

Обратим внимание на то, что использование термина "междисциплинарность" предполагает более или менее четкое представление о дисциплинарности. Не имея возможности здесь обсуждать этот вопрос, отметим, что дисциплинарность понимается нами вслед за М.К.Петровым, выделяющим, как известно, восемь составляющих любой дисциплины.

В известной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающийся швейцарский эпистемолог Ж.Пиаже (Piaget, 1970) различает следующие формы взаимодействия дисциплин:

- 1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;
- 2) собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;
- 3) трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика).

Представляет значительный интерес типология когнитивных систем, выделенная И.Т.Касавиным, развивающим идеи Ж.Пиаже. И.Т.Касавин в связи с этим отмечает: "Уточняя эту типологию, мы выделяем три соответствующие типа когнитив-

ных систем. Во-первых, речь идет о мульти (или поли-) дисциплинарных системах знания: биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т.п. Такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе" (Касавин, 2010, с.21). В рамках мультидисциплинарных систем, согласно И.Т.Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой, являются предметами исследования независимых дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники.

"Результатом второго типа взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как космические исследования, страноведение, науковедение, политология" (Касавин, 2010, с.21). Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются значительно меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языкознание, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений. Они взаимодействуют в целях создания целостной «картины социально-региональной реальности», которая, в свою очередь, дает семантическую интерпретацию фактов в каждой отдельной ресурсной дисциплине, обеспечивая их относительную интеграцию даже при отсутствии разработанной «теории страноведения» или «теории международных отношений» (Касавин, 2010, с.21).

"Наконец, в-третьих, в трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность" (Касавин, 2010, с.22). Таковы, согласно И.Т.Касавину, теория систем, теория самоорганизации, теория информации,

теория катастроф. В этих случаях наблюдается принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания (Касавин, 2010).

Представляются чрезвычайно важными следующие рассуждения И.Т.Касавина. Как отмечает автор, эпистемология м-исследований (междисциплинарных исследований) относительно слабо разработана. "В общем виде ясно, что м-исследования предполагают альтернативность эмпирической интерпретации, что приводит к резкому расширению сферы фактов по сравнению с д-исследованием (дисциплинарным исследованием)" (Касавин, 2010, с.13).

Особому характеру междисциплинарной эмпирии сопутствует, по Касавину, и необходимость политеоретического описания, а также интерактивный перевод с языка одной дисциплины на другой. Этот никогда не заканчивающийся перевод идет в поисках постоянных уточнений и кажется подлинным воплощением тезиса У.Куайна о невозможности радикального перевода. "Неустранимость из исследований диалога характеризуется выраженной несимметричностью при обмене результатами; одна из дисциплин периодически берет на себя креативную, нормативную или коммуникационную функцию. Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах, несводимых к д-результатам, то таковые обладают не столько объектной, сколько коммуникативной природой, т.е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования" (Касавин, 2010, с.13-14).

На наш взгляд, это имеет непосредственное отношение к междисциплинарным исследованиям в психологии. В этом случае есть существенное преимущество, т.к. в психологии есть возможность опираться на разработки в области коммуникатив-

ной методологии. Кроме того, отмеченные выше трудности позволяет снять разработка методологии и теории проведения междисциплинарных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки, в частности, такой широкой трактовки как субъективного мира человека.

В настоящее время организация комплексных психологических исследований сталкивается со значительными трудностями, вследствие чего комплексные исследования и разработки оказываются существенно менее эффективными, чем это предполагалось. Подчеркнем фундаментальный характер данной проблемы, от ее решения зависит эффективность осуществления как комплексных исследований в рамках психологии (взаимодействие между отраслями психологической науки), так и организация междисциплинарных исследований (взаимодействие психологии с другими науками). Хотя данной проблематике уделяется значительное внимание исследователей, проблема на настоящий момент не решена. Теория комплексных психологических исследований как научная концепция, отражающая специфику психологического исследования, еще не разработана. Причина этого состоит в том, что исследователи стремятся как правило разработать принципы организации и процедуры такого рода исследований. Предполагаем, что возможна разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания предмета психологической науки.

Эффективность комплексного исследования в психологии в значительной мере обусловлена степенью концептуального совпадения понимания и трактовки предмета психологии в научно-исследовательских подходах в тех предметных областях, которые будут взаимодействовать в данном исследовании, что фактически не учитывается в представленных в настоящее время концепциях комплексных исследований в психологии. Следовательно, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании. Новизна подхода состоит в том, что в нем реализуется разработка методологии и теории проведения комплексных психологических исследований, исходя из понимания пред-

мета психологической науки.

Развитие науки, как хорошо известно, представляет собой сложный процесс, включающий в себя и дифференциацию, и интеграцию знания. В настоящее время насчитывается большое количество самостоятельных научных дисциплин. От того, какое место занимает психология в системе наук, в большой степени зависит решение двух очень важных вопросов: 1) что психология может дать другим наукам, 2) в какой степени психология может использовать результаты исследований в других науках.

Первые классификации наук появились уже в античности. Насколько можно судить, одной из первых попыток разделения знания явилась классификация Платона. Он разделял все знание на диалектику, физику и этику. Классификация Платона представляет сегодня интерес чисто исторический, чего нельзя сказать о попытке квалифицировать учение о душе, предпринятой Аристотелем. Она, как и многое, написанное Великим Стагирийтом, выглядит совершенно современной: утверждается, что душу можно рассматривать с точки зрения как биологической (с точки зрения рассуждающего о природе), так и философской (с точки зрения диалектика): «Однако рассуждающий о природе и диалектик по-разному определили бы каждое из этих состояний души, например, что такое гнев. А именно: диалектик определил гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе – как кипение крови или жара около сердца. Последний приводит в объяснение материю, первый – форму и сущность, выраженную в определении (*logos*)» (Аристотель, 1975, т.1, с.373). «Мы сказали, что состояния души неотделимы от природной материи живых существ так, как неотделимы от тела отвага и страх» (Аристотель, 1975, т.1, с.373). Таким образом, если бы Аристотелю пришлось относить психологию (напомним, психологии в то время не существовало, как не было и самого термина, Аристотель говорил об учении о душе – *logos peri psyche*) к какой-то группе дисциплин, то по всей вероятности решение было бы двойственным – она относится одновременно и к биологическим, и к философским дисциплинам.

Нет возможности в настоящем тексте проследить эволю-

цию представлений о классификации наук и месте психологии внутри этой классификации. Отметим только, что это весьма интересный и перспективный сюжет. Поэтому перенесемся сразу в XIX век.

В XIX столетии большой популярностью пользовалась классификация наук, разработанная создателем философии позитивизма, французским ученым Огюстом Контом (1798-1857). В классификации Конта психология вообще места не нашлось. Отец позитивизма полагал, что психология не стала еще положительной наукой, а находится (согласно закону трех стадий) на метафизической ступени. Для первой половины XIX столетия эта констатация была в целом справедливой, хотя попытка заменить психологию френологией воспринимается как исторический курьез.

Обратим внимание на следующий факт. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название психологизм. Психологизм в конце XIX столетия был подвергнут резкой критике со стороны, в частности, таких выдающихся представителей психологической науки как Уильям Джемс, Гugo Мюнстерберг, Вильям Штерн. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала "положительной". Классификации наук и впоследствии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи и на новом этапе высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психология должна явиться основой для наук о духе. Классификации наук разрабатывались и в XX столетии. Одной из наиболее популярных явилась классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б. М. Кедровым (1903-1985). Согласно Кедрову, классификация

наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически это можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая).

Психология имеет тесные связи со всеми тремя группами наук, поэтому располагается внутри треугольника. Расположение психологии внутри треугольника не симметрично по отношению к его вершинам, а смешено в сторону философских наук, т.к. человеческое мышление (один из существенных разделов психологии) изучается не только психологией, но и философией и логикой. Психология, таким образом, имеет связи со всеми группами научных дисциплин, причем наиболее тесные с философией.

Несколько по-иному подошел к вопросу об определении места психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология одна из самых молодых наук ("математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!" (Пиаже, 1969, с.128). В докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966 год, Москва) Пиаже поставил вопрос в ином "направлении": что может дать психология другим наукам?

Ответ Пиаже знаменателен: "Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития". Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. "С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и

только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии" (Пиаже, 1969, с.152). Плодотворное будущее психологии он видит в развертывании междисциплинарных связей. Как известно, и классификация Piаже и классификация Кедрова подвергались критике, причем критике подвергались в первую очередь основания классификации и последовательность в их реализации (Пиаже, 1969, Роговин, 1979). Обратим внимание на глубокий и проницательный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: «У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию». Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» (Пиаже, 1969, с.154).

Б.Г.Ананьев в работе "Человек как предмет познания" рассмотрел связи психологии с другими научными дисциплинами. Анализ этих связей в рамках разработанной Ананьевым концепции комплексного человекознания позволил сделать вывод, что психология синтезирует достижения других наук (Ананьев, 1968, Ананьев, 1996). Известный отечественный психолог Б.Ф.Ломов в книге "Методологические и теоретические проблемы психологии" отмечал: "Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или во всяком случае большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции - это, конечно, задача философии" (Ломов, 1984 с.19). Ломов отмечает, что взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофи-

зиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д. Важным фактором дифференциации психологии являются именно отношения с другими науками (Ломов, 1984).

Сегодня, в начале второго десятилетия XXI века мы можем констатировать, что психология несомненно приобрела статус самостоятельной научной дисциплины, хотя реально ведущего центрального положения среди других наук пока еще не получила. Приходится констатировать, что прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

Важным событием явилась публикация статьи А.Л.Журавлева «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии». Работа посвящена чрезвычайно актуальной методологической проблеме, т.к. в психологии традиционно важное место принадлежит междисциплинарным исследованиям. А.Л.Журавлев отмечает: «В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социогуманитарных наук, но и всей науки в целом» (Журавлев, 2007, с.15). Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, т.к. «... сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» (Журавлев, 2007, с.17). Чрезвычайно актуально выделение уровней, на которых может быть реализовано междисциплинарное исследование: «В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – внутрипсихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей» (Журавлев, 2007, с.17). В первом

уровне могут быть выделены подуровни: «Внутрипсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем , но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии» (Журавлев, 2007, с.18). Второй уровень – внешнепсихологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. (Журавлев, 2007, с.20). «Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать» (Журавлев, 2007, с.21). Данный аспект важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно.

Исследователь делает глубокие выводы, касающиеся особой роли междисциплинарных исследований в области психологии. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. «Многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимо-

сти решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф.Ломову, систему ее измерений» (Журавлев, 2007, с.27).

«Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического» (Журавлев, 2007, с.28-29).

В работе А.Л.Журавлева рассматриваются также, что очень важно, трудности и ограничения, с которыми сталкиваются междисциплинарные исследования. Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. Автор анализирует трудности и ограничения междисциплинарных исследований в области психологии. Он утверждает, что:

1. Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.
2. Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).
3. Существуют сложности и трудности междисциплинарных исследований. «Междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей

этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие – вспомогательными и т.п.; - все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое» (Журавлев, 2007, с.32).

Отметим, что проблемы междисциплинарных исследований обсуждаются и в зарубежной современной психологии, в междисциплинарности просматриваются перспективы развития психологического знания (См. Valsiner, 2007).

По вышеприведенным материалам можно сделать некоторые обобщения, существенные для темы нашего исследования.

- Будущее и перспективы развития психологии напрямую зависят от ее междисциплинарных связей.
- Взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки.
 - Психология синтезирует достижения других наук.
 - Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.
- Могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейropsихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д.
- Наиболее эффективными междисциплинарными подходами можно считать те, которые были осуществлены в конце XX - начале XXI столетия и привели к формированию отраслей психологии. Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская,

социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность.

- Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического.

- Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.

- Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

- Чрезвычайно важной является идея уровней междисциплинарности психологии.

- Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания.

- Могут быть выделены долгосрочные перспективы для организации и проведения междисциплинарных исследований. Необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического.

- Могут быть выделены сложности и трудности междисциплинарных исследований (плуралистичность знания, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности и т.д.).

Ставя задачу построения концепции междисциплинарных исследований, следует особо подчеркнуть, что концепция носит принципиально уровневый характер. Обоснование этого положения дается в известных работах А.Л.Журавлева. Это чрезвычайно важно акцентировать, потому что уровневую природу имеет и сам предмет психологии.

Могут быть выделены следующие уровни междисциплинарных исследований: 1. Первый – внутристихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. В рамках внутристихологического уровня могут быть выделены подуровни. 1А) Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. 1Б) Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. 2. Второй уровень – внешнестихологический уровень междисциплинарности подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д.. 3. Третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилаась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать. Данный аспект принципиально важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстраивать перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно. Характеризуя концепцию междисциплинарных исследований, необходимо также подчеркнуть, что междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического (А.Л.Журавлев). По авторитетному сужде-

нию А.Л.Журавлева, «многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф.Ломову, систему ее измерений» (Журавлев, 2007, с.27). Подчеркнем, и это принципиально важно, что этот перечень - при всей важности этих фундаментальных проблем - ими не исчерпывается.

А.Л.Журавлев неоднократно подчеркивал, что необходимо разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными (психофизической, психофизиологической и психосоциальной) проблемами. Можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Таким образом, формирующаяся концепция междисциплинарных исследований, точнее ее второй уровень получает содержательное наполнение, а сама проектируемая концепция - в чем ее несомненное преимущество – сможет задавать наиболее перспективные векторы для осуществления междисциплинарных исследований. Представленность содержательных векторов в разрабатываемой концепции выполняет важную прогностическую функцию, что значимо при планировании междисциплинарных исследований: понятно, что могут быть выделены наиболее перспективные зоны для организации междисциплинарных исследований: с общественными науками через социальную психологию, с естественными - через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками - через медицинскую психологию, патопсихологию, нейropsихологию и др., с педагогическими - через психологию развития, педагогическую психологию и др., с техническими - через инженерную психологию и т.д. Таким образом, задаются векторы перспективных междисциплинарных исследований. Аналогичным образом, на первом уровне могут быть выявлены перспективные направления взаимодействия на

границах разных разделов внутри отрасли (уровень 1А) и на границах разных отраслей (уровень 1Б).

Как показали наши исследования, более или менее адекватная концепция междисциплинарных исследований может быть выстроена только в том случае, если при ее конструировании была заложена возможность различных трактовок предмета психологии. Как уже упоминалось, методологические основания (и основанная на них теория) должны раскрывать способ трактовки предмета, представленный в научных подходах, реализующихся в комплексном исследовании.

Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях. 1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. 2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотнесений и исследовательских процедур производить рост предметного знания. 3. Обеспечение функции предметного «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах. 4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

На страницах этой книги уже шла речь о предмете (погодробно см. раздел 4.2.). Здесь мы только подчеркнем, что при осуществлении междисциплинарных исследований важнейшее значение имеет функция операционального стола. Ясно, что при проведении междисциплинарного исследования преимущество будет подход, реализующий широкую трактовку предмета.

Назовем основные характеристики предмета. 1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус). 2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее

выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. 3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания. Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсychологическому.

Совершенно ясно, что из вышесказанного следует, что психологии полезно по возможности избегать причинно-следственных объяснений (см. подробнее в разделе про объяснение 4.6.), использовать преимущественно другие типы объяснений и стараться реализовать широкую и конструктивную трактовку предмета. Пока не будут выполнены сформулированные условия, ожидать существенного повышения эффективности междисциплинарных исследований не приходится.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во "Институт практической психологии"; Воронеж: НПО "Модек", 1996. 384 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1969. 339 с.
3. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 373.
4. *Журавлев А.Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология

- психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: ИПРАН, 2007, с. 15-32
5. Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М. : ИФРАН, 2010. С. 15-28.
 6. Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности [Текст] / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
 7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
 8. Мазилов В. А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с.205-237
 9. Мазилов В. А. Психология на пороге XXI века. Ярославль, 2001. 112 с.
 10. Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 356 с.
 11. Мазилов В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
 12. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль, 2007. 352 с.
 13. Мазилов В. А. Утраты и обретения: Еще раз о предмете научной психологии // Психология и практика: Ежегодник Российского Психологического Общества. Т. 4, выпуск 5 / Отв. ред. А. В. Карпов, В. А. Мазилов. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, Российское Психологическое Общество, 1998, с. 49–54.
 14. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157–194.
 15. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969. 168 с.

16. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 392 с.
17. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.
18. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Rebuilding Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // Integrative Psychological and Behavioural Science, 2007, 41, p.1-5

5. КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

ИНТЕГРАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В самом начале статьи «Методы интеграции психологического знания», на которую нам неоднократно придется ссылаться в настоящем тексте, А. В. Юрьевич (*Юревич, 2005*) пишет о призраке интегративной психологии, бродящем по психологической науке. Действительно, появился и соответствующий манифест, а, как хорошо известно, в добром манифесте всегда найдется место призраку – и не только в эпиграфе. Хочется надеяться, что призрак интеграции, по меньшей мере, такой же добрый как и его мультишный собрат Каспер. И намерения у него благие (и ничего разрушать он, кстати, не собирается - не только «до основания», но и в принципе). Впрочем, нам кажется, что этот призрак не что иное как материализация всегдашней психологической мечты о целостности или, если угодно, «тоски по целостности». Об этом писал в своей «Автобиографии» Джером Брунер: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несообщающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (Цит. по Зинченко, 2003, с. 117–118). Каждое новое поколение психологов приходит в науку с детской мечтой перестроить эту прекрасную науку с тем, чтобы психологи достигли хотя бы взаимопонимания. Но они не находят. И не оставляют энтузиазма адептов целостности предостережения методологических плюралистов, полагающих, что не надо никакой интеграции.... Впрочем, достаточно шуток, обратимся к собственно интеграции¹⁹.

Интеграция, как сообщает словарь иностранных слов, происходит от латинского *integratio* (восстановление, восполнение) и означает «объединение в целое каких-либо частей, эле-

¹⁹ Подчеркнем, что в данной статье речь будет идти о когнитивной интеграции, т.е. интеграции психологического знания. Другие важные аспекты проблемы интеграции в психологии: личностная интеграция, социальная, организационная и т.д. остаются за рамками настоящей публикации.

ментов». Представляется, что для психологии это глубоко символично, т.к. в конечном счете интеграция имеет своей целью восстановление изначальной целостности психического²⁰. В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, просто она – эта целостность – и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному.

Как хорошо известно, научная психология была конституирована во второй половине XIX столетия Вильгельмом Вундтом. В.Вундт обосновал физиологическую психологию как эмпирическую дисциплину, использующую метод эксперимента, что отвечало формальным требованиям «двойной программы» Канта (см. об этом *Мазилов*, 1998). Элементаризм научной психологии определялся именно кантовской критикой – Вундт создавал свою систему физиологической психологии, пытаясь устранить недостатки психологии, зафиксированные в основных положениях кантовской критики. Кантовские положения, напомним, частично пытались учесть предшественники Вундта (например, И. Гербарт, использовавший математику, но полагавший, что психология «не смеет экспериментировать»). Полностью кантовскую «двойную программу» осуществил создатель научной психологии Вильгельм Вундт. Нам важно отметить, что научная психология мыслилась Вундтом как позитивистская наука: ему представлялось, что как только будут выполнены требования (исследовать факты), законы психологии «откроются», а психология превратится в столь же достойную науку как химия (напомним, она служила идеалом научности, именно по ее образцу немецкий ученый строил психологию). Вундтовская концепция стала образцом психологии атомистической и элементаристской, атомизм и элементаризм критиковались представителями многих направлений в последующей психологии. Это настолько хорошо известно, что стало «общим местом». Куда менее известно другое: Вундт вовсе не был (как это часто представляют) противником целостности. Приведем небольшую ци-

²⁰ Поэтому важно обозначить два аспекта проблемы целостности: проблема «целостности психического» (выбор таких способов исследования, которые не нарушают целостности) и проблема «взаимодействия подходов» (построение комплексного исследования, которое позволило бы в теории «воссоздать» эту целостность).

тату из работы самого Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем «психическими соединениями» в широком смысле слова, или - так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями - какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (*Вундт*, б/г, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (*Вундт*, б/г, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «в процессах ассоциации, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое возврение» (*Вундт*, б/г, с. 118–119). Согласимся, что такого психолога трудно считать противником целостности. Заметим, что когда мы говорим о целостном подходе на первый план чаще всего выходят вопросы методологические. Современник Вундта Франц Брентано, развивавший целостный подход, отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к постижению целого. По мысли Брэн-

тано, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно *от целого*.

Этапом в развитии целостного подхода явилась известная работа Вильгельма Дильтея, известная у нас под именем «Описательная психология» (1894). Значительная часть этой книги посвящена критике конструктивного подхода в психологии, образцом которого является вундтовская психология. Решение Дильтея также широко известно – психология должна развиваться как описательная, расчленяющая наука. За основу берется целое, оно расчленяется по особым правилам, не нарушающим важнейших связей.

Если говорить о развитии идеи целостности в психологии, нельзя не упомянуть исследования школы «качества формы» и, конечно же, гештальтпсихологии, для которой проблема целостности стала центральной. Впрочем, объем настоящей публикации не позволяет останавливаться на анализе работ этого любопытнейшего направления в психологической науке. Тем не менее, отметим, что вклад в разработку проблемы целостности, внесенный гештальтпсихологией, переоценить невозможно.

Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том, как трактовать причины этой целостности. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила – апперцепция, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы» создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологии состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились каким-либо «псевдообъяснением» (указанием на какие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они пытались обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер проводил свои известные исследования по коллоидной химии. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников.

Начальные этапы развития научной психологии, как хорошо известно, были связаны с разработкой «простых» подхо-

дов: как уже отмечалось, Вундт полагал, что эмпирическое исследование само по себе обеспечит результативность психологического исследования (Вундт пересмотрел свои взгляды и в 1913 году утверждал, что психология не может существовать без философии, отделение от которой он сам четырьмя десятилетиями ранее и обосновал). Достаточно быстро возникли структурные, функциональные, процессуальные подходы к изучению психического. Они были дополнены уровневым и генетическим подходами.

Другая линия размежевания состояла в том, что возникли различные *предметы*: некоторые школы продолжали изучать сознание, другие стали исследовать поведение, трети предметом сделали глубинные пласти психического, обычно не осознаваемые самим человеком. Как справедливо отмечал М. Г. Ярошевский, различные направления в психологии сосредоточились на разработке отдельных категорий: образа, действия, мотива (Ярошевский, 1974).

Возникло множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Напомним, что особенно интенсивно интегративные процессы происходили в начале XX столетия, когда «простые», «одномерные» подходы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Затем эти процессы интеграции то усиливались, то ослабевали. Мощная волна интеграционного движения произошла в связи с возникновением системного подхода, получившего широкое распространение в психологии²¹. Но в целом реализация системного подхода не дала ожидаемых результатов (во многом это было связано с «модой» на системный подход, что привело к тому, что во многих исследованиях он использовался или некорректно или вообще лишь провозглашался, т.е. оставался декларацией). Отметим, кстати, что история системного движения в

²¹ Мы не станем здесь останавливаться на истории проблемы. Заметим только, что это, на наш взгляд, представляет собой исключительно интересную тему историко-психологического исследования.

психологии в полном объеме еще не написана, что представляется серьезным упущением историков новейшей психологии.

Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 году в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (гл. ред. проф. В. В. Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. Идеи интеграции широко обсуждались на последнем съезде РПО и на Международном психологическом конгрессе в Пекине. Как справедливо отмечает А. В. Юрьевич, интегративные настроения «явно отражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов, а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по «конфронтационному» пути) (Юревич, 2005, с. 377).

А. В. Юрьевич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько отличающихся между собой позиций. По мнению С.Д.Смирнова (Смирнов, 2004, с. 280–281), могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А. В. Юрьевич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С. Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму»), но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной» (Юревич, 2005, с. 380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, т.к., по нашему мнению, интеграция пси-

хологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Действительно, решение вопросов интеграции тесно связано с методологией психологии. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей. Наши взгляды по вопросу реформирования методологии психологической науки были изложены выше.

Характеризуя перспективы интеграции в современной психологии, А. В. Юрьевич отмечает, что «современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки в качестве одной из ее главных задач, однако ищут более «мягкие», «либеральные» варианты интеграции, нежели их монистически настроенные предшественники, игнорировавшие или «подававшие» концептуальные построения друг друга. В этих условиях первостепенной задачей становится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее модели, которая, во-первых, была бы действительно «либеральной», позволяющей избежать издережек «насильственной» или искусственно форсированной интеграции, характерной для прежних времен, во-вторых, – была бы все-таки моделью именно интеграции, а не легализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, – не выглядела бы как набор объединительных призывов, построенных по принципу «психологи всех стран и направлений объединяйтесь» (Юревич, 2005, с. 381). А. В. Юрьевич отмечает, что для того чтобы выработать или хотя бы представить себе модель интеграции, необходимо задаться естественным вопросом о том, что вообще могла бы представлять собой интеграция современной психологии. Отвечать на него логически целесообразно от противного, т. е. отталкиваясь от основных видов разобщенности или «разрывов» психологического знания, которые препятствуют его интеграции. «В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван «структурой») можно усмотреть три фундаментальных «разрыва». Во-первых, разрыв «горизонтальный» – между основными психологическими теориями и соответствующими психологически-

ми «империями» – бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др., каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности, свои правила ее изучения и т.п. Во-вторых, разрыв «вертикальный»: между различными уровнями объяснения психического – внутрипсихическим (феноменологическим), физиологическим (физическим), социальным и др., порождающий соответствующие «параллелизмы» – психофизический, психофизиологический и психосоциальный. В-третьих, «диагональный» – «разрывы» или, говоря словами Ф. Е. Василюка, «схизис» между исследовательской (академической) и практической психологией» (Юревич, 2005, с. 381–382). Согласно А.В.Юревичу, именно три обозначенных «разрыва» представляются основными, порождающими общую дезинтегрированность психологии, и соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение, выглядят как основные направления ее интеграции.

Интеграция в современных условиях представляется вполне реальной: «существующие в психологии теории не так уж непримиримы и «несоизмеримы» (в терминах Т. Куна) друг с другом, нынешнее психологическое сообщество не поделено на фанатичных адептов этих теорий, большая часть исследований строится на кросс-теоретической основе и воздает должное различным аспектам психического. Все это – проявления *естественной* «горизонтальной» интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и дает зримые плоды» (Юревич, 2005, с. 387).

По нашему мнению, важно различать стихийную (естественную, по А. В. Юревичу) интеграцию, которая происходит «самопроизвольно» в ходе развития психологического знания и целенаправленную, являющуюся результатом специальной деятельности психологического сообщества. Рассмотрению этих разновидностей психологической интеграции будут посвящены соответствующие разделы настоящей главы.

Стихийная интеграция

Представляется полезным рассмотреть на конкретном историческом материале реальные стратегии и способы, использовавшиеся психологами для усовершенствования своих концепций, которые неизбежно «сближают» различные подходы. Это один из возможных путей практической «стихийной» интеграции в психологии. Об этом хорошо написал А. В. Юревич: «Все реже можно встретить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) «чистым» бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство из них не является адептом какой-либо «одной отдельно взятой» теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию» (Юревич, 2005, с. 386). «Одним из проявлений социальной глобализации науки служит “размыкание” научных школ (которые Т. Кун называл “боевыми единицами допарадигмальной науки”, акцентируя, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции), их слияние, постепенное вытеснение “незримыми колледжами” и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых... Соответствующую тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: “Кто я – бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?” Наверняка, большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ “другое”, осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую “над-школьную” перспективу. (Исклучениями служат “закоренелые адепты”, к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адепта одной из школ). Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистскими, и психоаналитиками, идеи и Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на

разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях, когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А “чистого” бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое и оторванное от реальности воображение» (Юревич, 2005, с. 386–387). Представляется интересным рассмотреть (причем конкретно, не на уровне общих деклараций) те возможности, которые открываются при развитии научной школы в плане совершенствования первоначальной концепции и приводящие к ее сближению с другими научными направлениями. Рассмотрим такую эволюцию на примере гештальтпсихологии – одного из наиболее «целостных» и «бескомпромиссных» направлений в истории мировой психологии.

Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 году. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии в первой половине XX века, гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» (Fréss, 1966, с. 81). М. Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. и выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В. Вундт, Э. Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» (Ярошевский, 2005, с. 44). Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке.

На наш взгляд, особенно интересно рассмотреть, как осуществлялась эта стихийная интеграция в самом «целостном» направлении – гештальтпсихологии²². Для того, чтобы анализ основывался на конкретном материале, необходимо выбрать конкретную предметную область. Рассмотрим, как развивались в гештальтпсихологии представления о мышлении.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии и гештальтпсихологии со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечест-

²² За рамками настоящей работы остается очень интересный вопрос о взглядах на целостность К. Левина, одного из замечательных представителей гештальтпсихологии. Работы Левина двадцатых годов выполнены в методологическом русле гештальтпсихологии. В известной работе о переходе от аристотелевского мышления к галилеевскому (Lewin, 1931) намечена методологическая программа построения новой психологии. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

венной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоциализм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь, Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтистской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л. С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов (Мазилов, 2005).

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В.Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении. В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мысление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.
3. Мысление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).
4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).
5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).
6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).
7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).
8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).²³
9. «Нерефлексивность» мышления – мышление принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном

²³ В этом отношении несколько особняком стоит известная работа В. Келера, посвященная изучению интеллекта человекообразных обезьян, где в силу специфики объекта исследования принималось во внимание поведение, но использовался вариант феноменологического метода.

поле.

Итак, согласно исходным представлениям гештальтпсихологов, мышление рассматривалось исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно видеть три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30-е – 40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50–70-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальным установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи).

Уже в работах К. Дункера (1926, 1935) содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении за-

дач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера (1945), В. П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» (Зинченко, 1987, с. 11), «Вертгеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии» (Зинченко, 1987, с. 22), использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» (Зинченко, 1987, с. 23).

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны.

Лайош Секей (20 октября 1904 - 28 июня 1995). Л.Секей, венгерский психолог, получил биологическое образование, учennaя степень присвоена в 1930 году. В 1930 году вынужден был покинуть Венгрию. Секей встретился с Ференци и стремительно погрузился в психоанализ. После 1932 г. переехал в Нидерланды. Знакомство с Ф. Перлзом привело к тому, что Л.С. окончательно переориентировался с биологии на психоанализ (Волкова, 2014). Интересно, что Секей работал "в нескольких самых знаменитых психологических и психиатрических институтах Европы: во Франкфурте-на-Майне у Макса Вертгеймера, в Гейдельберге – у Груле, в Амстердаме – у Гезы Ревеша и в Ленинграде в научном институте им. В.М.Бехтерева" (Мур, 2001, с. 562). Заслуживает внимания пребывание Л.Секея в СССР: в 1936 г. Секей с женой приезжают в Москву. В первый же день происходит личное знакомство с А.Р. Лурией, с которым ранее

переписывались, приглашение к нему на обед. "Всемирно известный профессор жил в крошечной двухкомнатной квартире". Далее - работа в Бехтеревском институте. Рождение дочери. Чувство счастья, поездка в Крым. И - ощущение политики Сталина, репрессии. В ноябре 1938 г. они отбывают на поезде в Хельсинки. Начав серию экспериментов по психологии мышления в Хельсинкском университете, Лайош Секей становится ассистентом Д. Каца (Стокгольмский университет) (1944-1945). А также членом шведской психоаналитической ассоциации. Жена Л.С., Edith Székely, урожденная Sussmanowitz (1909-2012), известный психоаналитик (Волкова, 2014). «В ранних своих публикациях Шекели (Секей – В.М.) исследовал творческие процессы главным образом в рамках гештальттеории, но и в тех экспериментальных исследованиях уже проявлялся его зарождающийся интерес к психоанализу» (Мур, 2001, с. 567).

Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала (Székely, 1940, с. 79). Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером (1926, 1935). Это следует специально подчеркнуть, т.к. представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученика), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают принадлежащим этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?»), в решении (или нерешении) задачи.

Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единобразного» во всех случаях процесса: переструкту-

рирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. Хотя нельзя не отметить и появления новых мотивов. В частности, появляется интерес к неосознаваемым компонентам мышления. Со временем Пуанкаре было известно, что «большое» творческое мышление имеет бессознательные фазы. Секей – в чем его несомненная заслуга – ставит вопрос применительно к мышлению, связанному с решением «практических» проблем. Секей ставит центральный вопрос: к какой области душевного аппарата принадлежит это переструктурирование мыслительного материала, приводящее к решению задачи? Многое указывает на то, что это тесно связано с бессознательным. Цель исследования, предпринятого Л. Секеем, «проследить ускользающее от восприятия и самоконтроля возникновение созидательной идеи и несколько прояснить ее структуру» (*Szekely*, 1940, с. 79). Испытуемые получали «практическое задание», для решения которого не нужны были специальные знания. Использовалась задача «на равновесие». Испытуемый садился за стол, на котором находились: трехгранная призма; деревянная планка; латунный кружок, который подходит к планке, но его отверстие так узко, что он не может по ней скользить; наполовину заполненный спичками коробок; огарок свечи; маленький игрушечный мышонок и маленькая игрушечная кошка из фетра; семь пар цилиндров различной тяжести. Планку на ее концах нужно загрузить какими-нибудь из имеющихся предметов и установить в положении равновесия на тупом конце призмы. Планка должна быть расположена поперек ребра, а не параллельно ему. Задание состоит в следующем: «сделать так, чтобы планка оставалась лежать на призме только примерно две-три минуты, а после истечения этого промежутка времени сама опрокидывалась». «Сама опрокидывалась» означает, что расположения предметов, однажды уже приведенных в равновесие, нельзя касаться ни прямо, ни косвенно: сооружению предоставляется полная самостоятельность, и оно должно совершенно спонтанно опрокинуться через некоторое время» (*Szekely*, 1940, с. 83). Правильное решение задачи состоит в том, что планка должна быть уравновешена так, чтобы с одной стороны находился зажженный огарок свечи – потеря веса в резуль-

тате горения приведет с течением времени к необходимому нарушению равновесия. Задача представляет известную трудность для испытуемых. Анализируя ход решения задачи, Секей отмечает, что в протоколах экспериментов у некоторых испытуемых отмечалось «состояние бесплановых действий, рассеянности, разбросанности, из которого и возникало готовое решение» (Szekely, 1940, s. 83).

Согласно Секею, только небольшая часть процесса мышления протекает в вербальной форме, наибольшая же связана с моторным или сенсомоторным кодами. По Секею, мышление имеет выраженный фазный характер: «Процесс мышления можно представить себе как непрерывный переход от вопроса к ответу, затем осуществление на практике, критика, новый вопрос, ответ и т.д.» (Szekely, 1940, s. 83). В этой работе Секей вводит широко известное понятие о «латентных свойствах». Представляется полезным напомнить о трактовке, которой придерживается сам автор: он говорит о свойствах не предмета, а представления о нем. «Мы хотим так выразить это положение: потеря веса при горении – свойство свечи, которое не используется для организации ее структуры в нашем сознании. Поэтому это объективно существующее свойство может быть названо латентной чертой мысленного образа свечи» (Szekely, 1940, s.. 89). Испытуемый сообщает: «сначала я манипулировал со свечой как твердым телом». До этого он манипулировал с целым рядом твердых предметов. Когда очередь дошла до свечи, латентное свойство свечи вдруг выдвигалось на передний план, а качества раньше значительные отодвигались «на второй план». Если трудность основана на том обстоятельстве, что необходимое свойство трудно найти в твердых телах, то задача должна решаться гораздо легче, если среди предметов будут легко испаряющиеся, летучие вещества. Чтобы проверить это, вводили вариацию опыта: к семи предметам добавляли восьмой – маленькую бутылочку с эфиром или бензином. Опыты однозначно подтверждают предположение: даже «слаборазвитые паралитики» легко решают задачу в этом случае (Szekely, 1940, s.. 89). «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» (Szekely, 1940, s. 87). «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены опре-

деленные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» (Szekely, 1940, с. 88). Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования ... принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» (Szekely, 1940, с. 94). Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем, чисто вспомогательное значение, но, как мы увидим, это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепции ученого.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделен-

ных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (40-е – начало 50-х гг.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т.п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (50-е – 70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) (Szekely, 1976), посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически, эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяют почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

Обратимся к второй работе Секея (Szekely, 1976). Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. «Во время изучения одного очень одаренного технologа представился редкий случай проследить интимные подробности мыслительной работы при решении конструкторской задачи. Его мышление иногда теряло самостоятельность и втягивалось в сферу невротического конфликта. Анализ такого конфликта привел к тому, что мыслительный процесс опять восстановился и продвинулся вперед» (Szekely, 1976, с. 140). Свою позицию Секей фиксирует как позицию «когнитивной психологии», противопоставляя ее «психологии факторов».

Он отмечает два основания «когнитивной психологии»: 1) временную характеристику – мыслительные процессы являются изменениями во времени. Это время может быть измерено минутами, часами, днями, неделями, месяцами или годами. В лаборатории поиск решения задачи длится минуты или часы. В «свободной природе» для этого нужно, как правило, более длительное время: от первого изумления до завершения теории относительности Эйнштейн размышлял более двадцати лет; 2) предпосылку внутренней презентации. Репрезентация, согласно Секею, есть некая гипотетическая структура, с помощью которой человеческое существо организует свой опыт для будущего употребления (или злоупотребления). Что касается второго основания, то здесь заметно влияние исследований Ж. Пиаже и Дж. Брунера. Пристальное внимание к исследованию организации структур опыта – то новое, чего явно не хватало в работе 1940 года.

Секей подчеркивает, что протекание изобретающего мышления, которое происходит «в жизни» нельзя наблюдать непосредственно, т.к. оно может длиться, как правило дни, недели, месяцы. При детальном анализе хода решения задачи полезно различать: 1) содержание мышления; 2) этапы (фазы) мышления; 3) механизмы мышления; 4) уровни организации мышления. Под содержанием мышления Секей понимает не только то, что представляет «конечный продукт мышления», готовую мысль, но и мыслительное содержание, которое возникает по ходу развития мышления, возможно, впоследствии отвергается и в конечном продукте больше не заметно. Секей также различает первичные и вторичные элементы содержания: первичными являются слова, зрительные образы, двигательные образы, кинестетические элементы, которые включаются в мыслительный процесс, вторичными – классы и отношения. Под фазами или этапами мышления Секей понимает перерывы в процессе мышления, как они были подробно описаны Дункером. Каждый период представляет (по отношению к предыдущему) преобразование, трансформацию и уточнение решения задачи, по отношению же к последующему – уточнение постановки проблемы. В механизмах мышления Секей различает манипуляции и операции: манипуляции – это мыслительные действия, кото-

рые выполняются на реальных предметах, а операции представляют собой интериоризированные манипуляции, которые производятся не с реальными предметами, а с символами, понятиями, логическими отношениями. Понятие уровня организации относится к таким свойствам протекания мышления как толерантность-нетолерантность к противоречиям, толерантность-нетолерантность к нереалистическим представлениям и предположениям.

Содержание мышления (как и само протекание мышления) могут быть как сознательными, так и неосознанными. Центральным понятием в этой работе является «творческая пауза»: центральный и наиболее загадочный этап мышления. «Выражением творческой паузы мы можем обозначить интервал времени, который начинается, когда размышающий прерывает свое занятие с нерешенной проблемой, и заканчивается, когда внезапно и неожиданно возникает решение проблемы или идея. В сознании творческая пауза заполняется активностью, не связанной с проблемой. Длительность творческой паузы может сильно варьировать. При продуцировании острот, к примеру, она составляет только несколько секунд или даже только доли секунды, так что факт творческой паузы совсем не замечается. В других случаях творческая пауза может длиться часы, дни, недели и годы» (Szekely, 1976, с. 145).

Отметим, что творческая пауза это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Предварительная гипотеза, формулируемая Секеем: во время творческой паузы мобилизуется как имеющийся у субъекта по различным поводам опыт, так и основанные на нем выводы, они интегрируются, «принимаются во внимание» в общем поле (Szekely, 1976, с. 149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс до и после творческой паузы. «Во время творческой паузы учет каузального строения действительности незначителен, а иногда совсем отсутствует. Это мышление фантазирующее. Можно играть с идеей, устанавливать нереалистические, недействительные, неправдоподобные связи, и тогда

возникают самые рискованные аналогии. Те аспекты, которые находятся в центре внимания реалистического мышления, могут быть забыты, а другие, которые образуются едва замечаемым фоном, могут быть приняты во внимание и получить четкое освещение» (*Szekely*, 1976, s. 149-150). Размышляющий, согласно Секею, совсем не осознает этого. Он не знает о том, что он, сознательно занимаясь чем-нибудь другим, удерживается как-то на своей проблеме. Так как каузальное строение той части действительности, которой занимается размышляющий, никогда не может быть полностью известным, то строгие ограничения конвенционального мышления не способствуют решению некоторых задач. Играющее мышление во время так называемой творческой паузы имеет шанс охватить те связи, которые могут быть применены для решения проблемы.

Для понимания подхода Секея на этом этапе важно понятие «репрезентативный мир». Остановимся на нем несколько подробнее. Секей пишет, что под выражением «репрезентативный мир» следует понимать такие гипотетические структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве. Эти структуры организуются из впечатлений. Впечатления происходят, с одной стороны, из действительности внешнего мира, с другой стороны, возникают через ощущения из глубин собственного тела или из самого психического аппарата, как, например, радость, удовлетворение, желание, напряженность потребностей и т.д.

Чрезвычайно интересны рассуждения Секея о рождении репрезентации: «В первые годы жизни автономия Я-функции ещеrudиментарна. Построение репрезентативного мира происходит при господстве инстинктов и объективных отношений. Каким образом руководимый инстинктивными желаниями ребенок обогащает свои знания об обстоятельствах внешнего мира, как он экспериментирует, наблюдает, делает открытия и выводы из информации, приобретенной по необходимости, все это оставляет следы в структуре репрезентативного мира. Проблема, как в потоке разнообразных впечатлений вырабатываются «сходство» и «различие», приковывала интересы мыслителей от Аристотеля до Фрейда и Пиаже» (*Szekely*, 1976, s.154). «В наброске 1895 г. Фрейд выдвинул гипотезу, что для понимания перцептивного комплекса необходим соматический опыт, осо-

бенно кинестетические и моторные образы памяти. В одной из своих работ я продолжил эту линию мысли (Секей, 1952) и подкрепил наблюдениями за детьми. Я ссыпался на то, что двухлетний ребенок, видя в первый раз дефекацию у птицы, уже может понять, что делает птица. Это основывается не на том, что ребенок открывает сходство между теперешним, зрительным восприятием и каким-либо более ранним визуальным опытом, или образами памяти. Дефекация знакома ребенку исключительно как приятное или неприятное телесное явление, о котором он имеет только кинестетические образы памяти. Актуальный визуальный опыт организуется под влиянием инстинктивных интересов и следов памяти телесного опыта» (*Szekely*, 1976, s.154).

Секей отмечает, что психическая организация мира опыта, главным образом, поиски сходства и различия, протекает у маленьких детей по другим организационным принципам, чем у старших детей. Секей указывает, что различия первичных и вторичных процессов недостаточно, необходимо описать также сенсорные модальности и их доминирование. «Характеристика того, чего могут достигнуть зрительные ощущения, есть то, что они обеспечивают существование константных, идентифицируемых предметов» (*Szekely*, 1976, s.155).

Когда маленький ребенок начинает характеризовать внешний мир, зрительные ощущения еще не доминируют. Впечатления, которые идут из глубины организма или с поверхности тела, играют основную роль при организации репрезентаций. Когда развитие прогрессирует, кинестетическая часть все более и более отделяется от визуальной и подавляется. Принципиально важно, что «при некоторых фазах творческого процесса такие первоначальные репрезентации возобновляются снова. К этому привлекается соматическая часть репрезентаций, которая принимает важное участие, когда мышление покидает наезженный путь и перерастает конвенциональные границы. Критическое мышление может тогда замечать через обострившийся анализ оригинальное сходство, скрытые аналогии и приходить к поразительному синтезу. В дальнейшем этот гипотетический репрезентативный мир может быть понят через его функции. (...) Первая-то, что объект репрезентируется, т.е. мы пользуемся внутренними репрезентациями вместо объекта. Вторая функция

репрезентативного мира в том, что он может служить «путеводителем» (Szekely, 1976, s. 155).

Мы знаем, согласно Секею, (или только полагаем, что знаем), что мы можем ожидать от объектов, как они будут вести себя в среднем прогнозируемом мире. По Секею, «некоторые виды ожиданий принадлежат к старейшим функциям душевной жизни. Уже ребенок в возрасте нескольких недель прекращает кричать, когда его поднимает мать. Он ждет: кормление, исчезновение неприятного голода, приятное чувство насыщения. Оптический и тактильный образ матери недифференцированно сливаются с впечатлением собственного самочувствия и удовлетворения. Такие архаические или изначальные ожидания возникают задолго до организации собственно репрезентативного мира. Вероятно, дело выглядит так, что архаические ожидания являются первыми зачатками организации, вокруг которых и, исходя из которых постепенно строится репрезентативный мир. Отсюда ясно, что ожидания являются стабильнейшими, наиболее стойкими элементами структуры репрезентативного мира» (Szekely, 1976, s.156).

Секей приводит многочисленные данные, свидетельствующие о том, что такого рода ожидания являются препятствием при разрушении органических основ функционирования психического. Больные агнозической афазией не могут назвать предметы, но могут сказать, для чего они служат и как могут быть применены, пациенты с агнозиями, которые не узнают предметов, могут на время опознать объекты в системе действия, когда намереваются сделать что-то определенное.

Секей в своей работе приводит уникальный материал, представляющий аналитическое толкование процессов, происходивших у господина Тэта. Господин Тэт, талантливый инженер-конструктор, который решал «кристаллографическую проблему», связанную с разработкой метода шлифовки кристаллов алмазов для изготовления точных измерительных инструментов, и одновременно проходил психоанализ у Секея. Автор работы сам характеризует метод своей работы: «Это редкое счастье, когда исследователю удается выяснить тот мыслительный процесс, который происходит во время творческой паузы, и к концу творческой паузы делает возможным решение проблемы. Мне

повезло. Возможность этого дали сны, которые Тэта видел во время этого периода. Многие элементы проблемы выступали в содержании сна. Желание решить проблему проявлялось как в сознании, так и в инфантильных аспектах бессознательных мыслей во сне. Аналитическое толкование выделило конец творческой паузы. Его реакцией на некоторые толкования было не всплытие вытесненных детских воспоминаний, а то, что он решил свою проблему, продвинулся вперед» (Szekely, 1976, с. 156-157).

На протяжении шести недель наблюдалась работа над решением кристаллографической проблемы. Технолог «господин Тэта» пользовался психоаналитическим лечением и автору еженедельно четыре раза предоставлялся случай проследить ход мыслительной работы. Некоторые поворотные пункты в продвижении мышления произошли на аналитической кушетке в связи с толкованиями. Это обстоятельство дало возможность реконструировать предсознательные мыслительные процессы и участие бессознательных конфликтов. Реконструкции хода мышления почти без пробелов способствовало то обстоятельство, что технолог много спонтанно говорил о своей работе, о своих идеях, планах, поисках и неудачах. Это исключение, отмечает Секей, что ученый или техник при анализе заводит такой обстоятельный разговор о своей работе.

Аналитик толковал как «непатогенные» желания, связанные с настойчивым стремлением достичь решения «кристаллографической проблемы», так и инфантильные патогенные конфликты. Они были анально-садистской природы и были направлены против матери. Мыслительная работа оказалась втянута в сферу этого конфликта. Психоаналитическая проработка конфликта привела к тому, что мышление освободилось от рамок патогенного конфликта и смогло двигаться дальше. Секей резюмирует: «Решение задачи представляет собой ряд шагов. Каждый шаг имел двоякий характер: своему предшественнику он предоставлял разрешение проблемы, но своему преемнику он проблемуставил. Весь процесс мышления может быть описан как постепенное преобразование и уточнение проблемы и решения. Каждая постановка проблемы приводит в действие избирательную поисковую активность, направленную на отыскание

способов решения в репрезентативном мире. Это может протекать одновременно или по очереди на различных уровнях организации мышления. Во время сознательного и активного занятия с проблемой зона поиска, откуда изыскивается способ решения, определяется преимущественно через знания о каузальном строении действительности. Во время паузы учет рациональных возможностей в большей или меньшей степени отступает на задний план. Зона поиска меняется на инфантильную область репрезентативного мира, привлекаются подсказывающие метафоры. Для решения многих проблем мобилизация детских представлений является необходимостью, но это должно пройти через зрелые механизмы мышления» (*Szekely, 1976, s.167*).

Эти работы Секея показательны во многих отношениях. Стоит обратить внимание на то, гештальтпсихология в лице Л. Секея проделала большой путь. Подчеркнем, что сам Секей предпочитает характеризовать свой подход как когнитивный. Вероятно, это справедливо. Результатом стало соединение «научности» и «жизненности»: представляется, что Секей в значительной степени разработал психологию, которая соединяет науку и жизнь – в этом смысле, несомненно, является продолжением традиции, заложенной в ранних работах М. Вергеймера. Показательно, что изучается не лабораторная модель, а сама жизнь, то мышление, которое существует в реальной жизни и направлено на решение конкретной проблемы. То, что это проблема техническая, подчеркивает практический, конкретный характер мышления. Это, по-видимому, практическое мышление. То, что это проблема творческая, подчеркивает продуктивный характер мышления. Здесь мы имеем дело с подлинным, настоящим созидающим мышлением. Наконец, мы видим, что мышление действительно «интимно-личностный» процесс, включающий в себя не только рациональный опыт.

Другой важной особенностью работ Секея является то, что для достижения жизненности автор использует комплексный, интегративный подход: как мы видели, активно «применяются», с одной стороны, разработки Пиаже и Брунера, связанные с понятиями «репрезентации» и «операций», с другой, психоаналитические исследования. Это чрезвычайно конструктивный подход. И, представляется, что он выражает «маги-

стральную тенденцию» в современных исследованиях мышления. Система остается принципиально «открытой». В данном контексте уместно заметить, что сам Секей подчеркивает намеренное использование «размытого» понятийного аппарата: «Понятийный аппарат намеренно нечеткий. Например, остается открытым вопрос, как подчинить друг другу понятия «скрытая аналогия», «противоположное применение», фазы мышления, шаги мышления. По мнению автора, наблюдение и описание отдельных процессов мышления должно предшествовать уточнению терминов» (Szekely, 1976, с. 167).

Важно, что в работе Секея, фактически, осуществляется идеал «романтической науки», предполагающий конструктивное взаимодействие номотетического и идиографического подходов (см. подробнее Мазилов, 1998)).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

В заключение отметим, что стихийной интеграции явно недостаточно. Чтобы обеспечить интеграцию психологического знания в полном объеме. Необходимы специальные усилия пси-

хологического сообщества, специальная методология и технология интеграции, чтобы обеспечить целенаправленные формы интеграции. Примером такой специальной работы может служить разрабатываемая концепция коммуникативной методологии психологии (Мазилов, 2003).

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Формы целенаправленной интеграции психологического знания, известные по истории психологии, достаточно многообразны.

Как мы уже отмечали, в психологии появилось множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Было обозначено три основных пути выхода из кризиса, которые естественно представляли собой пути интеграции психологии:

- 1) построение «синтеза»;
- 2) построение «сложных» теорий психического;
- 3) построение теории психологии (правильнее это было бы называть разработкой новой методологии психологии).

Несколько позже возникло системное движение и системный подход в психологии, который также решал эту задачу: построить адекватную модель психического, которая позволила бы объяснить психические реалии лучше, чем «одномерные» подходы.

Остановимся на обозначенных выше направлениях лишь в самых общих чертах. История психологии дает нам массу примеров осуществления т.н. «синтеза». В качестве примера можно привести известную работу Бюлера, в которой предлагалось реализовать «синтез» интроспективной психологии сознания, поведенческой психологии и культурологических исследований психического развития детей. Много примеров можно обнаружить в известной книге Выготского, посвященной анализу методологического кризиса в психологии. Этот путь, как

известно, к успеху не привел.

Второй путь – разработка сложных психологических теорий, где приведшие к возникновению кризиса подходы «снимались» за счет «вписывания» в структуру целого (при мером могут служить концепция деятельности и деятельност ный подход или необихевиоризм в которых нашлось место для сознания и поведения, объективного и субъективного и т. д.).

В качестве примера третьего пути можно назвать разработку К.Левином новой методологии психологии, предполагающей переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому (*Lewin, 1931*).

Системный подход также с успехом использовался в психологии (см. известные работы Б. Ф. Ломова. и мн. др.).

Вышеназванные подходы (второй-четвертый) внесли значительный вклад как в психологическую науку в целом, так и в разработку проблемы интеграции психологического знания, в частности, но проблемы интеграции в полном объеме не решили. В этом одна из причин возрождения надежд на интеграцию в психологии на современном этапе и развертывания новых исследований по данной проблематике.

Достоин упоминания и интегративный подход Кена Уилбера, где использование максимально широкого трансперсонального взгляда на психику позволило соотнести различные концепции психологии развития. Автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (в существенных моментах) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Могут быть названы и другие перспективные работы, направленные на интеграцию в психологии.²⁴

²⁴ Мы здесь не имеем возможности дать обзор различных подходов, реализующих интеграцию в психологии. Назовем лишь работу М. С .Роговина (Роговин, 1969), где была поставлена проблема интеграции психологических понятий, работы К. К. Платонова по разработке системы психологии, много летние исследования М. Г. Ярошевского, Б. Ф. Ломова,. Наконец, нужно назвать работу А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, посвященную разработке теоретической психологии. На наш взгляд, значительный вклад в разработку проблемы интеграции вносит принцип методологического либерализма (Юревич, 2001).

Как свидетельствует опыт (и история психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструменты, обеспечивающие взаимопонимание (и на этой основе интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой попытку создания такого инструмента.

Коммуникативная методология

В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того, чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Настоящая работа, в частности, посвящена одной из важнейших методологических проблем современной психологии — разработке аппарата коммуникативной методологии. Без решения этой проблемы невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно неразработанность этой проблемы не позволяет находить взаимопонимание между различными подходами и направлениями в психологии.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Поскольку этот материал явно недостаточно проанализирован, инвентаризирован, соотнесен, каталогизирован и упорядочен, часто для его обозначения используются метафоры, имеющие

негативную коннотацию. Подчеркнем, что ценность накопленного материала огромна и не подлежит сомнению, недостаточна лишь его организация. Как известно, в психологии в настоящее время отсутствуют общепринятые универсальные теории, не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться *совокупностью* различных концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Препятствия на пути разработки коммуникативной методологии.

Существует несколько значимых препятствий, мешающих интенсивному развитию коммуникативной методологии.

Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Правда, для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки.

В психологии, как уже отмечалось, действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Дело не только в «недостаточном желании» психологов вступать в научную коммуникацию (что, заметим, представляет собой немалую проблему). Однако, начать следует именно с него.

Приведем некоторые результаты исследования (Мазилов, 2008). Выявлено, в частности, что у психологов-исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта. Реальные интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в работах коллег (в глазах самих исследователей) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными. Интересно, что хотя реально интегративные

установки выражены минимально, на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. Отметим, что существующая система образования и аттестации кадров, что естественно, всячески культивируют индивидуалистические установки: даже курсовая работа должна иметь *научную новизну*. Поиск новизны форсируется, к сожалению, достаточно часто с существенными издержками: 1) стремление к новизне приводит к тому, что недостаточное внимание уделяется анализу литературы и, как следствие, за новое выдаются достаточно хорошо известные в науке результаты, но субъективно не известные автору; 2) новизна оказывается чисто вербальной – вводятся новые термины, но сопоставление с известными в должной степени не производится: новизна подменяется словотворчеством; 3) исследователь не различает исследуемое и вспомогательный аппарат исследования, в результате чего "психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением" (Роговин, 1968, с.4). Новизны в этом случае много, но она не радует. Можно было бы продолжить этот перечень, но ясно, что тенденция обнаружить новизну любой ценой реально существует. К тому же обычно это сочетается с недостаточной интерпретацией, поэтому вопрос о том, как соотносится полученное "новое" с тем, что уже известно в науке, обычно даже не поднимается.

Однако, и это чрезвычайно интересно, "исследовательская практика", направленная на получение новизны "любой ценой" получает некоторое "обоснование" в профессиональных представлениях самих психологов. Неявные, часто не осознаваемые самими исследователями представления о развитии психологической науки работают, как ни удивительно, против интеграции. Поясним это. Согласно широко распространенным представлениям, развитие науки (в нашем случае - психологии), идет от частной теории к построению более общей. Таким образом, «более развитая» концепция «отменяет» («снимает», как часто выражаются в своих отчетах психологи-исследователи) предыдущую (в наших исследованиях, в которых принимали участие известные психологи), интервьюируемые приводят убе-

дительные примеры, характеризующие их научное мировоззрение: теория Эйнштейна «обобщила» ньютоновскую физику, часто встречаются ссылки на гегелевскую модель развития через отрицание и т.д. В результате научный психолог реально неизбежно нацелен на создание собственными силами общей «универсальной» теории.

Констатируем, что в современной психологии доминирует установка на «поиск отличий» (как мы уже отмечали, эффективно поддерживаемая существующими научными нормами) – даже от курсовой работы (не говоря уже о диссертациях) требуется научная новизна, в результате чего очень легко употребляется слово «впервые»). Психологи привыкают рассматривать работы других лишь как предшествующие осуществлению «собственного» индивидуального синтеза. Картина прямо-таки фантастическая.

Чтобы описанное не показалось сгущением красок, приведем фрагмент из статьи А.В.Юревича. Прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отмечает все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 1999).

Однако, это не все. Под такое психологическое понимание подводится обычно "фундамент" из области философии науки. В работах У.Куайна, Т.Куна и П.Фейерабенда говорится о несоизмеримости научных теорий. Несоизмеримы теории, несоизмеримы они еще и потому, что у них нет общей фактуальной базы. Здесь стоит отметить, что при таком подходе не учитывается сложная архитектоника факта. Как показали наши исследования, психологический факт имеет уровневое строение, что делает возможным реальное соотнесение фактов, относящихся к разным теориям (см. [8]).

Т. Кун представляется идеологом *несоизмеримости теорий* (Кун, 2003). Обратим внимание, что обычно те психологи, которые восприняли куновские положения, говорят о несоизмеримости теорий вообще, весьма наивно полагая, что это безоговорочно относится к психологии. По нашему мнению, оснований для этого нет. Конечно, авторитет Томаса Куна чрезвычайно велик, это выдающийся и чрезвычайно популярный мыслитель. Попробуем критически отнестись к распространению выводов куновской теории на психологию. Выскажем соображения, которые, на наш взгляд, вносят долю сомнения в применимости положения о несоизмеримости к предметной области психологии.

Рассуждения Т.Куна основываются на примерах и обобщениях, взятых из истории естественных наук. Никем пока не доказано, что эти рассуждения имеют столь универсальный характер, что могут адекватно представлять ситуацию в области научной психологии.

Обычно упускается из виду, что ключевым моментом для рассуждений Т.Куна является научная революция (вспомним о названии его труда). Кун говорит именно о несоизмеримости *предреволюционных* и *послереволюционных* нормальных научных традиций. В психологии дело обстоит совершенно не так, поскольку она явно не является монопарадигмальной дисциплиной. Революций - аналогичных естественно-научным - в психологии просто не бывает. Все упоминания о революциях в психологии носят метафорический характер (бихевиористическая, когнитивная и т.п.). Поэтому безоговорочный перенос куновских рассуждений на область психологии весьма и весьма сомнителен. В психологии мы действительно имеем различные теории одного явления (число их часто исчисляется десятками). При этом подчеркнем, что авторы новой теории не ставят перед собой задачи опровергнуть другие теории. Задачу они видят скорее в том, чтобы дать более адекватное описание и объяснение психического феномена. В этом случае говорить о революции не приходится. Поэтому речь о *переходе от одной конкурирующей парадигмы к другой*, естественно, не идет. Таким образом, в психологии чаще всего просто нет задачи опровержения старой точки зрения, там заявляется иной подход.

Противоборство между парадигмами рассматривается Куном как сознательный процесс, основанный на логике и нейтральном опыте: *переход между парадигмами* не может быть осуществлен постепенно шаг за шагом *посредством логики и нейтрального опыта*. В этом моменте, возможно, наблюдается радикальное расхождение между естественными науками и психологией. Дело в том, что количество «степеней свободы» при рассмотрении психических явлений значительно больше, чем в любой из естественных наук. Это совершенно естественно, если принять во внимание сложность самих объекта и предмета психологической науки. Соответственно, имеется значительно большее число возможных аспектов анализа. В этой связи важно подчеркнуть, что при формулировании теории важнейшую роль играют неосознаваемые самим исследователем процессы. Речь, по сути, идет о том, что ниже в рамках настоящей концепции будет охарактеризовано как предтеория – исходные представления ученого. Она предшествует исследованию, часто вообще не осознается самим ученым и выступает в качестве неявного основания исследования. Выявлено, что предтеория играет определяющую роль при проведении исследования в области психологии.

Как становится понятно, противоборство между парадигмами Т.Кун рассматривает как естественный процесс развития научного знания. Если использовать различие стихийной и целенаправленной интеграции, можно предположить, что вполне возможна ситуация, при которой работа соотнесения концепций выполняется незаинтересованным, нейтральным лицом – методологом или историком науки, т.е. становится целенаправленной. Логично предположить, что в такой работе становится возможным то, что недоступно при стихийном соотнесении. Особенно, если вспомнить о том, что процедура предполагает выявление не осознаваемых самими исследователями оснований.

Наконец, обратим внимание на то, что Т.Кун исходит из явной аналогии между гештальтистскими исследованиями восприятия и переходом от одной парадигмы к другой. Действительно, хорошо известно, к примеру, что в случае «двойных» изображений нельзя увидеть оба изображения на

картинке. Модель, принятая Куном, - изменение видения "двойного изображения". Иными словами (забегая вперед) отметим, что Томас Кун использует эти опыты как *моделирующее представление*. Обратим внимание, что фактически выбор неудачного моделирующего представления предопределяет результат.

Таким образом, мы полагаем, что принципиальная несогласимость теорий и концепций в современной психологии не доказана. Напротив, по нашему убеждению, справедлив принцип соизмеримости теорий (Мазилов, 2014). При наличии разработанного инструмента коммуникативной методологии, позволяющего соотносить теории одного уровня, возможно соотнесение теорий.

Создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применения, зону «адекватности». Нужна установка на кооперацию, на сотрудничество. Иными словами, психологи должны выработать толерантность к взглядам коллег, сформировать у себя установку не на поиск отличий, а на обнаружение сходства.

Основные идеи коммуникативной методологии

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотнесения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществление конкретной интеграции (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует полагать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазилов, 1998).

Коммуникативная методология, служащая для соотнесения различных теорий одного объекта и уровня в психологии, должна иметь определенную универсальность.

Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах, предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различие уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить по меньшей мере об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода. Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-иному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия – еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна пред-

ставлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Наши исследования в области методологии психологической науки показали, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), – проблема соотношения теории и метода. Первоначально нами была разработана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (Мазилов, 2001).

Разработанная схема соотношения получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). Главным достоинством предлагаемой схемы является то, что она, как показали наши исследования, представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для осуществления соописания различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно создать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели – ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что:

- В ней задан предмет психологии. Таким образом (напом-

ним, предмет многоуровнев, исходное понимание предмета максимально широкое – «площадка для сборки»), оказываются реально соотносимыми любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими – по предмету исследования).

- В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции, она в данном случае лишь модифицируется; в данной работе мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.

- Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются исследователем, но и вообще не эксплицируются. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (Мазилов, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.

- Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов объяснения.

Необходимо различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение предмета исследования. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой предмета психологии в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *определенной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в

проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями* (Н.Г. Алексеев). К примеру, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения, прохождение лабиринта и т. д. Опредмеченность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что предмет – непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме; если работа предполагается с какими-то характеристиками поведения, выбирается объективный метод). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями, состоящими в выборе базовой категории. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия структура, функция, процесс, уровень, генезис. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема – способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик, уровня организации или развития. Часто используются "двойные" схемы, соответствующие структурно-функциональному, структурно-уровневому и прочим сочетаниям базовых категорий.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы оха-

рактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории.

Смысл коммуникативной методологии состоит в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно в соответствии со схемой, приведенной на Рис. 2 (с.273)

Оказывается, что между концепциями, которые в целом казались несоизмеримыми, можно обнаружить много сходств и различий. В качестве дополнительного средства используется процедура выявления и сопоставления подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия из сравниваемых концепций.

К примеру, очень показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. К примеру, для С.Л.Рубинштейна базовой категорией является процесс, тогда как для А.Н.Леонтьева это структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой - совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи. Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии (Мазилов, 2015, 2014) позволяет заключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд.

Как нам представляется, роль коммуникативной методологии чрезвычайно велика в решении задачи интеграции психологического знания. Интеграция научно-психологического знания и, более широко, психологической науки является одной из самых актуальных задач психологии XXI века. Как показали наши исследования, механизмов естественной (стихийной) интеграции недостаточно, поэтому нужна помощь со стороны науки в

виде целенаправленной интеграции. Коммуникативная методология как раз и выступает в роли одного из инструментов интеграции.

Велика роль коммуникативной методологии и в решении историко-психологических задач. Использование коммуникативной методологии и акцентирование сходства, а не только различия в психологических теориях и подходах позволило по-новому организовать преподавание истории психологии (Мазилов, Слепко, 2015).

Для осуществления сколь-нибудь масштабной интеграции необходимо как использование коммуникативной методологии, так и изменение установок психологического сообщества.

Можно предполагать, что подобного рода заключения вызовут со стороны некоторых коллег обвинения в прожектерстве. Оценивая перспективы этого подхода (заметим, сформулированного значительно мягче, чем в настоящем тексте), одна из уважаемых коллег сравнила его с известным способом вытаскивания себя из болота, предложенным некогда бароном Карлом Фридрихом Иеронимом фон Мюнхгаузеном. Персонаж вполне симпатичный (особенно в блестательном исполнении Олега Ивановича Янковского в замечательном телевизионном фильме Марка Анатольевича Захарова), поэтому будем верить, улыбаясь и помнить о том, что "мыслящий человек просто обязан время от времени это делать" (Горин, 2003, с.8).

Такой пессимизм относительно изменения менталитета коллег по цеху разделять не хочется. Впрочем, согласно известному высказыванию папы Пия VI (по другому, естественно, по-виду), проблема имеет два решения: реальное, если вмешается Господь, и фантастическое, если стороны договорятся. Мечты иногда сбываются. Хочется верить, что рано или поздно психологи будут лучше понимать друг друга. В заключение отметим, что изменение установок членов психологического сообщества – процесс длинный и трудный.

Библиографический список

1. Волков И. П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003 .

2. *Вундт В.* Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. СПб.: Типогр. П. П. Сойкина, б/г. 136 с.
3. *Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86–96.
4. *Горин Г.* Тот самый Мюнхгаузен. М., 2003
5. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 156 с.
6. *Зинченко В. П.* Вступительная статья // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987, с. 5–26.
7. *Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003, с. 98–134.
8. *Мазилов В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 356 с.
9. *Мазилов В. А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003. 236 с.
10. *Мазилов В. А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
11. *Мазилов В. А.* Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов, выпуск 1 (3), 2005(в), с. 38–40.
12. *Мазилов В. А.* Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог, вып. 1 (9), 2005 (а).
13. *Мазилов В.А., Слепко Ю.Н.* История психологии: учебно-методический комплекс дисциплины. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.
14. *Мазилов В.А.* Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007
15. *Мазилов В.А.* Методология психологии: к разработке концепции психологического факта // Ярославский педагогический вестник – 2015 – № 4, с.157-168
16. *Мазилов В.А.* Факт в современной психологии: методологические проблемы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 21-36
17. *Мазилов В.А.* Принцип соизмеримости теорий в психоло-

- гии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4, том 19, 2013, с. 28-32
18. *Мазилов В.А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96
19. *Мазилов В.А.* Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН, 2008
20. *Мур Н.* Психодиагностика в Скандинавии [Текст] / Н. Мур // Энциклопедия глубинной психологии. – Т.2. – М., 2001. – С. 558-585.
21. *Роговин М.С.* Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. М., 1968
22. *Тютюнник В. И.* Основы психологических исследований. М., 2002.
23. *Смирнов С. Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
24. *Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: Изд. Трансперсонального института, 1999. 256 с.
25. *Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15–98.
26. *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 5, с.3–19
27. *Юревич А. В.* Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. Ярославль, 2005, с. 377–397
28. *Юревич А.В.* Психология в современном обществе [Текст] / А.В.Юревич // Психологический журнал, № 6, т.29, 2008, с.3-12
29. *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974. 447 с.

30. Ярошеевский М. Г. Гештальтпсихология // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М.: Per Se, 2005, с.44.

31. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol., 1931, pp. 141–177.

32. Mazilov V. A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997, p. 126–134.

33. Szekely L. Die Schopferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976, s. 140–170.

34. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls // Acta Psychologica, 1940, v. 5, № 1, pp. 79–96.

35. Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945) 302 p.

6. ПСИХОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ: АКТУАЛЬНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Возможно, наступила пора вернуться к обсуждению вечных вопросов. Потому что, по нашему мнению, это извечная проблема психологии - наличие в общем комплексе знаний о психическом разных составляющих, в самой психологии - разных потоков. Так что, поскольку у психологии много разных корней, совсем не удивительно, что точка отсчета может быть установлена произвольно - в зависимости от вкуса. Во всяком случае, у Аристотеля мы можем найти и элементы психологической теории и элементы психологической практики, а значит в той или иной форме говорить об их оппозиции. В самом деле, в IV веке до н.э. термина психология еще нет (он появится лишь через восемнадцать столетий), учение о душе - logos peri psyche - уже есть, а Платон придумал слово психагогия - для обозначения практики, реализуя которую хороший оратор может вести за собой своих слушателей... Чем не оппозиция ликейского и академического, да еще с иронией истории? (Кажется, это порадовало бы Юнга: замечательно соответствует принципу энантиодромии, по Гераклиту...).

И, кстати сказать, отметим, что не видим ничего плохого в том, что между разными потоками внутри психологического знания есть разрывы и оппозиции. Пока психология живет, разрывы и диссоциации будут неизбежно. Единство нам только снится!

1. Немного истории

Исторически психология, как известно, начинается с донаучной психологии, которую, по известному выражению П.Жане, "народ создает еще до психологов" (Роговин, 1969). С психологией, которая не осознает себя наукой (и ею, в общем-то, не является), а существует, обслуживая деятельность и общение людей. По характеристике М.С.Роговина, это психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его

действия и поступки (Роговин, 1969, 1979). "Человек развивался и познавал свой субъективный мир по мере того, как овладевал внешним миром. Внутреннее становилось доступным через практическое взаимодействие с окружением" (Роговин, 1969, с.37-38). Не анализируя здесь в высшей степени увлекательный вопрос о происхождении и начальном развитии донаучной, имплицитной психологии, отметим только, что не подлежит, по-видимому, сомнению факт, согласно которому основным методом такой психологии было житейское наблюдение.

На наш взгляд, было бы неправильно сводить "начальную" донаучную психологию только к вышеописанной. Это только один из ее корней. Психология "вырастала" одновременно из различных источников, на что совершенно справедливо указывал еще Макс Дессуар, один из первых историков психологии. Он видел три корня психологии: религиозный (психософия); связанный с жизнедеятельностью (психобиология); связанный с практическим познанием особенностей характера и т.д. (психогностика) (Дессуар, 1912). Нельзя не учитывать также опыта переживания измененных состояний сознания: во время танцевальных оргий, экстаза, приема в пищу определенных веществ и т.д.

Роль донаучной психологии не должна недооцениваться. Житейские представления о психическом существуют у каждого человека, они составляют ту основу, на которую "проецируются" научные построения. Имплицитные представления (т.н. "имплицитные теории" личности, мотиваций, психики в целом и т.д.) человека, определяющие в значительной степени взаимодействие человека с миром, должны учитываться как одна из предпосылок формирования психологической теории. Здесь уместно вспомнить о понятии "мезокосма", используемом в эволюционной эпистемологии Г.Фолльмера. "Мезокосм - это когнитивное окно, которое открывается перед человеком, обремененным своей биологической природой. Это мир средних измерений, к которому адаптировался человек в ходе биологической эволюции. Мезокосм, согласно Г.Фолльмеру, это "когнитивная ниша" человека (Фолльмер, 1991, с.179). Мезокосм соответствует миру средних размерностей. Г.Фолльмер анализирует интуитивные представления о движении современного человека,

констатируя сходство с физическими теориями средневековья. Утверждается, что эти предрассудки практически неустранимы (Фолльмер, 1996). Остается только выразить сожаления, что особенности интуитивных представлений человека о собственной психике не исследованы пока в достаточной степени. Возможно, что прогресс в этой области будет достигнут, когда научная психология ассилирует опыт, накопленный в трансперсональной психологии.

Важным признаком донаучной психологии является то, что ее "объект по существу не меняется (это всегда те люди, с которыми мы непосредственно соприкасаемся)" (Роговин, 1969, с.19). Донаучная психология, таким образом, имеет "объектное" происхождение. Для нее важен сам человек, можно сказать, что донаучная психология личностно-ориентирована. Для нее важны практичесность (возможность использования) и целостность (предсказание поведения, поступков целостного человека). Так донаучная психология требует "заземления", практического знания. Роль донаучной психологии в *современной* психологии состоит, по-видимому, в том, чтобы отстаивать тенденцию к целостному ("объектному") и практически ориентированному познанию. К сожалению, особенности донаучной психологии изучены пока явно недостаточно.

Подобное расчленение психологического знания (и, соответственно, трех видов психологии - донаучной, философской и научной) представляется полезным для анализа интересующей нас темы. При этом хотелось бы обратить внимание на существенное различие между этим членением психологии, и многочисленными трехчленными делениями, которые были очень популярны в прошлом столетии. В качестве примера можно взять известный закон "трех стадий" О.Конта (Конт, 1910), в соответствии с которым в развитии любой науки могут быть выделены теологическая, метафизическая и научная стадии. Согласно Конту, имеет место смена одной стадии другой: переход к следующей "отменяет" предыдущую. В психологии дело обстоит иначе. Для нашего исследования важно, что указанные течения в психологии и виды психологического знания сосуществуют в культуре и, следовательно, могут оказывать взаимное влияние.

К сожалению, нет больше возможности анализировать

отношения между потоками психологического знания в предыстории психологии (хотя заманчиво отправиться на поиски неожиданных оппозиций, некоторые из которых покажутся крайне неожиданными). Поэтому обратимся к тому времени, когда психология стала самостоятельной наукой.

Как известно, внимание к проблеме разрыва между психологической теорией и психологической практикой привлек Л.С.Выготский в своей известной работе "Исторический смысл психологического кризиса" (1926). Работа была опубликована лишь в 1982 году, до того была известна лишь узкому кругу специалистов по копиям в самиздате. По этому поводу написано очень много, интересующихся отошли к нашим публикациям (Мазилов, 1998, 2007, 2012), а сами обратимся к психологии приближенной к нашим дням.

Известно, что классическая трактовка связи теории, эксперимента и практики была осуществлена Б.Ф.Ломовым, первоначально в статье "Теория, эксперимент и практика в психологии" в первом номере "Психологического журнала" (Ломов, 1980), а затем в известной монографии (Ломов, 1984). Как отмечалось в монографии, "взаимодействие ... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук" (Ломов, 1984, с.51).

Напомним, мы обсуждаем отношение академической и практической психологии и в данном случае точка отсчета определяется, как представляется многим, совершенно однозначно: в 1996 появилась известная статья Ф.Е.Василюка, от которой обычно исчисляется современный отсчет анализа данной проблемы. В статье, напомним, утверждалось, что существует схизис между академической и практической психологией. Как нам представляется, не стоит все же забывать, что О.К.Тихомиров первым в новейшей истории отечественной психологии поставил проблему соотношения академической и практической психологии, причем он рассматривал это как проблему мировой психологической науки. «Соотношение теоретической, или академической, психологии и психологии практической. Две области разорваны в структуре мировой психологической науки. Этот разрыв организационно оформлен. Существуют две международные ассоциации. Одна называется «Ассоциация научной

психологии», другая «Ассоциация прикладной психологии». Они собираются в разных городах, с разным составом (иногда он может частично совпадать)» (Тихомиров, 1992, с.55). В результате практическая работа психологов строится без опоры на теории, развивающиеся в академической психологии. Академическая психология соответственно недостаточно анализирует и ассимилирует опыт практической психологии. Нельзя не заметить, что соотношение академической и практикоориентированной психологии сегодня обсуждается в периодической печати очень широко, проблема и сегодня острым актуальна. При этом исследователи очень часто, к сожалению, не вспоминают, что проблема в новейшей истории психологии была поставлена на обсуждение именно О.К.Тихомировым еще в 1992 году.

Вернемся к работе Ф.Е.Василюка (подробнее об этой работе см. в главе 4.1.). В номере журнала «Вопросы психологии» помещена чрезвычайно интересная статья Ф. Е. Василюка. Название этой статьи, получившей очень широкий резонанс, – «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис – расщепление психологии – трактуется Ф. Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: к сожалению, приходится диагностировать не кризис, но «схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» (Василюк, 1996, с. 26).

Ф. Е. Василюк подчеркивает, что наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь «нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» (Василюк, 1996, с. 27).

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит, прежде всего, в выработке общепсихологической методологии» (Василюк, 1996, с. 27).

Проблема получила рассмотрение и анализ в работах А.В.Юревича о системном кризисе в психологии, где диагноз, поставленный psychology, был углублен и рассмотрен в более широком социокультурном контексте (Юревич, 1999). Статья посвящена обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, т. к. это одно из немногих *специальных* исследований по данной проблеме в современной науке.

А.В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны парапнауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. Анализируя современное состояние психологической науки, А.В. Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несопоставимы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осозаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т. д.» Юревич, 1999, с. 4).

А.В. Юревич справедливо указывает, что в 70-е годы XX века возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться. Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии

может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т. е. социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета. Про наши представления о причинах кризиса и путях выхода из него здесь говорить не будем - отошлем читателя к соответствующим работам (Мазилов, 2013б, 2007, 2006).

2. Современность

Не имея возможности в рамках настоящей работы дать полную картину исследований по данной проблематике в отечественной психологии, обратимся к самым последним работам. В 2011 году в "Психологическом журнале" была опубликована статья А.Л.Журавлева и Д.В.Ушакова "Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия", в которой, в частности, отмечается, что "проблема практической релевантности фундаментальных исследований на протяжение десятилетий волнует психологов, стремящихся ощутить пользу от своих исследований в обозримое время, а не в неопределенном "светлом будущем" [3, с.5]. Авторы ставят, в частности, такую важную проблему как выявление характера связей между фундаментальной психологией и практикой, который эволюционирует, и, таким образом, оказывается индикатором общего состояния психологического знания. Эта статья вызвала дискуссию, в которой приняли участие А.Б.Орлов (Орлов, 2012), В.М.Розин (Розин, 2012), А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков (2012а). В статье А.В.Юревича рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии. Автор подчеркивает, что «схизис» между этими психологиями продолжает обсуждаться. А.В.Юревич показывает, что их расхождения сохраняются несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о «схизисе» во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки (Юревич, 2012).

В самое последнее время новый виток дискуссии, связанной с противопоставлением академической психологии и

психологии практической, дали новые публикации известных отечественных психологов А.Л.Журавлева и Д.В.Ушакова (Журавлев, Ушаков, 2012, 2011).

Можно полагать, что эти работы перевели дискуссию на новый уровень, поскольку авторы увидели в противостоянии академической и практической психологии противостояние в первую очередь парадигмальное и предприняли попытку его объяснения, что не может не вызвать уважения. Познакомимся с аргументацией авторов, принеся читателю превентивные извинения за обильное цитирование, т.к. хочется максимально точно передать авторскую позицию.

Прежде всего, отметим, что позиция авторов проявляется в том, что они стремятся максимально точно определить обсуждаемые понятия. Сопоставляя различные термины (академическая психология, академико-университетская, фундаментальная психология), авторы приходят к выводу, что «настоящий водораздел проходит по линии использования контролируемого эксперимента. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизведенного исследования, а другая, именуемая практической, сверяет их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 160).

Отсюда возникают и другие вторичные и производные определения.

Важным представляется соображение авторов, согласно которому практика в таких областях как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее не может быть названа атеоретичной: в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Авторы приходят к заключению, что самым точным будет определять академическую психологию как науку, в которой теории обосновываются путем эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение было бы слишком длинным, авторы предпочитают использовать термин теоретико-экспериментальная психология. Как синоним используется и термин академическая психология – для того, чтобы сохранить единое терминологическое поле с

предыдущими работами (Журавлев, Ушаков, 2012, 2011).

Авторы реализуют исторический подход и прослеживают историю взаимоотношений теоретико-экспериментальной и практической психологий в нашей стране. Заслуживает внимания, что авторы выявляют тенденции в психологии последнего времени, направленные на сближение академической и практической психологии. Представляется чрезвычайно важным следующий момент. Авторы справедливо отмечают, что «картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была преимущественно психотерапия» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 164).

Авторы подчеркивают, что сегодня возникает потребность в более обобщенном взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. В качестве других примеров приводятся инженерная психология и эргономика, психология подбора персонала и т.д. «Следовательно, представление о связи фундаментальной психологии с психологической практикой надо строить на всей совокупности фактов, а не только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной или психотерапевтической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 165).

Авторы приходят к мысли, что в качестве объяснительного принципа разделения теоретико-экспериментальной и практической психологии выступают способы работы со знанием: «Без обращения к специфически психологическим способам функционирования знаний, без анализа концептуального аппарата психологии во взаимосвязи с подходами к эмпирическим исследованиям остается непонятным, например, почему в психологии, в отличие от других наук, экспериментальный и практический проект не сходятся, а наоборот, по мнению многих все более расходятся» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 166-67).

Как отмечают А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков, в данном отношении намечаются два подхода.

Согласно первому, проблема состоит в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. «Это знание не является сегодня настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Согласно второму объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественнонаучным образцам лежат в основе ее отрыва от практики. Практика в рамках такого подхода нуждается в по-новому ориентированной фундаментальной науке, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 168).

Рассмотрим, вслед за авторами, наиболее существенную аргументацию.

Первый из обозначенных подходов связан с именем Я.А.Пономарева, выдающегося отечественного психолога. Согласно Я.А.Пономареву, можно выделить три типа научного знания.

1. Созерцательно-объяснительный;
2. Эмпирический
3. Действенно-преобразующий.

Первый тип относится к доэкспериментальной науке, два других имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

При эмпирическом типе знания не учитываются внутрипредметные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются лишь эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). Как поясняют А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков: «Иными словами, при всем многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах требуются другие модели. Так образуется эмпирическая многоаспектность – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добывших в экспериментах и иных эмпирических исследованиях» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169). «Нам сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой нашей психики. Мы знаем о механизмах цветовосприятия и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не

пришли к такому видению, которое объединило бы эти локальные достижения в единое целое» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169).

Синтез, или интеграция локальных моделей составляет задачу «действенно-преобразующего знания, которое должно упорядочить локальные модели на основе «объективных критериев», в качестве которых, по Пономареву, выступают структурные уровни организации явлений – трансформированные... этапы развития» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169).

«В нашем контексте важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является раскрытие «глобального «черного ящика». Знание эмпирического типа описывает «черный ящик извне, а если и раскрывает, то делает это только применительно к «локальному «черному ящику», описывая механизм отдельной изолированной функции» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 169-70).

В свете схемы, предложенной Я.А.Пономаревым, различные сферы практики можно разделить, отмечают авторы, в зависимости от их локальности или глобальности в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком лишь отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально-ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач.. Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации процессов переработки. А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков отмечают: «Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности., как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория-эксперимент-практика» нарушается» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 170).

Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-

психологические модели не остаются бесполезными, поскольку могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков обращают внимание на то, что существует несколько типов локальных моделей. Они выделяют два: первый - локальные модели механизмов (в этих моделях происходит раскрытие черного ящика, однако лишь в части локального механизма, который является только частью того механизма, который стоит за целостным явлением); второй - локальные модели условий протекания процессов (здесь черный ящик не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом). Авторы подчеркивают, что «в этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобраться к которой пока не удается» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 171). Тем не менее, знания локальных механизмов могут быть весьма полезны практике. Хотя они не дают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментов в руках профессионала.

Второй, альтернативный подход «в весьма последовательной и развернутой форме» – психологический конструктивизм. Согласно Журавлеву и Ушакову, обоснован известным философом и методологом В.М.Розиным. Согласно В.М.Розину, не может существовать психология как естественная наука, опирающаяся на закон. «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с.93).

В реальной психологии, по Розину, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы – только понимать феномены и организовывать с ними дея-

тельность. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны действовать практически» (Розин, 2010, с.93).

Авторы подчеркивают, что "при этом психология не только знание о человеке , но его проект («замысление», по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов – не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни (Розин)" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172).

«С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобный другим артефактам: зданиям, произведениям искусства, машинам и т.д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает культура. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой стройке» (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172).

«Если этот подход справедлив, то выводить закономерности мы можем только для определенного типа "человеческих построек". Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип постройки. В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психологическое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 172-73).

Представляется чрезвычайно важным замечание В.М.Розина: "В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность и модельность знания, поэтому он создает только частичные представления о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить опе-

ративные модели. Но частичность психологических построений и схемах естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В.Дильтей, а позднее М.Бахтин и С.Аверинцев" (Розин, 2010, с.101).

Согласно оценке А.Л.Журавлева и Д.В.Ушакова, подход В.М.Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы: "Очевидно, что в какой-то мере каждый человек - конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях... Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ о наиболее *общих* закономерностях, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным* случаем при тех или значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако, оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной, или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 173).

Как отмечают А.Л.Журавлев и Д.В.Ушаков, "с позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, но схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащих с патологией" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 174).

Авторы приходят к оптимистическому выводу, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако он не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать принципы психологического конструктивизма: "Необходимо лишь определить границы применимости этих принципов и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу" (Журавлев,

Ушаков, 2012, с. 175).

Общее заключение А.Л.Журавлева и Д.В.Ушакова таково, что "академическая и практическая психология работают каждая по своим эталонам, и в этом смысле их характеристика как различных парадигм правомерна" (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 175).

Но применение взглядов Т.Куна к психологии требует их уточнения и модификации. "Дело скорее в том, что понятия Т.Куна недостаточно тонки, чтобы характеризовать ситуацию в психологии. Следует отметить, что это вряд ли связано со спецификой психологии. В частности, П. Фейерабенд критиковал Т.Куна за недоучет факта параллельного существования исследовательских традиций..." (Журавлев, Ушаков, 2012, с. 176).

Еще раз приносим извинения за обильное цитирование. Рассмотренные работы существенно продвигают разработку этого важнейшего методологического вопроса и порождают некоторые соображения. К их рассмотрению мы обратимся в следующем разделе настоящей главы.

3. Перспективы

Действительно, подробно рассмотренные выше положения, позволяют высказать некоторые соображения. Необходимо отметить, что рассмотренные выше публикации существенно обогащают рассмотрение вопроса, переводя его на новый теоретический уровень, эти работы перевели саму дискуссию на новый уровень, поскольку авторы увидели в противостоянии академической и практической психологии противостояние в первую очередь парадигмальное и предприняли попытку его объяснения, что не может не вызывать уважения. Представляется важным, что, говоря о практической психологии, А.Л. Журавлев и Д.В.Ушаков приходят к выводу, что она не однородна, дифференцируют "пространство" этого направления, выделяя, с одной стороны психотерапию, работающую с целостной личностью, а с другой - иные области, имеющие иное "устройство", например, инженерную психологию или подбор кадров.

Вместе с тем, важно заметить, что зафиксированное авторами различие между академической и практической психологией определяется, видимо, различными задачами: для академической психологии важно быть "научной", поэтому она

действительно "строит теории на основе эксперимента или воспроизведимого исследования", чтобы объяснить факты, желательно подведя под какой-либо закон, а перед психотерапевтом находится всего лишь уникальная личность, которую не надо объяснять, но которой нужно помочь. Помочь можно только в том случае, если понять, что с личностью другого происходит. Ясно, что идеал воспроизведимого исследования психотерапевта совсем не волнует.

Не стоит забывать, что традиционно академическую психологию в большей степени интересует сфера познания или деятельности, тогда как практическую психологию - личность, которая по определению более целостна.

Вопрос, который, на наш взгляд, давно заслуживает обсуждения, это вопрос о психологическом конструктивизме. Сторонники этой идеи - в сущности правильной и перспективной - обычно полагают, что принцип конструктивизма для психологии является чем-то новым. На наш взгляд, это просто заблуждение. Вся неклассическая психология основана на конструктивизме. В классической психологии - наследнице картезианского самонаблюдения - предполагалось, что самонаблюдение дает истинное знание. Когда выяснилось, что это не так, стали использовать опосредованные методы исследования, обнаружилось, что то, что реально изучается в психологии, есть **конструкт**, созданный в сознании исследователя. Поэтому ничего нового для методологически ориентированного психолога здесь нет. В других науках ситуация может быть иной, но нас волнует психология.

Понятно, что в качестве конструктов могут выступать более или менее обобщенные конструкции, более и менее целостные. И, конечно, реальные исследования по этому показателю отличаются. И именно здесь кроется важное отличие одной психологии от другой.

Заслуживает внимания вопрос о том, что в практической психологии используются в основном не модели, а схемы. Это так, потому что схема предписывает действие с объектом, что значимо для практико-ориентированной психологии, которой не нужно измерять, но важно определить, как правильно действовать.

Несомненно, важно, что к данной проблематике - соотношению академической и практической психологии - применяется парадигмальная терминология. Стало общим местом утверждение, что парадигмы понимаются в психологии очень вольно, разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл.

Нам кажется, что говорить об оппозиции академической и практической психологии как парадигмальном противостоянии не приходится уже потому, что между ними нет конкуренции, поскольку каждая занимает свою нишу. Если у той или иной разновидности практической психологии нет своей теории, то, скорее всего, это место займет какая-нибудь мифология, но совсем маловероятно, что это окажется какая-либо научная концепция. Ибо у них разные задачи. И по своему устройству они разные.

И если говорить о парадигмальном противостоянии, то это будет очередное противостояние естественно-научной парадигмы (которая выступает в данном случае через какую-то теорию от "академической" психологии) и герменевтической (которая стоит за какой-то практико-ориентированной психологией), Впрочем, об этом уже написано вполне достаточно (Мазилов, 2012, 2013, 2013б).

Практическая психология в настоящее время, как можно полагать, находится в состоянии оформления в самостоятельную дисциплину. По определению В. Н. Дружинина, практическая психология и сегодня отчасти остается искусством, отчасти базируется на прикладной психологии как системе знаний и научно обоснованных методов решения практических задач (Психология..., 1999). В целом эта констатация справедлива и сегодня, т.к. практическая психология чрезвычайно неоднородна и, несомненно, включает в себя названные составляющие. Но, как можно полагать, в настоящее время происходит формирование практической психологии как особого направления внутри психологической науки. При чрезвычайной неоднородности практической психологии (в качестве таковой выступают и элементы академической психологии, «дополненная» примерами «из жизни», и прикладная психология как таковая, и различного рода ненаучные концепции, основывающиеся на эзотерических учениях,

мистике, астрологии и т. п., и так называемая «prop-psychology» – психология для массового читателя, и т. д.), тем не менее, уже сегодня можно говорить о формировании парадигмы собственно практической психологии как отрасли психологической науки, имеющей специфические цели и задачи, методы, способы объяснения и т.д..

Представляется перспективным дать эскиз этой парадигмы. Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это дисциплина, которая определяется не через предмет, а через объект. В практическом отношении всегда важнее дать общую (целостную) характеристику личности. В медицине, праве, педагогике, искусстве и т.п. куда важнее определить, кто находится перед тобой, чем следовать исторически сложившимся (поэтому неизбежно исторически ограниченным) канонам научности. Уместно заметить, что в качестве такового обычно принимается «стандарт», сформировавшийся и оформившийся в сфере естественных наук. В соответствии с таким стандартом выделяется «клеточка», из которой должно «выстроиться» искомое «целое».

Напомним, еще В. Дильтея в конце XIX столетия предупреждал, что такая стратегия в области психологии малоперспективна. Поэтому практическая психология исходит не из предмета, а из объекта. Объект принципиально целостен. Как нам представляется, здесь необходимы некоторые пояснения. Попытаемся их дать. Предметом научной академической психологии традиционно полагается либо психика, либо поведение (в зависимости от того, к какой научной школе принадлежит интервьюируемый психолог-исследователь). Это на уровне деклараций. Реально подлежат изучению либо явления поведения (доступные внешнему наблюдению), либо феномены самосознания (которые фиксируются с помощью самонаблюдения). Исходя из этого реального предмета строится гипотетическая конструкция – так, например, *предмет* науки, как правило, это – результат мыслительной деятельности познающего, т. е. нечто имеющее опосредственный характер (например, та же психика). Из этого элементарного предмета должно быть выведено все богатство явлений, относящихся к сфере данной науки – *совокупный предмет*. Важно подчеркнуть, что реальный совокупный предмет по-

лучается в результате «конструктивной» (в смысле В. Дильтея) деятельности. Таким образом, в данном случае путь науки: от «единиц» к «целому».

В практической психологии путь принципиально обратный. Это достигается за счет того, что в качестве исходного берется не предмет, а *объект*. Объект принципиально целостен. Именно к нему в практико-ориентированной психологии разрабатываются и подбираются схемы. Понятно, что они радикально отличаются от тех предметных схем, которые используются в академической психологии. В качестве объекта (в практической психологии) выступает личность. Следует специально подчеркнуть, что понимание личности в практической психологии существенно отлично от трактовки личности в академической психологии (можно указать по меньшей мере десять принципиальных отличий) (Мазилов, 2015). Как практически-ориентированная область знания она исходит из представления о целостном объекте, не пытаясь «выстроить» его из предполагаемых (и, естественно, гипотетических) «единиц», но пытаясь охватить целиком. Отсюда следует и специфический метод: он может быть определен как гуманистический, предполагающий диалог исследователя и исследуемого (поскольку последний является носителем сознания), и игнорирование этого обстоятельства, по меньшей мере, недальновидно. Исходными принципами практической психологии могут быть названы целостность и типологичность (в противоположность «элементаризму» и «конструктивизму» научной психологии, которые были зафиксированы еще В. Дильтеем (1894)). В качестве идеала научности практическая психология имеет описание и предсказание (поведения личности), а не объяснение. Средством видит не построение научных моделей, но разработку типологий (многочисленных, по разным основаниям), классификацию и описание индивидуальных случаев.

Вряд ли стоит специально подчеркивать, что конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, т. к. практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и «вписать» предмет изуче-

ния в общую картину мира). Естественно, что различается и представление об «итоговом продукте»: в академической психологии это построение возможно более убедительной научной модели, в которой получили воплощение общие «законы жизни» научного предмета, в практической психологии это «всего лишь» описание или типология, предполагающая ту или иную квалификацию «индивидуального» случая.

Мы полагаем, что эффективное взаимодействие между практической и научной психологией станет возможным благодаря *методологии, причем методологии коммуникативной*. Для этого необходима теоретическая разработка проблемы предмета психологии. На наш взгляд, необходимо создание теоретической модели предмета психологии.

Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Парадигмы..., 2012; Прогресс..., 2011; Человек..., 2013; Теория..., 2007; Субъектный..., 2009 и др.).

Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» (В.Д.Шадриков). Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместив всю психическую реальность в полном объеме (Шадриков, Мазилов, 2015).

По нашему мнению, возможно новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он рождается потребностями человека и пронизан переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, ха-

рактеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые изучает психология.

Библиографический список

1. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, № 6, 1996, с.25-40.
2. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал, 2011, т.32, № 3, с. 5-16
3. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В.* Теоретико-экспериментальная и практическая психология: две разные парадигмы? // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012, с.158-177
4. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В.* Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал, 2012а, том 33, № 2, с.127-132
5. *Князева Е.Н.* Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
6. *Конт О.* Сочинения. В 2-х ч. Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. Ч.1. 139 с.; Ч.2. 200 с.
7. *Конт О.* Дух позитивной философии. С.-Петербург: Изд. "Вестника Знания", 1910. 76 с..
8. *Ломов Б.Ф.* Теория, эксперимент и практика в психологии // Психологический журнал. 1980, № 1, том.1, с. 8-20.
9. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
10. *Мазилов В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998. 359 с.
11. *Мазилов В.А.* Методология психологической науки: история и современность. Монография. Ярославль, 2007
12. *Мазилов В.А.* Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии. Науковедческий анализ. М.: ИП РАН, 2012, с.57-94

13. *Мазилов В.А.* О предмете психологии // В.А.Мазилов / Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
14. *Мазилов В.А.* Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 149-155.
15. *Мазилов В.А.* Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. 2013а. № 50. С. 8-16.
16. *Мазилов В.А.* Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал, № 3, том 2 (психолого-педагогические науки), 2013б, с. 186-194
17. *Мазилов В.А.* Проблема личности в академической и практико-ориентированной психологии // Человечекий фактор: Социальный психолог. №1, 2015, с.16-25
18. *Орлов А.Б.* Психологическая практика как предмет фундаментальной психологии (комментарии к статье А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова “Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия”) // // Психологический журнал, 2012, том 33, № 2, с. 124-126.
19. Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / Отв. Редакторы А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012
20. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980
21. Прогресс психологии: Критерии и признаки. М.: ИП РАН, 2011. 336 с.
22. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
23. *Роговин М.С.* Психологическое исследование. - Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
24. *Розин В.М.* Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.7. 2010. №1. С. 90-103.
25. *Розин В.М.* Комментарии к статье А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова “Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия” // Психологический журнал, 2012,

том 33, № 2, с. 119-123

26. Современная психология / Под ред. В.Н.Дружинина. М., 1999.

27. Субъектный подход в психологии / Под ред. Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикой, Е.А. Сергиенко. М. : Изд-во Институт Психологии РАН, 2009.

28. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007. 528 с.

29. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992. 92 с.

30. Фолльмер Г. Эволюционная теория познания: К природе человеческого познания//Культура и развитие научного знания.М.:Наука, 1991, с.135-150.

31. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015

32. Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд- во «Институт психологии РАН», 2013. – 584 с.

33. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, №2, 1999, с. 3–11.

34. Юревич А.В. Исследовательская и практическая психология: еще раз о «схизисе» // Психологический журнал. 2012, Т.33. №1, с. 127-136

ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ: НА ПУТИ К ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ

Начну с уточнений. Первое. В тексте речь идет о философии психологии. Для того, чтобы избежать возможных недоразумений, скажу сразу, что речь идет о философии психологии, которая обсуждает и решает фундаментальные проблемы психологии, то есть это философия психологии *от* психологии. Второе. Обсуждая вопрос о философии в ее отношениях с психологией, автор понимает объемность,

сложность и неисчерпаемость этой темы. Ясно, что в рамки небольшой главы принципиально невозможно вместить все многоаспектное содержание поднимаемых в тексте вопросов. Основательному освещению такой темы скорее соответствует формат объемной монографии в двух или трех томах. Вся история психологии это история отношений с философией. Как справедливо пишет в предисловии переводчика к книге Д. Робинсона «Интеллектуальная история психологии» М.К. Тимофеева: «Однако ни построение теории, ни выбор метода теоретического или практического исследования в психологии невозможны без принятия философских предположений относительно человеческой природы. Поэтому отмежевание психологии от философии может быть лишь кажущимся. Тем более что философские корни психологии неизбежно присутствуют уже в самой ее терминологии. Даже номенклатура направлений психологии («ощущения», «восприятия», «мотивация», «эмоции», «память» и т. д.) происходит из философии. При таких обстоятельствах пренебрегать накопленным за 26 веков багажом, как минимум, неразумно» (Тимофеева, 2005, с.11-12). Столь же определенно высказывается сам Д. Робинсон, и, заметим, есть основания с ним согласиться: «Что касается меня, то мне уже очень давно казалось, а сейчас стало еще более очевидным то, что общие контуры систематической психологии были очерчены во времена эллинской и эллинистической Греции. Если признать, что Уайтхед был в определенном смысле прав, называя всю философию примечанием к Платону, то большая часть истории психологии представляет собой примечание к Аристотелю. Если в настоящее время это не совсем очевидно, то только из-за нежелания современных авторов попытаться включить нравственные и политические стороны жизни в существующие теории и подходы. Само это нежелание базируется наочно укоренившейся традиции рассматривать психологию как естественную науку (это — еще один долг Аристотелю), но затем представлять себе эту науку как занятие с гораздо более узкими целями и методами, чем собственно наука Аристотеля» (Робинсон, 2005, с. 27).

Теперь о недавних «разноформатных» юбиляях. Юбилеи настраивают на определенный лад. Прелесть юбилея состоит в том, что с какой-то "круглой" датой связаны некие события, вызывающие позитивные эмоции: ожидание этой даты вызывает определенные надежды. Достижение даты это достижение рубежа, а за ним - новое время. Как прекрасно сказал об этом Бертольд Брехт: "Всем известно, какое благотворное влияние может оказать на людей убеждение, что они стоят на пороге нового времени. Тогда им кажется, что окружающий мир еще далеко не закончен, способен на самые отрадные улучшения, полон неожиданных и ожидаемых возможностей, словом, что податливый сырой материал в их руках. Сами они чувствуют себя как утром: отдохнувшими, сильными, изобретательными. Прежняя вера называется суеверием, то, что еще вчера представлялось бесспорным, изучается заново. Нами управляли, говорят люди, а теперь будем управлять мы" (Брехт, 2006, с. 8).

Речь в настоящем тексте пойдет о двух юбилях: 1) 130 лет Московскому психологическому обществу; 2) 500-летие изобретения термина "психология".

Несколько слов о первом. Как отмечает Д.Б. Богоявлensкая, "при установке на комплексные исследования естественно-научного характера, Общество было организовано при философском факультете. Органическая связь психологии с философией в период ее становления была необходима, поскольку она заставляет концептуализировать имеющиеся факты и рефлексировать то основание, на котором оно строится. Философская образованность признавалась необходимой составляющей профессиональной подготовки психолога. Г.И. Челпанов прямо связывал такую подготовку с научностью, иначе возникала опасность дилетантизма и профанации в науке. Внимание к философским и теоретическим проблемам психологии является драгоценным приобретением, важным историческим уроком и продолжает оставаться характерной особенностью московской психологической школы" (Богоявлensкая, 2015, с. 4).

Второй юбилей. 500-летие использования термина "психология". В первой главе уже упоминалось о том, что термин psychology введен Марко Маруличем. Скажем об этом чуть подробнее. В далеком 1971 году, будучи студентом первого курса

психологического факультета, прочел у С.Л. Рубинштейна в "Основах общей психологии", что термин психология был введен Гоклениусом в 1590 году, что и было принято к сведению. Однако через пару лет на занятиях по французскому языку была предложена для перевода на русский язык книга П. Жакара "Бессознательное, сны, комплексы" (Jaccard, 1973), в которой утверждалось, что изобретателем термина психология является некий Марко Марулич. Это была первая встреча с этим именем. Субъективное "открытие" произвело впечатление. Стал интересоваться этим вопросом, информация подтвердила. Поэтому в своей книге 1998 года "Теория и метод в психологии", в частности, я смело отмечал, что "в названии сочинений (до наших дней, к сожалению, не дошедших) далматинского поэта и гуманиста Марко Марулича (1450-1524) впервые, насколько можно судить, употребляется слово "психология"" (Мазилов, 1998, с. 133). То же самое утверждалось и в учебнике по общей психологии (Мазилов, 2002).

В психологии довольно много в принципе известных положений, которые явно соответствуют действительности, но почему-то не признаются большинством. Не станем здесь пытаться выяснить, почему так происходит: может, от общего безразличия, может, потому, что представляется несущественным. Мне кажется, что с этим связано весьма распространенное среди психологов нежелание интересоваться историей своей науки. Но это – к слову...

Каково было мое удивление, когда в 2013 году к первенству Марулича было привлечено всеобщее внимание (500 лет..., 2013). Выяснилось, что психология именно в настоящее время отмечает юбилей (Кроник, 2014). Юбилей связан с обретением имени нашей замечательной наукой. Обратим внимание, что термин психология появился ровно 500 лет назад. У нашей науки юбилей. Воспользуемся случаем и скажем несколько слов об авторе термина.

Марко Марулич родился 18 августа 1450 года в Сплите, который тогда принадлежал Венецианской республике (ныне Хорватия). Поэт, философ, гуманист, создатель хорватской литературы, "отец хорватского ренессанса". Марулич - автор многих трудов на латыни, хорватском и итальянском языках. В

10-х годах XVI столетия Марко Марулич пишет трактат *Psichiologiaderatione animaehumanae* (Психология человеческой души), в названии которого впервые используется слово "психология" (на латыни). Труд этот не сохранился, но его название содержится в списке трудов Марко Марулича. Судя по положению в списке, трактат по психологии был создан между 1510 и 1517 годами. Таким образом, 500 лет со дня изобретения термина или только что исполнилось или совсем скоро будет (подробнее об этом см. Кроник, 2014; Мазилов, 2014).

Насколько я могу судить, особого резонанса в психологическом сообществе эта дата не вызвала. Состоялась заочная конференция (о которой мы уже упоминали) «500 лет использования понятия «Психология» в литературе, искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic)», организованная редакцией журнала "Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири", в которой приняли участие всего несколько человек. Можно смело констатировать, что широкие круги психологической общественности это событие не взволновало. Можно полагать, что это проявление, отголосок общего достаточно равнодушного отношения психологов к философским вопросам психологии. Вообще отношение научных психологов к философии и методологии науки достаточно своеобразно и достойно специального исследования. В порядке первого приближения это отношение можно определить как достаточно равнодушное, но с одной существенной поправкой: некоторые термины психологи начинают использовать, но при этом едва ли не демонстративно применять их весьма произвольно, наполняя содержанием по своему усмотрению. В качестве иллюстрации можно привести пример применения в сфере психологии термина парадигма.

Оттолкнувшись от психологических юбилеев, вспомним славное прошлое психологии, прошедшее в недрах философии. Христиан Вольф, как известно, впервые обосновал психологию (точнее, психологию: эмпирическую и рациональную) как самостоятельную философскую дисциплину. И – не будем забывать – сделал термин psychology широкоупотребимым, благодаря публикации своих книг (*Wolff, 1732, 1734*). До середины XIX столетия психология оставалась философской психологией.

Настоящая глава посвящена обсуждению вопроса о философии психологии. Как хорошо известно, важнейшими событиями в истории различных наук явились публикации таких сочинений, как «*Philosophia botanica*» Карла Линнея (1751), «*Philosophie zoologique*» Жана Батиста Ламарка (1809) или «*Философии анатомии*» Жоффруа Сент-Илера (т. 1, 1818)... В психологии, как известно, ничего подобного не происходило. Возможно, потому, что институализация ее как самостоятельной науки произошла "посредством эдикта" (Робинсон, 2005)²⁵. И величайшие умы (например, У.Джемс, хорошо сознавали, что психология делает только первые, начальные шаги – до философии психологии еще далеко. Поэтому сам он предпочитал писать об основаниях²⁶). У.Джемс: "мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественно-историческое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки" (Джемс, 1905, с.408). Впрочем, он был не одинок. Позднее сходные идеи высказывал другой гений психологии: "Здесь мы неизбежно вступаем на нетвердую почву и время от времени вынуждены прибегнуть либо к спекулятивной гипотезе, сочиняя, что любой исследователь обязан как можно более полно документировать свои находки; однако иногда он обязан и выдвигать гипотезы, пусть даже рискуя ошибиться. В конце концов, путем ошибок мы приходим к истине, и если нам неведомо, чем *является* некая вещь, наше знание возрастет уже от того, что мы узнаем, чем она *не является*" (Юнг, 1997, с.300).

Как мы знаем, уже в XX столетии некоторые психологи создали философские учения - варианты эпистемологии. Речь идет о Жане Пиаже, разработавшем генетическую эпистемологию (Piaget, 1972), Конраде Лоренце, авторе эволюционной тео-

²⁵ Обратим внимание на то, что для психологии более характерны сочинения, в названии которых используется слово «принципы» или «основания». Это отдельная тема, достойная внимательного и неспешного обсуждения.

²⁶ См. James W. *The Principles of Psychology*. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.

рии знания (см. Лоренц, 1998), Карле Поппере и его эволюционной эпистемологии (Эволюционная..., 2000). Впрочем, может быть, в случае Поппера психологическое прошлое уступило философскому настоящему... С другой стороны, некоторые философы осуществляли анализ психологии - см., например, Л. Витгенштейн, 2001). Правда, это скорее исключения...

Настоящая работа представляет собой попытку понять, почему так произошло, что в отечественной психологии этот термин «не прижился». (Автор хорошо понимает, что такая задача не может быть решена в рамках отдельной работы, поэтому в данном тексте проблема лишь ставится: недоработок и упущений будет много). В любом случае, такая тема делает необходимыми хотя бы краткие комментарии. Постараемся их дать. Прежде всего, стоит заметить, что «философия психологии» и «философская психология» это различные понятия. Философская психология это исторический этап развития психологии и вид психологического знания, получаемого с помощью рассуждения. В рамках настоящего текста речь пойдет исключительно о философии психологии как разделе *психологии*, обсуждающем фундаментальные вопросы психологии: место психического в картине мира, предмет и метод психологии, положение среди других наук, обоснование психологического знания и т.д.

Еще одно замечание касается того, что вопрос весьма обширен, поэтому некоторые аспекты в тексте будут лишь обозначены или рассмотрены чрезвычайно сжато, или вообще упущены, за что автор еще раз приносит свои искренние извинения. Некоторые положения, сформулированные в тексте, имеют дискуссионный характер. Наконец, нас интересует в первую очередь философия психологии в России, поэтому современное состояние философии психологии на Западе в рамках настоящей работы анализироваться не будет (автор предполагает посвятить этому вопросу отдельную работу, считая, что этот аспект проблемы чрезвычайно важен и полезен для определения перспектив развития отечественной психологии в наше время).

Термину «философия психологии» и в мировой психологии и в психологии отечественной «повезло» значительно меньше, чем другим, относящимся к иным сферам знания: философии химии, философии биологии и т.п., так как, по-видимому,

существовали определенные причины, препятствующие оформлению философии психологии в самостоятельную отрасль (раздел) возникающей психологической науки. Вероятно, поэтому само содержание философии психологии до сих пор остается достаточно неопределенным.

Причины такого положения вещей достаточно очевидны: выделение психологии из философии происходило значительно позднее, чем в случае других научных дисциплин, а отделение «родственной» философии дисциплины, каковой без сомнения была психология, оказалось значительно более драматичным, чем предполагалось.

Иными словами, к осознанию того, что психологии необходима философия, надо прийти. Для этого требуется время. Мудрым Вундту, Джемсу, Брентано, Титченеру это было ясно в самом начале пути. Это хорошо понимали Н.Н. Ланге и Л.С. Выготский, В.Н. Ивановский и С.Л. Рубинштейн... Правда, это была уже другая эпоха...

Обратимся к началу, к трудам В. Вундта, конституировавшим психологию (точнее, физиологическую психологию) как отдельную науку.

Психология, как хорошо известно, заявляет о себе как самостоятельной дисциплине устами Вильгельма Вундта, который весной 1874 года обосновывает физиологическую психологию как особую область науки (*Wundt, 1874*). Обратим внимание, что декларация о выделении психологии в отдельную науку фактически означает, что психология начинает свое автономное (от философии) существование. Конечно, в действительности философская психология продолжает развиваться и писать свою дальнейшую историю...

Вундт подчеркивает, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом. Подробный анализ взглядов Вундта проделан нами в первой главе книги. Напомним лишь, что “мы называем нашу науку фи-

зиологическою психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения” (*Вундт*, 1880, с.2). В этой науке психологическое самонаблюдение идет “рука об руку” с методами экспериментальной физиологии. Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущения, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только самонаблюдением.

Вундт отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции..

Заметим, что Вундт многократно пересматривал, трансформировал свои взгляды, что несколько осложняет анализ и затрудняет формулирование однозначных выводов: (См. *Wundt*, 1874, 1902, 1912). Не будем останавливаться на анализе вундтовских идей о физиологической психологии как науке о непосредственном опыте. Обратимся к взаимоотношениям психологии и философии в версии 1913 года. Эти рассуждения важны для нашей темы. Спустя четыре десятилетия, анализируя отношения психологии и философии, Вундт утверждает, что психология должна остаться философской дисциплиной. “Чистая” экспериментальная психология легко вырождается в “ремесленничество”, при котором (напомню, что психология преподавалась в университетах с философских кафедр) высказывание известного историка философии, цитируемое Вундтом, становится похожим на правду: “... для получения философской кафедры в настоящее время покуда достаточно, если кто умеет методически надавливать на электрические кнопки и затем, расположив результаты своих опытов в таблицах, числами доказывать, что один человек соображает несколько медленнее, чем другой” (*Вундт*, 1913, с.97-98). Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку (“... мой план принесет не менее пользы, чем выделение психологии из философии и возвышение ее в ранг самостоятельной науки” (*Вундт*, 1913, с.129), но разрыв с философией считает крайне вредным: “... более общие и наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что

непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологию” (Вундт, 1913, с.117). Напомню, что эти строки написаны в 1913 году, когда психология окончательно “завоевала” место под солнцем среди других наук.

Таким образом, точку зрения позднего Вундта можно сформулировать следующим образом: необходимо содружество философии и психологии. Психология как чисто эмпирическая наука невозможна. Существуют некоторые теоретические основания, которые предшествуют эмпирическому исследованию. К ним, согласно Вундту, относится понимание психического (метафизические воззрения).

Взгляды Вундта полезно сопоставить с идеями другого классика психологии Уильяма Джемса (James, 1890; Джемс, 1905).

Психология для Джемса наука о сознании, основным методом которой является наблюдение за состояниями своего сознания. “В психологии, поскольку мы будем разрабатывать ее как естественную науку (а такой точки зрения мы придерживались во всем предшествующем изложении), – пишет Джемс в эпилоге к “Психологии”, – состояния сознания принимаются за непосредственные данные опыта...” (Джемс, 1905, с.357). Но Джемс настаивает на том, что психология не должна порываться с философией: “В одном только нельзя сомневаться: именно в том, что, сливвшись с философией в ее целом, психологические формулы получат совершенно иное значение сравнительно с тем, какое они имели так долго, изучаясь с точки зрения абстрактной и страдающей неполнотой естественной науки, как бы ни было необходимым и неизбежным изучение психических явлений с такой временно-условной точки зрения” (Джемс, 1905, с.23). В другом месте Джемс возвращается к этому вопросу и с

присущим ему блеском пишет: “Итак, толкуя все время о психологии как естественной науке, мы не должны думать, что речь идет о науке, установленной на прочном, незыблемом основании. Наоборот, называя психологию естественной наукой, мы хотим сказать, что она в настоящее время представляет простую совокупность отрывочных эмпирических данных; что в ее пределы отовсюду неудержимо вторгается философский критицизм и что коренные основы этой психологии, ее первичные данные должны быть обследованы с более широкой точки зрения и представлены в совершенно новом свете. Короче говоря, название естественной науки указывает на то, что психология обладает всеми несовершенствами чисто эмпирической науки, и не должно вызывать в психологах наивной уверенности в цветущем состоянии изучаемой ими научной области” (Джемс, 1905, с.363).

Таким образом, Уильям Джемс, как и поздний Вундт, настаивал на том, что психология как чисто эмпирическая дисциплина существовать не может, для ее нормального развития необходимо взаимодействие с философией (метафизикой, как ее называет Джемс; мы бы сказали: философской психологией).

Нарождающиеся школы в психологии (гештальт-психология, бихевиоризм, психоанализ) *философии психологии* не породили. Не потому, что они пренебрегали методологией, - напротив, методологические положения обсуждались достаточно интенсивно. Полемизируя с вундтовской психологией и развивая свои взгляды, нарождающиеся основные школы занимались – каждая – построением своего варианта *научной психологии*. И никому из них «не было резона» свои рассуждения именовать философией психологии, хотя проработка методологических оснований научного подхода в рамках школы несомненно присутствовала. Перед ними стояла более высокая, по их мнению, задача – разработка новой *научной психологии*.

Здесь необходимо обозначить еще одну важную тему. Речь идет о философии науки. Остановимся очень коротко на некоторых моментах. Скажем несколько слов о философии науки. Философия науки, как хорошо известно, представляет собой философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социо-

культурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука (Касавин, Пружинин, 2010). Термин «философия науки» (*Wissenschaftstheorie*) впервые в 1878 году появился в работе небезызвестного Евгения Дюринга «Логика и философия науки». Намерение Дюринга построить философию науки как «не только преобразование, но и существенное расширение сферы логики» не было им реализовано, однако данная терминологическая новация оказалась весьма своевременной, поскольку позволяла номинировать тенденцию, набирающую силу. Проблематика философии науки (структуре и развитие научного знания) восходит к Платону и Аристотелю. С формированием науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важнейшей областью философского исследования в работах Ф.Бэкона, Декарта, Лейбница, д' Аламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б.Больцано, который еще ограничивается фихтеанским термином «наукоучение» (*Wissenschaftslehre*) (Касавин, Пружинин, 2010). Состояние и значение современной философии науки определяется местом науки в обществе, в мировоззрении, а также набором ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем (Касавин, Пружинин, 2010). В качестве особого направления философия науки формируется в трудах У.Уэвелла, Дж.С.Милля, О.Конта, Г.Спенсера, Дж.Гершеля. Ее возникновение знаменовало собой отчетливую постановку нормативно-критической задачи – привести научно-познавательную деятельность в соответствие с некоторым методологическим идеалом (Касавин, Пружинин, 2010).

В настоящей главе не может идти речь о философии науки в целом, это задача совсем другой работы. В настоящем тексте будут обсуждаться некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные промежутки отношения между психологией и философией науки были отчетливо различны: И.Г.Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж.С.Милль всю свою "Систему логики" (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге этого труда "Логика нравственных наук" и попутно обосновывал необходимость существования психологии как отдельной науки...

Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должно удивлять. Как часто бывает, трагизм ситуации, выраженный в заголовке статьи, несколько преувеличен: и философия науки, и психология себя прекрасно чувствуют. И относится этот трагизм лишь к последним этапам их существования. И представляется, что от этого нарушения взаимопонимания философия науки теряет больше, так как упускает (надеемся, пока) возможность проанализировать уникальную ситуацию грядущего интенсивного развития психологической науки и становления ее подлинно фундаментальной наукой.

Наша задача - попытаться понять, почему так получилось. (Справедливости ради необходимо отметить, что общие оценки очень часто оказываются не вполне справедливыми. Среди философов науки были и есть специалисты, которые активно интересовались положением дел в психологии. Можно назвать таких ученых как Э.Г.Юдин, В.А.Лекторский, Н.В.Ретюнских и др. Мы говорим об общей тенденции, в этом случае отдельные исключения лишь подтверждают ее наличие).

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки.

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Здесь, впрочем, мы не видим ничего нового и оригинального. Естественнонаучное знание считается наиболее развитым, совершенным, и неявно эта модель принимается за общую - науки в целом. Подавляющее большинство исследований в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биологии и т.д. (Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические носит скорее "прикладной" характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре: аспиранты по гуманитарным специальностям не очень понимают, почему они должны изучать столь далекий от их повседневных занятий материал).

Констатируем, что Большая философия науки (философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; напомним, это специальная философская дисциплина,

предметом которой является наука) исходит из приоритета естественных наук, которые и являются образец науки в целом.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н.Бора. Никто не будет спорить - это сложно. Но с другой стороны полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Поясним это, поскольку часто сложность психологического исследования в полной мере не осознается.

Итак, полезно помнить, что человек, участвующий в психологическом исследовании в качестве испытуемого, обладает сознанием. Следовательно, он имеет возможность рефлексии, поэтому исследование это не только "субъект-субъектное" взаимодействие, но и, возможно, рефлексивная игра. Была бы мотивация. Отметим, что эта ситуация хорошо описана и проанализирована в научной фантастике. Однако, хорошо известно, что человек, будучи сознательным существом, очень часто поступает нерационально. Причем это явно закономерность. До такой степени, что ученые, осознавшие этот факт и проанализировавшие причины такого поведения человека, заслуженно получили Нобелевскую премию. Но относительно сложности психологии перечисление осложняющих обстоятельств только начинается. Известно с времен З. Фрейда, что между сознанием и бессознательным существуют сложные отношения, причем часто поведение определяется в конечном счете отнюдь не сознанием. И, опять же, существуют защитные механизмы, модифицирующие поведение индивида... С времен К. Юнга хорошо известно, что сознательные тенденции обязательно компенсируются неосознаваемыми... К тому же Э. Бернам прекрасно показано, что один и тот же человек может находиться в различных субъективных состояниях и, что тоже важно, переходить из одного в другое.

Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Мы и не станем продолжать, только обратим внимание, что принципиально по-другому обстоит дело в психологии и с детерминацией:

психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т.п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда как большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии много сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки по сути не учитываются. Во всяком случае, отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предосудительно (не случайно народная мудрость отмечает, что такая простота часто оказывается хуже иного криминала). Не случайно К. Юнг многократно подчеркивал, что время глобальных теорий еще не наступило (Мазилов, 2004, 2007а, 2011).

3. Философия науки и само развитие науки определяет весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме достаточно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где бы новые данные лишь спокойно наслаждались и дополняли друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает того, что в других науках дело обстоит так же. Короче говоря, ситуация классическая: неоправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем, представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ состояния последней, выявление того, чем она на самом деле по сути является: архивом,

отражающим прошедшее научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Тест состоит в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы оценить характер развития самой науки. Очевидно, что у «более революционной» и «более кумулятивной» будут существенно различные характеристики.

Итак, если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там нет не только правильных или неправильных концепций, но даже в более мягком варианте более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. Иными словами, концепции Фрейда, Адлера и Юнга, к примеру, до сего дня с успехом применяются и в науке, и на практике, имеют научную ценность. Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, "снимающих" (в гегелевском смысле) предшествующие.

Хочется обратить внимание на то, что психология это не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В той же философии дело обстоит весьма сходным образом. Хорошо известно, что представление о современной философии дает история философии. Аналогично обстоит дело с искусством.

Не будем дальше продолжать поиск расхождений между *постулатами* философии науки и *реалиями* психологии. Констатируем, что философия науки, вероятно, хорошо описывает процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии.

В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина "парадигма". Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что это полностью дискредитирует этот термин. Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина парадигма вообще *не связана* с исходной трактовкой термина "парадигма", данной в 1962 году Томасом Куном.

В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой по большей части дополнительную нагрузку на память студента и в лучшем случае обогащает его эрудицию, так как привести примеры из психологии авторам обычно не удается, так как отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Вряд ли стоит обвинять в сложившейся ситуации косность и леность мысли психологов - можно представить картину и так, что философия науки пока еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии. Положение в психологии - особое, она отличается существенно и от других социогуманитарных дисциплин. Не случайно мудрый Аристотель утверждал, что это наука о наиболее совершенном и возвышенном.

В большинстве случаев разработки философов науки не встречают широкого отклика у психологов. Это достаточно известно, поэтому не будем более задерживать внимание читателя.

Впрочем, рассмотрим еще один пример. Психологи по своей воле и с желанием используют концепцию исторических типов рациональности. На первый взгляд, этот случай противоречит сформулированному выше утверждению: возникает впечатление, что на этот раз психологи ассилировали философскую наработку и готовы использовать ее на благо собственной дисциплины (Гусельцева, 2015; Шадрин, 2014; Корнилова, Смирнов, 2013, Мясоед, 2014 и др.). Остановимся на этом случае чуть более подробно, поскольку, возможно, наконец, долгожданный контакт между психологией и философией науки со-

стоялся.

В последние годы все большее внимание психологов привлекает идея типов научной рациональности. Как принято считать в психологических кругах, представление о типах научной рациональности сформировалось в работах В.С.Степина, которые, как мы уже упомянули, получили достаточно широкий отклик в психологии. В целом картина выглядит следующим образом. Как сообщает об этом автор концепции В.С.Степин, были введены в методологический обиход представления о трех типах рациональности – классической, неклассической, постнеклассической. Приведем соответствующие цитаты, а затем проанализируем. Итак, согласно В.С.Степину (Степин, 2014, с. 426):

Первый из них (классика) характеризуется особым пониманием идеалов объяснения и описания. Предполагается, что объективность объяснения и описания достигается только тогда, когда в цепочке деятельности «субъект – средства (операции) – изучаемый объект» объяснение сосредоточивается только на объекте и будет исключено все, что относится к субъекту, средствам и операциям деятельности.

Второй (неклассика) эксплицирует связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Объяснение и описание включают принцип относительности объекта к средствам наблюдения (квантово-релятивистская физика).

Третий (постнеклассика) расширяет поле рефлексии над деятельностью, учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. В явном виде учитывается связь между внутринаучными и вненаучными социальными целями и ценностями.

Представляется совершенно необходимым сделать следующее замечание. Концепция В.С.Степина, о которой идет речь, является глубоко проработанной, и у нас нет ни малейших сомнений в том, что она прекрасно описывает ситуацию в физике и других естественных науках. Нас в данном случае волнует только психология. Я даже готов согласиться с тем, что «физика – наше все». Ведь говорил же лорд Кельвин, что есть одна наука

– физика, остальное – коллекционирование марок. Поэтому все рассуждения, которые последуют ниже, это рассуждения филателиста о применимости тезисов высокой науки (*haut science*) к увлекательному занятию сортирования марок.

Итак, мы говорили, что концепция хорошо проработана. Приведем соответствующие цитаты, теперь уже из классического учебника: «Три крупных стадии исторического развития науки, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявшие друг друга в истории техногенной цивилизации. Это - классическая рациональность (соответствующая классической науке в двух ее состояниях - додисциплинарном и дисциплинарно организованном); неклассическая рациональность (соответствующая неклассической науке) и постнеклассическая рациональность. Между ними, как этапами развития науки, существуют своеобразные "перекрытия", причем появление каждого нового типа рациональности не отбрасывало предшествующего, а только ограничивало сферу его действия, определяя его применимость только к определенным типам проблем и задач» (Степин, 1994, с.228).

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания.

Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций (Степин, 1994, с.228).

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения

мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). (Степин, 1994, с.228).

Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями. (Степин, 1994, с.229).

«Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными ему основаниями науки, которые позволяют выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и нового образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего этапа. Напротив, между ними существует преемственность. Неклассическая наука вовсе не уничтожила классическую рациональность, а только ограничила сферу ее действия. При решении ряда задач неклассические представления о мире и познании оказывались избыточными, и исследователь мог ориентироваться на традиционно классические образцы (например, при решении ряда задач небесной механики не требовалось привлекать нормы квантово-релятивистского описания, а достаточно было ограничиться классическими нормативами исследования). Точно так же становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению всех представлений и познавательных установок неклассического и классического исследования. Они будут использоваться в некоторых познавательных ситуациях, но только утратят статус доминирующих и определяющих облик науки». (Степин, 1994, с.229-230).

Соответственно этим изменениям структур метода деятельности, представленных идеалами и нормами науки, по мне-

нию В.С.Степина, расширяется и поле системных объектов, которые могут быть освоены в соответствующих структурах деятельности. Классическая рациональность позволяет осваивать в познании простые (малые) системы, неклассическая – сложные системы с саморегуляцией и обратными связями, а постнеклассическая – исторически развивающиеся системы, в том числе и такой их вариант, как человекоразмерные системы (исторически развивающиеся системы с включенными в них человеком).

Повторим, психологам типология показалась полезной, поэтому ссылок в психологических работах на эту концепцию много. Но, как это ни печально, все богатство и глубина проработки проблемы исчезают, как только рассуждение перемещается в пространство психологической науки, остается только это выделение трех вышеозначенных типов. Причем, стоит обратить на это внимание, критерии, выделенные в философии науки, переосмысливаются, дополняются, заменяются своими.

Хотелось бы - раз уж была затронута эта тема – высказать некоторые комментарии. В философских кругах это широко известно, но, поскольку текст адресован психологам, уточним, что основу для выделения типов классической и неклассической рациональности составили идеи М.К.Мамардашвили. Известность этого различие получило после работы «статья трех авторов» (как ее называют философы) (Мамардашвили и др., 1972), опубликованной ровно 45 лет тому назад.

Несомненной заслугой В.С.Степина является обоснование третьего типа рациональности – рациональности постнеклассической, что и было блестящее осуществлено в его работах. Кроме того, как нами уже отмечалось, была проведена глубокая проработка проблемы, в результате чего характеристики типов существенно углубились (см. Степин, 2000).

Отметим также, что некоторые авторы обращают внимание на тот факт, что выделение трех типов не исчерпывает все возможности. Л.А.Никитич, в частности, замечает, что вторая научная революция и возникновение принципа эволюции и развития поставили вопрос о немеханистической рациональности (Никитич, 2008). Еще дальше идет Н.С.Шадрин, который утверждает, что речь сейчас «должна идти о четырех типах научной рациональности (или культуры): 1) классическая ра-

ональность; 2) рациональность, основанная на принципе эволюции и развития; 3) неклассическая; 4) постнеклассическая рациональность» (Шадрин, 2014, с.54-55).

Обратим внимание на то, что различные авторы существенно по-разному представляют себе работу психолога с типами рациональности и их использование в психологии. Наиболее распространенная точка зрения состоит в том, чтобы рассматривать в соответствии с выделенными типами этапы эволюции психологического знания с четко обозначенными хронологическими рамками. Обратим внимание на то, что это существенно расходится с положениями концепции В.С.Степина.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что в рамках настоящего текста мы не анализируем авторские подходы психологовк выделению типов рациональности, не оцениваем их, не высказываем по их поводу каких-либо суждений. Нас в данном случае интересует лишь отношение философии науки и психологии.

Уже упоминавшаяся М.С.Гусельцева пишет: «В неклассическую науку психология стала превращаться в начале XX в., и это связано с работами З. Фрейда и К. Левина, в отечественной культуре – С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского. (Следует назвать также исследования А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева, теорию установки Д.Н. Узнадзе, концепцию человека на стыке наук А.А. Ухтомского, физиологию активности Н.А. Бернштейна)» (Гусельцева, 2015, с. 215). «Таким образом, неклассическая психология простирается от начала XX в. до его последней четверти. В дальнейшем задачи интеграции психологического знания стимулировали ее переход к постнеклассическому типу рациональности. Неклассический период эволюции психологического знания являл своеобразную дифференциацию. Так, с начала XX в. до 1960-х гг. здесь наблюдался процесс рождения психологических школ, затем тенденция замедлилась, после 1960-х в основном возникали смешанные направления – социальная психология, культурная психология, политическая психология, психологическая антропология; вместо чистых линий сразу появлялись синтетические подходы» (Гусельцева, 2015, с. 216).

Здесь не время и не место заниматься анализом адекватности такого рода представлений. Заметим, что в психологии уже возникли острые и интересные дискуссии. Отметим только, что некоторые авторы – например, Н.С.Шадрин – занимают более взвешенную позицию: «эти типы продолжают и сосуществовать, сопрягаться в живой ткани научно-психологических концепций» (Шадрин, 2014, с.55). Он же справедливо замечает, что «особая (но решаемая) проблема – привязка черт каждого типа научной рациональности к конкретным направлениям, течениям, школам в психологии...» (Шадрин, 2014, с.55). Нельзя не согласиться с другим выводом автора: «Важный вклад в решение этой проблемы по идеи могли бы внести современные историки психологии, которые, к сожалению, сейчас если и говорят о типах научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической), то достаточно абстрактно и обобщенно» (Шадрин, 2014, с.55).

В связи с предыдущим тезисом автора, хочется заметить, что как бы то ни было, историков можно понять. Как люди искушенные в описании и реконструировании психологических концепций, они хорошо понимают, что такого рода схемы, как правило, с трудом прилагаются к психологическим реалиям. Но не это главное. Полезно вспомнить, на каком историческом материале получена эта типология. Как всегда бывает в вопросах, касающихся материала для исследований в философии науки, приоритет отдается естественным дисциплинам. Роковая ошибка состоит в том, что без какой-либо специальной проверки и обсуждения результаты, полученные на специфической области научного знания – на материале естественных наук, переносятся на всю науку. Беда в том, что это переносится и на психологию, о которой хорошо известно, что она не похожа и весьма отлична от естественной науки (Мазилов, 2014; Мазилов, 2016). И в первую очередь различия в том, что в области психологии все сложнее, потому что она явно многомернее. Поскольку многие психологи разделяют это странное убеждение о «науке вообще», нас совсем не удивляет, что психологи безоговорочно принимают эту позицию.

«Поскольку исторические типы рациональности выделены В.С. Стёпиным на основе изучения истории естествознания, при

переносе на эволюцию психологического знания мы рассматриваем их смену в качестве общей модели развития науки» (Гусельцева, 2015, с.199). Хотя, насколько можно судить, в своей исследовательской работе этот автор использует исторические типы не по Степину, а существенно переосмыслиенные.

Достойно упоминания, что эта разработанная М.С.Гусельцевой концепция эволюции психологического знания, исходящая из выделения трех типов рациональности, была подвергнута критике А.А.Федоровым (Федоров, 2014, 2014 а). Не будем вдаваться в детали, поскольку это увело бы нас от главной темы – в настоящем тексте нас интересуют отношения психологии и философии науки в общем, а не конкретные частности.

Впрочем, все это не так важно. В плане интересующей нас проблемы попробуем ответить лишь на один вопрос: в какой степени (с каким-либо позитивным эффектом) эти идеи могут быть приложены к сфере психологии.

Возьмем в качестве примера «неклассическую» психологию. Как известно, так называемая научная психология, основанная на фактах, появилась лишь во второй половине XIX столетия. Напомним, что условием ее появления явилось размежевание с философией по предмету: научная психология изучала не сознание (как философская психология), а непосредственный опыт субъекта. Это весьма привередливая «субстанция», научиться ее описывать и исследовать с помощью самонаблюдения испытуемым было совсем не просто. Для того, чтобы описать «непосредственный» опыт, субъект должен был помнить о многих ограничениях. Нас не удивляет, что в этой школе (В.Вундта) нужно было пройти длительное предварительное обучение только для того, чтобы быть допущенным к исследованию в качестве испытуемого. Нужно было пройти через 10000 запротоколированных опытов. Говорить, что в таком исследовании фактор познающего субъекта не учитывается, явно не приходится.

Что же, получается, что «классической» психологии вообще не было? Не считать же таковой философскую умозрительную психологию, в которой эмпирических исследований вообще не было? На наш взгляд, это было бы неправильно. Во всех «субъективных» направлениях испытуемому давались свои спе-

цифические установки для того, чтобы получить необходимые результаты...

Короче говоря, получается, что применительно к психологии данная модель эффективно не работает. Применение дополнительных усилий приводит к насилию над фактами, что типично для использования прокрустова ложа любой конструкции. И, кстати о конструкциях. Конструктивизм в естественной науке возникает на определенном, достаточно продвинутом этапе. В психологии, можно сказать, научный этап начинается с конструктивизма, поэтому психологу понять, что конструктивизм – новый и перспективный подход к исследованию психики совсем не просто.

В заключение сформулируем несколько совсем очевидных положений.

1. Несомненно, что психологам необходимо продолжать исследования типов рациональности, опираясь на историко-психологические данные, то есть, не утрачивая специфики психологического подхода.

2. Психологии стоит заботиться о себе самосостоятельно и разрабатывать философию психологии от психологии, то есть как часть психологии. Это значит, в частности, осмыслять свое развитие, выделять те типы рациональности, которые в ней были, исторически возникали и изменялись, но пока еще не выявлены.

3. Философии науки, возможно, стоит обратить внимание на психологию, выявить реальное своеобразие этой науки. Может быть, это пока и коллекция марок, но обладающая значительной ценностью. Представляется, что, не отобразив подлинные закономерности познания психического, философия науки не создаст адекватной картины науки в целом – без психологии она не будет полной.

Однако, в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространены на науку "вообще", становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основан-

ных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке.

Приведем пример. В работах У.Кайна, Т.Куна, П.Фейерабенда сформулировано положение, которое получило название "несоизмеримости научных теорий". Согласно этому положению, сменяющие друг друга научные теории несравнимы друг с другом как в теоретическом плане, так и в эмпирическом, поскольку у них не существует общей фактуальной базы. Заметим, что это достаточно характерная черта некоторых философов - доводить положение до абсурда (см. скептицизм, со-липсизм и т.д.). Здесь обратим внимание на то, что соответствующая проверка показывает: утверждения о применимости тезиса о "несоизмеримости научных теорий" в психологии не только не обоснованы, но и скорее всего не соответствуют реальности, с которой мы имеем дело в психологической науке (Мазилов, 2013, 2014). Снова неоправданные обобщения. Поэтому в противоположность утверждениям философии науки может быть сформулирован тезис о "соизмеримости теорий в психологии", основанный на положениях коммуникативной методологии (Мазилов, 2014). Утверждение о том, что у разных теорий не существует общей фактуальной базы также нуждается в проверке и уточнении. В связи с недостаточной разработкой проблемы факта в психологии не учитываются особенности его детерминации. Есть основания полагать, что полномасштабный учет уровневой структуры факта позволит по новому интерпретировать сами факты, которые окажутся соотносимыми в куда большей степени, чем об этом думали ранее.

Таким образом, резюмируем. Философия науки в настоящее время не готова к осознанию того, что науки различаются между собой гораздо значительнее, чем принято считать в этойуважаемой дисциплине. При определении различий или сходства стоит учитывать фактор предмета науки. И если учесть многоаспектность и многоуровневость предмета наук о психике, стоит признать, что традиционные схемы представления науки применительно к психологии не вполне адекватны. Не случайно

наблюдаются ростки того движения, согласно которому за неимением *философии психологии* (от философии науки) идет формирование *философии психологии как психологической теоретической дисциплины*. Ибо необходимость в таком знании есть, а производить его философы науки не желают (Мазилов, 2013а, 2008, 2015).

Впрочем, вернемся к психологии.

«Золотым веком» для философии психологии мог бы стать период, который был назван классиком отечественной психологии П.Я.Гальпериным этапом открытого кризиса в психологии. Открытый кризис в психологии, проявившийся в первую очередь в том, что психология распалась на несколько не связанных между собою школ, стимулировал методологическую активность психологов. Осмысление кризиса вызвало к жизни сотни публикаций, среди которых в первую очередь необходимо выделить работы Н.Н.Ланге (1914), Л.С.Выготского (1926), К.Бюлера (1927), К.Левина (1931), С.Л.Рубинштейна (1934). С.Л.Франк в 1917 году опубликовал книгу "Душа человека. Опыт введения в философскую психологию" (Франк, 1995), но публикация пришлась не ко двору... А совсем скоро автору выпала дорога дальняя... (Нельзя не заметить в скобках, что эти методологические поиски вполне могли бы получить название *философии психологии*, особенно хронологически более ранние, но так не случилось. Эти исследования имели в основном методологический характер и были направлены на разработку *новой психологии*. В двадцатые годы после «философских пароходов» такое словосочетание – философия психологии – становится вообще невозможным, т.к. философия в СССР – одна: именно диалектический и исторический материализм).

Начинается следующий этап развития философии психологии в СССР – «полуподпольное» существование. Имеется в виду то, что идеи философии психологии, конечно, разрабатывались ведущими методологами психологической науки, но быть оформлены как философия психологии они, разумеется, не могли. Пространство методологии психологии было искусственно ограничено, довольно скоро свелось к формальному набору методологических принципов.

Не имея возможности развертывать в рамках настоящего текста изложение вариантов разработок философии психологии в трудах советских психологов, отметим, что в формирование системы методологических принципов советской психологии внесли существенный вклад выдающиеся отечественные психологи С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Н. Узладзе, Г.С. Костюк, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов и др. В результате особую роль в психологии стала играть категория деятельности. Основы методологии психологической науки, сложившиеся в тридцатые годы, углублялись и разрабатывались в дальнейшем психологами разных поколений: С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, Б.Г. Ананьевым, а также К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинским, Е.А. Будиловой, П.Я. Гальпериным, В.В. Давыдовым, А.В. Запорожцем, П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломовым А.Р. Лурией, В.Н. Мясищевым, Д.А. Ошаниным, В.И. Пановым, Я.А. Пономаревым, М.С. Роговиным, А.А. Смирновым, С.Д. Смирновым, Б.М. Тепловым, О.К. Тихомировым, В.Д. Шадриковым, Е.В. Шороховой, и многими др.

Философией психологии это по указанным выше причинам не называлось.

Не случайно, что первая в отечественной психологии книга (кстати, до сих пор единственная в России²⁷) с названием «Философия психологии» появилась лишь в 1994 году. Составители назвали так сборник неопубликованных работ классика отечественной психологии А.Н. Леонтьева (*Леонтьев, 1984*).

Здесь необходимо важное пояснение. Несколькими строками выше были перечислены имена тех отечественных ученых, кто внес вклад в разработку философии психологии, притом не афишируя этих занятий. Автор настоящего текста очень хорошо осознает полную невозможность составления полного и справедливого перечня - "списка кораблей", "поезда журавлинного" (Мандельштам)... В этом видится концептуальная недоработка нашей истории психологии, в которой подвергнуты

²⁷ Второй, известной автору настоящих строк книгой по философии психологии является сочинение небезызвестного доктора А. Курпатова: "Философия психологии. Новая методология". Впрочем, это то, что раньше именовалось психософией.

анализу лишь взгляды абсолютных "лидеров". Жизнь свидетельствует, что в рамках "советской психологии", к которой мы обращаемся в данный момент, существовало очевидное многообразие взглядов. И вряд ли правильно, что история психологии в этом не видит одной из исследовательских задач...

Поэтому - мысленно принося извинения не упомянутым - обращаюсь к обсуждению работ человека, "не включенного" в этот список (по причине того, что он не составлен!), но имеющего на то полное право и достойного в этом "списке" находиться...

Итак, обратимся к работам А.И.Миракяна (1929-1995).

Наша страна всегда была богата талантами. Аршак Исраэлович Миракян - один из них. А.И.Миракяна можно смело отнести к философам психологии. Поскольку его труды в последние годы неоднократно издавались и переиздавались (см. *Миракян, 1999, 2004*), анализ его творчества были посвящены научные конференции и сборники статей, излишне представлять подробный анализ его трудов. Поэтому остановимся лишь на некоторых положениях теории А.И.Миракяна, имеющих непосредственное отношение к философии психологии. Как отмечают его ученики и последователи, неординарность личности А.И.Миракяна задается его неустанным поиском фундаментальных оснований и принципов порождения психической реальности, и, с другой стороны, "пытливым талантом философски мыслящего психолога" (*Панов, Морина, Шукова, 2010, с. 3*). Осуществленный философский анализ позволил Миракяну сформулировать альтернативу физикальному способу мышления. Как отмечают авторы, "А.И.Миракяном первоначально использовались понятия "афизикальный подход" и "афизикальные принципы порождающего процесса восприятия". Однако постепенно в ходе постоянных дискуссий с коллегами становилось понятным, что данный подход (парадигму) более корректно называть "трансцендентальным подходом" к изучению восприятия и психического отражения в целом" (*Панов, Морина, Шукова, 2010, с. 4*). Такое переименование, действительно, следует признать удачным. Стоит согласиться с Ф.Т.Михайловым, отмечавшим, что "не очень привычный для психологического тезауруса термин "трансцендентальная психология" (основы которой

и разрабатывались А.И.Миракяном) на самом деле точно соответствует не только его замыслу, но и самому основанию рождающейся на наших глазах фундаментальной психологической теории. Дело в том, что «трансцендентное» по самому своему смыслу означает... порождаемое субъектом Психика животного, психика ребенка и психика взрослого человека в действительности своей есть не что иное, как перманентное *самопорождение*. Психический образ – никогда не результат (не продукт – по терминологии автора), а постоянно и в каждое мгновение рождающее и возрождающее себя новообразование. Или, что еще точнее, процесс формообразования - процесс перевода в образ, в форму образа, воспринимаемой и осмысливаемой реальности бытия субъекта во внешнем ему реальном мире» (Михайлов, 2010, с.10). Не будем здесь далее анализировать оригинальные исследовательские подходы А.И.Миракяна и развитие им философии психологии. Обратимся к работам его учеников и последователей.

На наш взгляд, идеи, высказанные А.И. Миракяном в области философии психологии творчески развивает известный отечественный ученый В.И.Панов. В первую очередь имеются в виду разработки В.И.Панова в области методологии экологической психологии. В.И.Панов справедливо отмечает, что в отечественной и зарубежной науке существует ряд направлений экологической психологии, которые разрабатываются как отдельные дисциплины, явно отличающиеся друг от друга предметом исследования (Панов, 2005). Согласно В.И.Панову, «При этом и опять же, несмотря на указанные различия и разноликость основных направлений экологической психологии, их объединяет общая методологическая установка. А именно, исходной предпосылкой, отличающей экопсихологию от других психологических дисциплин, является представление о том, что психологические проблемы изучения сознания и индивидуальности человека, его психического развития и обучения, переживаний и поведения, психологического, психического и физического здоровья и т.п., должны рассматриваться в контексте отношения «индивид-среда» или, более широко, в контексте системы «Человек – окружающая среда (природная, социальная)» (Панов, 2005, с.419).

В.И.Панов подчеркивает, что объектом экологической психологии, как объектом любой другой области психологической науки, является все-таки психическая реальность, особенности определения которой в качестве предмета исследования обусловлены взаимодействием человека с окружающей средой. В отличие от других областей психологической науки и практики, психика в качестве объекта изучения в эколого-психологических исследованиях может быть представлена в разных видах существования.

В.И.Панов выделяет три формы существования психики:

- 1) собственная форма действительного существования, т.е. в проявленная форма психических процессов, состояний, сознания и поведения человека, находящегося во взаимодействии с окружающей средой.
- 2) превращенная (определенная) форма действительного существования психологических и квазипсихологических свойств (качеств) самой окружающей среды, придаваемых ей человеком.
- 3) становящаяся форма (переход из «бытия в возможности» по Аристотелю в «бытие в действительности»), порождение которой согласно ее природе, т.е. обретение ею действительной формы существования в виде процессов, состояний, сознания и может быть даже (?! ноосфера), происходит «в зазоре» между компонентами системы «Человек - окружающая среда» посредством актуального взаимодействия между ними.

В.И.Панов отмечает: «Следовательно, возникает задача обоснования такого подхода, согласно которому психические процессы, психические состояния и сознание индивида рассматриваются как проявления и разные этапы становления психической реальности во взаимодействии индивида с окружающей средой (как продукт развития системы «Человек-Природа») и, соответственно, как единый объект экопсихологического исследования. В связи с этим встает необходимость разработки таких методологических оснований, которые позволяли бы строить изучение психических процессов, психических состояний и сознания как разных форм проявления и уровней психики человека, единых по своей природе, но обретающих разную форму

проявления **во взаимодействии индивида с окружающей средой»** (Панов, 2005, с.421).

«Таким образом, анализ объекта и предмета исследования экопсихологии развития показывает возможность особой методологической позиции в определении психики как объекта и предмета исследования (психика как форма бытия, порождаемая в виде системного качества в процессе деятельного взаимодействия человека с окружающим миром). Это позволяет говорить об экопсихологии развития не только как об одном из направлений экопсихологии, но и как о некоторой исследовательской парадигме, предопределяющей соответствующие теорию психического, эксперимент и практику» (Панов, 2005, с.430-431).

В другой работе В.И.Панов отмечает: «психика как природное явление (как форма бытия) никогда не предстает перед нами в непосредственном виде - она всегда предстает перед нами "облаченной" в феноменальную данность своих различных проявлений: внимания, памяти, восприятия, характера, мышления, личности и т.д. и т.п. Образно выражаясь, мы всегда исследуем феноменальные покровы психики, представляющие собой продуктную (результативную) сторону психики в ставшей форме, но не самое психику в ее непосредственной данности. О ее непосредственной данности мы можем сказать только, что психика представляет собой такое природное явление, которое обладает *возможностью* принимать самые различные формы проявления (осуществления в актуальной форме "бытия в действительности") в зависимости от взаимодействия человека с окружающей средой. Поэтому как одна из форм природного бытия психика существует и должна рассматриваться (следуя аристотелевской логике) в форме "бытия в возможности" и в форме "бытия в действительности". В форме "бытия в действительности" психика и предстает в исследовательской процедуре в виде феноменологической данности психических феноменов и психологических особенностей человека, которые составляют традиционный предмет исследования в классической и современной психологии» (Панов, 2004, с. 182).

На наш взгляд, проделанная В.И. Пановым методологическая работа имеет значение не только для экологической

психологии, но и для *всей психологии*. И, на наш взгляд, это пример философско-психологической работы. Это еще мудрый Уильям Джемс заметил, что «современная наука рассматривает наши внутренние способности как бы заранее приноровленными к свойствам того мира, в котором мы живем; я хочу сказать, так приноровленными, чтобы обеспечить нам безопасность и счастье в окружающей обстановке» (Джемс, 1991, с.23). Разработка экологической психологии настоятельно требует пересмотра предмета психологической науки (Мазилов, 1998).

Обратимся к работе другого последователя А.И. Миракяна из более молодого поколения. Некоторое время тому назад мне довелось познакомиться с диссертацией Р.М. Нагдяна (Нагдян, 2014). На мой взгляд, это настоящая философия психологии.

Диссертация Р.М. Нагдяна выполнена по методологии общей психологии. Необходимо констатировать, что рассматриваемая работа посвящена именно методологии психологии, что по нынешним временам большая редкость. Причем автор - необходимо отдать должное его научной смелости - выделяет центральное звено, которое, по его мнению, является основным препятствием для разработки отражения как фундаментального психологического понятия. Актуальность и методологическая значимость данной работы несомненны.

Диссертация Р.М. Нагдяна является результатом многолетних исследований автора. По этим исследованиям опубликованы многочисленные научные работы, которые хорошо известны в российской психологии. Необходимо отметить, что диссертация Р.М. Нагдяна продолжает психологические исследования, которые были некогда начаты А.И. Миракяном и, на наш взгляд, остались недооцененными и в отечественной и в зарубежной психологии. Цель диссертационного исследования Р.М. Нагдян видит в том, чтобы показать необходимость и возможность применения метафизического подхода в психологии при исследовании принципов и закономерностей психического отражения человеком реальности а также в том, чтобы показать методологическое значение принципа симметрии при исследовании процесса психического отражения, как одной из форм метафизического подхода. Проведенные исследования представ-

ляют интерес для международного исследовательского сообщества. В диссертации получен целый ряд новых интересных результатов. Как можно полагать, данное сочинение по методологии психологии по своему уровню, по характеру сделанных обобщений, наконец, по масштабности решаемых в работе задач вполне может претендовать на защиту на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности "общая психология". Отдельным - и очень существенным, по мнению рецензента, - достоинством настоящей работы является то, что она привлекает внимание к недостаточно изученным аспектам методологии психологического познания и, как можно ожидать, явится основанием для организации научных дискуссий по методологии психологической науки.

Полагаю, что сочинение Р.М. Нагдяна "Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности" (Нагдян, 2014), по своему уровню и масштабу решаемых задач соответствует уровню докторской диссертации. И, в заключение, маленькое пожелание по исследованиям Нагдяна. Выше уже отмечалось, что А.И. Миракян пришел к необходимости заменить первоначально используемый им термин «физикальный» на «трансцендентный». То же самое хочется сказать про термин «метафизический», за которым тягнется длинный шлейф философских реминисценций, не всегда позитивных для автора современной концепции. Кажется, что если найдется более удачное слово – по содержанию исследования претензий нет – всем (и автору, и читателям) будет только комфортнее.

Таким образом, мы очень бегло проследили, какая богатая традиция открывается за одним именем психолога, разрабатывавшего и философию психологии.

Нам уже приходилось писать о необходимости разработки философии психологии (Мазилов, 1999, 2000). Прошедшие с тех пор годы заставили нас убедиться, что разработка философии психологии как составляющей *психологии* по-прежнему необходима. И в настоящее время существует настоятельная необходимость разработки философии психологии.

В заключение настоящего текста сформулируем некоторые положения, касающиеся философии психологии в совре-

менных условиях развития отечественной психологии. Обратим внимание на то, что, на наш взгляд, важно определить соотношение между философией психологии и методологией психологии. Предпримем такую попытку.

В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло. Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотнесеными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотнесении видится новый резерв методологических исследований и разработок.

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях. Вообще, полезно помнить, что психология еще очень молодая наука, многое в ней не устоялось, поэтому, возможно, нас ожидают в самом скором будущем удивительные метаморфозы образа любимой науки. Не подлежит сомнению, что эти перемены будут, поэтому мы полагаем, что необходимо ставить задачу прогнозирования этих перемен. По нашему убеждению, решать эти вопросы должна философия психологии (или философская составляющая когнитивной методологии).

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня (Верхний уровень – *философия психологии*; мезоуровень – второй уровень – собственно *когнитивная методология*. Когнитивная методология трактует вопросы познания психического, обоснования и верификации психологического знания; третий уровень – *методология психологического исследования*. Технология проведения экспериментального, ква-

зий экспериментального и иного эмпирического (или теоретического) исследования (в данном разделе мы не будем касаться характеристики этого уровня методологии, т.к. он достаточно хорошо освещен в соответствующих работах – см., например, известные книги Т.В.Корниловой).

Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других. Остановимся более подробно на нем, тем более что это непосредственно соотносится с темой нашей работы.

Верхний уровень – *философия психологии*. Нам уже приходилось писать о важности философской психологии для разработки методологических вопросов психологии. Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя терминологию К.Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета

5. Конструирует предметное пространство психологии.

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологические исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию "из будущего" (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии. В рамках настоящего текста мы уже отмечали, что в некоторых случаях традиционная история психологии не располагает тем знанием, которое научное сообщество вправе от нее ожидать. О других недостатках современной истории психологии (см. *Мазилов, 2015*)

12. И последнее, может быть самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершенно не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разъяснять, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлексированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Предполагаем осуществления цикла эмпирических исследований содержания и структуры философии психологии как раздела психологии. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки.

Заключая эту главу, повторим, что разработка философии психологии, на наш взгляд, является насущной задачей современной отечественной психологии.

Библиографический список

1. 500 лет использования понятия «Психология» в литературе,

- искусстве, науке и практике (по факту первого упоминания этого понятия в библиографии работ Marko Marulic). Информационное письмо. // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2013. – № 4; URL: www.es.rae.ru/bulletinpp/205-902 (дата обращения: 30.10.2014).
2. Богоявленская Д.Б. Предисловие // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 1 / Отв. ред. Богоявленская Д. Б. – М.: Когито-Центр, 2015, с.3-8
 3. Брес И. Генезис и значение психологии // Со временемнаука: Познание человека. М.: Hay ка, 1988, с. 123–140.
 6. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т. 1 / Перевод с нем. С.Д. Латушкина под редакцией В.В. Анашвили — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 192 с.
 7. Вундт В. Основания физиологической психологии [Текст]./ В.Вундт. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
 8. Вундт В. Психология в борьбе за существование [Текст]. / В.Вундт // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. С.-Пб.: Образование, 1913, с. 93-131.
 9. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания. Дисс. Доктора псих.наук. М., 2015
 10. Джэмс У.(Джемс У.) Психология. Изд.5-е. [Текст]. / У.Джэмс. С.-Пб.: Изд. К.Л. Риккера, 1905. 425 с.
 11. Джемс У. Психология. М., 1991
 12. Касавин И.Т., Пружинин Б.И. Философия науки [Текст]/ И.Т.Касавин// Новая философская энциклопедия. Т.4. М., 2010, с.218-220
 13. Кроник А.А. 500 лет использования понятия «Психология» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2014. – № 1, с.9-14;
Леонтьев А.Н. Философия психологии. [Текст]. / А.Н.Леонтьев. М.: МГУ, 1994. 288 с.
 14. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / пер с нем. А. И.

- Федорова ; под ред. А. В. Гладкого ; сост. А. В. Гладкого, А. И. Федорова ; послесл. А. И. Федорова. — Москва : Республика, 1998. — 393 с.
15. *Мазилов, В.А.* О философии психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Философия и / или новое интегративное знание - 3: Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Под ред. А.В.Азова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013, с. 136-158
 16. *Мазилов В.А.* О философии психологии (о некоторых методологических проблемах современной научной психологии) [Текст]. / В.А.Мазилов // Проблемы общей и организационной психологии. Сб. науч. Трудов / Под ред. проф. А.В.Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 1999, с.47-66
 17. *Мазилов В.А.* Разработка философии психологии – первоочередная задача российской психологии XXI века [Текст]. /В.А.Мазилов // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Т.2. Ярославль: МАПН, 2000, с.211-220
 18. *Мазилов В.А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов //Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96
 19. *Мазилов В.А.*Методология современной отечественной психологии //Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
 20. *Мазилов В.А.* Обретшая свое имя. Перспективы психологии. Размышления во время юбилея // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. № 4, 2013, с.144-148.
 21. *Мазилов, В.А.* Методология психологии. [Текст] / В.А.Мазилов. Ярославль, 2007. 344 с.
 22. *Мазилов, В.А.* Научная психология: проблема объяснения [Текст] / / В.А.Мазилов // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
 23. *Мазилов, В.А.* Стены и мосты [Текст] / В.А.Мазилов . Ярославль, 2004. 243 с.
 24. *Мазилов, В.А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3,

с.87-96

25. *Мазилов, В.А.* Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории [Текст] / В.А.Мазилов // Актуальные проблемы психологии развития личности. Сб. научных статей / Под ред. Л.М.Даукши, К.В.Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2014, с.212-217
26. *Мазилов В.А.* О предмете психологии [Текст]. / В.А.Мазилов // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
27. *Мазилов В.А.* Научная психология: проблема метода [Текст]. /В.А.Мазилов // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Метод психологии / Под ред. В.В.Новикова (гл.ред), И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005, с.248-279
28. *Мазилов В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998
29. *Мазилов В.А.* Методологические проблемы истории психологии // Ярославский педагогический вестник. Т.2. Вып. 1., 2015
30. *Мазилов В.А.* Стены и мосты. Ярославль, 2004. 243 с.
31. *Мазилов В.А.* Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы// Системогенез учебной и профессиональной деятельности Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2007а. С. 42-48
32. *Мазилов В.А.* Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4, том 19, 2013а, с. 28-32
33. *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972.
34. *Миракян А.И.* Контуры трансцендентальной психологии. М., 1999
35. *Миракян А.И.* Контуры трансцендентальной психологии. М., 2004

36. *Михайлов Ф.Т.* Предисловие. // А.И.Миракян и современная психология восприятия. М.: УРАО "Психологический институт", 2010 , с. 3-4
37. *Нагдян Р.М.* Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Диссертация на соискание уч. степени доктора психологических наук. Ереван, 2014
38. *Никитич Л.А.* История и философия науки. М., 2008. 335 с.
39. *Панов В.И., Морина Н.Л., Шукова Г.В.* Предисловие от редакторов // А.И.Миракян и современная психология восприятия. М.: УРАО "Психологический институт", 2010 , с. 3-4
40. *Панов В.И.* Экологическая психология: системный анализ // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А.Барабанщикова. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 407-433.
41. *Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии / В.И. Панов.- М.: Наука, 2004
42. *Панов В.И.* Ноосфера – психическая реальность или метафора? (Экопсихологическая гипотеза) // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г.Демидова. Серия «Психология». – Ярославль, 2006. С.21-28.
43. Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. — 568 с.
44. Стёpin, В.С. Философия науки и техники / В.С. Стёpin, В.Г. Горохов, М.А. Розов. — М.: Гардарики, 1996. 424 с.
45. Стёpin, В.С. Философская антропология и философия культуры.М.: Академический проект, 2015. 542 с.
46. Тимофеева Т.Н. Предисловие переводчика // Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 3-26.
47. *Фёдоров А. А.* Об иррелевантности истории психологии и философии науки (комментарий к статье М.С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания») // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 98-105.
48. *Фёдоров А. А.* Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 83-93.

49. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб: Наука, 1995
50. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология : учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазилов. — М. : Издательство Юрайт, 2015. 411 с.
51. Шадрин Н.С. Потерянный и возвращенный мир: об отчуждении личности и путях его преодоления. Омск: ОмГТУ, 2014. 124 с.
52. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики/ Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 464 с.
53. Юнг К.Г. AION: Исследование феноменологии самости. М.:Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 336 с.
54. James W. The Principles of Psychology. [Текст]. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.
55. Jaccard P. La conscience, les reves, les complexes. P.:”Payot”, 1973. P.212.
56. Piaget J. The Principles of Genetic Epistemology. New York: Basic Books, 1972
57. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1732.
58. Wolff Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734.
59. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. [Текст] / W.Wundt . Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.
60. Wundt W. Einführung in die Psychologie. [Текст]. / W.Wundt. Leipzig: Voigtlander, 1911. VIII, 129 S.
61. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. [Текст]. / W.Wundt. Leipzig: Engelmann,

1902. Bd. 1. XV, 553 S.; Bd. 2. VIII, 686 S.; Bd. 3. IX, 796
62. *Wundt W.Grundzüge der physiologischen Psychologie*, Bd 1,
6Aufl., Lpz., 1908.8.

8. ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В настоящей книге, которая неуклонно приближается к своему концу, неоднократно в разных главах делались заключения, смысл которых сводился к тому, что для решения вопросов, рассматриваемых в том или ином разделе, необходимо обращение к предмету психологии. Более того, указывалось, что понимание предмета должно быть максимальным широким, трактовка предмета должна быть пересмотрена. Утверждалось, что проблема предмета является в наше время центральной методологической проблемой, так как обсуждение практически любого методологического вопроса приводит к этой проблеме, решение которой необходимо для конструктивного продвижения в разработке того или иного более частного вопроса. В разделе, посвященном собственно предмету психологии, были сформулированы функции, которые должен выполнять предмет, охарактеризованы основные требования к предмету психологической науки, способы его задания. Были прослежены (на материале истории психологии) попытки пересмотра трактовки предмета психологии в указанном направлении и выявлены перспективы нововведений.

Наконец, были сделаны конкретные упоминания о том, что перспективным для решения методологических и теоретических проблем психологии являются пересмотр понятия предмета психологии и полагание в качестве такового внутреннего мира человека. Возможно, у нетерпеливого читателя уже возникает раздражение по этому поводу, поэтому определим нашу позицию.

Итак, мы полагаем, что предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не время и не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии. Заметим лишь, что это предприятие представляется не только увлекательным, но и чрезвычайно полезным, поскольку, как можно полагать, обещает весьма неожиданные открытия. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы.

Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования принадлежит В.Д.Шадрикову (Шадриков, 2006). Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта предмета психологии (Шадриков, 2005). Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» (см. Мазилов, 2002). Правда, отметим, что в этом издании идея не была реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

В решении проблемы предмета психологии можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в основном уже проделана (Мазилов, 2006, 2004). Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». Задача, которая возникает в этом случае, это максимально конкретное воплощение новой широкой трактовки психического, которое бы позволило оценить жизнеспособность такой трактовки предмета. В настоящее время эта проблема уже решена: подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей (Шадриков, Мазилов, 2015). При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется нам достаточно конструктивным. В учебнике, о котором идет речь, предмет «внутренний мир человека» не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических соображений максимально полно представлена внутренняя архитектоника предмета. И (уж, коль об этом зашла речь) отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет в дальнейшем рассмотрении осторожно заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. Этатрадиция – наследие прежней ме-

тодологии, когда полагали, что из единицы (клеточки) можно будет получить целое. Поскольку до целого дойти никогда не удавалось, в конечном счете довольствовались обсуждением, которая из предложенных единиц более перспективна. Подчеркнем, что такая логика появляется в результате неоправданного перенесения на психологию чуждых методологических идей.

Важнее другое. Обратим внимание, что в итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет – психе как целое – который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология впервые обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Шпрангера становится реальным – объяснять психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем методологическом подходе скорее реализован научный идеал, выраженный Вильгельмом Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей (Мазилов, 2015). Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы (Шадриков, Мазилов, 2015) пытались не разрушать одушевляющие связи.

Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно ограничиться лишь несколькими характеристиками²⁸.

В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны,

²⁸ Действительно, в тексте «Общей психологии. Академический курс для бакалавров» (Шадриков, 2015) содержится развернутое содержание трактовки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего. Можно было бы предпринять специальное методологическое обоснование, объясняющее, почему избран именно такой вариант архитектоники внутреннего мира, но этот текст по объему оказался бы сравнимым с текстом настоящей книги, что в нашем случае неосуществимо.

един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология. (Шадриков, Мазилов, 2015).

Как справедливо отмечает Д.А.Леонтьев, человека можно рассматривать одновременно как природный объект, индивидуальность, а с другой как личность, которая имеет внутренний мир, который характеризуется через его содержание и через те взаимодействия, в которые надо вступить с миром, чтобы позволить ему раскрыться (Леонтьев, 2006). Биологической основой, реализующей структуру внутреннего мира, является физиологическая функциональная система поведения, в которой выделяются и морфологически фиксируются раздельные отделы нервной системы человека, и прежде всего головного мозга (Шадриков, Мазилов, 2015).

И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, возникает через восприятие субъектом его собственных потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни (с внутренней стороны) и есть поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. На основе сказанного можно заключить, что внутренний мир человека — это живой мир. (Шадриков, Мазилов, 2015).

Обратим внимание на то, что внутренний мир человека очевидно не прост, а сложен. Поэтому трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека, подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со

средних веков утверждает, что душа (психика) есть простая вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть простым. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные – в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы, как из арсенала естественнонаучной психологии, так и из обоймы герменевтических методов.

На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить, поскольку отсылка к текстам позволяет завершить обсуждение. Однако, к сказанному хочется добавить несколько дополнительных суждений, касающихся перспектив данного подхода.

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, функционализм психологии, характерный для современной психологии, в значительной мере преодолевается: отдельные функции, и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный советский психолог П.Я.Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: “Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противополож-

ные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя” (История…, 1992, с.3). П.Я. Гальперин полагал, что “с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе” (История…, 1992, с.3). Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором мир психических явлений обретает надежную нейрологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удается избежать редукционизма и физиологизма. На этом моменте мы достаточно подробно останавливались выше.

3. Реализация широкой трактовки предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет сформулировать подход, который, насколько можно сейчас об этом судить, может способствовать улучшению взаимопонимания между академической и практической психологиами (Мазилов, 2015), что представляется важной задачей современной психологии. Обратим внимание на то, что понятие личности существует не только в академической психологии, но и в практико-ориентированной. И эти понятия достаточно существенно отличаются (Мазилов, 2015). И если теории личности в научной психологии не шли в «русле академической психологии» (К.Холл, Г.Линдсей), то для теорий личности в практико-ориентированной психологии это справедливо в превосходной степени. И таким образом появляется перспектива рассматривать теории личности как мост, соединяющий академическую и практическую психологию

4. Представляется, что нуждается в комментарии сам выбор ключевого термина – внутренний мир. Известно, что в научном исследовании бывает важным то, с какими понятиями будет относиться исследуемое. В данном случае полезно вспомнить о древней традиции: нельзя исключить, что аналогии будут полезны и сегодня. Хочется вспомнить о той традиции, которая была заложена еще Демокритом. Демокрит (ок. 460 - ок. 370 до н.э.), древнегреческий философ, как представляется, был первым, кто использовал понятие микрокосм. Микрокосм или микрокосмос (от греч. μικρός, малый, и от греч. κόσμος, порядок, мир, вселенная) — в античной натурфилософии понимание человека как вселенной (макрокосм) в миниатюре. Понятие "космос" было

введено, насколько можно судить, Пифагором (570-490 до н.э.). Эта концепция известна во многих мистических учениях и служит основой для разнообразных теорий, согласно которым процессы, происходящие внутри человека, аналогичны вселенским процессам и подчиняются тем же самым законам.

В греческой культуре соответствие между микро- и макрокосмом было общепринятым и очевидным. "Считалось, что человек является Вселенной в миниатюре, то есть микрокосмом. В нем действуют те же силы, что и во всем Космосе. До нас дошел этот закон словами из Библии: "И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его" (Быт., I, 27) и через слова, приписываемые Гермесу Трисмегисту (IV- III вв. до н.э.): "Как наверху, так и внизу". Поэтому в те далекие времена, которые мы рассматриваем, к словам "познай самого себя" добавлялись "как часть мира, и мир как часть самого себя". Позднее последняя часть в среде Великого Среднего, так будем называть людей, которые не стремятся познать Истину, и таких большинство, была отброшена как ненужная из-за непонимания необходимости этого дополнения. В этом выражении уже было заложено огромное знание: познать себя как микрокосм можно только при изучении трех миров: себя как человека; своего внутреннего мира и так называемого мира органической жизни или биосферы Земли, как сейчас называют ученые, куда входят люди, звери и растения. Это объяснялось тем, что некоторые законы, которые действуют в человеке, можно легче изучить в двух окружающих человека мирах" (Лавский, 2010, с.3-4). Не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в античности, тем более, что для возрождения этих идей могут найтись основания.

5. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектонику. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально

подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как хорошо известно из истории психологии, может явиться "сознание". При этом причины неудач на этом исследовательском пути часто остаются без необходимого методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно не представляет собой целостность, способную к "самодвижению" (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос. Как давно и хорошо известно, сознание представляет собой вырванный из ткани души «кусок душевного аппарата». И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница, и как они - сознание и бессознательное - должны соотноситься. "Кровоточащий" след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Сознание - не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотнести сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Впрочем, из истории психологии хорошо известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетиче-

ских» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного») (Мазилов, 1998). Представляется поразительным, что эти ограничения сохраняются и современной психологии. Видимо, необходим специальный методологический анализ, но это, безусловно, задача специальной работы. Полагая в качестве предмета внутренний мир человека, мы получаем возможность избежать попадания в тупики, о которых было сказано выше.

6. В тексте настоящей книги в разделе о предмете говорилось о том, что одной из важнейших для предмета психологии является выполнение функции «операционального стола», позволяющей производить операции с содержанием, соотносить различные версии психологических концептов и понятий. Представляется, что реализуемый проект позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной и непротиворечивой науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий. Обратим внимание, что в этом случае у изучающего - будь то студент или психолог-практик - пробуждается уважение к общей психологии, поскольку она действительно представляет как целостная наука, хотя и характеризующаяся множественностью подходов и нерешенных вопросов.

Библиографический список

1. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
2. Лавский, В.В. Вступление [Текст] / В.В.Лавский // Античная мудрость. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010, с.3-21
3. Леонтьев, Д.А. Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности [Текст] / Д.А.Леонтьев // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 134-147
4. Мазилов, В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Вестник Костромского госу-

- дарственного университета имени Н.А.Некрасова. Серия "Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. №4, том 19, 2013, с. 28-32
5. *Мазилов, В.А.* Методология психологии. [Текст] / В.А.Мазилов. Ярославль, 2007. 344 с.
 6. *Мазилов, В.А.* Научная психология: проблема объяснения [Текст] // В.А.Мазилов // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
 7. *Мазилов, В.А.* Стены и мосты [Текст] / В.А.Мазилов . Ярославль, 2004. 243 с.
 8. *Мазилов, В.А.* Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории [Текст] / В.А.Мазилов // Актуальные проблемы психологии развития личности. Сб. научных статей / Под ред. Л.М.Даукши, К.В.Карпинского. Гродно: ГрГУ, 2014, с.212-217
 9. *Мазилов, В.А.* Научная психология: проблема предмета //Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии / Под ред. В.В.Новикова, И.Н.Карицкого, В.В.Козлова, В.А.Мазилова. Ярославль: МАПН, 2004, с.207-225
 10. *Мазилов, В.А.* О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.1. Вып. 1, 2006, с.55-72
 11. Мазилов В.А. О философии психологии [Текст] / В.А.Мазилов // Философия и / или новое интегративное знание - 3: Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Под ред. А.В.Азова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013, с. 136-158
 12. Мазилов В.А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96
 13. *Мазилов, В.А.* Методология психологии на современном этапе: проблемы и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов // Системогенез учебной и профессиональной деятельности Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией Ю.П. Поваренкова. 2007а. С. 42-48

14. *Мазилов, В.А.* Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В.А.Мазилов // Психологический журнал, 2015, том 36, № 3, с.87-96
15. *Мазилов, В.А.* Методология современной отечественной психологии [Текст] / В.А.Мазилов //Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
16. *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006
17. *Шадриков В.Д.* О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики, № 1, том 1, 2004, с. 5-19
18. *Шадриков В.Д., Мазилов В.А.* Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. [Текст] / В.Д.Шадриков, В.А.Мазилов. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

На пути к интегративной методологии психологии (Вместо заключения)

Как было показано, методология психологии имеет конкретно-исторический характер. В те или иные моменты времени перед психологией встают новые задачи. Соответственно требуется разработка новых аспектов методологии, проработка новых методологических вопросов. По нашему мнению, в настоящий момент на первый план выходит разработка интегративной методологии психологической науки.

Разработка *отдельных* вопросов методологии (даже таких судьбоносных для психологии как проблема предмета, метода, объяснения и т. д.) взятых сами по себе не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку интегративной методологии. Под интегративной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории и т.д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Интегративная методология, таким образом, предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены частные методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологической теории, объяснения и т. д. Таким образом, решается задача, сформулированная в определении методологии. Напомним, методология это и учение, то есть общая концепция: "Методология это система «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, С. 359).

Понятно, что разработка интегративной методологии психологии представляет собой сложную задачу, требующую значительного времени и усилий. В этой связи возникает важнейший вопрос: может ли быть предложена в настоящее время какая-то модель, каковую можно рассматривать в качестве основы при

попытках разработки интегративной методологии? Очевидно, что интегративная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) должна иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций.

Как нам представляется, такая модель есть. Она была описана в этой книге. Это схема соотношения теории и метода в психологии. Она универсальна, в ее основе лежит общая схема организации исследования, которая дискуссий не вызывает. В эту модель может быть интегрировано представление о предмете психологии в трактовке, презентированной в предыдущей главе, то есть как внутреннем мире человека.

В настоящей книге можно найти достаточное число примеров того, что элементы модели «навязывают» системное видение, фактически «задают» определенный ракурс рассмотрения других элементов.

В рамках модели становится очевидным, что метод, к примеру, должен рассматриваться непременно как имеющий уровневое строение; что между предтеoriей как системой исходных представлений исследователя и теорией как результатом научного поиска существуют совершенно определенные отношения; что определенная трактовка предмета психологии обязательно (через предтеорию) представлена в рамках этой модели и т.д. По нашему мнению, такое понимание методологии будет способствовать дальнейшей продуктивной разработке конкретных методологических проблем и вопросов.

Иными словами, настала пора обратить внимание на вторую часть определения методологии: «Методология это система «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, С. 359). По нашему мнению, пора представить методологию в виде теоретической системы.

Сразу же оговоримся, что смысл состоит совсем не в том, чтобы породить новую «систему», но лишь в том, чтобы полу-

чить новую информацию об этих входящих в систему компонентах. Ставя задачу разработки концепции методологии - учения о методологии - мы лишь подчеркиваем, что составляющие модели рассматриваются в общем контексте. Ни о какой универсальной теории тем самым речь не идет, это нормальное «рабочее» продвижение на пути исследования выбранной проблемы. Не подлежит сомнению, что могут быть представлены другие варианты методологии.

Специально подчеркнем, что интегративная методология никоим образом не отрицает коммуникативной методологии. Напротив, интегративная методология позволит углубить проработку коммуникативной методологии. Интегративная методология, по нашему мнению, будет составлять ядро всех составляющих методологии: когнитивной, коммуникативной и практической. Вышеназванные составляющие методологии представляют специально ориентированные под решение определенных задач приложения интегративной методологии.

Как нам представляется, разработка интегративной методологии является на настоящий момент наиболее актуальной задачей в области методологии психологической науки.

Библиографический список

1. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, с.359.

Научное издание

В.А. Мазилов

**МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Монография

Технический редактор выпускных сведений С.А. Сосновцева
Дизайн обложки –

Подписано в печать 18.09.2017

Формат 60x90/16

Объем 29 п.л. 22,9 уч.-изд.л. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республикаанская ул., 108/1

Отпечатано в типографии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44